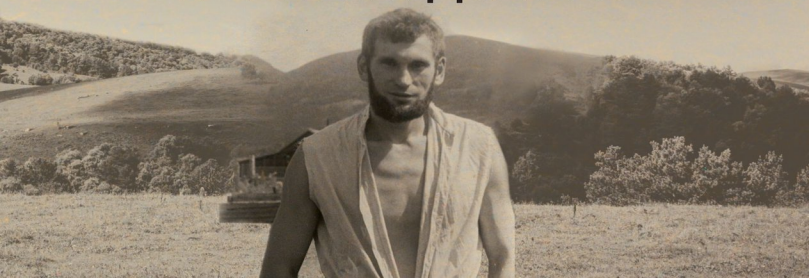
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В МОЛОДОСТИ



Портрет писателя в молодости

Громовица Бердник, Евгений Михайлович Любин, Валентина Алексеевна Синкевич, Максим Александрович Батурин, Михаил Абрамович Гуревич, Кир Булычев, Мома Димич, Александр Ревович Рубан, Геннадий Мартович Прашкевич, Надежда Михайловна Чернова, Рауф Гасан-заде, Абрам Рувимович Палей, Альвиан Иванович Афанасьев, Она Мицкявичюте, Анатолий Франкович Гланц, Владимир Иванович Немцов, Мария Иосифовна Кан, Сергей Александрович Снегов, Гавриил Спиридонович Угаров, Исаак Лапидес, Ольгерт Маркович Либкин, Виктор Дмитриевич Колупаев, Сергей Александрович Другаль, Николай Владимирович Курочкин, Валентин Саввич

Пикуль, Юрий Михайлович Магалиф, Владимир Иванович Борисов, Борис Гедальевич Штерн, Дмитрий Александрович Биленкин, Евгений Львович Войскунский, Евгений Павлович Брандис, Вильям Янович Озолин, Борис Натанович Стругацкий, Аркадий Натанович Стругацкий, Илья Олегович Фоняков, Десанка Максимович, Вадим Александрович Прокофьев, Зиновий Юрьевич Юрьев, Юлиан Семенович Семенов, Валентин Петрович Катаев, Александр Михайлович Бирюков, Александр Петрович Казанцев, Ванагас Римантас, Виталий Иванович Бугров, Виктор Петрович Астафьев, Галина Петровна Корнилова, Дмитрий Петрович Савицкий, Всеволод Никанорович Иванов, Николай Иванович Максимов, Семен Ефимович Лившиц,

Ким Цын Сон, Евгений Аронович Долматовский, Николай Николаевич Иорданский, Николай Николаевич Плавильщиков, Леонид Дмитриевич Платов, Георгий Иосифович Гуревич, Иван Антонович Ефремов, Владимир Борисов

Аннотация
Геннадий ПРАШКЕВИЧ. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ. В МОЛОДОСТИ. Письма Ивана Ефремова, братьев Стругацких, Александра Бирюкова, профессора Н. Н. Плавильщикова, Сергея Александровича Снегова, братьев Стругацких, Евгения Войскунского, Галины Корниловой, В. Катаева, Дмитрия Савицкого, Ким Цын Сона, Всеволода Никаноровича Иванова, Десанки Максимович, Виктора Петровича Астафьева, Георгия Гуревича, В. С. Пикуля, Юлиана Семёнова, Леонида Платова, Бориса Штерна, Зиновия Юрьева, Ю. М. Магалифа, Кира Булычёва, Виталия Бугрова, Саши Рубана и многих других замечательных писателей, с которыми автора связывали самые добрые творческие и дружественные отношения. Комментарии — автора

Владимир БОРИСОВ. О СОСТАВИТЕЛЕ И КОММЕНТАТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ
1957–1961
И. А. ЕФРЕМОВ
Г. И. ГУРЕВИЧ
Л. Д. ПЛАТОВ
Н. Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ
Н. Н. ИОРДАНСКИЙ
Л. Д. ПЛАТОВ
И. А. ЕФРЕМОВ
1962–1977
Е. А. ДОЛМАТОВСКИЙ
КИМ ЦЫН СОН
С. Е. ЛИВШИЦ
Н. И. МАКСИМОВ
В. Н. ИВАНОВ
Д. П. САВИЦКИЙ
Г. П. КОРНИЛОВА
Д. П. САВИЦКИЙ
В. П. АСТАФЬЕВ
В. И. БУГРОВ
РИМАНТАС ВАНАГАС
А. П. КАЗАНЦЕВ
Г. И. ГУРЕВИЧ
А. М. БИРЮКОВ
В. П. КАТАЕВ

Ю. С. СЕМЕНОВ
З. Ю. ЮРЬЕВ
В. И. БУГРОВ
З. Ю. ЮРЬЕВ
В. А. ПРОКОФЬЕВ

1978–2001

ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ
И. О. ФОНЯКОВ
А. П. КАЗАНЦЕВ
А. Н. СТРУГАЦКИЙ
Б. Н. СТРУГАЦКИЙ
ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ
В. Я. ОЗОЛИН
Е. П. БРАНДИС
Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ
Д. А. БИЛЕНКИН
Б. Г. ШТЕРН
В. И. БОРИСОВ
Д. А. БИЛЕНКИН
Ю. М. МАГАЛИФ
А. М. БИРЮКОВ
Б. Г. ШТЕРН
В. С. ПИКУЛЬ
Н. В. КУРОЧКИН
С. А. ДРУГАЛЬ
В. Д. КОЛУПАЕВ

Д. А. БИЛЕНКИН
В. Д. КОЛУПАЕВ
Г. И. ГУРЕВИЧ
О. М. ЛИБКИН
АЛЕКСАНДР ЯНТЕР
Б. Г. ШТЕРН
Г. И. ГУРЕВИЧ
Г. С. УГАРОВ
Б. Н. СТРУГАЦКИЙ
О. М. ЛИБКИН
Б. Г. ШТЕРН
С. А. СНЕГОВ
М. И. КАН
С. А. ДРУГАЛЬ
В. И. НЕМЦОВ
А. Ф. ГЛАНЦ
А. М. БИРЮКОВ
А. Ф. ГЛАНЦ
РИМАНТАС ВАНАГАС
Б. Г. ШТЕРН
А. М. БИРЮКОВ
ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ
И. О. ФОНЯКОВ
Ю. ВАЙТКУС
ОНА МИЦКЯВИЧЮТЕ
РИМАНТАС ВАНАГАС

А. М. БИРЮКОВ
А. Н. СТРУГАЦКИЙ
Н. П. БАРБАРИГО
Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ
СЛАВОМИР КЕНДЗЕРСКИЙ
А. И. АФАНАСЬЕВ
ВАЛЕРИЙ СТОЙЧЕСКУ
Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ
Б. Г. ШТЕРН
В. Д. КОЛУПАЕВ
А. Р. ПАЛЕЙ
Б. Г. ШТЕРН
РАУФ ГАСАН-ЗАДЕ
Н. М. ЧЕРНОВА
А. Р. РУБАН
МОМА ДИМИЧ
А. Р. РУБАН
А. И. АФАНАСЬЕВ
А. Р. РУБАН
В. АСТАФЬЕВ
Б. Г. ШТЕРН
Н. М. ЧЕРНОВА
Г. И. ГУРЕВИЧ
КИР БУЛЫЧЁВ
В. Д. КОЛУПАЕВ
М. А. ГУРЕВИЧ

Н. М. ЧЕРНОВА
Б. Г. ШТЕРН
Б. Н. СТРУГАЦКИЙ
А. И. АФАНАСЬЕВ
МАКС БАТУРИН
Б. Г. ШТЕРН
Н. М. ЧЕРНОВА
М. А. ГУРЕВИЧ
2001 и далее.
В. А. СИНКЕВИЧ
Е. М. ЛЮБИН
Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ
А. М. БИРЮКОВ
ВЛАДИМИР БОРИСОВ
ГРОМОВИЦА БЕРДНИК
PS

Аннотация

Прашкевич, Г.
Портрет писателя в молодости — М. : Т8 Издательские технологии / КИСКАМ, 2021. — 396 с. — (Красный сфинкс).

Геннадий Прашкевич — фантаст, поэт, переводчик, историк литературы. Автор романов «Секретный дьяк», «Теория прогресса», «Гуманная педагогика», «Кормчая книга», «Золотой миллиард» и других. Книги Прашкевича переводились в США, Германии, Польше, Болгарии, в других странах. Давно известно, что жизнь писателя никогда и нигде не бывает благостной, правда, есть в жизни писателя нечто очень привлекательное (понятно, кроме самого процесса созидания): возможность широкого общения с самыми разными людьми. Часто это общение выражается письменно, на бумаге, и не всегда только из-за огромных расстояний; письма — это заметная часть нашей культуры. Уверен, что эпистолярное искусство вообще вызвано было именно нашей любо-

знательностью, нашей неистребимой верой в то, что должны же мы, непременно должны рано или поздно встретить на своём пути людей умных, глубоких, открытых, ищущих...

Геннадию Прашкевичу везло.

Везде он встречал таких людей.

И они становились его собеседниками.

© Прашкевич Г., 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В МОЛОДОСТИ

Письма Ивана Ефремова, братьев Стругацких, Александра Бирюкова, профессора Н. Н. Плавильщикова, Сергея Александровича Снегова, братьев Стругацких, Евгения Войскунского, Галины Корниловой, В. Катаева, Дмитрия Савицкого, Ким Цын Сона, Всеволода Никаноровича Иванова, Десанки Максимович, Виктора Петровича Астафьева, Георгия Гуревича, В. С. Пикуля, Юлиана Семёнова, Леонида Платова, Бориса Штерна, Зиновия Юрьева, Ю. М. Магалифа, Кира Булычёва, Виталия Бугрова, Саши Рубана и многих других замечательных писателей, с которыми автора связывали самые добрые творческие и дружественные отношения. Комментарии — автора

Владимир БОРИСОВ О СОСТАВИТЕЛЕ И КОММЕНТАТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Культура — орудие особого рода; это открытие, действенное лишь тогда, когда оно скрыто от своих творцов. Это изобретение, сделанное бессознательно и исправно работающее лишь до тех пор, пока оно не до конца осознано изобретателями. Парадоксальность культуры в том, что, когда её существование осознаётся, она рушится.
Станислав Лем

«Мы знаем, что эта задача не имеет решения», — говорил незабвенный Кристобаль Хозевич Хунта, заведующий отделом Смысла Жизни в НИИЧАВО из повести-сказки братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». — «Мы хотим знать, как её решать».

Одной из неразрешённых до сих пор задач человечества является так называемое творчество — умение отдельных индивидуумов склады-

вать из обычных слов нечто берущее за душу, из обычных красок получать радующее глаз изображение, из обычных звуков создавать утоляющую печаль музыку. Ещё более загадочным является то, почему самые обычные с виду люди вдруг принимаются *творить.* Понятное дело — убить саблезубого тигра, чтобы его съесть. Снять с него шкуру и согреться под ней. Прельстить привлекательную самку, чтобы продолжить род свой. Казалось бы, всё это определено природой, занимайся этими и подобными делами, так нет, вдруг отдельным индивидуумам взбредает в голову нечто совсем никчемушное, и они начинают создавать *произведения искусства.*

Заметим в скобках, что уважаемыми членами общества, чуть ли не глашатаями истин в последних инстанциях эти творцы стали совсем недавно по историческим меркам, лет двести максимум. А до того считались шутами, скоморохами, бахарями, менестрелями, в общем, развлекающим и обслуживающим персоналом.

И мало того, что эти отдельные *желающие странного* сами сочиняют, так некоторые из них ещё жадно допытываются: а зачем это? а как это делается? а почему это именно я?

Мне посчастливилось общаться с несколькими

такими любопытствующими: например, с Михаилом Анчаровым, все книги которого именно о тайнах творчества, с Генрихом Альтовым и Павлом Амнуэлем, разработчиками курса развития творческого воображения и алгоритмов создания новых фантастических идей, наконец, со Станиславом Лемом, замахнувшимся на создание теории литературы.

И ещё повезло мне в самом начале 1980-х годов встретиться и подружиться с Геннадием Мартовичем Прашкевичем. С тех пор я внимательно слежу за тем, что он делает. И должен сказать, что он тоже довольно часто обращается к вышеупомянутым темам (вопросам).

Вот лишь несколько ярких случаев такого обращения.

В романе «Царь-Ужас» (роман выходил также под названием «Дэдо») автор решился на отчаянный и рискованный эксперимент: описал мир, в котором после всепланетной катастрофы исчезло искусство как явление. Риск заключался в том, чтобы суметь показать этот мир без искусства убедительно и достоверно, а значит, нужно было лишить его ярких красок, метафор, лёгкости бытия. Это автору вполне удалось, но далеко не все читатели восприняли это как должное. Чаще они

прочитывали вторую часть романа, в которой происходят события будущего мира, как неудавшуюся автору. Вот типичный отклик некоего Максима на сайте «Лаборатория фантастики»:

«Тут-то получается и неубедительно, и герои какие-то надуманные, и заняты они непонятно чем — какие-то Тайные Советы, Старые Базы, бог знает, что ещё. Лишь намеченные, но совершенно нераскрытые элементы будущего, элементы общественного устройства. Спрашивается — *зачем было делать так скупо?* [Выделено мной. — В. Б.] Но вернусь к первой части романа. Вот тут — браво! Главный герой — русский моряк Семён — живой, смачно выписанный, с характером, со своими страхами, с желаниями, с любовью и друзьями. И написано интересно, читаешь, не отрываясь».

То есть поставленную перед собой задачу автор выполнил. Мир будущего без красоты, без лирики, без музыки — отталкивает. Даже несмотря на то, что жизнь Семёна Юшина и раньше вовсе не была усеяна розами: и топили его, и убивали, и гноили в лагерях; эта реальная жизнь, конечно, выглядит ярче и убедительнее, чем жизнь, подчинённая жёстким правилам и условиям выживания без искусства. Особое недоумение у

людей будущего вызывает татуировка на спине Семёна — изображение обнажённой женщины нечеловеческой (по мнению *будетлян*, жителей будущего) красоты, сделанное по эскизу Дэдо (так когда-то близкие называли великого французского художника и скульптура Амедео Модильяни).

Зачем — это?

Вопрос об искусстве.

Другой пример — повесть Геннадия Прашкевича «Белый мамонт», обозначенная как перевод с неандертальского языка. Нет, эта повесть — не окончательный ответ на вопрос о том, как и когда появилось искусство, не окончательная разгадка древней, как человечество, тайны, но всего лишь попытка представить, зачем и почему зарождались первые, неумелые, совершенно бесполезные в реальной жизни, полной опасностей и тягот, специфические умения и способности, которые, конечно, не приносят что-то вещное, но всё-таки оказались нужны и необходимы. Ведь поди ж ты, «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать», а душу рвёт и терзает…

При ближайшем и внимательном рассмотрении мы увидим, что век 20-й несущественно изменил отношение обывателей к поэтам и художникам. Как и сто лет назад, и двести, как и

во времена мамонтов, всерьёз их никто не воспринимает. Ну, могут на всякий случай убить на дуэли, сослать в глухомань на край света, перестать печатать и выставлять их творения. Ну, разве что молодёжь по наивности своей вспомнит какого-либо опального творца, как сделал это в 60-х годах прошлого века Прашкевич с сотоварищами по литературному объединению в новосибирском Академгородке, решившие, что именно в их самостийном литературном альманахе должны появиться стихи тогда ещё опальной Анны Андреевны Ахматовой.

Для таких случаев во все времена имелись шаманы, цензоры, секретари обкомов, министры культуры, всяческие другие чиновники, которые, конечно же, лучше знают, кого печатать, о чём писать, да и вообще, не отправить ли зарвавшегося молодого сочинителя на охоту, в армию, в деревню…

Удивительно то, что пагубная страсть к сочинительству у некоторых не пропадает даже после того, как им внятно объяснили, что они не правы. Институт геологии и геофизики Прашкевичу после истории с письмом Анне Ахматовой пришлось покинуть, почти на семь лет он уехал с женой и маленькой дочкой на Дальний Во-

сток, работал там в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного научно-исследовательского института. *«Оказалось, что мир, в который мы попали, великолепен, в нём есть просторы, горы, сопки. Каждое лето я пропадал в экспедициях, часто на островах практически необитаемых…»*

И писал стихи.

Это уж совсем непонятно.

Зачем? Как говорил старый мистер Уэллер в романе Чарлза Диккенса: «Стихи ненатуральны, никто не говорит стихами, кроме бидля, когда он приходит за святочным подарком, или объявления о ваксе, или какого-нибудь там простачка. Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик».

Зато в 1968 году вышла в свет книга корейского поэта Ким Цын Сона, которую перевёл Геннадий Прашкевич в тандеме со своим другом Владимиром Горбенко. Тогда же должен был выйти поэтический сборник самого Прашкевича. Но вот незадача! Разве мог *советский* князь Святослав Игоревич в *братской* стране Болгарии жечь города и сёла, насиловать болгарок, отнимать чужое добро, как об этом писал поэт? Нет, никогда! Книга Прашкевича была запрещена цензурой.

Автора перестали печатать. А он продолжал писать, несмотря ни на что…

Наверное, нужно быть немножечко наглым, чтобы назвать своё новое творение «Божественной комедией». Или быть фантастом. Или поэтом. Или тем и другим.

В общем, надо быть Прашкевичем.

Времена изменились, несмотря на то, что основной инстинкт любого живого существа (и Homo sapiens в частности и в особенности) остался прежним. Поэтому первую часть своей повести, «Ад», автор пропускает. Впрочем, это ничего не меняет, ведь ад никуда не исчезает, он в нас, где бы мы ни находились. Текст повести «Божественная комедия» рваный, как реальная жизнь, на каждой странице встречаются приметы *сегодняшнего дня* — «Файл оборван», «Перезагрузить», «Нет доступа».

Три темы переплелись, изгибаясь в некоем сладострастном экстазе, три темы, издавна волнующие Прашкевича: наука, любовь, искусство. Задним фоном неизбежно наплывают большие деньги и власть, которую они дают, но автора волнует не это. Наше время беременно ожиданием стремительных перемен, которые принесёт бурное развитие биологических и информационных

технологий. Мало кто решает всерьёз попытаться представить, **какими** будут эти перемены.

Прашкевич не боится рисковать, он идёт напролом.

Ментальная матрица физика Маленкова, волшебный смычок художника Родецкого, невероятная красота мадам Катрин. Что между ними общего? Это нескончаемая лента Мёбиуса, одно плавно перетекает в другое, одно неизбежно вызывает возникновение другого. Как и в жизни, всё на грани фола: любовь соседствует с похотью, наука — со смертью, возвышенное искусство — с низменными страстями.

Мы вступили в двадцать первый век с неимоверно расшатанными устоями морали. Истые христиане (не говоря уж о фанатичных мусульманах) могут спокойно призывать к убийству, десять заповедей Моисея не назовёт полностью ни один ревностный верующий. Круги ада и их обитатели (которых тоже никто не помнит) давно пролистаны. В порыве сладострастия мы жадно цепляемся за любой фантом (или суррогат) счастья, который хоть на мгновение позволит нам ощутить себя в раю. Я вовсе не ханжа. И так было, наверное, всегда. Но не всегда индустрия развлечений так открыто, так бессовестно под-

талкивает людей к грехопадению.

Душа, да. В повести Прашкевича её заменяют сенсоры подключения к ментальной матрице. В раю не может быть угрызений совести. Там не может быть морали. *«Однажды ты проснёшься и вдруг поймёшь, что тоска ушла. И печаль кончилась. И нет эпох, нет границ. Нет зависти и сословий…»* Но остаются вопросы. Ведь человеку, скотине этой божественной, мало только совокупляться. Ему ещё хочется познавать. Хочется творить. Как быть с этим? Возможно ли творческое состояние без боли, унижения, тоски? Можно ли творить в раю? А если нельзя, останемся ли мы людьми? Или превратимся в счастливых бездумных тварей, которым уже ничего не нужно. Не слишком ли велика плата за вход в давно обещанные райские кущи? Такие вот, понимаешь, пролегомены к райскому бытию. «Там, где возможно всё, там уже ничто не имеет значения».

А вы готовы подключиться к ментальной матрице?

«Конечно, все герои умрут, и злодеи умрут.

Но пока по экрану не бегут титры, шанс есть у каждого…»

Предлагаемая вниманию читателей новая книга Геннадия Прашкевича с её развёрнутым

и много значащим подзаголовком, несмотря на кажущееся отличие от тех вещей, о которых мы говорили выше, несомненно помогает понять место писателя в мироздании. Геннадий Прашкевич снова и снова обращается к загадочной своей натуре, пытаясь разобраться, что из чего складывалось в его судьбе.

«И ещё, даже во сне, я часто мучился тяжким непониманием: кто я? зачем? человек я уже или ещё растение?»

Есть мнение, что эпистолярный жанр вымирает. Как и искусство каллиграфии, умение писать письма переходит в класс необязательной причуды. Судите сами, сначала исчезли письма рукописные. Напечатанные на пишущей машинке, они потеряли признак оригинальности, узнаваемости почерка, стали однообразными по оформлению. Дальше — больше. Возможность электронной переписки удалила из процесса личность почтальона, теперь не нужно ждать его прихода, и быстрота ответа зависит лишь от оперативности вашего корреспондента.

Но забавно! Электронная переписка потихоньку возвращает некоторые элементы внесения особенности в процесс: можно развлекаться, выбирая шрифты, цвет отдельных слов и букв. То

есть, может быть, не всё потеряно?..

Прашкевич предлагает нашему вниманию письма тех, с кем он общался за свою долгую жизнь. Это, конечно, в большинстве своём люди пишущие, писатели и поэты, но не только. Есть среди них и учёные, и философы, и историки. В какой-то степени переписка за пятьдесят с лишним лет — это срез нашей истории, нашей жизни, нашей страны. Пришла пора, как писал об этом в повести «Чёрные альпинисты» сам Прашкевич, пришла пора рассказать о себе и о прожитом без всяких прикрас, без всяких умолчаний, другими глазами — со стороны.

«Ещё у меня сохранилась послевоенная фотография.

На фотографии изображён весь мой класс. Скорее всего, второй.

Тридцать восемь заморышей, тридцать восемь затравленных ушастых пройдох.

Я выглядываю из-за оттопыренного уха Паюзы. Во втором классе он, кажется, сидел целых три года, на этом его академическое образование завершилось. На фотографии нам всем вместе примерно около трёхсот лет, считая Паюзу. Настоящие чёрные альпинисты. По глазам видно, как всем страшно хочется в будущее — в тёплую

зелёную долину, к людям. Вот Витька Карлик Нос. Он сам не знал, что так уж природой устроен: не мог не воровать, воровал всё и везде. В тёплой зелёной долине (в будущем) ласково помаргивали огоньки больших сроков и казённых домов, приглашая Витьку в исправительный лагерь. А вот Куж-Кувап. Грубиян, наглец, он вечно таскался за девчонками, его тянуло к ним против воли. Может, он и предпочёл бы остаться один на пустом ледниковом щите, но его уже (с первого часа рождения) несла лавина. А вот Томка Тпру, по фамилии Тпрунина. Прямо на уроке она могла завизжать, забиться в истерике. Её посещали видения: пьяный отец, бросающийся с ножом на мать...»

Да, именно оттуда, из этого этого обычного, странного, даже неказистого мира вырос один из самых интересных наших поэтов и писателей, хотя, казалось бы, никак не мог он из всего этого вырасти. Нелогично как-то. Ну, плотничал бы в своей провинции, пил бы в отчаянии, забыл о книжках, как часто бывает. Но не случилось. К счастью, не случилось. И когда ищет он в истории своей жизни те моменты, те явления, которые заставили его всё же заняться стихами и рассказами, мы невольно обращаем внимание не

только на описываемые им процессы, но и на самого искателя. Ведь он не щепка в водовороте событий эпохи, он — активный участник этих событий, он сам, самостоятельно выбирает путь.

Как странно ощущать себя живущим,
по темным волнам времени плывущим,
как странно понимать: ещё не вечер,
ещё над нами звёзды, а не свечи,
как странно видеть голубой конверт,
в котором запечатана бумажка
с любым из вариантов —
да и нет.

«Не помню, чтобы я много сочинял в десять-одиннадцать лет, но на обложках самодельных тетрадей, сшитых из листков разносортной бумаги, я уже тогда выводил печатными буквами: «Собрание сочинений». Самих сочинений, конечно, не было. Было предчувствие. Но ведь и это уже не мало».

Да, совсем не мало. По крайней мере достаточно, чтобы осознанно выбирать нужные варианты, чтобы активно впитывать чужие мнения, чужие строки, чужие впечатления. Впитывать не для

того, чтобы тупо заимствовать, подражать, а для того, чтобы синтезировать свои собственные чувства, чтобы, отталкиваясь от прожитого, опять и опять устремляться в не-веданное и непознанное. Как сам Прашкевич сказал в одной из своих книг: «Чудеса чудесами, но каждый знает, что истинных чудес только два — Вселенная и Человек».

Волна идёт,
приближается,
накатывается,
затихает.
За нею идёт другая, —
спешит,
накатывается,
затихает.
Ненасытен песок.
Пьёт и пьёт.
Вода,
смиренно утоляя его жажду,
возвращается в море.

И снова приближается волна.
Растёт,
накатывается,
затихает…
И ещё одна…
И другая…

Сколько ещё ожидать?

О времени говорить или о волнах?[{1}]
Аргирис Митропулос

{ Комментарии: 1
Перевод — Геннадий Прашкевич.

1957–1961

Написаны рассказы
«СНЕЖНОЕ УТРО»,
«Я ВИДЕЛ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА».
О другом можно умолчать.

И. А. ЕФРЕМОВ

Ефремов Иван Антонович (1908–1972) — крупный советский палеонтолог, основатель тафономии (одного из разделов этой науки), доктор биологических наук, Лауреат Сталинской премии (1952, за монографию «Тафономия и геологическая летопись»), знаменитый фантаст, член Союза писателей СССР, автор романов «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час быка», «Таис афинская», путевых записок «Дорога ветров». В одном из своих интервью (1969) предельно ясно высказался о роли любимого жанра. «Фантастика отражает отказ человечества от утилитарности мышления, возрождая на новом уровне идеи просветительства. Фантастика должна отвечать обязательному требованию: быть умной. Быть умной, а не мотаться в поисках каких-то необыкновенных сюжетных поворотов, беспочвенных выдумок, сугубо формальных ухищрений — в общем, всего того, что поэт метко охарактеризовал химерами пустого баловства». Для меня эти слова Ивана Антоновича до сих пор остаются действенными.

Москва, 23.04.1957

Уважаемые юные палеонтологи![2]

Вы, наверное, судя по письму, молодцы, но вы задали мне нелегкую задачу. Популярной литературы по палеонтологии нет. По большей части — это изданные давно и ставшие библиографической редкостью книги. Кое-что из того, что мне кажется самым важным — Вальтера, Ланкестера, Штернберга и др., наверное, удастся достать, и я дал уже заказ, но это будет не слишком скоро — ждите. Свою последнюю книгу о раскопках в Монголии я послал вам. Извините, что там будет срезан угол заглавного листа — она была уже надписана в другой адрес.

Для вас я имею в виду пока популярные книги, но не специальные. Надо, чтобы вы научились видеть ту гигантскую перспективу времени, которая собственно и составляет силу и величие палеонтоло-

---

{2} Комментарии: 2

В начале 1957 года (учась в школе) я написал письмо И. А. Ефремову — на адрес Палеонтологического института АН СССР, рассказав о своём (и школьных моих приятелей) огромном (мы тогда только такими масштабами мыслили) интересе к миру давно вымерших животных и растений. На удивление скоро пришла из Москвы бандероль: книга Ефремова «Дорога ветров» — об исследованиях советских палеонтологов в Монголии, с автографом: «Кружку трех палеонтологов г. Тайги на добрую память от автора». С этого началась наша переписка.

гии. Если вы ее поймете и прочувствуете, то тогда найдете в себе достаточно целеустремленности и сил, чтобы преодолеть трудный и неблагодарный процесс получения специальности палеонтолога. Никаких специальных институтов, где готовят палеонтологов, не имеется. В палеонтологии существует два отчетливых направления. Одно, наиболее распространенное и практически самое нужное, — это палеонтология беспозвоночных животных, связанная с геологической стратиграфией. Подготовка палеонтологов этого рода ведется на геологических факультетах некоторых университетов — Московского, Ленинградского, Львовского, Томского и др.

Другое направление, наиболее трудное, но и наиболее интересное и глубокое теоретически, — это палеонтология позвоночных, на которую идут люди только с серьезной биологической подготовкой. Это, собственно, палеозоология позвоночных, и для успешной работы в ней надо окончить биологический факультет по специальности зоология позвоночных со

сравнительно-анатомическим уклоном (иначе — морфологическим). Это все так, но диплом дипломом, а вообще-то можно преуспеть в науке и с любым дипломом, лишь бы была голова на плечах, а не пивной горшок, да еще хорошая работоспособность.

Почитайте подготовительную популярную литературу, тогда можно будет взяться и за книги посерьезнее. А так — ваши товарищи правы — для человека невежественного скучнее палеонтологии ничего быть не может, всякие подходы к широким горизонтам в ней заграждены изучением костей и ракушек. Впрочем, и подходы к физике тоже заграждены труднейшей математикой. Везде так — нужен труд — в науке это самое основное.

Что вы собираетесь делать летом? Наш музей мог бы дать вам одно поручение: посмотреть, как обстоят дела с местонахождением небольших динозавров с попугайными клювами — пситтакозавров, которое мы собирались изучать в 1953 году, но оно было затоплено высоким половодьем. Это в девяноста километ-

рах от Мариинска, который в 150 км по железной дороге от Тайги. Если есть возможность попасть туда и посмотреть — срочно напишите моему помощнику Анатолию Константиновичу Рождественскому{3}(по адресу Москва, В-71, б. Калужская, 16, Палеонтологический Музей Академии наук СССР) о том, что вы могли бы посетить местонахождение. Он напишет вам подробные инструкции и советы что надо делать.

Вообще вам надо связаться с нашим музеем — там есть хорошие молодые ученые, у них времени немного больше, чем

у нас, старшего поколения, и пользоваться их советами и поддержкой. Мне тоже можно писать по этому адресу.

Желаю вам всем всякого успеха и удачи. Иметь определенный интерес в жизни это уже большое дело. Рассказы писать, по-моему, еще рано (для тов. Геннадия). Правда, может быть, особая гениальность… Все возможно.

С искренним уважением

{3} Комментарии: 3

А. К. Рождественский (1922–2002) — палеонтолог, доктор биологических наук, коллега и друг И. А. Ефремова.

И. Ефремов.

Москва, 10 июля 1957

Уважаемый Геннадий со товарищи!

Меня очень заинтересовало ваше сообщение{4}. Если вы действительно нашли там черепа пситтакозавров, а не что-нибудь другое, то вы все молодцы и вашу работу мы осенью отметим, когда съедутся мои сотрудники. Чтобы судить об этом, упакуйте ваши сборы в большой и крепкий ящик. Если они тяжелы, то лучше отправить ящик по железной дороге пассажирской скоростью по адресу: Москва, В-71, Большая Калужская, 33, Палеонтологический институт Академии наук СССР. Если же вес не очень велик, то упакуйте в два-три небольших ящика весом по 8–10 кг, и пошлите почтой по тому же адресу. На все эти операции я переведу вам триста рублей, как только получу телеграмму в ответ на посланную вчера. Рождественский забрался далеко в

{4} Комментарии: 4

В Шестаково (под Мариинском) мы, конечно, съездили. К сожалению, вода в реке Кия в то лето стояла высокая, костеносные слои были затоплены, зато мы нашли многочисленные следы стоянки людей каменного века.

южный Казахстан и вернется в Москву к середине сентября или к концу. Поэтому я пока замещаю его по переписке с вами. Однако торопитесь мне ответить, если еще что-нибудь нужно, так как я уезжаю после 20-го на отдых.

Упаковку производите так: каждый обломок должен быть завернут в отдельный кусок мягкой бумаги — газету — и затем все обломки, относящиеся к одной части, совместно в один

большой пакет. Все тяжелые и большие куски должны быть помимо бумаги обернуты в вату (купите в аптеке) и переложены ватой, паклей или по крайности мхом, сухой и мягкой травой так, чтобы не касались друг друга, чтобы не тереться и не биться о стенки ящика или его дно.

Постарайтесь отправить как можно скорее, так как идет долго — пока там мы получим коллекцию, особенно если по железной дороге. Можно вместе с костями отправить кремни и черепки — по-видимому, в верхних горизонтах обрыва вы нашли остатки палеолитической или неолитической стоянки. Мы

передадим их для определения в Институт материальной культуры — они установят ценность находки. В прилагаемой этикетке дайте чертеж обрыва и высоту залегания всех находок от уреза воды реки и от бровки (верхней) обрыва и схему геологического разреза.

Оставшиеся от упаковки и отправки коллекций деньги можете употребить на покупку нужных вам научных книг, фотопринадлежностей, карт и т. п. — что там вам понадобится.

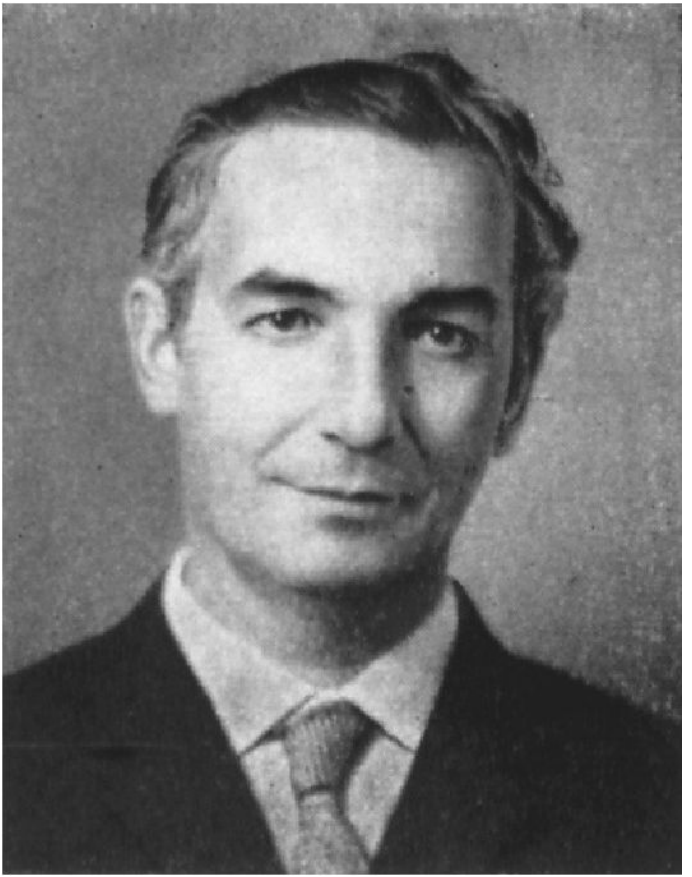
Одновременно с этим письмом я пошлю вам хороший атлас реконструкции жизни животных в разные геологические эпохи. Он на чешском языке, но смысл его — в отличных картинках.

В общем, мне экспедиция ваша нравится, и вы, по-видимому, — способные ребята. Ежели вас драить, по морскому выражению, не давать писать фантастических рассказов и вообще никаких пока, то толк будет.

С палеонтологическим приветом

И. А. Ефремов.

Г. И. ГУРЕВИЧ



Гуревич Георгий Иосифович (1917–1998) — писатель-фантаст, критик и исследователь научной фантастики, популяризатор науки, член СП СССР. Мы дружили с ним многие годы. Именно он последовательно и постоянно учил меня «организовывать мозг» (по выражению Герберта Уэллса). Надеюсь, это удалось.

Москва, 12.5.1957

Дорогой Геннадий!

Мне очень приятно было получить такой лестный отзыв от одного из читателей.{5} Боюсь, однако, что ты преувеличиваешь мои достоинства. В Москве я считаюсь рядовым второстепенным писателем, отнюдь не классиком.

Ты хочешь стать автором научно-фантастических произведений. Это хорошо. Фантастика — нужный жанр, а желающих писать в нем — мало. И хорошо, что ты понимаешь, что прежде всего и долго еще тебе нужно учиться.

Когда мне было 14 лет, я тоже писал сти-

{5} Комментарии: 5

Мне очень нравилась научно-фантастическая повесть Гуревича, посвященная дальневосточным вулканам (впоследствии мне посчастливилось работать в том регионе), — «Подземная непогода» (Гос. из-во дет. лит., Москва, 1956).

хи, хотя и не был известен в Московской области, как поэт. Тогда же я написал первую свою научно-фантастическую повесть, которая нигде не напечатана и вероятно не пригодна для печати. Уже в то время я надеялся стать писателем, но решил ни в коем случае не поступать в Литературный институт.

Дело в том, что литературное образование дает умение писать, умение оформить мысли, но не дает самих мыслей. А ведь каждый писатель прежде всего должен сообщить читателю что-то всем интересное и только им, писателем, замеченное: наблюдения, мысли, умозаключения о жизни, людях, науке. Эти собственные мысли труднее всего собрать тому, кто связал свою жизнь с чужими книгами.

Писателю лучше работать в колхозе, на заводе, на стройке, в школе — там, где есть уйма непочатого материала. Тогда в литературу он приходит с самостоятельным багажом. Писателю-фантасту лучше быть научным работником, инженером, геологом, врачом, химиком. Имея высшее

образование, легче размышлять о судьбах науки.

Сам я по образованию инженер-строитель. Пишу я, как вы знаете, не только о строительном деле, но техническое образование помогает мне писать. Я без трепета смотрю на интегралы и способен разобраться в специальных статьях и по физике, и по медицине.

Конечно, мой путь не обязательный. Образование можно заменить самообразованием, но это куда труднее. И жизненный опыт можно заменить наблюдениями и расспросами, но получается это куда хуже.

Итак, первая твоя задача: прежде, чем стать фантастом, быть кем-то еще в жизни. Учиться писать, а прежде всего — о чём писать.

Желаю успеха.

Г. Гуревич

PS «Подземную непогоду» выслать не могу — кончается запас. Высылаю преды-

дущую книжку «Иней на пальмах»{6}, которая вышла сейчас вторым изданием, и сборник «Полет на Луну», который я составлял и редактировал, но не сумел переписать полностью — авторы сопротивлялись.

{6} Комментарии: 6

Эту книжку («Иней на пальмах») Георгий Иосифович дарил мне дважды (разные издания): в августе 1957 года и в июле 1976 года, когда мы наконец впервые встретились в Москве — на Всесоюзном семинаре по фантастике.

Л. Д. ПЛАТОВ

Платов Леонид Дмитриевич (1906–1979) — прозаик, фантаст, журналист, член СП СССР.

Научно-фантастические романы Платова «Архипелаг исчезающих островов» и «Страна семи трав» многое определили для меня в выборе пути в жизни.

Комарово, 28.X.1957

Дорогой Геннадий!

Позавчера получил из Москвы твое «Утро»{7} и письма, и сегодня спешу ответить. Я, видишь ли, с июля не живу в Москве. Поэтому и «Утро», и письма лежали, пока мне их не догадались переслать в Комарово, под Ленинградом, в Дом творчества, где я сейчас нахожусь.

По поводу твоего «Утра». Это, несомненно, свидетельство твоей одаренности. Юноше 14 лет написать так! Есть и размах, и настроение, и несколько хорошо, в ефремовской манере, написанных сцен (напр., пляска девушек). Язык в общем хорош, хотя слишком гладок, по-ученически, извини меня. Желательно, чтобы ты уладил некоторые свои разногласия с

{7} Комментарии: 7

Небольшая повесть о людях каменного века, написанная мною ещё в школьные годы. С некоторыми правками я напечатал её в 1971 году в журнале «Байкал» (Улан-Удэ), в последующем она не раз включалась в мои сборники, была даже переведена на болгарский язык.

грамматикой и орфографией, тем более удивительные, что пишешь-то ты вполне грамотно. Нельзя писать «женьщина», «коллона», «меллодия». Требуется так же ставить мягкий знак в глаголах, которые отвечают на вопрос «что делать?», «что будет делаться?». Тут у тебя просчет. А по существу дела боюсь, что «Снежное утро» будет трудно устроить. Может быть в «Сибирских огнях». Или в каких местных изданиях. Честно говоря, я не нашел в этой короткой повести что-либо такого оригинального, что не приходилось мне видеть у Тана-Богораза («Жертвы Дракона», «Семь племен» и др.), у Нелсена (если не ошибаюсь, тоже о людях ледникового периода), у Рони, у Уэллса, у Джека Лондона и т. д. Лучшее на эту тему (утро человечества), по-моему, у писателя-этнографа Тана, а также у Нелсена. Читал ли ты их?

Если бы ты с таким же старанием написал о себе, о своей работе, стремлениях, мечтаниях, срывах и удачах (вкрапляя, ежели тебе желательно, куски «Утра», как фантазию молодого археолога, его раз-

мышления во время раскопок), это было бы совсем другое дело. И поверь, получилось бы еще лучше, значительно лучше. Почему ты не хочешь последовать моему совету, ведь я давно пишу тебе об этом. Ты какой-то страшно загорающийся, и бросаешься сломя голову в непроверенные предприятия. Хочется быть палеонтологом? Отлично. Готовься, сдавай экзамены и учись. Стипендию дадут. Да еще подработаешь летом и, кроме того, будешь писать о себе, о своих товарищах, своей работе. Так и вырастет из тебя писатель. И, если не разбалуешься, я уверен, вырастет из тебя хороший писатель. Очень эмоциональный, образно мыслящий, со своей творческой индивидуальностью и своим почерком. Пиши о том, что видел, пережил и не замахивайся раньше времени на темы мировые. Уж если серьезно готовиться (вот он, мягкий знак) к деятельности писателя-палеонтолога, пройди период ученичества. Подумай, тебе совсем немного лет, а впереди ещё лет сорок— пятьдесят. Распределяй свои усилия равномерно. Не спеши. Не при-

думывай несуществующих названий, подобно Ефремову. Что приличествует ему, то тебе пока… не по росту. Если бы я не думал о тебе хорошо, я бы решил, что ты позируешь перед самим собой.

Мой совет: готовься в институт, работай в газете{8} (не отталкивай, не презирай ее). Не суетись, не расслабляйся. Из юношей делаются взрослые. Если теперь писать рассказы, пиши их для себя — не в печать. Пока. Там будет видно. Через год ты поразишься результатам. Очень важно уметь писать для себя! Времени у тебя впереди уйма. Спеши медленно. Я пишу тебе по-взрослому — всерьез и желая тебе добра. Так это и прими.

Желаю успеха

Платов.

{8} Комментарии: 8

Я жил в то время с родителями на железнодорожной станции Тайга и действительно много (и с удовольствием) писал для газеты «Тайгинский рабочий».

Н. Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

Плавильщиков Николай Николаевич (1892–1962) — зоолог широкого профиля, популяризатор науки, энтомолог, крупнейший в мире специалист по систематике и фаунистике жуков-усачей (Cerambycidae), доктор биологических наук, профессор, и ко всему этому — настоящий писатель со своим, легко узнаваемым стилем. Член СП СССР и многих научных обществ. Научно-фантастическую повесть Плавильщикова «Недостающее звено» считал и сейчас считаю одним из самых ярких проявлений этого жанра. Уверен, Николаю Николаевичу было бы приятно знать и то, что в мою честь позже были названы новый вид джунгарского паука — Gnaphosa prashkevichi Fomichev, и бабочки с индонезийского острова Сулавеси — Tarsozeuzera prashkevitchi Yakovlev.

Москва, 4.IV.1958

Дорогой Геннадий!

Одновременно посылаю книжку Немцова. Я не поклонник этого писателя, но… ничего другого — пока — для посылки Вам нет.

Писать, конечно, продолжайте{9}, но помните: 1/ не нужно спешить, 2/ не нужно писать о том, чего хорошо не знаешь и о чем не можешь узнать, 3/ «наскоком» здесь ничего не сделаешь, нужно терпеливо работать.

Как я писал «Звено»?{10} Очень часто спрашивают — не у меня, а «вообще»: как вы работаете; просят: расскажите, как писали такую-то вещь. На эти вопросы нельзя ответить ТОЧНО: всегда отвечающий будет ходить «вокруг да около» и спрашивающий не услышит того, что ему хочется услышать. И это понятно. Возьмите какой-либо другой случай. Вопрос: хорошего закройщика спрашивают: расскажите, как вы кроите. Он отвечает: а очень просто. Гляжу на заказчика, делаю несколько промеров, кладу на стол материал и… раз, раз ножницами! — Спрашивающий проделывает в точности то же

{9} Комментарии: 9

В те годы я писал много. И, как оказалось, не зря. Из написанных в школьные годы рассказов возникли (позже, конечно) такие мои повести, как «Мир в котором я дома» и «Разворованное чудо».

{10} Комментарии: 10

Н. Н. Плавильщиков, «Недостающее звено» (Гос. изд-во дет. лит., Москва-Ленинград, 1945).

самое и… портит материал. Секрет прост: опыт, его словами не передашь, а в творческой работе — «внутренние процессы», которых не знает сам «творящий», как передать словами их. Поэтому ответ всегда будет очень «формальный». Так и со «Звеном». Изд-во привязалось: напишите что-нибудь фантастическое о предках человека. Просят сегодня, просят завтра. Мне надоело. «Ладно, говорю, напишу». И самому занятно: что выйдет? Немного времени уделить на этот эксперимент я мог. Как и о чём писать? Питекантроп… А как его — живого — «свести» с современным человеком? И не ученым, это будет скучно… Вот я и придумал своего героя. А почему его потянуло на питекантропа? Устраивается завязка: встреча с Дюбуа{11}. Кошка на окно — просто так, для интригующего начала («Причем тут кошка и гвоздики?») и ради причины переезда на другую квартиру. Затем новая задача.

{11} Комментарии: 11

«Горшок гвоздики стоял на окне пятого этажа. На перилах балкона третьего этажа дремала голубая персидская кошка. Тинг, выглядывая в окно, столкнул горшок. Падая, горшок задел кошку, а та спросонок прыгнула и упала на мостовую» (Н. Н. Плавильщиков, «Недостающее звено»).

Как устроить встречу Тинга с «питеком»? Можно — лихорадочный бред, можно — «во сне». Но это привяжет Тинга к постели, а мне нужно, чтобы он был в лесу… «Цепь мыслей»: бред больного — бред пьяного — бред отравленного… Вот оно! Пьяный, сами понимаете, невозможно, да он и не набегает много, а ткнется в куст и заснет. Отравленный — дело другое… Чем отравить? Всего занятнее — чего-то наелся в лесу. Ну, я ищу — чем его отравить? И как видите, получилось: отрава «подходящая» во всех смыслах. А дальше… Придумывается, что могли делать «питеки», ищутся способы использования местной фауны тех времен, пейзажа и проч. Выглядит всё это совсем просто, да так оно мне и казалось: основная работа шла в «голове», даже без моего ведома. А потом готовое попадало на бумагу. Конец пришлось переделывать: редакция потребовала более спокойного конца (у меня было так: Тинг обиделся на Дюбуа, переменил название бабочки и т. д.), и пришлось писать ту «мазню», что в конце последней страницы.

Как видите, нужно надумать основную сюжетную линию, а затем подобрать материал. МНЕ это было совсем нетрудно: я знаю, что примерно мне нужно, а главное — знаю, ГДЕ это искать. Остается «компоновка».

Вот и смотрите: научились вы чему-нибудь? Вряд ли. Можно написать о том же в десять раз больше, но суть останется той же: поиски «объекта» и возможностей его обыгрывания. Отравленный «желтыми ягодами» обязательно «бегает». И вот — ряд всяких пейзажных и иных «моментов», которые должны отразить «беготню» и вообще настроение отравленного. Говорят, это получилось. Не знаю, как с «настроением», но концы с концами я свел. Для меня это был «эксперимент» особого порядка: суметь показать бред так, чтобы это выглядело «явью», с одной стороны, и чтобы все события, якобы случившиеся, были оправданы и состоянием бредящего и окружающей его обстановкой. Тинг видит себя в лесу ТЕХ времен, но «бегает»-то он по современному лесу. Отсюда ряд пейзажных и сюжетных ком-

бинаций: современность, преломленная в прошлое. Так как наши дни и дни питека не столь уж резко разнятся (в тропиках подавно) по составу фауны и флоры, то «сработать» все это было не так уж и хитро. Конечно, зная.

Вот это-то «зная» и есть одно из двух основных условий работы: нужно ЗНАТЬ то, о чём пишешь, и нужно УМЕТЬ рассказать, то есть уметь «видеть» описываемое и уметь передать это своими словами, причем не в живой речи, а на бумаге. Для того, чтобы иметь и то, и другое, нужно время (особенно для приобретения знаний), а для писателя еще и ОПЫТ. Способности — сами собой, но некоторые «средние» способности есть почти у каждого, а вот Пушкины и Алексеи Толстые — великие редкости, и по ним равнять не приходится. Чтобы ЗНАТЬ — нужно учиться (всячески: и по книгам и «по жизни»), чтобы УМЕТЬ — нужно упражняться. И то, и другое — время и время. Правда, я не «упражнялся»: первая написанная мною книга пошла в печать, и я сразу «встал на ноги» как писатель и начал пи-

сать «по заказу»: на темы, предложенные изд-вом. И вот уже много лет я не придумываю темы: мне тему дает редакция. И это не от лени или недостатка фантазии. Изд-ву нужна книга на определенную тему, вот оно и ищет автора. Просит меня… Что ж, всякая тема интересна, а если она «чужая», то тем интереснее: справиться с «чужим» (не по своей специальности) материалом.

Всё это выглядит легко и просто на бумаге. В жизни же, да для НАЧИНАЮЩЕГО оно несравненно сложнее…

Оба Ваших письма от 19 и 28.III получил. Наши письма встретились в пути, поэтому я не стал отвечать на Ваше письмо от 19.III.

Насчет морского леопарда и его сердец Шеклтон что-то напутал. Да Вы и сами должны понимать, что ДВА сердца, если и возможны, то лишь как редчайшее уродство и вряд ли обладатель их проживет долго.

Сказать, какие основные задачи у современной биологии, очень трудно: что считать основным? Сейчас усиленно

работают в области изучения влияния излучения («атомки») и радиационной генетики («лучевой болезни и ее проявления в развитии зародыша»), но это — «модный вопрос», а не «основная задача».

Ну, лист кончился. Привет.

Н. Плавильщиков.

Н. Н. ИОРДАНСКИЙ

Иорданский Николай Николаевич (1938–2020)

— доктор биологических наук. Мы подружились с ним в Очёрской палеонтологической экспедиции (Урал), куда в 1958 году меня пригласил Иван Антонович Ефремов. Иорданский учился на биолого-почвенном факультете МГУ. После окончания университета работал в Институте проблем эволюции и экологии им. А. Н. Северцова. Основные труды Н. Н. Иорданского посвящены проблемам теории эволюции, эволюционной и функциональной морфологии животных, герпетологии. Для меня он, конечно, всегда оставался просто Колей — добрым и умным другом, ко всему прочему полностью разделявшим моё восхищение книгами Герберта Уэллса. Общение с такими людьми очень украшает жизнь.

Москва, 1.XI.58

Здравствуй, Гена!

Большое спасибо за книги — ты прислал больше, чем обещал, очень тебе благодарен. Сразу никак не мог собраться написать тебе, а потом умудрился потерять твой адрес — сегодня нашёл его в бумагах и решил, наконец, ответить. Так что, прости, что так долго не мог написать.

Ты спрашиваешь относительно экспедиции. Мы работали до 18/IX, так что после твоего отъезда прошёл ровно месяц. И сделано было ещё очень много — жаль, право, что ты не был до конца, это было бы тебе интересно и полезно. Через 2 дня после твоего отъезда нашли второго лабиринтодонта{12} — опять череп. Но шампанского нам за него уже не поставили… Находки вообще продолжались до самого конца — и в последний день работы бульдозера{13}, 11/IX, он выкопал нам огромную превосходной сохранности лопатку, кусок черепа какой-то новой формы и множество других костей. В общем, костеносный слой ещё очень далеко не выработан — П. К.{14} считает, что материала хватило бы ещё на год работы двух бульдозеров.

{12} Комментарии: 12

Лабиринтодонты — подкласс вымерших амфибий, обитавших на Земле в палеозойскую и мезозойскую эры (390–150 миллионов лет назад).

{13} Комментарии: 13

Раскопки велись с помощью нанятых в ближайшем предприятии бульдозеров — они вскрывали каменные слои, добираясь до костеносных.

{14} Комментарии: 14

П. К. — Пётр Константинович Чудинов (1922–2002) — начальник нашей экспедиции.

А выкопано было немало — раскопка достигла к концу работ глубины около 10 м. при общей площади что-нибудь около 2000 кв. м. — цифры весьма солидные. Всего взято 49 монолитов (ты, кажется, уехал на 37-м), отправлено в Москву свыше 60 ящиков с коллекциями и пирогами — результаты просто замечательные. М. Ф.{15} уже после твоего отъезда почти совсем отпрепарировала огромный череп, который, помнишь, мы раскопали в ближайшей к лесу траншее, в большом скоплении (скопление А). Череп очень странный, с 4 костными выростами, скошенными назад теменными костями и круто загнутый вниз и вперёд, под череп, затылком. Животное было, вероятно, травоядное, череп огромный и интересный.

{15} Комментарии: 15

М. Ф. — Мария Фёдоровна Лукьянова (1906–1979) — препаратор Палеонтологического музея АН СССР, опытнейший работник, редкостный мастер своего дела, Участница многих палеонтологических экспедиций, в том числе Монгольских (1946–1949), возглавлявшихся И. А. Ефремовым.

Это тоже какой-то дейноцефал{16}.

Вскоре после твоего отъезда у нас — и уже до конца — испортилась погода. Сильно похолодало, а уже 15/IX выпал снег. В лагере постоянно горел посредине огромный костёр, в котором жгли всякий мусор — а в самом конце сожгли добрую половину сарая, стол и прочие принадлежности лагеря, вплоть до обрывков толя.

Много возились с отправкой в Москву материала — сделали в Верещагино{17} 6 рейсов, и каждый раз машина была загружена до предела. Экспедиция была, конечно, исключительная по количеству и качеству собранного материала.

Вот коротко, собственно, и всё. Сейчас уже для меня снова началась обычная городская жизнь — занятия и всё прочее.

«Россию во мгле» я достал — в Москве её

{16} Комментарии: 16

Дейноцефалы или диноцефалы — подотряд вымерших ранних (палеозойских) терапсид. Название их («страшноголовые») связано с мощным развитием костей черепа. Достигали до 6 метров в длину и до полутора тонн весом.

{17} Комментарии: 17

Верещагино — ближайшая к нашим раскопкам железнодорожная станция.

было довольно много, книга прекрасная. Недавно удалось приобрести 2 тома Уэллса издания 1930 года — правда, сорвали с меня за них 50 рублей. Но в них редкостные вещи: «Остров доктора Моро», «Сон Сарака» (утопический и одновременно бытовой роман типа «Тоно-Бэнге»), «Люди как боги», «Чудесное посещение» и много очень редких рассказов: «Из окна», «Торжество таксидермии», «50 тысяч лет назад», «Странная орхидея», «Человек из племени Порро», «Красная комната» «Морские пираты», и много других. Теперь у меня неплохое собрание Уэллса — не мог упустить случая похвалиться.

Ну, кончаю.

Всего хорошего.

Н. И.

Л. Д. ПЛАТОВ

Москва. 23.XII.1958

Ты, конечно, преувеличиваешь, называя мои «Архипелаг» и «Страну» лучшими произведениями научно-фантастического жанра. Нашим лучшим, ныне пишущим, советским фантастом является Ефремов. Читал ли ты его книги: «Звёздные корабли», «Великая дуга», «Белый рог», «Озеро горных духов»? Это замечательные произведения. Советую тебе читать и перечитывать их. Чем силён Ефремов? Он учёный с очень широким научным кругозором и, кроме того, прожил яркую, богатую приключениями жизнь: был и моряком, и начальником экспедиций, и т. д. Он свободно берёт любую научно-фантастическую тему, потому что у него хорошо организованное научное мышление. Между прочим, так говорил о себе Уэллс: «У меня хорошо организованный мозг». Уэллс был по образованию биологом, даже написал научную работу. Не случайно так

хорошо получился у него «Человек-невидимка». Я могу тебе назвать еще одного советского фантаста, с которым я был знаком: Обручева Владимира Афанасьевича. (В «Архипелаге» — это Афанасьев). Характерно, что Обручев, академик, написавший более 250 научных трудов, очень свободно обращался с наукой. Понимаешь ли: он мог себе это позволить. В основу «Плутонии», кстати, написанной, по его словам, «в пику» Жюль Верну, который напутал по части геологии в своём романе «Путешествие к центру Земли». Когда я советовался в 1938 году по поводу своей повести «Дорога циклонов» с Героем Советского Союза Евгением Фёдоровым, только что вернувшимся с полюса, меня тоже поразило, как легко он находит решение тем «научно-фантастическим трудностям», с которыми я обратился к нему. Он чувствовал себя запросто в мире научных фактов — вот что важно! Говоря обо всём этом, я отвечаю на твой вопрос: что нужно для того, чтобы стать писателем-фантастом. Прежде всего, по-моему, надо иметь специальное

высшее образование, вращаться среди учёных, побывать в экспедициях и пр. Тогда научно-фантастические проблемы возникнут легко, из жизни, а не будут высосаны из пальца. Ещё 20-30 лет назад можно было по-дилетантски подходить к научной фантастике, искупая отсутствие твёрдых знаний богатством выдумки и т. д. Сейчас, сам понимаешь, этого нельзя. Так что, образование — на первом месте. Ты можешь быть биологом, а писать об астрономии, это не исключено, научное понимание будет у тебя выработано. А затем уже идут фантазия, образный яркий язык, умение представить характеры людей в сложных жизненных ситуациях и т. д.

Мой совет тебе: живи с широко раскрытыми глазами, обдумывай жизнь, присматривайся к людям (к людям, а не к проблемам — это относится и к научной фантастике), в центре задуманных произведений поставь человека: ученого, борца, открывателя, новатора, и пиши каждый день — для тренировки. Задача современной советской научной

фантастики, по-моему — приобщить широкого читателя к миру науки, научить дальше видеть, заглядывать вперёд. Специальных статей по теории этого жанра, к сожалению, нет.

О себе не могу рассказать тебе много интересного. Научного образования у меня нет, что мне мешает в работе над научно-фантастическими произведениями{18}. Более 25 лет я проработал корреспондентом, преимущественно в комсомольской печати, и побывал кое-где, а главное, встречался со множеством интересных людей. Это и помогло мне написать несколько книг. Первая моя повесть, приключенческая, об Америке

{18} Комментарии: 18

О том же лет через двадцать говорил мне замечательный новосибирский писатель Михаил Петрович Михеев (1911–1993), автор повестей «Тайна белого пятна» и «Вирус В-13». «Не хватает знаний, Мартович. А фантастику должны писать люди, разбирающиеся в науке. Не знаю, как у иностранцев, а у нас так в основном было. Обручев — геолог, Сергей Беляев — медик, Ефремов — палеонтолог, Казанцев — инженер, Днепров — физик, младший из Стругацких — астрофизик. А я всего лишь электрик. Я умею возиться с техникой, вот и всё, не больше. Как я могу писать фантастику, если ничего не смыслю в науке? Перед Ефремовым, Мартович, я даже робею. Это, по-моему, уже даже и не фантастика. Это просто очень умный человек разговаривает с тобой, из воспитанности предполагая. что ты знаешь столько же. А я столько не знаю. И словарик изобретённых им терминов помочь мне ничем не может. — Он вздохнул, как бы подводя итог сказанному. — От фантастики, Марто-вич, меня отпугнул Евгений Рысс. Был такой

писатель-приключенец. Прочитав мою книгу «Тайну белого пятна», он написал ужасную рецензию о «каких-то там дурацких провалах в Восточной Сибири». Я, конечно, никогда не был знатоком геологии, но Евгений Рысс самому широкому кругу читателей доказал, что я дурак. — И опять вздохнул: — А вот геологам моя книжка нравилась…»

— «Мальчик с веснушками» — печаталась в «Комс. Правде» в 1936 и 1937 гг. Вот, собственно, и всё.

Желаю тебе всяческих успехов — в учёбе, в литературе и вообще в жизни.

Крепко жму руку

Л. Платов.

24.II.1959

Здравствуй, Гена!

Конечно, пришли мне свои произведения, новые, которые ты сам считаешь «сильными». Я с удовольствием прочту и сразу же отвечу.

Главное — пиши о жизни и выдумывай о жизни. Опыта у тебя жизненного ещё маловато. Потому не замахивайся на очень большое. Выбирай тему поближе к себе, из себя. Знаешь ли ты, чем особенно силён Уэллс? Тем, что он весь фантастический мир пропускал через себя. Он был великолепным фантазёром-реалистом (хотя, конечно, слабеньким политиком). Читал ли ты его реалистические, без примеси фантастики, произведения, например, «Мистер Полли», «Колёса фор-

туны»? Четко выписанные характеры, отличный язык. Недаром Уэллс считается в Англии крупнейшим стилистом XX века. Его ставят рядом с Голсуорси.

Советую тебе также прочесть в «Юности» № 2 за этот год повесть И. Гофф «Поэтом можешь ты не быть» — о студентах Литературного института». Ты получишь там ответ на многие вопросы о литературном призвании и пр.

Ну, будь здоров!

Желаю успеха

Л. Платов.

И. А. ЕФРЕМОВ

Абрамцево, 20.10.1959

Глубокоуважаемый Геннадий!

Прочитал Ваше письмо с удовольствием.

Мне кажется, что Ваша жизнь, хоть и скудная материально, но правильная — такая и должна быть у людей, по-настоящему интересующихся наукой. Все же университет должен быть неизменной целью, хотя бы для права заниматься наукой и идти по любимой специальности.

Черт бы взял нашу бедность с жильем, надо бы взять Вас в лаборанты к нам в Институт — самое верное и самое правильное, но без прописки в Москве принять Вас нельзя, а прописаться без работы — тоже не выйдет. Вот и принимаем в лаборанты всякий хлам только потому, что живет в Москве — глубоко неправильный подход к комплектованию научными кадрами. В том и смысл Академии, что она должна брать к себе все настоящее из всей страны, а не слу-

чайных маменькиных сынков…

Все же Вам надо не отставать от Института — участвовать в экспедициях — на следующий год опять будут кое-какие раскопки…

Я все еще на временной инвалидности (сердце), живу под Москвой и вернусь к работе в Институте только в марте будущего года. Тогда подумаю над книгами. На чём Вам заниматься — очень больной вопрос. У нас нет ни популярных работ, ни хороших учебников — все еще только в проекте. Как у Вас с языками? Надо знать минимум английский язык, чтобы прочитать ряд хороших работ по палеонтологии позвоночных, морфологии (функциональной) и сравнительной анатомии. Следите за работами академика Шмальгаузена — он написал в последнее время ряд интересных работ по происхождению наземных позвоночных. Если Вы владеете английским — составлю Вам список книг, которые можно будет получить по межбиблиотечному абонементу в Томске (а может быть таковой возмо-

жен у Вас в Тайге?)[{19}].

Теперь коротко о Вашем вопросе (подробно писать не могу — переписка у меня выросла так, что совершенно меня задавила, и не отвечать нельзя, и отвечать невозможно, секретаря мне по чину не положено).

Так вот, на человека теперь, в наше время, в цивилизованной жизни не действуют никакие силы отбора, полового отбора, приспособления и т. п. Накопленная энергия вида растрачивается, потому что нет полового подбора, и вообще человек не эволюционирует, во всяком случае, так, как животные. Да и общий ход эволюции животного и растительного мира

{19} Комментарии: 19

Меньше всего в нашей переписке Иван Антонович уделял места литературе, по крайней мере, на мой взгляд. Но именно Ефремов, крупный палеонтолог и геолог, впервые обратил моё внимание на то, что, собственно, является литературой. В 1957 году по завершении Очёрской (Урал, Пермский край) палеонтологической экспедиции я впервые приехал (на экспедиционном грузовике, груженном тяжёлыми монолитами с собранными коллекциями) в Москву. По молодости лет меня всё восхищало. Одно, правда, казалось, странным: вот рядом — настоящий учёный, значит, можно выведать от него самые разные научные тайны, о которых никто другой не расскажет. Я и пытался говорить о чём-то таком, но Иван Антонович думал о своём. Однажды, например, совершенно неожиданно он спросил, а прочёл ли я «Анну Каренину», и вообще, что там такое случилось в этой несчастливой семье? Я обрадовался: в школе мы это уже проходили. В общем закончилось всё нормально, напомнил я забывчивому учё-

ному: Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, старенький Каренин занялся вопросами образования, красавец флигель-адъютант куда-то слинял. Услышав такое, Иван Антонович даже остановился, и по его изменившемуся взгляду я почувствовал, что сказал что-то совсем не то. «Когда вернёшься домой, — наконец произнёс он, — перечитай книгу, и напиши мне».

И я вернулся в Тайгу. И принёс книгу из городской библиотеки. Толстенная, я бы сказал — даже слишком толстая книга, но я внимательно её перечитал. И впервые, в процессе этого медленного, как бы даже навязанного мне чтения, каким-то неясным образом стало доходить до меня, до понимания моего, что Лев Николаевич, кажется, роман свой написал вовсе не ради страданий несчастной Анны Аркадьевны. Но чего? Кого ради? В ужасном, каком-то лихорадочном ожидании я добрался до последней восьмой части, на которую прежде не обращал внимания.

«Уже стемнело, — вчитывался я, — и на юге, куда он (Левин) смотрел, не было туч. Тучи стояли с противной стороны. Оттуда вспыхивала молния, и слышался дальний гром. Левин прислушивался к равномерно падающим с лип в саду каплям и смотрел на треугольник звёзд и на проходящий в середине его Млечный Путь с его разветвлением. При каждой вспышке молнии не только Млечный Путь, но и яркие звезды исчезали, но, как только потухала молния, опять, будто брошенные какой-то меткой рукой, появлялись в тех же местах. Ну, что же смущает меня? — думал Левин. Мне лично, моему сердцу открыто несомненное знание, непостижимое разумом, а я упорно хочу разумом и словами выразить его…»

Знание, непостижимое разумом. Эти слова поразили, раздавили меня. А то, что Левин никак не может примириться с женой, хотя хочет этого, совсем меня расстроило. Вот Левин идёт по аллее и думает: «Так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, некстати высказывать свои мысли. Так же будет стоять стена между мной и другими, даже между мною и женой моей…» То есть, навсегда всё это, навсегда. И всё

же… «Все же жизнь моя теперь, — думает Левин, — независимо от всего, что может случиться, не только более не бессмысленна, как прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в неё!»
Сложно, не просто сказано. Но я упорно пробивался к сути. До этого ведь литературой я считал всё то, что лежало передо мной на столе. Сказки, песенники, фантастические романы, стихи. И вдруг дошло! Дошло до меня, наконец, что не лошади на ипподроме, не энергичные красавцы флигель-адъютанты, не блестящая светская жизнь привлекали к себе писателя, а то, что происходило в душах всех его героев. Я читал и впервые сравнивал прочитанное с тем, что меня окружало: тёмные деревянные дома… огромная Луна над улицей Телеграфной… лужа на площади, вечно покрытая зелёной ряской, паровозный дым, нежный запах каменного угля и дыма. Потрясённый тем, что всё-таки до меня дошло, я написал Ивану Антоновичу, и он мне ответил… Так что, истинный смысл литературы, её внутренний смысл, нашу вписанность в любой мировой сюжет мне открыли не поэты, не сказочники, не писатели-фантасты, а известный многими открытиями учёный.
Правда, он сам был писателем.
Замечательным.

из-за столкновения с человеком сейчас совершенно исказился и продолжает еще сильнее изменяться под воздействием человека…

А Вы выписали наш Палеонтологический журнал?

С приветом и уважением

И. Ефремов.

1962–1977

Стихи, переводы.

Попытка издать первую книгу стихов — «ЗВЕЗДОПАД».

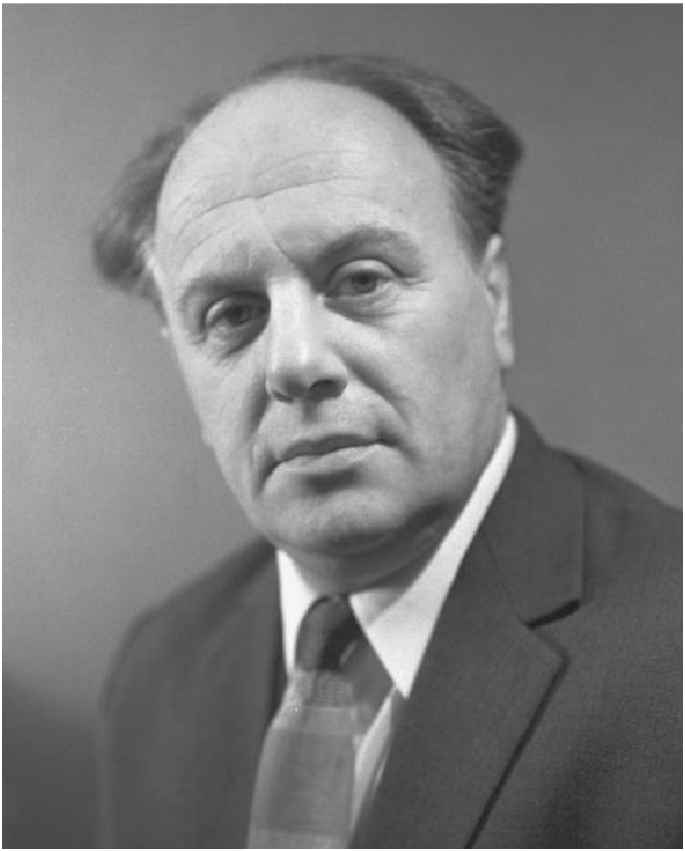
Попытка эта закончилась катастрофой. В 1968 году в Южно-Сахалинске цензура запретила мою первую книгу. Набор её был рассыпан.

Зато вышли:

книга переводов с корейского — «ПЫЛАЮЩИЕ ЛИСТЬЯ», маленькая повесть о вулканологах «ТАКОЕ ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ», а в замечательном журнале «Уральский следопыт» (Свердловск) — научно-фантастические повести: «МИР, В КОТОРОМ Я ДОМА», «ШПИОН В ЮРСКОМ ПЕРИОДЕ», «РАЗВОРОВАННОЕ ЧУДО» и «ШПИОН ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРА».

Наконец, в 1977 году вышла в Магадане книга прозы — «ЛЮДИ ОГНЕННОГО КОЛЬЦА».

Е. А. ДОЛМАТОВСКИЙ



Долматовский Евгений Аронович (1915–1994)

— советский поэт, прозаик, публицист, автор многих популярных песен, член СП СССР, Лауреат Сталинской премии. Прошёл всю войну, попадал в окружение. Кавалер многих орденов и медалей. Вся страна пела его «Песню о Днепре», «Сормовскую лирическую», «Венок Дуная», «Любимый город», «Дорогу на Берлин» «Все стало вокруг голубым и зелёным» и многое другое. Удивительно, но именно с подачи Евгения Ароновича в 1962 году в журнале «Смена» (Москва) появились первые мои стихи.

Москва, 2 апреля 1962 г.

Дорогой Геннадий,

третьего дня посетила меня девушка с Вашим письмом — Мила Ногина. Я, к сожалению, не имел возможности уделить ей много времени; все же мы поговорили. Я не спешу отчитаться перед Вами о Ваших стихах, рассчитываем одно из них опубликовать в № 10 «Смены»{20}, но пока еще не все ясно, потому что в редакции бесконечные перемены.

Вы спросили меня в письме насчет мо-

{20} Комментарии: 20

Стихотворение «Мои товарищи» было опубликовано в журнале «Смена», № 18, 1962.

его мнения о планах Вашего журнала{21}. Мне хочется дать Вам вот какой совет: не включайте в журнал отдел мало известных сегодня поэтов. Я понимаю интерес пишущей молодежи к творчеству тех, кто по тем или иным (подчеркиваю: или иным) обстоятельствам не печатался давно. Но я рассказывал Миле о том, что Маяковский говорил о Гумилеве в ответ на восторги одного из поклонников Гумилева. Неточность Ваших вкусов и задачи видна, например, по тому, что Вы назвали Мариенгофа или Шершеневича (уж не помню кого), да, Шершеневича. Он всегда был очень плохим поэтом, мелкой литературной сошкой. Об Андрее

{21} Комментарии: 21

«Вашего журнала…» За этими словами — целая история. С 1959 года и по нынешнее время я жил и живу (с вычетом семи лет, проведённых на Сахалине) в новосибирском Академгородке. Светлый мир светлых умов — иного определения для названного места у меня попросту нет. Известный геолог Г. Л. Поспелов читал нам, поэтам первого созданного нами в Академгородке литобъединения, свои стихи («Разве итог у юности — старость, разве итог у старости — смерть?»), цитировал Илью Сельвинского, Велимира Хлебникова, Владимира Луговского. Химик В. М. Шульман восхищался Андреем Белым (и прозой его), Николаем Гумилёвым, Анной Ахматовой, Владиславом Ходасевичем. Всегда под рукой была знаменитая антология И. С. Ежова и Е. А. Шамурина «Русская поэзия XX века» («Новая Москва», 1925). Но этого нам, молодым поэтам Академгородка, было мало. Мы решили издавать литературный журнал (плохо, конечно, представляя все сложности этого), даже пригласили к участию любимую нами Анну Андреевну

Ахматову. (Ох, не обратил я тогда, совсем не обратил внимания на слова, специально в письме подчеркнутые многоопытным Долматовским: «…не включайте в журнал отдел малоизвестных сегодня поэтов»). Как и следовало ожидать, инициатива наша была жёстко пресечена партийными властями. Подробности можно прочесть в книге Л. К. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» (любое издание) и в очень интересной работе новосибирского историка А. Г. Борзенкова «Молодёжь и политика: фотографии, факсимиле, плакаты и рисунки по истории студенческой политизированной самодеятельности на востоке России (1961–1991 гг.)» (Новосибирск, 2003).

Белом особый разговор, но мое мнение заключается в том, что советским поэтом Андрей Белый никогда не был, хотя и дожил до советской эпохи. Его творчество относится к первым десятилетиям века, к дооктябрьским бурям и противоречиям.

Мне кажется правильнее и просто нужнее, если уж Вы хотите делать журнал, вести его как один из каналов современной общественной жизни и культуры. Книга Мандельштама{22} вот-вот выйдет. Он был незаслуженно репрессирован, и выходом этой книги восстанавливается его доброе имя, но я не думаю, что Вашим сверстникам — ученым и рабочим — окажутся близкими его стихи. Поэтам, конечно, надо знать и Белого, и Мандельштама, — это уж вопрос профессиональной учебы, если хотите. А журнал, задуманный Вами, насколько я понимаю, не для поэтов, а для читателей. Вот мы мечтаем о создании нового журнала — «Поэзия». Я думаю, что сборники

{22} Комментарии: 22

В издательстве «Советский писатель» (Москва) планировалось в серии «Библиотека поэта» избранное О. М. Мандельштама. Но вышла эта книга только в 1973 году.

«День поэзии» постепенно превратятся в такой журнал. Там будет место всевозможным публикациям. Но и там главное место должно быть уделено сегодняшней жизни поэзии. Честно говоря, мне трудно Вас понять — ищущий, вдохновленный и вдохновенный геолог вдруг заболевает детской болезнью увлечения русским декадансом и модернизмом. Две эти ипостаси несовместимы — одна из них наносная, и я уж точно знаю, что это не Ваш современный облик, а как раз вот эти самые детские болезни. Я не доктор, но мне кажется, что Вы мне верите, так поверьте и выбросьте из головы все эти прожекты.

Ваш Евг. Долматовский.

P.S. Я не успел отправить письмо, и в воскресенье, 1 апреля, прочитал в газете «Литература и жизнь» очень интересную статью критика Метченко как раз на тему, о которой идет речь у нас с Вами. Прошу Вас раскопать эту газету и посмотреть статью, там много интересного и точно подмеченного. Статья вооружит

Вас… против Вас же[{23}].

Всего доброго.

{23} Комментарии: 23
Нашёл. Прочёл. Не вооружила.

КИМ ЦЫН СОН

Ким Цын Сон (1918–1973) — советский корейский поэт и драматург. Как любой восточный поэт, прежде всего, лирик. Разумеется, он писал и то, что было как бы нормой определенного времени: «И по веленью сталинской руки восходит солнце из-за небосклона». Мы с ним дружили. Я много и с удовольствием его переводил. Практически в один год мы попали с ним под удар цензуры. Уволенный с поста заместителя главного редактора корейской газеты Ким Цын Сон (он резко выступил против решения первого секретаря Сахалинского обкома партии П. А. Леонова закрыть единственную на весь остров Сахалин корейскую школу), вынужден был работать (член Союза писателей СССР) завхозом в школьной столовой.

Южно-Сахалинск. 16.IV.1969

Дорогой Геннадий Мартович! Сегодня днем (16.IV) от Т. Кузнецова и Маринова

слыхал про вчерашнее обсуждение{24}.

Они тоже ничего толком не знают, ведь сами в то время в писательской организации не были. А я со вчерашнего дня лежу в постели. У меня давление повышенное.

Мне кажется, что нападки на Вас — дело организованное. Сочувствую, Геннадий Мартович, но нужно терпеть и терпеть. Издательство просто-напросто боится издавать Ваш сборник стихов. Не кажется ли Вам?

Геннадий Мартович, я, конечно, представляю Ваше нынешнее состояние. Если Вам сейчас тяжело работать над переводами{25}, оставьте их или передайте кому-нибудь по-вашему усмотрение. Но

{24} Комментарии: 24

В Сахалинской писательской организации прошло обсуждение моей запрещенной цензурой книги стихов «Звездопад». Я узнал о вмешательстве цензуры в процесс издания не сразу: всё лето 1968 года находился на полевых работах. Только осенью вернулся в Южно-Сахалинск, тогда редактор А. Кириченко, не глядя мне в глаза, сообщил наконец о том, что выход книжки задержан. «Ты сам поговори с цензором», — посоветовал он мне. Кириченко был неопытным редактором, пришёл в издательство с флота и как-то упустил из виду, что иметь дело с цензорами в СССР имели право только редакторы, но никак не авторы. Всё же я нашёл нужный кабинет в здании Обкома партии. Цензором оказалась женщина — привлекательная, воспитанная. «Давно не читала такого свежего». Это «свежего» неприятно резнуло мне слух, но я обрадовался: если так, то мы, наверное, сейчас и решим проблему! Но претензии к сборнику оказались серьёзными; в частности, касались они стихотворения «Путь на Бургас». «Где Кормчая книга? Куда

нам направить стопы?» — с пониманием процитировала цензор. И пояснила: «Программа построения социализма, товарищ Прашкевич, нами давно уже выработана». Ещё процитировала: «Болгары бегут. Их преследует Святослав.» Это в нашей-то братской стране? «Сквозь выжженный Пловдив дружины идут на Бургас. Хватайте овец! Выжигайте поля Сухиндола!» Разве мог наш (мне послышалось: советский) князь Святослав вести себя подобным образом в нашей мирной солнечной (мне послышалось — братской) стране?» Все попытки доказать историческую правоту моего стихотворения (даже с помощью работ нашего самого знаменитого болгароведа академика Н. С. Державина) привели только к тому, что симпатичная женщина-цензор пришла к однозначному жёсткому выводу: «Работа академика Державина, товарищ Прашкевич, опубликована в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году, так что, всё правильно. И тогда, и в девятьсот шестьдесят восьмом году, тысячу лет назад, наш (советский) князь Святослав мог наверно делать в нашей мирной солнечной (братской) стране Болгарии всё, что ему заблагорассудится. Но сейчас идёт уже одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год и в одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году мы даже нашему (советскому) князю Святославу ничего такого не позволим!» И моя первая книга ушла под нож.

{25} Комментарии: 25

Я всё-таки довёл книгу стихов Ким Цын Сона (в моих переводах) до печати. Она благополучно вышла в свет («Пылающие листья», Южно-Сахалинск, 1968), и с той поры не раз издавалась и переиздавалась.

если есть желание, продолжайте. Я очень хочу этого.

Одним словом, напишите о Вашем решении.

Всегда Ваш

Ким

5.V.1969

Дорогой Геннадий Мартович!

Наконец, посылаю Вам обещанные подстрочники.

У меня на работе неприятности. Меня освободили от должности. Не знаю, какую работу они мне предложат{26}. Пока с 1 марта в отпуске. Не пишется. Поживем — увидим!

{26} Комментарии: 26

Предложили: завхозом в школу. Так поэт и умер — завхозом. Утешение одно: другие умирали и лауреатами, да кто их помнит? Через много лет, в девяностых годах (уже в Новосибирске), я получил из Москвы такое письмо:

«Здравствуйте, уважаемый Геннадий Мартович!

Пишет Вам Зоя Иннокентьевна. Если забыли это имя, то Вам стоит вспомнить корейского поэта Ким Цын Сона. Я его жена. Дело в том, что я получила из Южно-Сахалинска, там живёт мой сын со своей семьёй — в квартире, где Вы не раз бывали. Вышел сборник Дальневосточного книжного издательства, сахалинское отделение (1989 год). В этом сборнике помещены стихи Ким Цын Сона, ваши переводы с корейского языка из сборника «Пылающие листья». Я пишу Вам потому, что там ошибка: год его смерти указан — 1982, а он умер 18 июня 1973 года.

С первого марта 1969 года он был (без причины) отстранён от занимаемой должности зам редактора корейской газеты. Причиной послужил

выход статьи в газете «По ленинскому пути». В основу этой статьи положена статья корреспондента ТАСС Кулаковского за 6 июля 1968 г. Номер с этой статьёй был подписан редактором Хан И. А.

Причин его (Ким Цын Сона) болезни много. Гипертония плюс тревожнения. Все мы живём работой, в ней находим и радость, и боль, несправедливость, равнодушие, зависть. Все это сделало его (Ким Цын Сона) калекой в 50 лет — ненужным никому, кроме родных. Ему назначили пенсию 49 руб., хотя он потерял всё. Таким образом его сейчас нет среди живых.

Уважаемый Геннадий Мартович, если что интересует Вас о нем, то я бы очень хотела встретиться с Вами, чтобы рассказать обо всем случившемся с ним, как издевались над ним П. А. Леонов (первый секретарь сахалинского Обкома партии), Хан и другие. Такое письмо я пишу впервые, и пишу только Вам. Я проживаю сейчас одна, часто приезжает ко мне дочь. От меня привет Вашей семье. Желаю хороших успехов в Вашей творческой работе. С уважением, Зоя Иннокентьевна».

Геннадий Мартович! Моя дочь, которая передает Вам подстрочники, учится в пединституте. Она пишет курсовую работу по геологии Сахалина. Будьте добры, помогите ей литературой, которая есть у вас в личной библиотеке, или в библиотеке института СахКНИИ.

Передавайте мой теплый привет Вашей супруге.

Всегда Ваш *Ким.*

С. Е. ЛИВШИЦ

Лившиц Семен Ефимович (1924–2010) — поэт, публицист, член СП СССР. Более четверти века работал в Магадане. Приложил много сил к тому, чтобы спасти в 1968 году мою первую поэтическую книгу («Звездопад»), запрещенную цензурой. К сожалению, спасти книгу не удалось, зато я

обрел многих друзей на всю жизнь, в том числе и Семена Ефимовича.

Магадан, 7.VI.68

Дорогой Геннадий Мартович!

Рецензию написал{27}. Где-то внутренне я ею недоволен. Боюсь, что не очень-то убедительно. Но Вы сами поставили меня в затруднительное положение сроками. Вчера я получил верстку Вашей книжки, а сегодня утром сел за рецензию. Времени на размышления нет. И все же надеюсь, что она поможет Вам. Не могу понять, какими соображениями руководствуются Ваши издатели, ибо стихи хорошие. Можно придираться по частностям, но право Ваше на сборник лично у меня не вызывает сомнений.

Завтра улетаю на неделю в Москву,

{27} Комментарии: 27

Конечно, никакие рецензии и обращения не помогли: набор книги «Звездопада» был рассыпан. Но вот ведь парадокс: рукописи действительно не горят, никуда не исчезают! Через много лет — весной 2016 года — замечательная студия OMIZDAT (Омск) к моему юбилею выпустила электронную версию «Звездопада» с фотокопиями всех её давних оригинальных страниц. Одна из омских газет даже откликнулась на это событие таким вот весёлым сообщением: «У известного писателя Геннадия Прашкевича вышла его первая книга». Не сразу… Очень не сразу… Почти через сорок лет после первой (скажем так, неудачной) публикации.

вернусь и через десяток дней — в отпуск. Но писать Вам буду, ибо хочу знать о Ваших делах, да и вообще мне доставляет большое удовольствие переписываться с Вами. Надеюсь, что при следующей нашей встрече нам будет о чём поговорить.

Всех благ

Ваш С.

Н. И. МАКСИМОВ

Максимов Николай Иванович (1911–1993) — прозаик, публицист, член СП СССР. Жил и работал на Чукотке, в Порт-Артуре, Хабаровске, Южно-Сахалинске. В конце 60-х возглавлял Сахалинское отделение Даль невосточного книжного издательства. Заслуженный работник культуры РСФСР. Отношения наши были вполне официальными, никакими другими и не могли быть. Всегда и везде Николай Иванович был верен идеологии,

которую не сам выдумал.

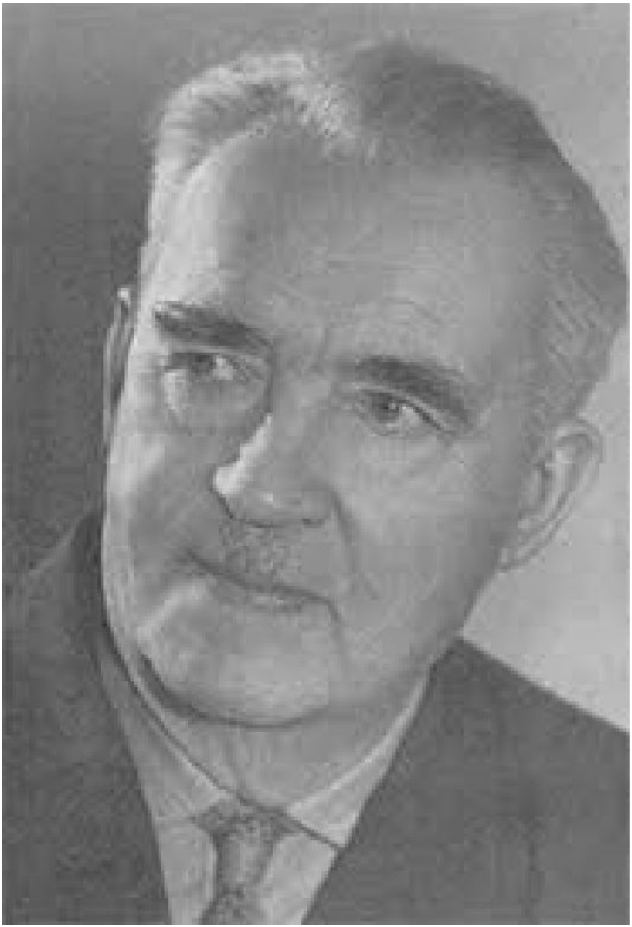
Южно-Сахалинск, 30. 12. 1968

ТЕЛЕГРАММА: Новоалександровск Строительная улица 4а кв. 8 Прашкевичу Геннадию Мартовичу Прошу зайти творческую беседу ценю вашу эрудицию талант постараюсь сделать все воможное если вы готовы служить родине дружески николай максимов{28}.

{28} Комментарии: 28

Я пришёл. Не мог не придти. Ведь в издательстве в то время находилась ещё одна моя рукопись: повесть «Такое долгое возвращение», останавливать которую у цензуры никаких причин не было. Благодаря таким вот прихотям судьбы, первой моей изданной книжкой стала именно повесть «Такое долгое возвращение» (Южно-Сахалинск, 1969) — работа слабая, ученическая, о ней я стараюсь вспоминать как можно реже

В. Н. ИВАНОВ



Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) — прозаик, поэт, журналист, философ, культуролог. Окончил историкофилологический факультет Санкт-Петербургского университета, стажировался в университетах Гейдельберга и Фрейбурга. Участник первой мировой войны. После Февральской революции — ассистент на кафедре философии (Пермское отделение Петербургского университета). Оттуда призван на службу — в военную газету «Сибирские стрелки», выходившую в частях белого генерала А. Н. Пепеляева. С мая 1919 года — в Омске, вице-директор Русского бюро печати — колчаковского пропагандистского центра. С белыми ушёл на Дальний Восток. С 1922 по 1945 годы жил в Китае, Корее, Маньчжурии. Сотрудничество с советской разведкой (понятно, скрываемое) позволило ему вернуться на родину. Жил в Хабаровске до 1971 года — года своей смерти. Мы познакомились в 1968 году; мне было двадцать семь, Всеволоду Никаноровичу — далеко за семьдесят. Нас связывал общий интерес к языкам, к литературе, к живой культуре. Мы даже собирались писать совместную книжку о Китае. Эта страна уже тогда интересовала меня очень. В связи с этим не могу не вспомнить ситуацию почти анекдо-

тическую. После возвращения с литературного семинара, проходившего в Хабаровске, я зашёл в сахалинскую писательскую организацию. «Работаешь?» — спросил меня поэт Иван Белоусов, возглавлявший (до самой своей смерти) островных писателей. Я сдержанно кивнул. «Над чем?» — Белоусов, несомненно, был удивлен тем, что после недавнего запрета моей самой первой книги («Звездопад»), я не сильно походил на растерянного человека. «Над книгой о Китае?» — Белоусов совсем уже изумлённо поглядел на меня. Маоизм… хунвэйбины… Он был не только удивлён, он был напуган… «В соавторстве», — успокоил я поэта. «С кем?!» Вот тогда я и назвал имя Всеволода Никаноровича. Никогда после этого Иван Белоусов не пытался расспрашивать меня, над чем я работаю, и (тем более) с кем. Бог ты мой! Подумать только! У человека только что запретили к выпуску книгу, а он уже работает в соавторстве с бывшим золотопогонником, пропагандистом белого движения! Только такого соавтора тебе и не хватает, прочёл я в холодном взгляде поэта Ивана Белоусова.

Хабаровск, 1 марта 1968
Уважаемый Геннадий Мартович!

Мне очень приятно было получить от Вас ваши вопросы о Китае — таких писем я ещё ни разу не получал. Вас интересуют «проблемы Китая», «кит. литература» и «литература о К.», по сути дела это значит, что Вас «интересует Китай». Мне кажется, что такая страна как древний Египет, более известна нам, чем Китай: — Египет весь в прошлом, в его мумиях и пирамидах, в работах Шамполиона, в изданиях его надписей, и т. д. — всё это материалы законченные, и разве что какая-нибудь могила добавит что-то «новенькое». Египет умер, и его легко изучать. А Китай жив. Китай живёт так же, как он жил и при фараонах, и живёт так по сю пору. Египет — музей, Китай жив, и это составляет самую большую трудность для его изучения. В Китай едут визитёры, видят повсюду ласковые улыбки, — Египет всегда подтверждение того, о чём сами спрашивают, никогда не слышат никаких объяснений. Единственная страна в мире, которая прочно, наглухо изолирована: с севера стена в 4 000 км, с востока и юга — море, с запада Гималаи. Китай

замкнут в своей цивилизации, которая длится уже непрерывно в течение 5000 лет минимально, причём эта цивилизация вовсе не омертвела, не превратилась в удобные для рассмотрения каменные скарабеи. Мы, как известно, происходим от обезьян, и мне иногда кажется, что в те времена, когда мы вместе с дарвинистами резвились на деревьях и качались на наших гибких хвостах — китайцы уже нашли свои шелка, овевались веерами, и писали стихи на шёлковых ширмах. Мне говорили люди, долго жившие в Китае, что они порой спрашивали сами себя: а не особые ли головы, ментальность у китайцев, так ли мы понимаем вещи, как они? Наш великий синолог о. архимандрит Иоакинф Бичурин, тома коего уже столетие хранятся в Академии наук *неизданными*, говорит, что китайцы имеют всё, что имеет в своём репертуаре западная цивилизация, но только на свой особый манер! Я прожил в Китае 23 года, выучился болтать по-китайски, истоптал пешком пол-Китая и после всего этого опыта едва ли смогу дать вам ответ на

ваши вопросы.

Книги о Китае? — спрашиваете Вы. Но китайцы не пишут сами о себе, потому что они в самоизоляции, они не хотят давать информации, которая могла бы помочь другим. Иностранцы — особенно англичане — знают о Китае больше, чем французы, католики и американцы, но англичане не раскрывают этой «души Китая» в своей литературе, так как больше всего заинтересованы в доходах от Китая. В течение XIX века иностранцы лезли в Китай. М-р Кук, корреспондент «Таймса», в 50-х годах XIX века писал, что проблема Европы в Китае — это «каждое утро одевать сотни миллионов китайцев в штаны и куртки английских мануфактур». Не вышло! Китай сначала открыл двери перед этими коммерсантами, но, пройдя туда и пробыв там 150 лет, иностранцы встретили там нечто специально специфическое: пассивное сопротивление. Китаец вам никогда не откажет, не скажет «нет», но он и тут — на этот раз в 1945 году — сделал так, что все иностранцы ушли из Китая, оставили там дома, банки, пароходы и т.

д., а любезные китайцы не приняли даже их одежды и остались облачёнными в свой синий хлопок цвета вечного неба. Уважающие покой своих могил китайцы, чтущие память жертв своих предков, в ночь новолуния весеннего месяца — крестами и памятниками русского Харбина вымостили набережную у яхт-клуба на берегу Сунгари; все могилы иностранцев выбрасывали на свалку по всем городам Китая. И Китай продолжает стоять перед миром такой же закрытый, неизвестный, многомиллионный — лично я неизменно называю цифру его населения — в 1 миллиард. Китай взял от иностранцев, от европейцев всё — от старых моторов для своих лодок, которые бегают по 200 000 км кантонских каналов, от старых шасси, на которых стоят кузова, похожие на коробочки, от термосов, которыми они заменили свои фарфоровые чайники в плетеных корзинках — и до атомной бомбы. А иностранцев в Китае всё равно больше нет!

Воевали они, китайцы, против «чужих»? Нет. Один из важнейших прин-

ципов их в международной политике — это «и-и-чжи-и»: «одним варваром свалим другого». В дневнике Ли Хун-чжана, последнего канцлера старого Китая, писанном на английском языке, я читал, как это было сделано. В конце XIX века тот же Ли Хун-чжан (награждённый даже жёлтой кофтой) затеял войну с японцами — «карликами из Тихого океана», и те влезли на полуостров Ляодун, в Восточном Китае. И Ли Хун-чжан пишет, что это он заключил договор с Россией о КВЖ-дороге, пустил русских к себе, чтобы столкнуть их с Японией. Прошло 50 лет, китайский политик спит в своём гробу, в своём последнем и вечном строго охраняемом жилище, а русские сделали то, что хотел Ли Хун-чжан — выкинули япсов{29} из Ляодуня, а КВЖД вернули Китаю.

Все нашествия монголов и манчжуров в Китай кончались тем, к чему направлен другой основной метод Китая: метод шелковичного червя. Как шелковичный червь съедает тутовый лист — так

{29} Комментарии: 29
Так китайцы называли японцев.

точно Китай обходится со своими завоевателями. Нет больше манчжурских властителей в Китае — их потомки, с иероглифом в имени, значащим «великий князь» бегают рикшами по Китаю. С Осеннего восстания в 1644 (?) году и до сих пор китайцы едят сладкие лепёшки, вспоминая, как в такие лепёшки вкладывались приказы о восстании.

Вы хотите знать о величии Китая? Там есть «Сань-цзяо» — «троеверие» — буддизм, даосизм и конфуционизм, которые не спорят друг с другом. Каждому — по вкусу. Китайцы не верят в смерть — они любят жизнь — и души покойных живут «на Западе». В каждом городе Китая есть лавки — продают в них одежду, обувь, обиходные вещи, вплоть до телевизора, автомобиля и сейфа — *всё из бумаги*. Сжигая их в определённые дни, китаец доставляет своим покойным в «том» мире всё, что нужно для «жизни». Особенно теперь пользуются успехом транзисторы. Есть и «загробные деньги», и каждый почтительный сын может своим родителя на тот свет переводить аккуратно посто-

янное содержание.

Китайская литература? Есть и такая — это вся классика. Книги, издаваемые по 500 лет, пьесы в театрах, идущие по восемьсот лет. Чайная в Шанхае среди озера, где сидит старичок и наизусть читает классический роман в 240 глав — «Троецар-ствие», писанный в XIII веке, это «Шо-шу-ди» — «говорящая книга»; книга, буква — священны, я застал ещё в Китае стариков, которые по послушанию подбирали на улицах клочки бумаги с буквами и благоговейно сжигали их…

Китай необъятен по своим общественным, социальным обычаям и приёмам. Помните чеховского Ваньку Жукова, ученика сапожника? Китайский Ванька поступает к мастеру в обучение по договору между его родителями и мастером, под наблюдением обувной гильдии. Ему положены спальное место, еда, платье, баня недельная, парикмахер, небольшая зарплата. Он учится, становится подмастерьем, мастером. Жалованье ему платится малой частью, остальное копится у хозяина. Кончается срок обучения,

хозяин устраивает «цинкэ» (выпуск) и произносит речь: ты — мастер, решай сам как хочешь работать: самостоятельно либо со мной? — Самостоятельно? Тогда вот тебе твои накопленные деньги — теперь ты со мной в компании. И несть предела таким обычаям, кооперации, денежным кредитным обществам и т.д.

Вообще, имейте в виду, что Китай — это единый колоссальный массив мирного человечества, воспитан в нём каждый персонально, обработан конфуцианством, одно из главных положений которого гласит: *не учи других тому, чего не знаешь сам!* Китай для европейца, а для нас и того пуще, дебрь сплошная, сложная, приспособленная при этом для удобной жизни. Я удивлялся, почему китайцы так толерантно относятся к живущим у них в стране иностранцам, почему они позволяли им делать всё, что хотят? И понял это, найдя у Лао-цзы в книге «Дао Де Дзинь» такое положение: «Великая страна (читай — Китай) при сношении с Малой страной (это другие страны, в том числе и Советский Союз)

должна быть внизу, а малая — вверху. Тогда малая страна довольна, что она — «старший брат», а великая тем, что она великая», и т. д.

Обрываю письмо моё — оно может быть бесконечно.

Чувствуете ли Вы ту огромную дистанцию между нашей страной и Китаем? Чувствуете ли сложность, необыкновенность этой страны, которая утоляет в жар самую большую жажду — тёплой водой, выражение которой «ю гун-фу» (по-нашему: «есть у меня свободное время») по сути значит: «у меня есть время поработать», страну, где подчас круглый год снимают урожай, сея по климату и сезону одни злаки за другими, где на поле своём хозяин, идя по водоподъемному колесу, вливает в свои грядки по 300 бочек воды в день. Европа должна учиться у Китая и безмерным трудом брать с него пример организации спокойной жизни…

Вот что я хотел Вам сказать на первый раз.

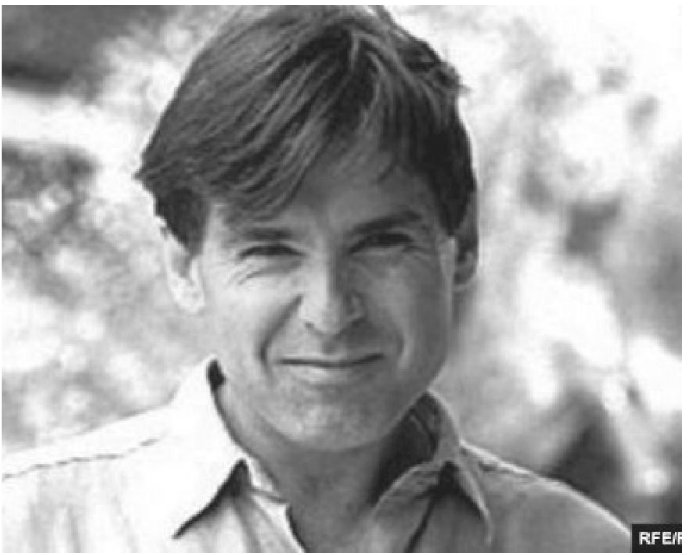
Вы захватили меня Вашим вопросом, когда у меня было как раз «ю гун-фу» — и

вот сколько Вам написал. Теперь задавайте вопросы более конкретные. Я Вам отвечу. Из наших вопросов и ответов будет возникать книга.

Я вам пришлю свою книгу «Путь к Алмазной горе» — историю Китайской революции, — но Вы мне её верните.

Вс. Иванов.

Д. П. САВИЦКИЙ



Савицкий Дмитрий Петрович (1944–2019) — прозаик и поэт. Мы подружились с ним в 1967 году в Москве, куда я не раз прилетал с Сахалина, дружили, активно переписывались. Судьбу свою Дима (в наших разговорах) предсказал чётко: или уеду, или сяду. В декабре 1978 года, находясь в поездке во

Франции, в Париже, отправил свой загранпаспорт по почте в Кремль, на имя Л. И. Брежнева — с отказом возвращаться в СССР. С 1988 года поэт Д. П. Савицкий — гражданин Франции. Я писал о Диме в повести-эссе «Черные альпинисты, или Путешествие Михаила Тропинина на Курильские острова»», публиковавшейся в журнале «Проза Сибири» (Новосибирск, 1994, нулевой номер). Там, конечно, было много неточностей, но атмосфера того времени схвачена точно.

Москва, 2 января 1968

С наступившим тебя, старик!

Я не побывал в Румынии и в Болгарии. Листья падали на московских бульварах. На скамейки. И в лужи. Это тоже было неплохо. А гонорар мне действительно не помешал бы. Особенно, если учесть, что два месяца я плаваю в медной луже.

Как ни странно, но я поступил{30}. Честно говоря, я этого не ожидал. Ибо у меня не было и того программного минимума знаний… А на экзамене по литературе я сказал пожилому мужику:

{30} Комментарии: 30

В Литературный институт им. А. М. Горького.

— Гладков: Знаете… не читал и не хочу.

Он поставил мне тройной, и я пошёл, как с собственных похорон. В зачётном листе стояла подпись — Гладков.

Это был Гладков-младший, но всё-таки я поступил и вот сейчас не могу войти в колею, соответственно, ещё ни разу не раскрывал учебники и т. д. Но гимназия эта — весьма халтурное заведение. Раз в неделю «творческий» семинар. Зимой — раз в неделю вечерняя лекция. Поэты и поэтессы большей частью позорные. Девиз семинара — ни дня без строчки. И самое главное: нам, первокурсникам, достался Лева Ошанин. Нет! Ни Наровчатов и ни Мартынов не взялись за нас. Лев — хороший мужик, седой и респектабельный сноб, конечно, но не поэт. Знает много. Столького же боится. Среди ребят: двое интересных москвичей-рационалистов (Шпигов и Сергеенко). 17-летняя девочка с Украины белокурая полька — Лада Одинцова. Свой размер — «литавр». Хорошая образная система. Немного Лорки + Тычина, но интересно. Литавры не

читает, а поёт. Раскололись на две группы. Всё по-школярски и уже тускло и вязко.

«Лифты» постараюсь достать. Они уже прошли. Работаю внештатником на радиостанции «Юность». По крайней мере интересней, чем в газете. Было много интересного чтива: Булгаков, Мандельштам, Ахматова, Солженицын. Подборка старого «ЛЕФа» и т. д. Из фильмов — «Мужчина и женщина». Вот такие новости. Намедни слушал Беллу. Она отошла, но чувствуется, что она съела ведро горчицы.

Такие новости.

Что касается меня, то недавно был у меня маленький переворотный момент. А поэтому… я постараюсь выбрать что-нибудь не очень стыдное и пришлю подборку. Что касается местных газет, то я только там и публиковался.

Постараюсь прислать тебе и что-нибудь интересное. Есть ли у тебя «Реквием» А. А.? И что бы ты хотел из Мандельштама? Что бы тебя ещё интересовало? Например, Камю?

Пиши. Если твой адрес не меняется, то

на конверте не ставь. Мой пока верный. Это относится к поэме «стучи по дереву».

PS Я рад, что ты написал.

PPS Хотел бы почитать что-нибудь твоё.

Твой Д. Савицкий

Москва, 6.3.1968

Привет!

Старик, после России Блока, после «…все перепуталось и некому сказать: Россия, Лета, Лорелея» (О. М.), после цветаевского «Россия моя, Россия! Зачем так ярко горишь?», после всех единственных и немногих прекрасных стихов от Пушкина до Смелякова — писать о России? Нет! Можно писать «про» и «в», но тема так нашпигована миллионами «поэтов», что ей-богу, никогда не возьмусь и не буду.

О. М. писал: «…все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первое — это мразь, второе — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо, хочу их бить палкой по голове и всех

посадить за стол в Доме Герцена, поставив перед каждым стакан полицейского чая и дав каждому в руки анализ мочи Горнфельда».

В том-то и дело, что прохиндейство многих сделало из литературы и журналистики невообразимый гибрид. Писать по соцзаказу честно только статьи. Подводить вдохновение, этого пугливого сверчка, к пишущей машинке гонорарного отдела так же пошло, как выставлять свою жену в голом виде для платного обозрения прохожих…

Событий много, хотя я умышленно пытаюсь пропускать их сквозь пальцы: идет верстка и вокруг нее полемика «можно-не-нужно» книги Мандельштама; четырнадцатого числа, несмотря на запрет, у памятника Маяковскому должна быть читка; познакомился с интересными парнями, когда-нибудь из-под крышки гроба их напечатают и признают гениальными. Музыка, моя болезнь. Записал прекрасную пластинку — «Айдл момент» Грэнт Грина, синего гитариста, его пятнадцатиминутная пьеса, напоминающая

сдвоенные ночные шаги, заставит меня снять еще один короткометражный фильм. Кто-то видел пластинку Бартока с обложкой Пикассо… Самое главное событие — не пишу. Не умышленный тормоз, а удивленный взгляд — зачем? зачем так? зачем плодить серую посредственность? Но я всегда бросаюсь в противоположность: все очерки пошли сразу в ритмической прозе. Прошел, чему я безмерно рад, мой очерк о Цветаевой. И вообще писать можно в двух случаях: когда у тебя железная позиция (канон всех взглядов) и когда у тебя горячка (ход слепым конем).

Мне не хватает душевных сил переродиться, и я ушел в ожидание.

Ты можешь думать о никчемности сей городской жизни, но это будет не важно.

Дело не в том, что поток информации (разнокачественной) давит и лезет, дело в том, что началась сопротивляемость давлению извне и нужен другой, внутренний поток, на своих кругах, другими словами — нужно моральное обновление и очищение. Ведь как зыбки стали

собственные нормы честности, порока, тщеславия, лени, равнодушия… как ненависть рождает отчаяние, как запертость рождает сон…

Из этого трудно выйти, нужны географические или эротические сдвиги и нужно опять исправлять двойку по неусвоенному предмету молчания.

Я думал, летом все изменится, начну ездить в командировки, а в октябре — Польша… И все равно я никогда бы не захотел переиграть свою судьбу…

Теперь о делах: напиши воспоминания о своей поездке в Болгарию. Напиши так, чтобы было 40 % фактов, но напиши лирическую прозу. Включи туда три стишка и пришли. Это пойдет на иновещание. После разговора с одним «дядей» я узнал, что отравлять тебе по почте Осипа глупо. Поэтому гони ко мне какую-нибудь оказию, и я передам. Мой телефон К-9-49-29.

Я сейчас еще посижу и отберу что-нибудь из стишат, написанных в армии и в этом феврале. Может, что-то тебе и подойдет. Не обращай внимания на мое настроение — я из тех людей, над которы-

ми доминирует цвет воздуха.

И еще одна выдержка из О. М. «...для меня в бублике ценна дырка. А как же быть с бубличным тестом? Бублик можно слопать, а дырка останется. Настоящий труд — брюссельские кружева. В нем главное то, на чём держится узор: воздух, проколы, прогулы...»

Твой Д. Савицкий.

P.S. И все-таки я уверен, что хандра моя — это результат учебы в этом институте, где идет дрессировка литсклочной деятельности{31}.

Москва, 30 марта 1968

Я, наверно, слегка впустую ошарашил тебя телеграммой? Но увы! Всевечный радиобардак: передачу мою о тебе, а вернее, «письмо к тебе» с твоими стихами сняли и переставили на сегодня-завтра. Так что, какое окно во времени она займёт я уже не рискую сказать.

Твои стихи я отдал Борису Вахнюку, он

{31} Комментарии: 31

Имеется в виду Литературный институт им. А. М. Горького, в котором Дима тогда учился.

сделает общую композицию и отошлёт на радио Софии. Так или иначе твои стихи вышли в эфир и важно ли то, что ни ты, ни я их не услышали? (Всё-таки я думаю, что они будут 2-го числа в 15 ч.)

Далее — дикое время, какой-то неимоверный наплыв дел, очерков, экзаменов, забот — свистопляска чёртова! А финал только в мае. Поэтому пишу тебе так по-кретински кротко. ВСЕ НОВОСТИ ПОТОМ.

Старик! Я рад выслать тебе словарь и всё, что ты захочешь, но в реальности это выглядит так: последние деньги были у меня, когда я, сдав бутылки, отправлял тебе телеграмму. С тех счастливых и благих дней и до 2-го мая я — иждевенец, тунеядец, нахлебник и стиляга! Родное моё радио сняло в марте 5(!) моих передач. Так что, старик, шли пятерку, говоря в лоб, и я достану все наивозможное по Болгарии.

Сейчас хоронят Гагарина. Вдоль улиц — народ, посерёдке пусто, плюс поплавок милицейской машины: «Всем сойти с проезжей части… всем…» Окна впервые распахнуты настежь и в них гроздьями

висят люди, просвечивают старушки и дети. Люди на улице стоят под траурными флагами и… смеются. Как невозможно оторвать их от жизни! Только пьяные и старики смотрят как-то сквозь и мимо. Траурные флаги, толпа, свистки, пивные бочки…

ПИШИ!

Твой Д. Савицкий

Москва, 12 мая 1969 г.

Пишу в неизвестность. Самолеты ли не долетают, исчез ли ты, или еще какие невероятности, а может просто — разминулись мы — факт один: не приходят в Лихов-сити{32} письма с сахалинским штемпелем.

Но всё-таки — вот он я! Привет!

Краткое содержание предыдущих глав сурово: год назад, летом я лежал у черной воды псковского озера, курил суперрояль, варилось на костре кофе и плавало над водой брюхастое облако. Каникулы мои не затянулись — хозяйка выгнала

{32} Комментарии: 32
В Москве Дима жил в Лиховом переулке.

нас, и я вернулся в Москву, в август, в жару. Прекрасным солнечным днем, в Лучниковом переулке, потягивая светлое пиво, я вдруг начал подыхать — думал сердце. По истечению почти года я узнал, что это не сердце, а оборванные веревки нервов. Но тогда я этого не знал и медленно свихивался. Удар в лоб я получил при обсуждении в институте моей повести «Эскиз». Я был определен как формалист, натуралист и левач. Кстати, повесть была эскизной, лояльной, сложной и в защиту человека. Моя глупость — в спешке. Надо было ждать, выбеливать, дополнять, а не лезть на рожон с неукрепленными флангами. В те же чёрные времена я влез в долги, нарвался на хищную и глупую бабу и начал упорно деградировать. Это заключалось в такой штуке, как потеря воли. Нет, это не психопатство. Это очень суровая штука, раздвоенность, полусмерть, нытьё, сплошные минусы, ноль действия. Зимой я уже был в больнице, но быстро очухался, бегал по прекрасному парку, глазел на замок А. Дункан и разговаривал со 100%-ными психами. Очень

занятные люди. Все было отлично до тех пор, пока я не выписался. Обстоятельства моей жизни были прежние и я впал в них. Как в прежнюю болезнь. Так длилось до недавнего времени, я счел год пропавшим и стал ждать лета, дачи и солнца. Всё это на носу. Но со мной же весь арсенал прежних невзгод: долги, исключение из вуза за профнепригодность, поиски работы и одиночества. Но я уже выправляюсь, уже бью с правой, а скоро и левая будет работать короткими свингами. На осень я планирую полную загруженность работой, пускай это будет прежняя малоинтересная работа, но причина, родившая мою психостению, называлась бездеятельность. Я получил комнату, вот уже два года работаю на радио вне штата и существую на укороченном балансе. Если выгорит — август, сентябрь проведу в экспедиции по Прибалтике. Если нет — буду жить на даче, на Акуловой горе, писать и бродить по лесам. Таково моё жизнеописание.

За это время я почти весь ушёл в прозу. Начал две повести, сценарий, написал

несколько циклов стихов. В печать не идёт.

Да и после небольшого набега на редакции меня охватило отвращение к системе тарана. Да, я готов признать, что специальность моя дерьмовая, но менять её уже поздно. Надо жить, выжить, пережить.

Москва всё та же — языческая грешница. Жарко, скучно. Осталось три экзамена и переаттестация. Открываю для себя антику, Шекспира, философов. Много планов. Но ещё нет равновесия — слишком мощным ударом меня выкинуло из жизни.

Меняется понимание работы. Кончилось отравление Пастернаком, Мандельштамом, Цветаевой. Уже проявляется в фотографической ванночке сознания необходимость нового. Да, чёрт возьми — свежести не хватает слову!

Очень трудно рождаться второй раз и сознательно. Предоление себя — вещь ежесекундная и мучительно напряжённая. Выйдет ли?

Буду рад, если ты объявишься. Мой тел.

299-49-29. Мою маму зовут Ирина Юрьевна. От неё ты можешь всегда узнать, где я. Если ты не приезжаешь в этом году — пиши. Порою охота повеситься, но порою хочется взвыть от радости, что все так сложно и тяжко.

Твой Д. Савицкий

Москва, 2 июня 1969

Старик, я рад, что ты объявился и жив.

Сейчас я уезжаю в деревню Николина гора на все лето и поэтому сразу не могу ничего тебе выслать. Осенью я разыщу тебе болгарских поэтов, благо у меня теперь есть знакомый болгарский поэт — он поступил к нам в прошлом году. В деревне я буду крутить для малолетней публики фильмы, шататься по лесам и писать. Таков мой невеликий план. Я очень долго не писал и теперь надо нырять глубоко и надолго. Потянуло меня на драму, на гротеск-сатиру и на чистый формализм.

Теперь позволь мне поругать тебя за повесть{33}. Я думаю, ты не обидишься.

{33} Комментарии: 33

«Такое долгое возвращение» (Южно-Сахалинск, 1969)

Дело в том, что наша склонность к прекрасном часто оборачивается для нас пинком в зад. Я ждал иного от твоей прозы, ведь всегда, когда поэт начинает писать по диагонали он переносит в строчку чисто поэтическое видение мира, свои образные приемы, насыщенную эмоциональность. Обнажая суть повести, я вижу сильного мужественного парня и его долгий ход к женщине, его чистоту по отношению к другой женщине, тоже прекрасной и столь похожей, но он бережет себя, оберегая в себе ту — другую, и живет привычной сложной жизнью среди камней, моря и ветров. Сюжета по существу нет. Я за бессюжетность, но бессюжетность обычно оправдана внутренними вещами: психологизмом, нарочитостью формального отсутствия сюжета. У тебя сюжет живет в эмбрионном виде — т. е. он не вызывающ, не колок. Действие повести замыкает собой неизвестный читателю предполагаемый круг «было — нет, верю, что будет — есть», 99% мировой литературы идет по этому кругу и приходит в гавань найденной любви. Но

я не про то, что это плохо. Все, что есть, уже было в Риме и Аттике. Мы не изобретаем новых сюжетов (т. е. новых нитей человеческих отношений), мы играем все на той же семиструнной гитаре, но у нас свой строй струн, своя тональность и свои песни. Я определяю качество каждой прочитанной вещи по тому: прибавила ли она мне, убавила ли, или — оставила в нетронутости. Я читал тебя и ругался. По-моему, ты здорово поспешил. Твои минусы — прежде всего форма, вся эта пофамильность, подряд идущие повторы имен, чисто профессиональные геологические определения, на которые ты здесь не имеешь права, потому что бросаешь их небрежно и многозначительно. Это то же самое, как если бы какой-нибудь герой Параллелограммов бросал газировщице: — Алтональ шестого порядка спонтирует с утра.

Я не получил эмоциональной информации, я только немного узнал, какая у вас погода. Затем, твои герои однобоки, когда появляется в конце чисто минусовый тип в гостинице, я уже не верю. Нет людей

из одних минусов или плюсов. Все мы — комплексы, и в этом наша человечность. Я пишу тебе, а на окне крутится пластинка Гершвина: опера «Порги и Бэсс». Бэсс — прекрасная, высокой души и огромной эмоциональности баба, но она наркоманка. Этого достаточно для того, чтобы я верил. У меня есть прекрасный человек — Алёна. Когда я познакомил её с одним своим другом, который разрывается от талантов, она насторожилась. И только когда он в чём-то лажанулся — она поверила в него.

Твой наибольший грех — язык. Особенно диалоги. Они нарочиты. Попробуй произнести их вслух. Ты услышишь, что они звучат по-книжному.

С первых строк я уже знал, чем кончится повесть. Это тоже твоя вина. В то же время я понимаю, что ты обязан был высказаться. Мне это очень знакомо. Я сделал то же самое и написал такое! — что теперь не знаю, с какой стороны подходить к собственному ребенку. У тебя, слава богу, все ограничивается этикой и натуральными отношениями. Я

же погорел на вещах социальных, меня били и за натурализм, и за слабость, и за поспешность. По-моему, надо писать, имея перед собой некую сверхзадачу для каждой конкретной вещи. Так один знакомый мне режиссер ставил ординарную классическую пьесу «Проводы белых ночей». Сюжет? Парень бросает девку, он аморальщик, но находит в себе силы жить. Он по пьесе — сволочь. Мой режиссер сделал из него положительного героя, поставив одну фразу сверхзадачи: обжигайтесь, ради бога, обжигайтесь!

Если бы это был не ты, я бы ругался до вечера. Но сейчас самое главное в том, что ты не молчишь — работаешь. Вот и всё.

Следующим летом у тебя будет столь же благоприятный случай разнести и меня.

А пока. Несмотря на то, что я уезжаю, пиши.

Я буду часто навещать Москву{34}.

Твой Савицкий

P.S. Нет ли у тебя возможности достать

{34} Комментарии: 34

К сожалению, мы уже никогда больше не встречались; а в прошлом (2019) году писатель и поэт Дмитрий Савицкий ушёл из жизни — в Париже.

трехтомник Мишеля Монтеня?

Г. П. КОРНИЛОВА

Корнилова Галина Петровна (род. 1928) — про-

заик, публицист, кандидат филологических наук, член СП СССР. Заведовала отделом поэзии журнала «Знамя» (не раз пыталась опубликовать хотя бы отдельные части «Поэмы без героя» Анны Андреевны Ахматовой; к сожалению, безуспешно). С 1992 по 2017 вела, как главный редактор, известный журнал «Мир Паустовского». Книги рассказов Корниловой «Большие дома» (1970) и «Музыка в Скатертном переулке» (1980), несомненно, научили меня литературной сдержанности (ну, хоть в какой-то мере). Вообще в то время поддержка Галины Петровны значила для меня очень много. С опытом своей первой неизданной книги («Звездопад») мне приходилось чуть ли не заново начинать долгий и, скажем так, непростой путь в писательскую среду. Да, Галине Петровне не удалось напечатать «Столярный цех», но вовремя сказанные добрые слова о написанном бывают иногда нужней самих публикаций.

Москва, 9.09.1969
Дорогой Геннадий!
Я очень рада за Вас. Мне было бы ра-

достно прочитать «Столярный цех»{35} вообще, кем бы ни был автор, а то, что написали это Вы — вдвойне приятно. Должна сказать Вам прямо: то, что Вы до сих пор писали, явно написано человеком талантливым, хотя и не всегда по-настоящему интересным. Эту повесть написал человек интересный, от нее можно вести отсчет серьёзной писательской судьбы. Это, конечно, на мой взгляд и хотела бы здесь не ошибиться. Во всяком случае отдельные главы я читала с восхищением и даже завистью…

Сережа{36} тоже только что прочел повесть. Он говорит, что интересная, хотя находит её излишне фрагментарной, и, кажется, «Двое на острове»{37} ему всё-таки нравится больше. Мне же пред-

---

{35} Комментарии: 35

Не так просто всё это было, и не так быстро. «Столярный цех» впервые был напечатан только через семь лет в книге «Люди Огненного кольца» (Магадан, 1977).

{36} Комментарии: 36

С. И. Ларин — муж Галины Петровны; литературный критик и переводчик; за переводы с польского был удостоен звания работника культуры ПНР.

{37} Комментарии: 37

Повесть «Двое» тоже вошла в 1977 году в состав моей магаданской книги.

ставляется, что между ними бог знает какая пропасть. Словно до «Столярного цеха» человек просто жил, а теперь всё отбросил, пошел сам, и шаг сильный и уверенный.

Дай Бог и дальше так идти.

Я хочу «Столярный цех» попробовать показать в «Юность» Озеровой. Если не возьмут — подумаю, куда стоит ещё.

И еще о «Столярном цехе». Это у Вас как день рождения. Могут быть еще повести лучше, могут — хуже, но состоялся уже писатель. Поэтому отныне можете относиться к себе с большим уважением.

Всего Вам доброго, привет от Сергея.

Г.

Д. П. САВИЦКИЙ

Москва. 2 января 1970 г.

Старик! Вода, которая утекла за всё это время, столько накрутила на наших турбинах, что неудивительно, что некоторые винтики поистёрлись. Наше дело только в одном — чтобы свет горел, а посему неважно «как», важно «чтоб» — смазка, капремонт, починка проводки, эт цэтэра… Дай нам бог прожить хоть столько же и не стать стонущими маразматиками, дай бог нам спокойствия, трезвости и равновесия…

Новый год был похож на свидание с женщиной, о которой так много слышал и думал, что когда она пришла, то была уже материально неинтересна, отсутствовала в первой системе, переместившись во вторую — в чисто фантазирование, толкование, в область чувствований и желаний.

Но было что-то радостное в кончине 69-го, трудного до чёртиков, многословного, неустойчивого и стонущего от

собственных несчастий и бед. Это был год мучительных самопоисков, открытий, от которых лёд ворочался в животе, решений, которые рассыпались мгновенно, перестраиваясь в новые, и в свою очередь… Я болел в декабре прошлого года: психастения, выдуманная от одиночества, неудач, самокопания, боязни смерти.

Жить страшно!

(Не трудно, плохо, тяжко), а прекрасно, потрясающе прекрасно и жутко.

До поры, до времени нам все прощается: слабосилие, обман, бестолковость, но настаёт тот самый день, когда все долги, все грехи и прегрешения — сплошным обвалом летят нам на голову, и вот тут надо устоять, выстоять с проломленным черепом, суметь дать ответы на все вопросы, возможное исправить и жить дальше.

Бренность заедает меня время от времени, мешает принимать решения, двигаться, работать. Вспоминаю слова Цветаевой: «…всё на этом свете важнее нас…» и сижу над чистым листом и не могу и опять сижу… Всё время, не входящее

в процесс работы, в процесс складывания слов и выворачивания души, все это огромное — в сравнении — время, оставляет у меня ощущение то ли праздности, то ли никчёмности, но какой-то расхлябанной муки. Хотя я и знаю, что это время тоже рабочее, не внешнее, но не хватает отдачи, полезности, причастности. А ведь всё, чёртов ребёнок, понимаю и тыщу теорий построю… Институт? Это был и есть корабль, на который приняли, пообещав берега Африки, сладкие плоды Таити, женщин, говорящих на суахили и финишный приз в ассигнациях. Но как только исчез берег, и море, кишащее трупами, сомкнулось вокруг нас, боцманы и офицеры стали сбрасывать за борт мечтателей и фантазеров, а заодно неверующих и слишком трезвых. Чёрный пиратский флаг со скрещёнными авторучками взвился на рее, и огласил небо и воды зычный рык капитана: «Кто не с нами, тот против нас».

Аве Мария, дева порочного незачатья! Ты стоишь у фасада Мюр и Мерелиза в тёртой дублёнке и тёртых джинсах, во-

лосы твои льются по плечам, и чёрная сигаретка прилипла к губе. В протянутой твоей руке лежит извечное «забудь», как пятак неимущему, и вся ты есть цифра 2, на которую делится род человеческий, убегая в потомство, прячась там в детях от парчовых дрязг, кирпичных угроз и игольчатых обид…

Куда нам жить, старик, кропая свой акростих, который станет пеплом, стоит только захотеть кому нажать чего… Вымирающая каста идеалистов, мы живём в напрочь материальном мире, так не лучше ли тачать сапоги, варить пиво и печь хлеб? Кому останется в наследство наш чисто отмытый крик, наша боль, спрятанная в парной рифме. Что мы можем утверждать, когда всё утверждённое живо ещё от греков, от египтян, от графа Толстого? Что мы? Новейшая форма эмоциональной информации или робинзоны среди пятниц? А может мы сами пятницы?.. Но не верь мне — я не столь отчаялся. Больше того, я стою на пороге утверждения: мир высок и прекрасен. Для тех, кто достоин его. Я рожаю себя

и вынашиваю, очень редко прибегая к анастезии. Я хочу утверждать, и знаю, что я прав.

.....

Летом, отвечая на твою книжку, я написал тебе письмо и не отправил.

Это была огромная рецензия, разгромная и жестокая. В то время я сам переживал обвал своей повести, прозрев позже, чем меня за неё стали скидывать за борт. Сейчас всё на местах. Пишется редко, но по-новому, и я этому рад. Да, я не знаю всех трёх карт, но одну я увидел.

Сколько ещё отпустить себе времени на лепку и чистку?

Год мало. Значит, 2–3? Но в это время иные прощались с жизнью. Сделав своё. Успев. Происходит какое-то наложение руки на действие. Именно действовать сейчас труднее всего. А ведь действие первично. (Не вдавайся в первичность намерений, желаний). Одно я знаю — нужно жить, ища равновесия, нужно добиться спокойствия изнутри.

.....

Книги: Джойс, Фрейд, Тарковский,

Булат, Бергман, проза Б. Л., Монтень, Плутарх, Толстой. Джойс — ранний, вначале скучный, потом — ошеломляющий точностью, профессионализмом, краткостью. Фрейд — в основе своей приемлемый, до немоты неожиданный, врачующий, в то же время мерзкий, грязный и нежелаемый. А. Тарковский, последняя книга стихов «Вестник» — единственно живущий из великих, достоин любви и преклонения. Булат с умной и благородной прозой в «Др. народов», выходящий на новый путь. Бергман — сценарии, интел. шаманство, образы, растущие из подсознания — порождение городов и века. М. Монтень — наркотик и эликсир, мудрый и спокойный, великий и значимый. Плутарх — сказочник, кровавый, нравоучительный. Толстой, не съеденный мною, как глыба в горле. Фильмы: «Корабль дураков» Стенли Краймера — высшее, что я видел, включая «Блоу ап». Живопись: Гончаров, Куперман — театрализованное виденье, души, вымазанные белилами, как амброзией.

Той зимой — был в больнице. Весна —

несостоятельность жить. Лето — жизнь в лесу с детьми, лагерь, солнце, трава, отдых, ноль слов и та же роющая работа изнутри. Осень — надежды на здоровье, броски в стороны, одиночество, расшатанное, как зуб. Зима: цикл стихов, перебеливание старых, проза, задумки, уже видимый выход из туннеля. Здравствуйте жить! Я рад, что ты объявился.

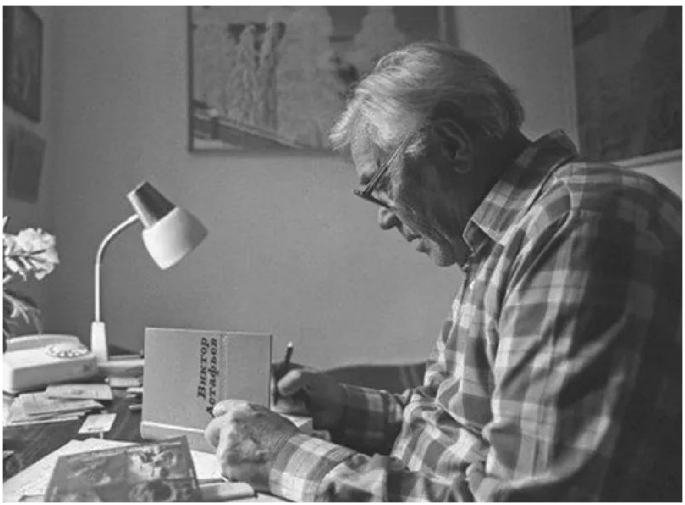
Заказал для тебя в Болгарии стихи. Жду.

Когда приедешь?

С Новым!

Д.

В. П. АСТАФЬЕВ



Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) — прозаик, эссеист и драматург, сценарист, член СП СССР, Герой Социалистического Труда, Лауреат двух Государственных премий СССР, Государственной премии РСФСР им. М. Горького, двух Государственных премий РФ, участник Великой Отечественной войны. Перегрузка всеми, какие

только можно, почетными премиями и регалиями не сделала Виктора Петровича бронзовым человеком, говорящим монументом, литературным чинушей; оттого и общение с ним никогда не бывало скучным. Я летал с ним в вертолёте над томской тайгой, плавал на теплоходе по Оби, выступал в далёких посёлках и в крупных городах — везде он оставался самим собой.

Вологда, 25 сентября 1972 г.

Гена!

Вот и укатили веселые и какие-то безалаберно-радостные дни нашей поездки по Сибири{38}, стали уже частью воспоминаний, и воспоминаний, надо сказать, светлых.

Я уже весь в делах, в работе, добивал свою «Оду огороду» под свежими впечатлениями поездки, и добивал, и добил, несмотря на то, что со здоровьем все ещё худо — нельзя контуженому пить и волноваться, но как же без волнений и выпивки проживешь?

{38} Комментарии: 38

В сентябре 1972 года состоялась большая писательская поездка по Оби. Возглавлял это пёстрое сборище (москвичей, томичей, новосибирцев, вологжан) поэт Лев Иванович Ошанин, но душой компании, конечно, был Виктор Петрович.

Закручиваю все свои дела, а их, как всегда, куча, и мы с женой отправляемся на юг, в Сухуми набраться сил и здоровья. Я совершенно не умею отдыхать, быть без дела, забот и хлопот — вот и поучусь этому у современных рационально устроенных интеллигентов.

Посылаю тебе обещанный отрывок{39}, он мне кажется не совсем детским, но смотри сам — не подойдет, выброси в корзину, горя мало.

Вся эта штука или, скажем, большая новелла, наверное, будет печататься в «Нашем современнике».

Начал читать книгу Жени Городецкого{40}, прочел три главы — мне нравится, на юге дочитаю — напишу ему, а пока кланяюсь ему, геологу, попавшему на север в модельных туфлях! — а также Валерию и всем, кого я там знаю. Перестал

{39} Комментарии: 39

Отрывок из «Оды огороду» предполагалось дать в литературно-публицистическом сборнике для юношества «Собеседник», который мы в Зап.-Сиб. кн. изд-ве в то время составляли вместе с Л. В. Белявской.

{40} Комментарии: 40

Е. А. Городецкий (1934–2005) — прозаик, работал в Зап.-Сиб. кн. изд-ве. Мне очень нравилась его повесть «Лето и часть сентября» — редкий случай, когда повесть действительно начиналась прямо с названия.

ли Женя сипеть? Я дак все еще сиплю.

Прислал мне Н. Н. Яновский{41} книгу о Сейфулиной, отменно изданную в «Художественной литературе», с хорошим, бодрым, очень меня порадовавшим письмом — настоящего человека, да еще глубоко культурного. Настоящего солдата трудно убить и еще труднее повалить, — когда уже местные культуртрегеры и подручные им шавки в модных галстуках и кушающие из отдельных буфетов поймут это?

Ну, низко кланяюсь Сибири! Крепко жму руку и долго буду еще жить добрыми воспоминаниями о нашей доброй поездке.

С приветом — В. Астафьев

Мой настоящий адрес: 160004, г. Вологда, 4, ул. Ленинградская, 26. Кв. 12.

2.10. 1972

{41} Комментарии: 41

Н. Н. Яновский (1914–1990) — литературовед, литературный критик, историк литературы. В 1969 году — составитель и главный редактор известного издания «Литературное наследство Сибири» (Новосибирск, вышло восемь томов), с 1979 по 1990 год — член редколлегии книжной серии «Литературные памятники Сибири» (Иркутск).

Дорогой Гена!

Я нахожусь в Гагре, в доме творчества, отдыхаю, набираюсь сил, и жалею, что раньше не догадывался это делать. Сюда мне переслали и твое милое, похожее на тебя письмо и книжку с такими замечательными стихами (короткими), а два стиха про черемуху я считаю просто шедеврами и помещу в мою «антологию», которая всегда в моем кармане и из которой я, к сожалению, так и не смог вам всем почитать ничего в поездке по Сибири из-за пьянки. Книжку «Последний поклон», как только я вернусь домой (10-го ноября), тут же тебе пошлю, а пока поздравляю с надвигающимся праздником и желаю всего хорошего.

Получил ли Женя Городецкий мое большое письмо? Не хотелось бы, чтобы оно потерялось или попало в чужие руки.

Кланяюсь всем твоим близким. Поклон уже заснеженной Сибири, а мы здесь еще купаемся! Вот ведь какая распрекрасная у нас земля.

С приветом, В. Астафьев.

В. И. БУГРОВ

Виталий Иванович Бугров (1938–1994) — критик, библиограф, историк фантастики. Окончил Свердловский государственный университет, работал школьным учителем, воспитателем в интернате, с 1996 года — редактор в журнале «Уральский следопыт». Библиографические работы Бугрова «Советская фантастика: книги 1917–1975 годов» и «Погребённые в периодике: 1945-1976» были опубликованы в новосибирском сборнике «Собеседник». Книги эссе и очерков о фантастике «В поисках завтрашнего дня» и «1000 ликов мечты» (обе — Свердловск) вышли в Свердловске (соответственно — в 1981 и 1988 годах), «Второе путешествие Филеаса Фогга» — в 1997 году (Екатеринбург, посмертно). В соавторстве со свердловским библиографом Игорем Халымбаджой составил и издал аннотированные указатели: «Фантастика в дореволюционной русской литературе» (1983) и «Довоенная советская фантастика» (1986; доп. 1989; доп. 1992). Лауреат премии Великое Кольцо (1981) и премии им. И. Ефремова. В 1997 году учреждена специальная мемориальная премия «Аэлиты» — им. В. Бугрова, за вклад в фантастиковедение. Виталий не только читал и изучал фантастику, он пропагандировал её суть. Он первый донёс до

нас книгу американца Сэма Московица (в СССР не публиковалась), вопросы в которой касались не только уже приевшихся к тому времени НЛО и «зелёных человечков» с Венеры. «Неужели обязательно нужна страшная внешняя угроза, чтобы народы Земли объединились?» — Виталий не уставал повторять знаменитый вопрос Говарда Фаста, приводившийся в книге Сэма Московица. «Готовы ли мы встретиться с разумным инопланетным существом, строение которого будет отличаться от нашего? Не шагает ли земная астронавтика слишком быстро, учитывая такое долгое топтание человека на одном и том же месте в морали, психологии, социологии?» Или слова Мак Рейнольдса, американского резидента в Танжере: «Если когда-нибудь советский режим будет свергнут, Россия завоюет весь мир. По-настоящему эффективный режим при потрясающих качествах русского народа приведёт к экспансии, сравнимой только с экспансией Римской империи». Без сомнения, именно Виталий Бугров был душой главной на то время отечественной премии по фантастике — «Аэлита». Она вручалась Аркадию и Борису Стругацким, и Александру Казанцеву (1981, всем троим — сразу), Зиновию Юрьеву (1982), Владиславу Крапивину (1983), Сер-

гею Снегову (1984), Сергею Павлову (1985), Ольге Ларионовой (1987), Виктору Колупаеву (1988), Северу Гансовскому (1989), Олегу Корабельникову (1990), Владимиру Михайлову (1991), Сергею Другалю (1992), Василию Звягинцеву (1993), наконец, Геннадию Прашкевичу (1994). Так уж получилось, что именно я последним получил этот почётный приз из рук самого Виталия Ивановича. На фотографии, помещённой в моей магаданской книге «Люди Огненного кольца» (1977), можно рассмотреть плохо заретушированный локоть другого, отсутствующего, человека (другой фотографии не нашлось, обрезали общую) — это локоть Виталия, локоть моего близкого друга — одного из самых верных, самых понимающих.

Свердловск. 31.V.1973

Уважаемый Геннадий Мартович!

За всяческой суетой вот сейчас лишь собрался, наконец, написать Вам, — извините, пожалуйста, за эту задержку!

С рукописью Вашей всё в порядке: у нас её заново прочитали, пришли к выводу, что Вы действительно очень много над нею поработали. Все наши замечания, по сути, реализованы; осталось теперь

только чисто по-редакторски подготовить её в печать. Включили её в план и, более того, в рекламу будущего года; по предварительной раскидке в отделе (сдаём сейчас 11-й номер, тут хочешь не хочешь задумаешься о годе будущем) отводим под повесть 3-й номер{42}. Это пока, конечно, ориентировочно: возможны какие-то сдвиги, которых, однако, может и не быть.

Молодогвардейская «Фантастика 73–74» выйдет, видимо, уже в будущем году, не иначе. Где-то в июне Клюева обещала заняться вплотную этим сборником; значит, к концу июля я, видимо, уже получу от неё какие-то вести. В том числе — и по Вашей повести. Тогда же пересообщу их Вам.

«Новосибирск. У Дергачева. 1973» — в конце повести в журнале мы, скорее всего, оставим, в отделе у нас, во всяком случае, никаких теперь претензий к такой подписи нет. В «дезезонаторе» «е» на «о» переправил я — от некомпетентно-

{42} Комментарии: 42

Научно-фантастическая повесть «Мир, в котором я дома» была напечатана в популярном журнале «Уральский следопыт» (№ 2, 1974).

сти; теперь буду знать, спасибо за науку. Думал, что это от «озона».

«Недостающее звено» не читал, но надеюсь скоро прочитать: с месяц назад удалось пополнить этой книжкой свою коллекцию. И, поскольку уж об этой коллекции речь, — не могли бы Вы мне все-таки прислать «Двоих на острове». С тех пор, как узнал от Вас о том, что там есть и фантастика, — ищу, однако посейчас не нашёл. Буду весьма и весьма признателен Вам.

Новые вещи непременно присылайте, журнал кровно заинтересован в хорошей, интересной фантастике, а вместе с журналом кровно заинтересован и я. Кстати: вроде бы наклёвывается у меня коллективный сборник фантастики для Пермского издательства, — если только они не перерешат, это, к сожалению, не исключено. На 74-й — начало 75-го года. Может быть, Вы подошлёте мне что-нибудь и в расчёте на этот сборник? И, кстати, если вдруг сорвётся со взятой нашим журналом повестью в «Мол. гвардии», в этом случае — которого я, поверьте, вовсе

не желаю! — я мог бы попытаться дать её вот в этот, пермский сборник? У Вас не возникло бы возражений? Я помню, что Вы говорили о «На суше и на море», но ведь там, насколько я в курсе, стараются давать первые, не апробированные в журналах публикации. Хочу попробовать сделать этот сборник из вещей, которые нравятся мне самому, а Ваша повесть как раз из их числа…

Вот пока вроде и все. Всего вам доброго, пишите.

В. Бугров.

РИМАНТАС ВАНАГАС

Ванагас Римантас (род. в 1948) — советский литовский поэт и публицист. С его лёгкой руки появились, понятно, в его переводах в журналах и газетах Литвы мои научно-фантастические повести, а в 1990 году в издательстве «Vyturis» (Вильнюс) вышла большая книга под названием «Vilkolakis» («Оборотень»). По письмам Римаса я судил о настроениях литовцев в годы начавшейся перестройки.

Вильнюс. 10.XI.1974

Уважаемый Г. М. Прашкевич!

Ваш беспокоит Ваш переводчик на литовский язык. Совсем случайно журнал «Уральский следопыт», в котором печаталась ваша повесть «Мир, в котором я дома», попал в мои руки. Повесть мне понравилась своей экзотичностью, детективными (приключенческими) элементами, и антифашистской темой. Перевел повесть и предложил её нашему республиканскому журналу «Учащийся». Главный редактор этого журнала уже

познакомился с материалом и отозвался о нём положительно. По его словам, повесть можно печатать с 1-го номера 1975 года с продолжением в трех-четырех номерах — под названием «Обсерватория «Сумерки»». Просим Вашего согласия на издание этой повести. Так же просим написать нам (как можно скорее) Ваши биографические данные с перечислением Ваших повестей и рассказов. Было бы неплохо, если бы Вы сами рассказали о себе нашим молодым читателям.

Если Вас интересует личность Вашего переводчика, о себе могу рассказать коротко. Мне 26 лет. В 1971 году окончил университет гор. Вильнюса. Изучал литовский язык и литературу. Работаю в республиканском журнале молодёжи «Ряды молодёжи» старшим редактором отдела пропаганды. Пишу очерки и стихи, готовлю первый сборник стихов. Живу в Вильнюсе. Писать мне лучше по рабочему адресу. Ваш адрес я получил от редакции «Уральского следопыта».

Жду вашего письма!

С уважением, Римантас

5.07.1975

Уважаемый Геннадий!

Шлю Вам 4-й номер журнала «Mokslivis». Журналу выгодно печатать с продолжением, так что будет не четыре, а пять номеров. Перевел Ваши «Мысли непрофессионала о литературе». Статья будет печататься в городской газете гор. Каунас («Каунасская права»). Ещё перевёл два стихотворения («Журавли» и «Бранденбургский концерт»), постараюсь перевести ещё хоть два и тогда предложу какому-нибудь изданию. Первое стихотворение мне понравилось больше других, потому что оно по-литовски звучит лучше, чем другие. Договорились с журналом «Mokslivis», что примерно через полгода они напечатают Ваше «Разворованное чудо». Повесть «Шпион в юрском периоде» лежит переведенная в редакции нашей республиканской газеты «Комсомольская правда». Главный редактор говорит, что она скоро увидит свет.

Вот такие последние известия о Вашем творчестве.

Я сам только что закончил либретто для оперетты. Не знаю, что получилось. Всё ещё жду квартиру, которая нужна, чтобы быть рядом с сыном. 20 мая ему исполняется… пять месяцев! Я с женой хотел бы пригласить Вас к нам, в Литву, но пока возможности не вижу, живём: один — в одном городе, другой — в другом.

Думаю, что понимаю, почему Ваши стихотворения печатаются у вас с разными трудностями. Но это, по-моему, для Вас только плюс. Когда встретимся, поговорим и обо всём этом. Вот такие дела. Завидую вам, что столько много видели. Моя мечта — побывать на Дальнем Востоке, на самом краю света. Только очень трудно получить такую командировку…

Поздравляю с весной. Пусть она будет для Вас не только весной природы, но и весной больших успехов и удач в творчестве!

Rimantas.

А. П. КАЗАНЦЕВ

Казанцев Александр Петрович (1906–2002) — пи-

сатель-фантаст, журналист, публицист, член СП СССР. В 1939 году был главным инженером промышленного отдела советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке, участник Великой Отечественной войны. Роман «Пылающий остров» и рассказ «Взрыв» — важные вехи советской фантастики. Лауреат премии «Аэлита» (1981).

2.3.1975

Дорогой Геннадий!

Не удалось сразу ответить на Ваше чудесное письмо. Но… лучше поздно, чем никогда. Хочу выразить Вам всю свою симпатию, хотелось бы подарить Вам свой последний роман «Фаэты», не знаю, есть ли он у Вас. Пока экземпляров не выкроил, но просил книголюбов достать мне это моё произведение. Во всяком случае был бы очень рад, если бы Вы прочитали его.

Теперь о деле. Хочу просить Вас, как член Совета по работе с молодыми СП РСФСР, объединить группу сибирских фантастов.

Мы только что выпустили сборник

молодых фантастов под эгидой СП РСФП (моя инициатива, забота и предисловие) — это НФ № 16 издательства «Знание».

Не исключено, что мы повторим этот наш опыт. Благоприятные переговоры ведутся с «Молодой гвардией». Нам нужны произведения сибиряков. Это — Ваши сотоварищи по книге Западно-Сибирского издательства{43}, это произведения ещё кого-нибудь из молодых. Помогите мне в этом. Присылайте их произведения мне или Николаю Никитичу Пронину в изд-во «Мысль» для сборника молодых через Альманах «На суше и на море». Буду признателен Вам за помощь.

Желаю всяческих успехов и процветания.

Ваш — Александр Казанцев

{43} Комментарии: 43

В. Колупаев и Д. Константиновский. Сборник «Ошибка создателя», Новосибирск, 1975.

Г. И. ГУРЕВИЧ

Москва. 22.01.1977

Дорогой Геннадий!

С громадным удовольствием познакомился я с этим долговязым бородатым и клетчатым продолжением моего бывшего 14-летнего корреспондента. Представляю, как Вам было приятно явиться к этому непрозорливому Гуревичу, сказать и показать: «Вот видите, я своего добился. Хотел стать писателем и стал». Но поверьте и Гуревичу было не менее приятно. Во-первых, отцам всегда приятно, когда дети побеждают. И вообще сверхприятно, что в этом ноющем, жалующемся, канючащем мире находятся победители, люди, сумевшие переступить через все препятствия, имеющие право гордо говорить о своих достижениях. Прекрасно, что Вы стали писателем. Поздравляю! Мо-ло-дец!

А теперь, молодец Геннадий, подумайте о следующем этапе.

Не только молодые литераторы, все

люди на свете проходят две стадии. И первая: кем быть? А вторая: что сделать, будучи?

Для школьника все упирается в «кем стать»? Стать геологом, артистом, лингвистом, писателем, шахматистом… Далеко не всем удается победить на этой стадии… Но вот человек пробился. Он — уже профессиональный шахматист… для примера. Какой? Ну, кандидат в мастера. И вот тут выясняется, что всё — только начало. Он — кандидат, он участник турниров. Но вокруг другие такие же кандидаты. И все хотят стать чемпионами.

Оказывается, эта вторая стадия труднее первой.

Почему я заговорил о шахматах? Так легче рассуждать. Я бы определил Ваше положение, как кандидата в литературные мастера. Допустим, я — мастер, не гроссмейстер, конечно. И вот я держу в руках сборник «Ошибка создателя»{44}. Будем считать, что в нем три кандидата

{44} Комментарии: 44

«Ошибка создателя» — сборник фантастических рассказов и повестей Виктора Колупаева, Давида Константиновского, Геннадия Прашкевича (Новосибирск, 1975).

играют на звание чемпиона Сибири по фантастике. Кто из трех?

Без колебаний третье последнее место я отвожу Д. Константиновскому. Написано длинно, с претензией на многозначительность, и о пустяке. Цитаты из Свифта — это претензия: дескать, я его продолжаю. А мелкий завистник в институте будущего — пустяк. И машины, копирующие мелкую зависть, — надуманная проблема.

Первое место в этом турнире трех я, увы, отвожу Колупаеву. Отвожу за рассказы «Улыбка» и «Спешу на свидание». У них свои недостатки, но есть человечность и психология и личные наблюдения. А Прашкевич, к сожалению, в этом турнире троих — на втором месте. За что? За то, что играл не в полную силу. Не использовал личных наблюдений, не использовал годы, проведенные на Сахалине и Курилах, не использовал Новосибирска, вот и сквозит в его вещах прочитанное. В «Мире» чувствуется что-то из «Секретного фарватера» Платова, а «Чудо» напомнило мне «Круглую тайну» Шефнера… но

там эта тема лучше, потому что она на ленинградском материале. Она личная, шефнеровская.

Не думаю, что надо разбирать подробно. Есть у Вас и находки, полно этой самой эрудиции, есть жемчужинки. Все это по-писательски. Так можно сформулировать: да, Прашкевич стал писателем, но — писателя Прашкевича еще нет в русской литературе.

Да Вы не падайте духом, не злитесь, как Карпов после каждой ничьей.

Сказанное не отменяет Вашего права (морально-литературного) на издание своего сборника. Вы спрашиваете оргсоветов{45}. Я советовал бы Вам написать Казанцеву{46}, попросить у него совета и помощи, не ссылаясь на меня. Абрамов{47}

{45} Комментарии: 45

Очередной рецензент в Госкомиздате РСФСР незадолго до этого подверг уничтожающей критике новую рукопись моих научно-фантастических повестей, предложенных Зап.-Сиб. кн. изд-ву.

{46} Комментарии: 46

А. П. Казанцев имел большой вес в официальных литературных кругах; кстати, к моим вещам Александр Петрович всегда относился с интересом и пониманием.

{47} Комментарии: 47

С. А. Абрамов — писатель-фантаст, журналист и общественный деятель.

был в Дубултах в декабре, Войскунский сейчас в Переделкине. Он человек добрый и обаятельный, но не является официальной личностью. В свое время я говорил о Вас Берковой{48}, когда готовились рекомендации участникам семинара. Она сказала, что Вы не числитесь участником. Еще один путь: жалобы в СП или в конфликтную комиссию СП. Основание для жалобы: в Госкомитете давали на рецензию нефантасту. Добивайтесь рецензии фантаста. Я думаю, никто Вас не зарежет. Можно упрекать Вас в недостаточной оригинальности, но никак — не в идеологической диверсии. Наоборот, нормальная советская антикапиталистическая агитация.

Возвращаюсь к главной проблеме: что такое писатель Прашкевич? Что внесет Прашкевич в литературу?

В литературе, видите ли, в отличие от шахмат, переход из мастеров в гроссмей-

{48} Комментарии: 48

Нина Матвеевна Беркова — прозаик, публицист, долгое время работала в Секретариате Союза писателей СССР, инициатор проведения ежегодных Всесоюзных семинаров молодых писателей-фантастов в подмосковной Малеевке и в рижских Дубултах.

стеры зависит не только от мастерства. Тут надо явиться в мир с каким-то личным откровением. Что-то сообщить о человеке человечеству.

Например, Тургенев открыл, что люди (из людской) — тоже люди. Толстой объявил, что эти люди — мужики — соль земли, что они делают историю, решают мир и войну, а правители — пена, только играют в управление. Что делать? Бунтовать — объявил Чернышевский. А Достоевский открыл, что бунтовать бесполезно. Человек слишком сложен, нет для всех общего счастья. Каждому нужен свой ключик, сочувствие, любовь. Любовь отцветающей женщины открыл Бальзак, а Ремарк — мужскую дружбу, и т. д.

Так вот, задача Ваша: найти, что же скажет миру Прашкевич?

И пора об этом думать. Толстой начал «Войну и мир» в 36 лет, а Пушкин и вообще-то прожил 37. И не обязательно каждодневно работать с 6 до 11, а то времени не хватает думать. Это еще Резерфорд сказал.

Это даже не главная тема. Это выше

— главная идея.

У нас много еще будет разговоров — о главной идее и главной теме.

.....

26-го я еду в Переделкино и буду там месяц. Надеюсь за это время добить «Книгу замыслов». В апреле, уповаю, все будет перепечатано. Получается семь замыслов (сейчас дописываю шестой). Объем, примерно — 10-12 листов. И тогда я смогу Вам послать на выбор все семь{49}. У Бугрова только три замысла на руках, он окончательного выбора сделать за Вас и за меня не может. Вы мне напишите точнее: когда Вам нужна рукопись для «Собеседника» и какого объема? Можно ли ждать до апреля или требуется раньше? В плане сборника мое сочинение надо озаглавить: «Книга замыслов» или же «Семь книг в одной». И ставить его (сочинение), конечно, не во главе, а под финал. Сначала вещи авторов, потом замыслы.

.....

Моя жена посылает Вам наилучшие

{49} Комментарии: 49

Для очередного сборника «Собеседник», выходившего в Новосибирске.

пожелания. Она говорила, что из всех гостей Вы ей больше всех пришлись по душе. Ваши вещи она прочла и говорит: «Хорошо бы он (Вы) в прозе был самим собой, как в стихах». Костя (сын) тоже кланяется. Благодаря Вам мы приобрели возможность пугать его: «Учись как следует, будешь как Прашкевич». Впрочем, он идет по верхнему пути. Сегодня добил сессию на одни пятерки.

Желаю и Вам того же: одни пятерки в жизни.

Хотя у писателей такого не бывает.

Крепко обнимаю —

Г. Гуревич

Москва, 1978

Дорогой Геннадий.

Сожалею, что не удалось повидаться в Свердловске, но вероятно Вы знаете, что причина моего отсутствия была серьезной: меня занесло в Италию.

Рим, Сорренто, Капри, Неаполь, Помпеи, Рим, Флоренция, Венеция, Милан за девять суток. Калейдоскоп и круговращение. Советский турист — самый

выносливый в мире.

Италия неописуема и не осмысливаема. Не в восторженном смысле — знаете, что я человек не восторженный. Неописуема потому, что в основном нас водили по музеям и зданиям, а живопись и архитектура, да и природа, не излагаются словесно. Некогда я был в Канаде и изложил свои впечатления письменно, но там это удалось, потому что предметом описания была современная и малознакомая страна. А тут общеизвестная классика. Ну что добавочно нового скажешь о Рафаэле и Тициане?

Не осмысливаемая потому, что при беглом беге подхватываешь только беглые обрывки впечатлений. Обдумывать некогда, изучить — тем более. Может быть, позже когда-нибудь появятся не мысли об Италии, а мысли по поводу Италии. Когда появятся, тогда и вставлю. Снова (вторично) поздравляю Вас с толстой

солидной книжкой{50} и с мгновенно вышедшей сверхсолидной рецензией в «Правде»{51}. Какое впечатление она произвела в сибирских редакциях? Удалось ли Вам зазнаться?

Теперь самая трудная часть письма. Вы делаете ее трудной, ужасно преувеличивая значение моего мнения. А сборник уже оценен «Правдой».

Больше всего мне понравился рассказ о йети (странно?), после него «Сирены Летящей». Почему о йети? — я сам себя спрашивал. Думаю, что именно этот рассказ достоин Прашке-вича, выражает его неповторимую интонацию. Если я правильно понимаю, Прашкевич чув-

---

{50} Комментарии: 50

«Разворованное чудо» (Новосибирск, 1978). Выход и этой книги, как всегда, был непрост: многократное рецензирование, непонимание, отторжение. Даже замечательный сибирский фантаст Михаил Петрович Михеев, очень дружески ко мне относившийся, решил, например, что сведения об Иностранном легионе (чёрное сердце повести) совершенно излишни. Впрочем, Михеева я смог убедить, он сам был человеком пуганным. В тридцатые годы он работал монтёром в каком-то электроцехе в городе Бийске, пописывал (по его собственному выражению) стишки. «В фабкоме встретились шофёр и комсомолка». А однажды на свадьбу друга даже написал песню: «Есть по Чуйскому тракту дорога». К удивлению самого Михеева, её запели. И вдруг в это время бийская городская газета разразилась большой статьёй о плохом состоянии алтайских дорог, о частых авариях, о плохой дисциплине среди шоферов, — да и какой может быть дисциплина у наших шоферов, спрашивала газета, если они поют подобные песни? Утром на работе громко

крикнули: «Михеев, в особый отдел!» Михаил Петрович шёл, и ноги у него дрожали. Так он сам рассказывал. Из особого отдела можно было отправиться куда угодно, хоть в Магадан. Вошёл, молча снял кепку. Особист в форме долго рассматривал Михаила Петровича, и тоже молчал. Да и о чём говорить? Михаил Петрович от порога увидел тетрадный листок, лежавший перед особистом — с текстом песни. «Твоя работа, Михеев?» — «Моя». — Ждал Михаил Петрович чего угодно, даже самого плохого, но особист вдруг весело хлопнул ладонью по столу: «Да ты у нас, Михеев, поэт! Мы тебя учиться отправим!» Вот и такое случалось в нашей замечательной стране. Удивительно чистым человеком был Михаил Петрович. Трогательные старые часики на руках, кепка, каких уже почти не носили, всю жизнь проездил на старенькой советской «Победе». И кредо соответствующее. «Хочу, чтобы моего главного героя было за что любить». Моё призвание — электрик, говорил он. Я очень этим горжусь, но самое нужное дело — литература».

{51} Комментарии: 51

Е. Брандис, В. Дмитревский, «Взято из действительности: заметки о научной фантастике». М.: «Правда», 3 сентября 1978 года.

ствителен и зорок. Он видел горы, зорко подметил детали — это всё есть в рассказе о Гималаях. И есть доброта неравнодушного человека. Рассказы на чужом материале мешают автору проявить зоркость, рассказы о всяких шпионах мешают проявить человечные чувства.

Как-то у Вас так получается: отдельно произведения о живых людях, но без сюжета и интриги, отдельно рассказы с сюжетом и интригой, но без живых людей.

Сейчас мне думается (не сразу пришло в голову), что скелет Вашего успеха в том, чтобы взять людей Огненного кольца, столяров, геологов и путешествующих

в шляпе{52} и кинуть их в фантастику, не обязательно космическую. Именно с этого начали подъем Стругацкие, когда Борис отправил своих сослуживцев, а Аркадий — своих собутыльников в «Страну багровых туч». (Перечитайте). А секрет их дальнейшего продолжительного успеха в том, что перед этими сослуживцами и собутыльниками были поставлены мировые проблемы.

Не помню, писал ли я подобное в прежних письмах, но сейчас мне кажется, что я советую Вам нечто дельное.

Хотя нет ничего наивнее советов взрослому автору.

Получили ли Вы мою книгу? Я посы-

{52} Комментарии: 52

«Путешествующих в шляпе» — это отсылка на мою так и не напечатанную до сих пор повесть (точнее, эссе) «Определение позиций или Первое возвращение в войну» (лежит в архиве). В первом варианте — «Путешествие в шляпе шефа»; и писалось это эссе как некая пьеса-раздумье специально для чтения — сразу после поездки в Польшу и ГДР.В наши дни (вот парадокс) чисто реалистическая литературная работа смотрится, как самая настоящая фантастическая повесть: герой из несуществующей ныне огромной страны СССР путешествует по двум большим, тоже сейчас несуществующим странам — Германской Демократической Республике и Польской Народной Республике. Другие люди, другие ценности, другие устремления, споры, ссоры. Всё в мире изменилось, кроме проблем. Проблемы, какими были, такими и остались. Практически ничего не изменилось за долгих полвека. Было бы любопытно издать это эссе в том виде, как оно было написано. Поучительное получилось бы чтение.

лал ее по старому вашему адресу в конце августа.

Сейчас сижу над романом для «Молодой гвардии».

Срок уже приближается, но — логике вопреки — я еду еще и в Пицунду.

Ужасно суетливый получился год. Честное слово, я не хотел такой суеты.

С самыми лучшими пожеланиями.

Привет Лиде и дочке.

Ваш

Г. Гуревич

А. М. БИРЮКОВ

Бирюков Александр Михайлович (1938–2005) — журналист, публицист, прозаик, член СП СССР. Автор многих художественных, публицистических, документальных книг, посвященных судьбам репрессированных (и вообще — не по своей воле — оказавшихся в Магадане) советских писателей (и не только писателей). После окончания

МГУ, Бирюков много лет жил и работал в Магадане, ему нравился этот город, нравился север — низкорослый лес, низкое небо, жёсткие морозы, море. Редактировал газету «Магаданский комсомолец», возглавлял Магаданское книжное издательство. В тяжёлые для меня годы (после запрета моей первой книги — книги стихов «Звездопад») смело и щедро публиковал мои стихи, напечатав в своей комсомольской газете чуть ли не всю эту мою запрещённ-ную книгу, вплоть до переводов с болгарского! И на этом не остановился: в 1976 году, будучи главным редактором магаданского книжного издательства, отказался посылать в Москву на обязательное контрольное рецензирование рукопись моей прозаической книги «Люди Огненного кольца» — под свою личную ответственность. В итоге, в 1977 году «Люди Огненного кольца», наконец, вышли в свет. Именно с этой книги я начинаю отсчёт свой серьезной литературной жизни.

31 марта 1977 г.

Ну, вот, товарищ Гена, и вышла книжка{53}.

{53} Комментарии: 53
«Люди Огненного кольца» (Магадан, 1977)

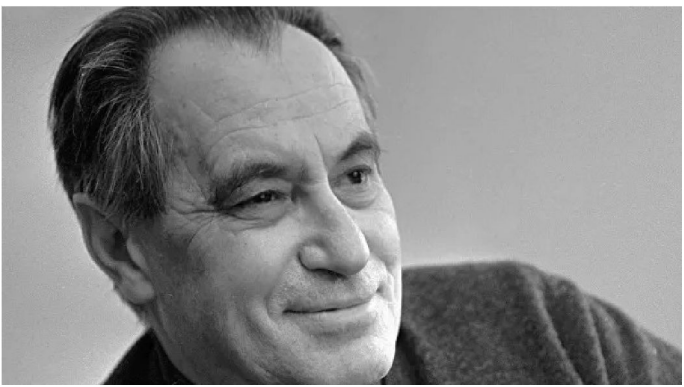
Шлю тебе первые экземпляры и помню об остальных.

Конечно, хотелось бы издать её получше, но человек предполагает…

Откликнись!

А. М. Бирюков.

В. П. КАТАЕВ



Катаев Валентин Петрович (1897–1986) — прозаик, поэт, драматург, общественный деятель, член СП СССР, Лауреат Сталинской премии (за повесть «Сын полка»), Герой Социалистического Труда. Основатель (1955) и главный редактор (до 1961 года) чрезвычайно популярного журнала «Юность». Оценка Катаевым моей прозы меня обрадовала.

Москва, 1978
Уважаемый Геннадий.

Книжку Вашу получил. За надпись благодарю.

Я прочел ее с большим удовольствием, временами восхищаясь Вашим изобразительским талантом{54}. Вашу книгу можно поставить в один ряд с хорошими американскими писателями. Не знаю — комплимент ли это, но я люблю современную американскую прозу. Вы — хороший писатель прозаик и я желаю Вам всяческих успехов.

Валентин Катаев.

P.S. И юмор у Вас отличный.

{54} Комментарии: 54

В книгу «Люди Огненного кольца» (Магадан, 1977) вошли повести: «Столярный цех», «Ильёв. Его возвращение», «Двое», «Люди Огненного кольца», «Мирис» и «Каникулы 1971 года»

Ю. С. СЕМЕНОВ

Семенов Юлиан Семенович (1931–1993) — прозаик, поэт, журналист, публицист, кинодраматург, член СП СССР, основатель знаменитого журнала «Детектив и политика» и не менее знаменитой газеты «Совершенно секретно». Лауреат Государственной премии РСФСР, Заслуженный деятель искусств РСФСР. О прославившей его повести «Семнадцать мгновений весны» можно и не говорить. Когда цензура в 1983 году запретила мою уже напечатанную (кстати, тридцатитысячным тиражом) повесть «Великий Краббен», активно помогал мне спасти её, и был первым моим рекомендателем в СП ССР.

Москва, октябрь 1978

Дорогой Геннадий! Вот Вам рекоменда-

ция в Союз{55}.

Я говорил, кстати, много о Вас с гл. редактором «Сиб. огней» — свяжитесь с ним.

Рецензию на Вас писать не просто{56} — это надо сделать как-то по-особому, не оценочно — ждите. Сделаю. Не считайте при этом, что рецензия решает всё: суета сует и всяческая суета. Главное, чтобы книгу брали в библиотеке.

Искать ключи в Госкомиздат не надо — суетливо это. Поступим иначе.

Пришлите официально в СП РСФСР на имя Ю. В. Бондарева и мое (как председателя Комиссии) письмо, рукопись и рецензию Дугинца{57}. Попросите Бон-

---

{55} Комментарии: 55

К письму Юлиана была приложена рекомендация. Вполне в его стиле. *«Книгу Геннадия Прашкевича «Люди Огненного кольца» я прочитал залпом.*

Книга эта — необычна, ибо при всей её разности со страниц встаёт сам автор — нельзя его не понять и не почувствовать. Автор этот влюблён в жизнь, которая прекрасна — во всей её многосложности и противоречивости. Автор этот — романтик, который ведёт многотрудный поиск прекрасного; он умеет находить прекрасное и в столярном цеху, где пахнет стружкой и клеем, и где каждый человек — человек, то есть характер, и на Курильских островах, в людях «Огненного кольца», — однако и там, в краю романтики, Прашкевич не ищет лёгкого, поверхностного, он копает вглубь, и копает отменно.

Прашкевич раскован в своей прозе; эпитеты его порой дерзки, и это прямо-таки замечательно. Нашему учителю Горькому много до-

сталось за «море смеялось». Критики Горького забыты — Алексей же Максимович вечен. Можно соглашаться или не соглашаться с «дерзостями» Прашкевича, однако же нельзя не признать, что рождены они талантливостью его литературного дара, его добротой и ответственностью за наше молодое поколение, которое постоянно корректируется в наш стремительный век.

Герои Прашкевича — рабочие люди. И замечательно, что он так пристально любит их, гордится ими, так открыто за них радуется.

Есть у Прашкевича и иные герои: недобитые гитлеровцы, шваль Иностранного легиона — бандитские наёмники империалистов. И здесь Прашкевич на высоте: он не мажет их черным, он не делает их глупцами, он пишет врага, которого надо уничтожить, а когда враг силен, тогда шапкозакидательство преступно.

Разносторонность таланта Прашкевича очевидна. А талантливому литератору следует быть в рядах Союза Писателей, чтобы работать ещё активнее.

От всего сердца рекомендую Геннадия Прашкевича в члены СП СССР —
Юлиан Семенов».

{56} Комментарии: 56

Рецензия нужна была для Госкомитета по печати РСФСР, куда в очередной раз была затребована моя новая рукопись.

{57} Комментарии: 57

Дугинец — штатный рецензент Госкомиздата

дарева, как мэтра, и меня, как маленько понимающего жанр, разобраться в этом деле и заслушать мнение литератора Дугинца, выступающего главным ценителем жанра. Сделайте это немедленно, ибо 20 ноября я уезжаю.

Вкалывать! За одного битого дают 167 542 987 небитых! Ощущайте продольные мышцы спины! Бегайте по утрам! Занимайтесь спортом! Смотрите на себя со стороны и радуйтесь этой возможности! Злитесь! «И это пройдет».

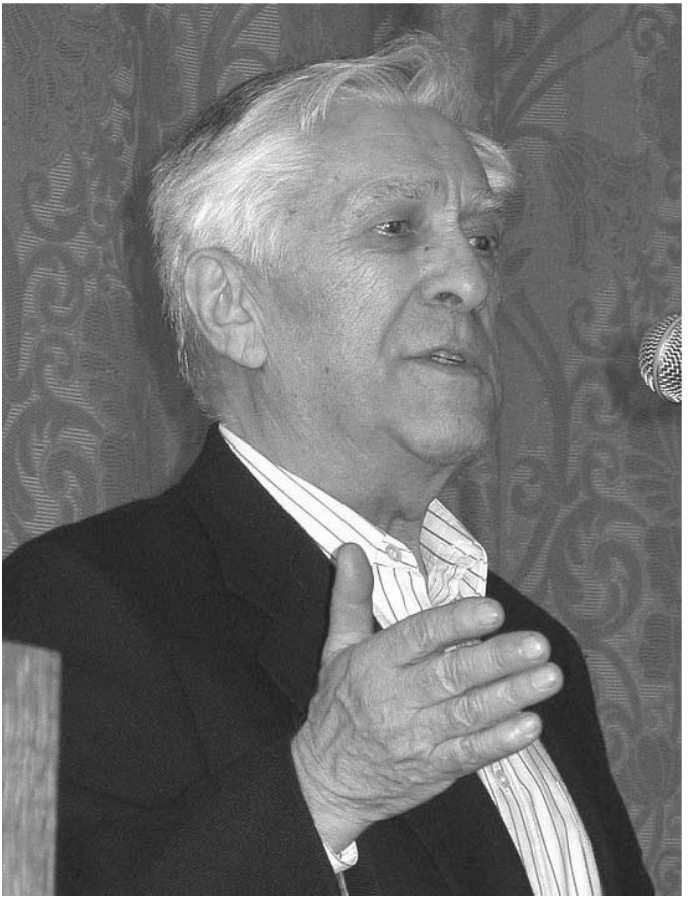
Однако, нет большей радости в жизни, чем жизнь!

Пишите. Если не отвечаю — значит нет меня.

Жму руку,

Юлиан Семенов.

З. Ю. ЮРЬЕВ



Юрьев Зиновий Юрьевич (1925–2020) — писатель-фантаст, сценарист, сатирик, многие годы работал в популярном журнале «Крокодил». Член СП СССР, один из первых Лауреатов премии «Аэлита» (1982).

Москва, 5.12.78

Дорогой Геннадий!

Меня очень долго не было в Москве, почти два месяца.

А когда приехал и начал разбирать бумаги, нашел Ваше письмо, но без журнала.

В семье моей царит такой же бардак, как и везде, и так я и не нашел, кто же взял журнал{58}. Старший сын признался, что он прочел про геологов, но больше ничего сообщить мне не смог. Поэтому я пока воспринимаю Вас как человека очень здорово написавшего про заграницу, но мы-то с Вами знаем, что в душе нам всегда хотелось писать о нас самих, а не о всяких там Джонах.

Я написал «здорово» не из вежливости.

{58} Комментарии: 58

Хабаровский журнал «Дальний Восток» (1977, № 4) с моей повестью «Двое на острове».

В отличие от подавляющего большинства нашего брата, Вы действительно обладаете даром слова, вкусом, т. е. талантом, хотя для успехов в советской литературе это качество вовсе не обязательно, а иногда даже мешает.

Ещё раз прошу прощения, сообщите мне хоть в письме, — что Вы мне присылали, я найду в библиотеке. Вы мне очень симпатичны и как человек и как писатель, и мне не хотелось бы, чтобы Вы приняли меня за эдакого мэтра, не удостаивающего вниманием коллегу. Бог свидетель, я не такой.

Всех благ.

Искренне Ваш

Зиновий Юрьев.

В. И. БУГРОВ

12.I.1979

Гена, здравствуй!

Высылаю, наконец, гранки — вычитал со всей тщательностью, времени убил на них — уйму!!! (Уж очень хочется обойтись без единого ляпа, — возможно ли такое вообще в библиографии?! — проверим).

Дополнять библиографию *ничем* абсолютно не стал. Не то, чтобы убоялся штрафов, а просто: глаза разбегались, сложно выбрать самое сушественное, и поскольку со временем маячит возможность дать дополнения — вот там их и дадим.

В библиографии для меня осталось лишь два сомнительных момента, — я их не называю, потому что к вёрстке (которую жду от тебя непременно) их обязательно проясню.

Под вопросом для меня: имеем ли мы

право дать библиографию Бердника?{59} Не нагорит ли нам потом за это? Выяснил бы ты, Гена, как редактор, у вашего ЛИТО: слухи слухами, но вдруг его и впрямь нельзя упоминать? (Кстати, в этом плане не может не интересовать меня и «Час быка» И. А. Ефремова: вот его-то убирать очень не хотелось бы, но — какова конъюнктура: не скажут ли всё-таки?)

Ни в библиографии, ни в материале о Гуревиче не приведены сноски (оно, в общем, и понятно, поскольку они, очевидно, даны иным шрифтом и лежат где-то отдельно). На всякий случай я пометил в гранках, что там-то и там-то должны быть сноски (их, кажется, две в статье, и три в библиографии).

В отличие от библиографии, в статье не удалось ограничиться правкой опечаток: пришлось внести кое-какие замечания Георгия Иосифовича и, кроме того, по-

{59} Комментарии: 59

Александр (Олесь) Бердник (1926–2003) — советский и украинский писатель-фантаст, участник правозащитного движения, один из основателей Украинской Хельсинкской группы; книги его в СССР то запрещали, то издавали вновь. Позже я подружился (в Киеве) с его дочерью — Громовицей, журналисткой и писательницей. В 2005 году в Киеве вышла известная книга Олеся Бердника «Звездный корсар», к которой, по просьбе Громовицы, я писал предисловие.

правки на время, коих могло бы не быть, если б «Собеседник» вышел в прошлом (как поначалу вроде бы планировалось) году. Возможно, за правку статьи мне и придётся платить штраф (любопытно, какова будет сумма?); до сих пор, правда, приходилось мне штрафоваться лишь за безбилетный проезд в транспорте, — однако внести эти изменения обязывает моральный долг перед Георгием Иосифовичем.

Кстати, в одном из листков (тоже гранки), попавших ко мне, вероятно, случайно, я в трёх местах выполнял роль корректора, — обрати внимание, Гена, ладно?

Пока, пожалуй, и все: тороплюсь отослать, а что вспомню — скажу по телефону.

Всех благ тебе в этом году! (И вашему милому издательству в целом — тоже). И, кстати, спасибо за поздравления — и от меня, и от Л. Г., и от Д. Я.!

В. Бугров

27 июня 1979

Дорогой Гена!

Разговор наш прервался — истёк, видимо, лимит на него, а сызнова (ободрённый тем, что дома ты в одиночестве) я, увы, дозвониться не смог (и закралась мысль: поди-ка ты в 24.00 отключаешь телефон-то, а?), и оттого сел за машинку, чтобы как-то разговор закончить. Да и, пока набирал сызнова-то твой телефон, возникла вроде бы такая надобность.

Дело — в нашей анкете{60}.

Хочу тебя попросить: посмотри на неё ещё раз, пристрастно, уже как её редактор будущий. Пункт № 11 мы отбросим — это решено. А как — остальные? Все тебя — как редактора — устраивает? М. б. у тебя возникнут какие-то встречные вопросы? М. б., имеет смысл её чем-то дополнить? Сделать её, так сказать, *лишь на базе нашей, журнальной, анкеты*? Ведь тогда мы можем и дополнительно кого-то из фантастов опросить, а? Могучая мысль, не так ли? Реализацию её я беру на себя: это — интересно, и я бы это — вытянул!!

{60} Комментарии: 60

Задуманная нами анкета адресовалась писателям-фантастам, активно в те годы работавшим в этом популярном жанре.

Тогда мы опросили бы и Александра Петровича (т.е. Казанцева), и… и… Кого ещё? Подумай — м. б, и ещё кого-нибудь… Тут, правда, сразу ещё один вопрос встаёт. Ответов у каждого фантаста — минимум полторы-две страницы, а у иных (напр., Альтов, Биленкин, Журавлева, Амнуэль — это из тех, что у меня прошли) — по четыре и даже по пять страниц машинки. Т. е. по оптимистическим подсчётам — будем считать по 3–5 стр. на брата. 3–5 на 19 (приблизительно, разумеется) — ой, что-то много!..

А если не 19, а больше?

Потянет ли «Собеседник»?

Но уж если бы потянул — ох, до чего бы здорово бы!

Словом, подумай об этом: добавлять ли какие вопросы, корректировать их, сокращать ли… и вводить ли новых ответчиков?

Очень жду твоего ответа, поскольку загорелся жаждой деятельности!

Кстати, а критики-фантастоведы? (Брандис, Кагарлицкий, Ревич… кто ещё?). Или оставить их на будущее: а) что-

бы не перегружаться, и б) чтобы что-то интересное иметь и на это вот будущее? Сам я, подумав, склоняюсь к тому, чтобы — оставить. А твой взгляд?

Вообще же — ох, Гена, сколько всего мы могли бы сделать — даже при минимальных наших возможностях, и — при отсутствии даже этих возможностей, а главное, наверное, при отсутствии нашей с тобою во всем этом *заинтересованности (*притом полубескорыстной) у других!

Ей-ей, невольно временами закрадывается грустная мысль о том, что всё, над чем бьёшься, в принципе не нужно массе других людей, могущих в чем-либо эту работу (по сплочению Ф-сил, по истинному — хотя бы на уровне европейских стандартов — становлению фантастики на ноги в море окружающих её и, мягко говоря, отнюдь не жаждущих её становления сил и тенденций) подвинуть. Временами же, напротив, думаю: м. б., как раз поэтому и в данный момент разобщённости нашей НФ мы (такие вот полубескорыстные) и нужны? Но тогда, опять же, эту свою полезность, необходимость мы должны в

полной мере реализовать, использовать. Чтобы потом — по Островскому — «не было мучительно больно». Но это я уже куда-то в лирику ушёл, это — уже явно лишнее. Просто: время позднее, вот и расфилософствовался. Извини.

Всего-всего тебе доброго, и не болей, пожалуйста: нас, как «кукушек Мидвича», слишком немного.

Пиши —

В. Бугров

PS Не нужны ли (подумалось сейчас), помимо фото, и минимальные биографические справки о фантастах, для читателя это было бы дополнительным плюсом, а я бы мог их сделать.

Кстати, на будущее мы могли бы провернуть не только анкету среди критиков, но (почему бы и нет?) и анкету среди маститых читателей (писатели, артисты, космонавты, тот же, м. б., Карпов или кто еще…) — ведь и это в нашей власти, а?

И еще подумал: если фантастов-ответчиков окажется многовато, м. б., разделить их на две порции? Но тогда — особенно надо подумать о весомости

вопросов нашей анкеты. Чтобы она и вправду не оказалась сиюминутной.

Давай, Гена, думай!

(Ещё приписка). Ну — а уж резонанс она имела бы… Причём не на один год… Ведь никакому Совету не вытянуть подобный массовый обмен мнениями. И в этом — наш козырь.

З. Ю. ЮРЬЕВ

Москва, 2.I.1979

Дорогой Гена!

Получил «Уральский следопыт» и тут же прочёл Вашу повесть{61}.

Она ещё больше укрепила меня во мнении, в котором, впрочем, я давно уже укрепился: Вы — очень способный человек, Вас скорее всего ждёт отличное литературное будущее. Вы пишете легко, элегантно, и читать Вас всегда приятно. Учитывая всё это, дальнейшие мои соображения Вы должны принять, как дружеский совет. Тем более, что Вы вполне можете послать меня мысленно куда подальше, и я даже не обижусь. А если Вы сумеете извлечь хоть какую-то для себя пользу из этого письма, я буду только рад за Вас и себя, ибо я глубоко убеждён в том, что не ошибаюсь.

Во-первых, Вы опубликовали повесть, сжатую минимум до десяти атмосфер. Я

{61} Комментарии: 61

«Только человек!» («Уральский следопыт», № 11, 1978).

не шучу. Она сжата минимум раз в десять, если не в пятнадцать. Это по количеству событий, количеству мыслей и информации — роман на 12–15 листов.

Не думайте, дорогой Гена, что плотность прозы — это всегда благо. Любой деликатес, спрессованный в брикет, теряет не только вкус, он просто станет неудобоваримым. Повесть, конечно, ещё удобоварима, но на грани неудобоваримости. Вы так стараетесь всунуть в малый объем всё, что наготовили, что моментами художественная проза — а это Ваша сила по сравнению с большинством фантастов — превращается в лучшем случае в художественные тезисы, беллетризованный конспект или что-то в этом духе. Из-за того, что Вы торопитесь, у Вас не остаётся времени и места для людей и их реакций на необычные ситуации. От самого Доссета до археолога все Ваши герои крайне неадекватно реагируют на происходящее. Точнее, реагируют они правильно, но мало, обезжиренно и неубедительно. А мне это очень огорчительно, ибо это ставит Вас в один ряд

с множеством наших фантастов, которые писать, строго говоря, не умеют.

А Вы умеете, у Вас, чёрт подери, есть ведь вкус!

Любой кусок повести, от допросов до раскопок в Ираке, от смерти Гиша до «вознесения» героини — всё так и просится: дайте мне прорасти, дайте мне развернуться, набрать силу, цвет, запах, ритм! Растворите концентрат. В данном случае даже вода пошла бы на пользу, не говоря уже о бульоне.

Не обиделись?

Ну и слава богу.

Теперь о втором.

Сам я тоже прошёл через заграничные сюжеты: они и полегче, и позавлекательнее. И эрудицией щегольнуть можно, и соблазнить редакторов идеологической полноценностью. Но вообще-то класс фантаста определяется, по-видимому, только на «внутреннем» сюжете. Может потому, что все мы испытываем столь стойкую идиосинкразию ко всему, что хоть чуточку отдаёт Валентином Зори-

ным{62}.

Однако, хватит поучений. Надеюсь, с СП всё в порядке. Не поленитесь, напишите мне. Будете в Москве, не стесняйтесь, буду искренне рад увидеть Вас. Если узнаю, что были в Москве, а мне не позвонили, обижусь. До весны я буду на месте, разве что на три-четыре дня съезжу раз или два от «Крокодила» в командировки.

Искренне Ваш З. Юрьев.

Москва, 23.I.79

Дорогой Гена!

Только что кончил читать «Огненное кольцо».

На этот раз никаких поучений, никаких претензий.

И самое главное — моментами Вы каким-то таинственным образом достигаете зыбкого и неясного волшебства, какое отличает только немногих избранных. Дай бог и дальше Вам плыть в этом направлении. Если будете в Москве и не

{62} Комментарии: 62

В. С. Зорин (1925–2016) — популярный в то время советский и российский политолог, историк-американист, телеведущий, журналист, политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

позвоните — порываю с Вами все отношения. Серьезно — обижусь.

Искренне Ваш
Зиновий Юрьев.

11.6.79
Дорогой Гена!

Только что получил твое письмо, за которое благодарен, и тут же устанавливаю личный рекорд скорости ответа — пятнадцать минут спустя после вскрытия конверта.

Весной я пробыл полтора месяца в доме творчества в Ялте, и буквально на следующий день после приезда мне было неудобно снова сматываться из редакции, тем более, что мой коллега был болен. Поэтому-то я и не смог приехать в Новосибирск{63}. С божьей помощью я надеюсь наверстать упущенное и увидеться с тобой. Может быть, ты соберешься в Москву, может я — в Новосибирск.

Рад, что ты вовсю пишешь. Я глубоко уверен, что твой стиль, воплощенный для

{63} Комментарии: 63
Планировалось выступление Юрьева в Доме учёных новосибирского Академгородка.

меня в «Каникулах», в высшей степени незауряден и приведет тебя к множеству успехов. До сих пор я под впечатлением этой прелестной, порой волшебной смеси шутки и грусти, эксцентрических и вместе с тем бесконечно симпатичных людей.

Все будет хорошо, немножко терпения.

И с приемом в СП будет хорошо{64}. Просто писательские сонные бонзы с летним теплом и вовсе прекращают какую-либо деятельность, кроме личного обогащения и интриг.

Написал я повесть. Друзья, которые прочли, говорят, что это лучшая моя вещь и, соответственно, имеющая минимальные шансы на опубликование. Говорят, я никого не обману, и суть её — вопль и необходимость какого-то бога — слышен слишком отчетливо. Ну да бог с ним, посмотрим.

Искренне твой

{64} Комментарии: 64

Должен пояснить эти слова. После успешной первой стадии моего приёма в СП СССР в Новосибирске, процесс затормозился — теперь уже в Москве (по чисто идеологическим причинам), и вся история моего вступления в Союз писателей растянулась аж до 1982 года.

Зиновий.

В. А. ПРОКОФЬЕВ

Прокофьев Вадим Александрович — прозаик, литературный критик, член СП СССР, штатный рецензент московского издательства «Молодая гвардия». В конце семидесятых именно ему пришлось решать судьбу повести «Каникулы 1971 года» («Территория греха»). По рецензиям Прокофьева (официальной — для издательства, и неофициальной — для меня), видно, как трудно принимались в то время практически все написанные мною вещи.

Москва, 7.09.79

Уважаемый товарищ Прашкевич!

Мне хочется начать рецензию с перефраза Вашего предисловия.

Вы говорите, что «легче всего проставить название, гораздо труднее определить жанр». Но жанр вы уже определили — гротескная повесть. И это оказалось не так уж трудно, тем более, что «Размышления о гротеске» Иштвана Эркеня послужили Вам неким оправданием перед читателем. «Гротеску на всё… на-

плевать», утверждает Эркень, а вслед за ним и Вы.

С этим трудно согласиться. Во всяком случае, я не знаю ни одного «гротескного» произведения, автору которого было бы «наплевать» на содержание своей вещи, на цели, которые он преследовал, прибегая к гротеску.

Прочитав же «Каникулы 1971 года», я так и не понял — какую цель Вы ставили перед собой, работая над повестью? Что это — скрытая за буффонадой ирония или просто «проба пера» ради забавы? Затрудняюсь ответить на эти вопросы.

А между тем, без такого ответа трудно решить и судьбу Вашей рукописи.

Я всё же думаю, что повесть написана была не ради графоманского удовольствия, и сколько бы Вы не открещивались от прототипов героев повести, наверное, кое-какие факты, штрихи портретов, бытовые детали списаны с натуры.

Если это так, то картина жизни далёких Курильских островов, нравы их постоянных обитателей и «сезонников» — довольно мрачные. И как бы Вы не

сдабривали эти неприглядные штрихи хорошей дозой юмора, они всё равно видны и заставляют задуматься.

Действительно, получается, что Курильские острова заселены, в основном, пьяницами, распутными бабами, лжеучёными, идиотами-киношниками и халтурщиками-скульпторами. Может быть на островах и живут нормальные люди, но Вы заблаговременно отправили их в океан ловить рыбу, иначе они будут мешать «гротеску».

Чтобы ваша повесть не выглядела как поклёп, злая клевета, Вы прибегаете к буффонаде. Обычно буффонада должна вызывать смех, но, право, читая повесть, я не смеялся, я (не обижайтесь) злился на автора.

Согласитесь, что нет ничего смешного в описаниях «отправления естественных надобностей» в бывшем платяном шкафу. Это не Рабле. Да и времена, вкусы читателей ныне очень отличаются от раблезианских.

Ваши герои и слова не могут произнести без этакого «ёрничания»:

«…бьёшься всю жизнь как рыбонька в унитазе».

«…укрывшись в тени пинии, помочился».

«…шеф мне нравился; он был рассеян: идя в туалет, расстёгиваться начинал уже в коридоре».

«…науке нужен Папазян как писсуар для обезьян». (Глубокомысленные афоризмы шефа).

«…чего это она сегодня ниже своего бюста?»

«…у моей знакомой жил пингвин, она его с мужем путала».

Право, мне не хочется продолжать эти выписки.

Вам кажется, что «вопиющий натурализм» — некий патент на новаторство, обязательный компонент в гротескном произведении. Я не ханжа, но мне кажется, что такой натурализм — это просто отсутствие вкуса, пошлость, ничего общего с новаторством и подлинным гротеском не имеющая.

Но давайте предположим, что эта повесть сочтена рецензентом произ-

ведением художественным — как её публиковать и для чего?

Вы ведь прислали её в центральное молодёжное издательство, видимо, адресуя её молодому читателю. Не думаю, чтобы редакции этого издательства нашли в Вашей повести какие-то воспитательные или познавательные начала. А просто «забавные вещицы», насколько мне известно, издательство ЦК ВЛКСМ не публикует.

Время от времени «Молодая гвардия» печатает сборники произведений молодых авторов. Я не знаю, подходите ли Вы к разряду «молодых», но, судя по предисловию, эта повесть никак не первое Ваше произведение.

Теперь несколько слов о чисто литературном облике повести.

Поскольку Вы уверены, что гротеску прощаемо всё и всё доступно, то не особо заботитесь о стилистике, отборе слов. Повесть написана телеграфно и очень неряшливо. Некоторые её фразы просто нечитаемы.

«Деревянные дома, цунами-лестницы,

фонари молчали».

Как понять, «цунами-лестницы»? То ли это специально построенные лестницы, по которым спасаются во время цунами, то ли это образ, но тогда он непонятен. «Молчаливые дома» — куда ни шло, но молчащие фонари — уже никуда не годно.

Гротеск, конечно включает в себя и изображение людей в «уродливо-карикатурном» виде. Но если Вы уродуете содержание Робинзона Крузо, то это ещё не даёт Вам права писать об этом вот такими фразами-уродцами:

«…его лоб, широкий как у придворного чашника, правда, мог вызвать восхищение, а сам он умел быть и важным, и энергичным, и простым, и умел этим заразить каждого. Спутники его любили поесть, но в меру, поговорить об искусстве, но сверх меры».

«...и слезы любви ко всему этому зажигались (?) во мне, и жгли глаза и горло, как звёзды».

Гротеск требует всё же хотя бы элементарной логики, иначе это будет просто

бессмысленным набором слов.

Я вовсе не противник гротеска, буффонады, к сожалению, в нашей литературе они редкие явления. Но буфф ради буффа, зубоскальство ради красного словца — нет, такие повести я не могу рекомендовать издательству.

А ведь Вы могли бы написать подлинно сатирическое острое произведение, и адрес его был бы хорошо известен, и сарказм бил бы в цель, и даже «натурализмы» были бы уместны. Для этого Вам нужно только задаться вопросом — какая идея лежит в основе, для чего все это пишется. Подумайте над этим.

Желаю успеха. С уважением,

В. Прокофьев.

Москва, 16.09.79

Уважаемый Геннадий Мартович!

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», в лице Г. Рой, передало мне на официальную рецензию Вашу повесть — «Каникулы 1971 года». И официально я Вас хорошенько отругал.

И поделом.

Право, жалко и времени, и сил, и «мозговой эквилибристики», потраченных Вами на эту «гротескную» повесть.

В официальной рецензии я изложил причины, по которым Ваша повесть (в том виде, в каком она пребывает ныне) не может быть напечатана. И, уверяю Вас, это не просто моё личное мнение, а знание тех требований, кои предъявляются издательством. Я некогда был редактором в этом издательстве, более десятка лет состою рецензентом, ну и многажды там издавался.

Если бы Вы были бесталанны, то и шут с ним, с временем и силами: графомания — болезнь неизлечимая. Но ведь у Вас есть искра божья, Вы умеете видеть смешное, умеете его показать. (Я в данном случае сужу только по этой прочитанной мною рукописи.) И лепить характеры Вы тоже умеете.

Так зачем же Вы сами это умение отправляете в корзину?

Так и подмывает по-старчески побрюзжать, мол, вот молодость — не знает, куда девать силы и дни. А ведь верно. Вы уже

издавались. Вам нет необходимости снова и снова делать «пробу пера». Теперь пора писать и писать! Писать и писать! Но не для собственной потехи, не в стол и даже не для будущего.

Если вернуться к рукописи, право, из неё может получиться неплохая юмористическая повесть. И переделать рукопись не столь уж трудно.

Мне вспоминаются юмористические повести и рассказы Санина{65}, вероятно, Вы читали их. Санин пишет на грани гротеска, но при этом ничего не выдумывает. Он, скорее, очеркист, документалист. У Вас могло получиться ничуть не хуже. Вы же знакомы с Курилами, с их бытом, экзотикой, людьми. Это же благодатнейший материал, почти целина. Вот и поднимите этот материал — как юморист или даже как сатирик. Уверяю Вас, в новой повести найдётся место и вашему шефу, и скульптору, и другим персонажам. Но

{65} Комментарии: 65

Владимир Маркович Санин (1928–1989) — прозаик, сценарист, драматург, полярник, путешественник. В 1987 году он очень доброжелательно рецензировал мою повесть «Война за погоду» (первое издание: Новосибирск, 1988).

они тогда только встанут во весь рост фигурами сатирическими, когда рядом окажутся люди иного плана. И в этих, иных планах, не обязательно делать их передовиками с доски почёта. Их тоже можно красить юмором, но добрым.

А разве нельзя юмористически и в то же время достоверно рассказать о быте Курил? Тут, наверное, будет простор и для сатиры.

Уверяю Вас, что такая повесть, несущая и познавательные элементы и в то же время весёлая, сочная — всегда найдёт издателя.

На правах старика хочу дать Вам один совет — следите за своим языком, стилем. Вы частенько неточны в словах, да и телеграфность ныне уже вышла из моды. Ведь это была только мода и не более.

Я уверен, Вы вернётесь к повести.

И мы увидим её напечатанной.

Всего, всего Вам доброго.

Ваш В. А. Прокофьев.

1978–2001

Издана (и тут же запрещена цензурой) научно-фантастическая повесть «ВЕЛИКИЙ КРАББЕН».

Вышли в свет:

«СОАВТОР»,

«КОТ НА ДЕРЕВЕ»,

«КОСТРЫ МИРОВ»,

«КОРМЧАЯ КНИГА»,

«УРОКИ ГЕОГРАФИИ»,

«ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА»,

«ЗАПИСКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ШПИОНА»,

«ПОЭЗИЯ МЕРИДИАНА РОЗ» (переводы с болгарского),

«ПОСВЯЩЕНИЯ» (первая книга стихов),

«ВОЗЬМИ МЕНЯ В КАЛЬКУТТЕ»,

«СЕКРЕТНЫЙ ДЬЯК»

ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ

Десанка Максимович (1898–1993) — поэт, эссеист, член Сербской академии наук и искусств. Родилась в селе Рабковица близ города Валево, детство провела в Бранковине, в маленьком сербском селении{66}. В 1919 году переехала в Белград. Окончила философский факультет Белградского университета, училась в Сорбонне. В мировой поэзии её место — несомненно, рядом с выдающимися поэтами XX века Анной Ахматовой и Дорой Габе. Мне везло: я всех их знал, каждая встреча с ними что-то во мне меняла. Иногда — существенно.

10.X.1978
Дорогой Геннадий,
хорошо, что люди изобрели почту. Та-

{66} Комментарии: 66

Именно эти места описывала Десанка во многих своих стихах. Мои переводы ей нравились. Вот «Провинция». Я ведь и сам вышел из такой, и относился к ней так же.

В детстве
мы не видели
ни зверинца, ни ботанического сада,
никогда не любовались жёлтыми мимозами,
не слыхали о попугаях, — козы и овцы окружали нас,
лилии цвели на озёрах,
на полях волновались моря пшеницы...

Какие музеи?

Если мы что-то видели,
то только иконы святого Саввы

ким образом можно знать, что вы делаете, о чём думаете, как ваше здоровье, хотя боюсь, что почта иногда теряет письма, а значит, и наши приветы, наши книги. Вы, наверное, не получили мою книгу, которую я доверила почте, а я надеялась, что получите. Шлю другую. Называется: «Требую помилования»{67}. Эти стихи у нас любят.

И вчера и сегодня я читала (и прочитала) всю вашу книгу — «Чудо»{68}, и опять обнаружила, что между нами много общего.

Я тоже интересуюсь геологией, физикой, звездами, но знаю об этом, конечно, меньше, чем вы. И так же легко, как вы, привязываюсь к чужой душе. И ещё я увидела, что вы знаете о наших усташах, и очень довольна тем, что знаете и о многом другом, даже написали своё «Чудо».

Спасибо за вашу книгу, за письмо, и за

{67} Комментарии: 67

«Требую помилования» — один из самых известных сборников Десанки; он написан свободным стихом с изредка встречающейся рифмой и содержит монологи царя Стефана Душана — сербского короля из рода Неманичей, с 1346 года — царя сербов и греков (до смерти в 1355 году).

{68} Комментарии: 68

«Разворованное чудо» (Новосибирск, 1978).

то, что в письме.

Ваша

Десанка

Белград, 8.XI.1978

Дорогой Геннадий,

Думаю, что в то время, может даже в ту самую ночь, когда вы мне писали письмо (19.IX), вы мне приснились. Я была у вас — в какой-то полутёмной старой избе. Правда, я не видела лицо человека, о котором думала, что это Вы, но очень ясно чувствовала, что это именно вы. Там были ещё какие-то люди, там вообще было много людей, и они, кажется, не радовались тому, что я у вас. И я сама была неспокойна с дороги, у которой стоял этот ваш старый дом, потому что на дороге везде были видны следы танков или тракторов…

Утром я сразу взяла Юнга, этого учёного психолога (мой племянник его читает и очень верит ему). Но и с помощью Юнга я не смогла понять, разгадать, что мог означать такой сон. До сих пор не могу от него освободиться. Это так странно, ведь

вы — тот Геннадий, которого я знаю, которого не раз видела, слышала, которого помню, а во сне вы казались неясным, при этом ещё более близким, чем вы — тот, которого знаю…

Я прочитала повесть об Ильёве и его возвращении{69}.

Было мне очень интересно: и сама природа, и ваша жажда быть одиноким, хотя вы и хотите думать, что вам нужнее люди. Конечно, с особенным интересом я читала о Лиде Дорожке.

Что затем случилось с нею? Она вышла замуж за своего любовника? Она стала его женой или, может, утонула в море?.. Но самое главное, мне очень нравится, как Вы пишете, нравится ваша близость с природой… Только жалею, что не знаю названий всех тех рыб, зверей и растений, о которых вы говорите…

Почему вы не даёте такой же свободы своим стихам? Это из-за каких-то общественных причин? Или вы не хотите раскрывать всю свою любовь к той,

---

{69} Комментарии: 69

Повесть «Ильёв. Его возвращение» входила в мою книгу «Люди Огненного кольца» (Магадан, 1977).

новой, женщине, чтобы не обидеть ту, которую раньше любили?.. Теперь, прочитав, любую причину могу понять: я всё это прочувствовала…

У нас сейчас много пишут о любви. Одни о новой — западной, другие о направлении традиционном. Есть хорошие романы. Их переводят и у вас. Например, перевели Иво Андрича, и других. Их книги можно достать в Москве.

Простите меня за почерк. У меня нет пишмашинки, пишу от руки, а вам буду благодарна, если мне будете писать на машинке.

Я сейчас болею, лечусь.

Вам желаю всего, чего желаете.

Ваша

Десанка.

И. О. ФОНЯКОВ

Фоняков Илья Олегович (1936–2011)— поэт, журналист, переводчик. Не раз помогал мне в нелёгкие времена: написал в 1977 году предисловие к моей магаданской книге «Люди Огненного

Кольца», защищал в печати от нападок и обвинений («Черты поколения», журнал «Иностранная литература», № 8, 1977; «В защиту тех, кто разбрасывается», журнал «Звезда», №7, 1979; «Письма о поэзии другу в Иркутск», Иркутск, 1984). Всячески доказывал (в те годы такое ещё приходилось доказывать), что писатель имеет право на работу в любом жанре, писал бы талантливо. Только к стихам моим Илья относился прохладно; думаю, не в малой степени сказалось на этом моё полное неприятие его собственных, скажем так, «производственных» стихов, наши бурные споры в Новосибирске 60-х.

Ленинград, 6.X.1979

Дорогой Гена!

Долго не был дома, проводил отдых в Пицунде и Сухуми, а когда вернулся — сразу получил твоё письмо. Спасибо за добрые слова о «Ткани»{70}. Мне знаком тот же комплекс (или это надо назвать иначе?), который, судя по одной обмолвке, знаком и тебе: я часто испыты-

---

{70} Комментарии: 70

Илья Фоняков, «Ткань» («Советский писатель», 1972). На титульной странице автограф: «Литературному «многостаночнику» Геннадию Прашкевичу от литературного «малостаночника» — автора этой книжки...»

ваю неловкость, какое-то мучительное чувство, когда говорят о моих стихах, особенно — когда хвалят. Авторам некоторых статей обо мне я просто не могу признаться, что для меня было непосильно дочитать их до конца, хотя статьи вполне доброжелательные. Кажется, что всё невпопад, не о том, не так — и возразить ничего не можешь, ибо ты сам добровольно вынес своё сокровенное на площадь и тем дал право людям судить о нем так, как они хотят и могут. Тем более — с лучшими намерениями! Правда, критика не очень балует меня своим вниманием, и с точки зрения внутри литературного бытия это отчасти плохо: все мы на литературном небосклоне — кометы, а у комет должны быть хвосты…

Но для меня лично так, пожалуй, даже лучше…

К чему я это говорю? А к тому, что есть у меня несколько писем (разных лет и от разных лиц), которые я могу читать и перечитывать без этой внутренней неловкости. Сейчас к ним прибавилось твоё письмо. Во всяком случае, ты назы-

ваешь те строки, которые мне и самому важны, и видишь в них то, что я хотел в них вложить. Ты услышал меня, а это выше всех похвал.

Рад, что и моя статья в «Звезде» вызвала такое же ощущение.

Совпадение: у тебя месяц ушёл на болгарского гостя{71} и у меня тоже. Только у меня — август: был снова у меня в гостях Тихо-мир Йорданов из Варны с милой своей супругой Теменужкой. Ездили с ними в Минск, Латвию, Новгород. Очень всё было хорошо, но в конце концов устали — и мы, и они тоже. Впервые почувствовал, как непривычны (просто физически) для них наши расстояния. Для нас Ленинград и Рига — это почти рядом, для них это равносильно поездке через всю страну…

На юге отдохнул хорошо, но совершенно выбился из рабочей колеи, сейчас пытаюсь попасть в неё снова, но пока без

{71} Комментарии: 71

В том же 1979 году побывал в новосибирском Академгородоке болгарский поэт Христо Ганов с женой и старшим сыном Сашей. Многое у нас им понравилось, только вот комары… «О, москиты! Опять москиты!» — восклицал Христо с неподдельным ужасом, когда мы с женой возили своих гостей отдыхать на Обское море — на базу отдыха геологов, расположенную чуть южнее посёлка Завьялово.

особого успеха.

Желаю тебе всяческих удач — во всех жанрах, не исключая и философских раздумий на тему «зачем всё это?».

Искренне твой

Илья.

А. П. КАЗАНЦЕВ

Москва, 1978

(Телеграмма): срочно пришлите снежное утро я видел снежного человека на суше и на море привет казанцев{72}

{72} Комментарии: 72

В почтовом отделении новосибирского Академгородка телеграмма вызвала настоящий переполох. «Что, правда, снежного человека поймали?»

А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Стругацкий Аркадий Натанович (1924–1991) — писатель-фантаст, сценарист, переводчик, член СП СССР. Лауреат первой премии «Аэлита» (вместе с братом и А. П. Казанцевым). После окончания Бердичевского пехотного училища был откомандирован в Военный институт иностранных языков. С 1949 по 1955 год служил (как переводчик с японского) в Советской армии — в Канске, на Камчатке, в Хабаровске. Встречаясь в Москве, мы особенно часто вспоминали с Аркадием Курилы, на которых я провел не один геологический сезон.

19 декабря 79 г., Москва

Милый дорогой Гена!

Примите мои самые искренние соболезнования.

Насчет вины — это я понимаю, мучаюсь тоже: три месяца назад умерла наша мама. Мучаюсь, как и Вы, как любой. Однако и наш последний путь неотвратим, а мой, например, и совсем не за горами… Но не будем об этом…

Прошу прощения, что долго не отвечал Вам, в Москве идет глухая, но очень активная драка за фантастику. Думал

написать Вам, когда хоть что-нибудь прояснится, но положение остается напряженным и Бог знает, когда выяснится, а тут подоспело Ваше новое письмо с бандеролью. Бандероль немедленно забрала себе Бела Григорьевна Клюева, так что я даже не знаю, что у Вас там, а письмо я от нее спрятал. (Случилось так, что мы с Клюевой принимали одну переводчицу из США, а потом приехали ко мне — она очень любит мою жену, — а тут Ваша бандероль, она и впилась...)

О «Соавторе». Мне эта вещь очень понравилась, хоть и грешит она, на мой взгляд, некоторыми элементами штампа — в тех ее местах, где идет речь о появлении (вернее, проявлении) Чужого. Не по сути диалогов героя с Чужим (они очень интересны), а именно по атрибутике. Ну, да это мелочи. Я взял эту повесть в сборник для «Московского Рабочего». Но здесь обнаружилась беда: это издательство категорически не публикует иногородних, оно вообще подчиняется не Госкомиздату, а горкому партии. Если удастся отстоять в сборнике рубрику

«Гости Москвы», то она там пойдет. Если же нет… тогда «Соавтор» будет включен в сборник «Молодой Гвардии», за который мы начинаем битву…

Книгу, которую Вы прислали{73}, читал раньше, за что и полюбил и оценил Вас впервые. Сердечно рад иметь ее в своей библиотеке.

Письмо это посылаю вместе с нашей книгой, хотя говорят, что на почте книги ужасно воруют. Но раз Ваша дошла, так и наша должна дойти.

Жму Вам крепко руку,
искренне Ваш
А. Стругацкий.

15.05.1980

Милый Геннадий!

Получил Ваше письмо. Ну что тут скажешь?

Выругался матерно (шепотом), облегчил душу, а толку никакого.

Все скверно. Все благие порывы и начинания нашего Совета очевидно пошли

{73} Комментарии: 73
«Разворованное чудо» (Новосибирск, 1978).

прахом из-за нерешительности или напуганности С. Абрамова. Ваши известия об ударе из Роскомиздата — только завершающий штрих отвратной картины, как говорилось в старых романах.

Создавали сеть периферийных ежегодников фантастики, клялись, хвастались, истратили уймищу денег на командировки. Было? Было. А вышел пшик. Издатели объявили, что ничем подобным заниматься не будут, если им не выделят специально для этого бумагу. Ладно. Хлопотали о включении в приемную комиссию Стругацкого, дабы не повторилась позорная история с Прашевичем. Клялись, хвастались, добились. Было? Было. А в результате приказа о включении Стругацкого в комиссию так и не случилось, и вот на днях зарубили еще одного фантаста из Сибири (не помню, как его зовут). Ладно. Планировали ежегодный конкурс для молодых, закрытый, под девизами, с председателем жюри Стругацким. Грозились, хвастались, восхищались. Было? Было. А в результате создали ежегодный конкурс

ОПУБЛИКОВАННЫХ произведений (т. е. для награждения самих себя) с Михаилом Алексеевым в качестве председателя жюри. Ладно. Договорились о том, что в Роскомиздате рецензировать писателей-фантастов будут не проходимцы, а члены Совета по списку. Клялись, хвастались, добились. А в результате Прашкевича опять забили по горло в землю. Ладно. Взялись заставить изд-во «Советский Писатель» издавать фантастику, договорились, обещались, хвастались. Было? Было. А в результате «Советский Писатель», придравшись к юридическому пустяку, расторгнул договор со Стругацкими с вычетом у них аванса и одобрения (4.5 тыс. руб), а сборник Шалимова, где уж юридических крючков не оказалось, загнали на рецензию в Академию Наук…

Вот так-то, Геннадий. Клятвы и хвастовство Абрамова, уверявшего, что ему все это провернуть — раз плюнуть, обошлись нам дорого. Да и я, дурак, поверил ему, а надо было самому все это делать. Хотя, с другой стороны, председатель Совета ведь он, и очень ревнивый к своему

высокому званию, меня ни к чему не подпускал…

А, ну его к такой-то матери. Мы с братом сейчас плюнули на все. Занимаемся помаленьку кино, да я перевожу более или менее усердно, как и Вы. Тем и живем.

Теперь так. Разумеется, Беркова и не подумала спросить у меня Вашего «Соавтора». Так я передал его Славе Рыбакову. Может быть, хоть там что-то получится.

Такие дела. Остаюсь всегда Ваш

А. Стругацкий.

31.03.81

Дорогой Гена!

Письмо получил.

Очень сожалею, что так вышло с «Собеседником», но вот Ковальчук утверждает, что, потеряв это издание, фантастика приобретает ежегодник специальный, вроде «Мира Приключений». Не знаю, насколько это правда.

Книга, конечно, для тебя есть{74}, но посылать я ее никак не решусь: было

{74} Комментарии: 74

«Неназначенные встречи» («Молодая гвардия», 1980)

уже несколько случаев, когда мои книги просто не доходили и меня строго предупредили на этот счет — один знакомый почтарь, между прочим.

Борис, кажется, оправился от инфаркта, сегодня должен был отбыть из больницы в санаторий, еще месяц — и, возможно, начнем снова встречаться для работы. Хотя где встречаться… живу вчетвером с малышом в двухкомнатной, сам понимаешь, каково это. Но бог милостив, что-нибудь придумаем. Главное, оба мы с Борисом уже старые больные клячи, в Доме творчества работать боязно — без жены, чтобы присматривала за здоровьем, насчет возможных приступов и т. д.

Рад, что у тебя хорошо с изданиями. Это все-таки самое главное сейчас.

Так я и не понял, что с твоими приемными делами. Чем кончилось, на чем сердце успокоилось? Какие перспективы?

Обнимаю, твой А. Стругацкий

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР. ПРАВЛЕНИЕ
ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

СЕКРЕТАРИАТА.

Протокол № 8 17 марта 1982 года

СЛУШАЛИ: Прием в Союз писателей СССР (А. Чехов)

ПОСТАНОВИЛИ: Принять в Союз писателей СССР тов. ПРАШКЕВИЧА Геннадия Мартовича, прозаика (Новосибирск).

П.П. Председатель правления СП РСФСР — С. Михалков.

Выписка верна (подпись печать).

ПОСЛАНО: *СП СССР, Г. Прашкевичу, Новосибирской писательской организации, Литфонду.*

А. Н. Стругацкий

23.12.82

Дорогой Геннадий!

Получил твое теплое письмо.

Рад, что у тебя все идет хорошо, что пишешь и издаешься, и что энергией полон, и вообще живешь на полную катушку. Слушай, никак не пойму, приняли тебя в наш растреклятый СП или нет? Справлялся — никто ничего определенного не говорит. Сообщи, пожалуйста.

А у меня, брат, дела плохи. Живу от

одного сердечного приступа до другого. С Гуревичем все не могу встретиться, а очень надо, а тут еще хорошо бы у него и книгу твою взять, и рукопись.

Что касается «Отеля…», то книгу посылать не буду, на почте все пропадает, буду ждать, когда приедешь, либо передам с оказией.

Наилучшие пожелания Вам с Лидой в Новом Году от нас с Леной и Машей, и с внуком нашим тож, будь счастлив,

А. Стругацкий.

Б. Н. СТРУГАЦКИЙ

Стругацкий Борис Натанович (1933–2012) — писатель-фантаст, сценарист, переводчик, член СП СССР. Лауреат первой премии «Аэлита», писал в соавторстве с братом; после смерти Аркадия выпустил два романа, написанных уже только им (под псевдонимом — С. Витицкий). Одна из самых печальных книг, посвященных советской литературе 70–80-х годов XX века, это, на мой взгляд, книга Бориса Натановича «Комментарии к пройденному» (Санкт-Петербург, 2003){75}*. Атмосфера, в которой мы жили, только сейчас, издали, по происшествии большого времен, кажется романтичной. В реальности она была густо насыщена тяжелым дыханием бесчисленных идеологических работников, завистников, людей бездарных, но имеющих реальную власть.*

{75} Комментарии: 75

Смысл книги ясен из слов самого Бориса Натановича: «В начале 1980-х мы с АН (Аркадием Натановичем) самым серьёзным образом обдумывали затею собрать, упорядочить и распространить хотя бы в самиздате «Историю одной публикации» (или «Как это делается») — коллекцию подлинных документов (писем, рецензий, жалоб, заявлений, авторских воплей и стонов в письменном виде), касающихся истории прохождения в печати сборника «Неназначенные встречи», гвоздевой повестью которого стал «Пикник на обочине». БН (Борис Натанович) даже начал в своё время систематическую работу по сортировке и подбору имеющихся материалов, да забросил вскорости: дохлое это было дело, кропотливый, неблагодарный и бесперспективный труд, да и нескромность ощущалась какая-то во всей этой затее — кто мы, в конце концов, были такие, чтобы именно на своём примере иллюстрировать формы функционирования идеологической машины 70-х годов — в особенности на фоне Солженицина, Владимова,

Войновича и многих, многих других...»

Честь и слава братьям Стругацким, сумевшим сделать многое (к сожалению, далеко не всё) из того, что они могли и собирались сделать.

22.07.1979

Дорогой Гена!

Наконец-то я имею возможность подарить Вам нашу книжку{76}. Очень приятное издание, очень славные иллюстрации Мигунова, особенно — к «Парню».

Что касается отрывка для «Собеседника», то я совсем уже вознамерился прислать Вам кусок из «Жука» — 17 страниц, вполне удобочитаемых и в то же время не выдающих никаких сюжетных тайн, — как вдруг выяснилось, что «Жука» берет «Знание — сила» и начнет его печатать с девятого номера этого года. Вопрос: не помешает ли одно другому? Если нет, то я, разумеется, вышлю Вам упомянутые страницы. А если да? Просто и не знаю,

{76} Комментарии: 76

«Понедельник начинается в субботу» (Москва, 1979). Кроме указанной, в книгу вошла повесть «Парень из преисподней».

что тогда делать. Не из «Лебедей»{77} же Вам отрывок давать… «Град обреченный» все еще пребывает в черновиках, да и трудненько оттуда было бы что-нибудь выбрать… Просто не знаю. Придумайте что-нибудь.

Ваш

Б. Стругацкий.

24.01.1979, Ленинград

Дорогой Гена!

Спасибо за «Только человека».

Ей-богу, славная получилась повестуха, и у нас тут возникло даже предложение именно ее сунуть в сборник. Вы не возражаете? Во-первых, она заметно компактнее{78} — что существенно. Во-вторых, лично мне она показалась гораздо более энергичной и острой. Конечно, решать, скорее всего, будем не мы, а редактор, но

{77} Комментарии: 77

Повесть Стругацких «Гадкие лебеди» должна была выйти в 1968 году в изд-ве «Молодая гвардия», но не была разрешена цензурой. В 1972 году «Гадких лебедей» опубликовало (без ведома авторов) изд-во «Посев» (ФРГ).

{78} Комментарии: 78

По сравнению со «Школой гениев» — научно-фантастической повестью, написанной мною в соавторстве с В. Свиньиным.

мы все-таки предпочли бы отстаивать именно ее.

В ближайшее время Ж. Браун должна предоставить в Лен-детгиз полсборника под заявку, чтобы заключить договор на составительство. Вообще-то все было для этого готово (с нашей стороны) еще в декабре, но в Детгизе сейчас происходят внутренние катаклизмы, меняется начальство, и Ж. Браун выжидает наиболее благоприятного момента.

Теперь по поводу Б.{79}. Произошло то, чего и следовало ожидать: терпение у людей лопнуло, вызвали его на бюро секции и прямо спросили — в чем дело? какие у вас претензии к бюро? Выяснилось, что у него претензий нет, и тогда мы высказали ему свои. Получилась внушительная в своей мерзости картинка, этакая мозаика из дерьма разных сортов. Тут было и распространение порочащих слухов (в том числе такой перл: Брандис и Стругацкий устроили в секции сионистский заговор), и использование служебного по-

{79} Комментарии: 79

Не указываю фамилию ленинградского писателя-фантаста. В конце концов, дела давние, человек жив, работает.

ложения (проталкивал свои рукописи то как староста семинара, то как секретарь секции), чистая хлестаковщина (выдавал себя за члена СП, объявлял, что он «уполномоченный секции по связи с прессой» и т.д.), и просто жульничество (скажем, приехал в город Н, явился к издателю Икс, поставил перед ним две бутылки напитка Дж и выложил свою рукопись: «Вам привет от вашего друга, ленинградского писателя Зэт, который всячески рекомендует вам эту вот мою рукопись». Издатель Икс, спустя время Тэ, шлет Зэту возмущенное письмо: «Что за дерьмо ты мне рекомендуешь, да еще таким предосудительным образом?» Писатель Зэт, ужасно разозлившись, бегает по Дому писателей и орет про жуликов и авантюристов…) Словом, выложили ему все. Половины его подвигов я, оказывается, не знал даже. Он, разумеется, брыкался и от всего открещивался, но потом признал, что много болтал, что мог создать у собеседников неверное представление, что с джином допустил перехлест и т. д. Бюро его предупредило и в качестве наказания лишило

на год права выступать перед читателями. Все бы на этом закончилось, но тут эта идиотка Л.{80} (у которой у самой рыльце в пушку: по части распространения слухов и сплетен она любому Б. даст сто очков вперед), так вот эта дура принялась всем звонить, что Б. травят. Делом заинтересовались высокие инстанции, и теперь я за Б. гроша ломаного не дам, потому что крепнет общее мнение, что такого авантюриста надо отовсюду гнать в шею, — так во всяком случае высказывались отдельные члены секретариата. Такие вот дела. Гадко. Поразительная, все-таки, гнусь эта парочка! Вот что делает с людьми слишком ранняя профессионализация — я имею в виду писателей, разумеется.

Говорят, Вы скоро станете полноправным членом СП? Поздравляю от души! По-моему, Вы вполне достойны — во всех отношениях.

Жму руку, Ваш
Б. Стругацкий.

{80} Комментарии: 80
Не указываю фамилию по тем же причинам.

28.01.1980

Дорогой Гена!

Разумеется, присылайте Вашего «Каина»{81}, когда Вам будет удобно. И я прочту, и ребятам нашим (коих мнение Вам интересно) дам прочесть. И можно будет обсуждение устроить по всей форме, если захотите. Уверен априори, что повесть обсуждения достойна.

Завидую Вашим метаниям. Честное слово! На меня 79-й нагнал оцепенение, из которого никак не могу выйти. Ничего не хочется делать, все валится из рук, даже любимая моя математика не помогает. А метания — это прекрасно! И неудовлетворенность — тоже прекрасно! Это значит — что-то будет, что-то получится, что-то появится, чего не было раньше. Так что, мечитесь и дальше — успокоиться еще успеете, это я Вам гарантирую.

Дела наши Ленинградские скорее унылы. Семинарский сборник притормаживают всеми средствами. На Москву же надежды плохи.

{81} Комментарии: 81

Повесть «Парадокс Каина», написана в 1979 году

На семинаре кончаем конкурс сказки.

Еще одно заседание на эту тему и — конец.

Результаты оказались не так уж и плохи, хотя тайная моя надежда набрать материал на сказочный сборник не оправдалась-таки, нет, не оправдалась. Итог: три добротных хороших сказки, да парочка милых сказочек на страничку, да еще одно очень неплохое сочинение, но, к сожалению, не сказочное, а скорее сюрреалистическое, и потому непечатное. А все прочее — барахло. С одной стороны, вроде бы, и неплохой результат — 5:21, сами понимаете, процент качества вполне достойный, а с другой… Ладно, следующий конкурс будет: спейс-опера — сюжет, забой, пальба, тайны, приключения.

Посмотрим.

Жму руку,

Ваш

Б. Стругацкий.

11.07.1980

Дорогой Гена!

Получил Ваше письмо и сразу же от-

вечаю.

Спасибо за разнообразную и, в общем-то, приятную информацию. Со своей стороны, могу сообщить, что сборник Стругацких «Неназначенные встречи» вышел-таки, не взирая ни на какие происки недругов. Пока у меня только один экземпляр, а как только будет больше, немедленно вышлю Вам. Сборник красиво издан, выглядит вполне солидно, вызывает у меня злорадно-мстительные чувства («наша взяла!»), но читать его мне категорически не хочется — тошнит. Цена победы — наверное, любой.

В Лендетгизе свалили наконец директора. Теперь все прижали уши, ждут, кого назначат. Слухи ходят стадами, а толком никто ничего не знает. У меня же в мозгу крутятся непрестанно бессмертные строчки из Михаила Евграфовича: «Предшествовавший начальник дал вам язвы, аз же дам ти скорпионы!»

Судьба сборника молодых решится, надо думать, новым директором. Пока же перспективы не ясны.

На семинаре, как Вы, вероятно, помни-

те, был объявлен в прошлом году новый конкурс на остросюжетное произведение под девизом «Приключение с продолжением». Как я и опасался, задание оказалось семинару не по зубам. Ни одного стоящего произведения до сих пор не подано. Завязли, завязли семинаристы в дебрях психологии, социологии, философии и пр. Сюжет им не по зубам-с! А без сюжета — какая может быть фантастика? Правда, кое-кто грозится, что все мол впереди, мы еще покажем!.. Что ж, дай бог…

Мы с Аркадием все ходим около новой повести. Она возвышается над нами как гора дьявольски неприступного и неприветливого вида. А лезть надо!

Желаю и Вам того же,

Ваш

Б. Стругацкий.

ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ

Белград, 12.VI.1980

Дорогой Геннадий,

благодарю вас, что вы так быстро ответили, и ваши стихи — чудесные, мне нравятся такие стихи. Но лучше всех «Когда я любил»{82}. Наши молодые люди сказали бы «время — это страшно». Или «время — ужасно». И правда, это страшно, что юность неповторима, а особенно, когда человек хотел бы её повторить… У меня огромное желание перевести это ваше чудесное стихотворение, но, когда я его переведу, надо ли указывать, — кому

{82} Комментарии: 82

Я хочу любить тебя, как любил утро и море —
когда я любил.
Как любил утренний кофе, и запах смолы на ладонях,
и вкус поцелуя —
когда я любил.
Как любил вечереющий лес, силуэты косцов, далёкие тёмные крыши,
тишину детских лет, удивленье —
когда я любил.
Как любил снег, лыжню, смутный омут не спящей реки,
снег и ветки —

когда я любил…
Но юность
неповторима.

вы его посвятили? Пусть это пока остаётся секретом… Господи, как уже далеко от меня это время секретов! А я их так люблю. Мне не нравится, когда всё ясно. Всегда надо немножко тумана, хотя бы тумана поэзии. Спасибо вам!

Дорогой Геннадий, я ещё раз хочу попросить: перепишите от руки, своей рукой ваше стихотворение «Югославским молодым поэтам». В «Журнале поэтов» печатают только факсимильные публикации — вместе с фото. Надеюсь, вы сделаете это, не сочтете это за труд.

Вы пишите, что много работаете, что много у вас работы. Хочу спросить, а почему вы, Геннадий, должны так много работать над вещами, которые мешают вашей поэзии? Если для того, чтобы обеспечивать жизнь семьи, — тогда понимаю… Когда любишь женщину, работать совсем не трудно… Думаю, у вас так…

Но это я просто сама себя спрашиваю, вы можете не отвечать на это.

Я очень-очень рада, что мои стихи вам по душе. Спасибо вам за красивый рисунок, который всегда в конце письма.

Это прекрасная выдумка — заканчивать письмо таким образом.

До 28 июня я буду не в Белграде, но верю, что ваше стихотворение получу до своего отъезда.

Жалею, что опять нужно заканчивать письмо.

Ваша

Десанка.

В. Я. ОЗОЛИН

Вильям Янович Озолин (1931–1997) — поэт, прозаик, член Союза писателей СССР. Отец — Ян Озолин — тоже поэт, дед — из латышских красных стрелков; оба репрессированы в 1937 году, расстреляны. По вполне понятным причинам первые свои поэтические публикации в омских газетах Виль (так мы его называли) подписывал фамилией матери — Гонт. Плавал матросом в низовьях Оби, участвовал в геологических экспедициях в горах Тянь-Шаня, работал журналистом на Ямале, вообще вёл активную жизнь. Омск, Чита, Иркутск, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Томск, наконец, Барнаул — встретить его можно было в любом из этих городов. В 1962 году окончил Литературный институт им. Горького (семинар Ильи Сельвинского). Одна из его поэтических книг («Песня для матросской гитары») выходила в Новосибирске. Много планов Виль связывал и с прозой, но далеко не всё им задуманное было завершено.

3 марта 1981, Барнаул

Ты что же мне душу рвёшь, сынок?

Хвалишь меня, повести подбрасываешь про мою юность.

Я дальневосточную книгу твою как

схватил, так и трепал её за крыло, как собака ворованную курицу. Играл, наслаждался. Очень над каникулами шикотанскими ржал, думал, своих разбужу. Самое удивительное, что именно так всё происходило и со мной, только в Северо-Курильске, где я отстал от своего траулера, естественно, по этому прекрасному делу. И бабы… Все от них проклятых… И мы, и все грехи наши. Без них никак нельзя…

Так вот. Про Ильёва хорошая грустная вещь. И «прозрачная кровь неба» многого стоит. Но повесть слишком густа, язык перегружен и от того больше по мозгу давит. Электрики это называют «КЗ». Про столяров — не менее сильная вещь. С неё-то я и начал. И опять всё близко мне. Так что, считай на одного читателя у тебя прибавилось. А я ведь не всех читаю. Современную бодягу совсем не могу: пришёл-ушёл, полюбил-разлюбил, тапочки у неё сафьяновые у кровати из красного дерева стояли и заячьим пухом были опушены, и вспомнил Гаврила Петрович, как вчера ехали они с совещания и случайно дорогу перебежал им заяц с точно такой

же опушкой, и грустно подумал Гаврила Петрович, что вот не партбилет бы, так бросился бы за этим зайцем в лес и бежал бы и бежал бы, пока сердце не стало бы разрывать грудную клетку. И сел Гаврила Петрович возле сафьяновых тапочек и горько заплакал…

Так что, Гена, сынок, если тебе не обидно, большое ты мне удовольствие своей прозой доставил, а главное, я буду знать теперь, что в пяти часах езды от моего дома есть остров с вулканами и алкашами, любовью и закадычной дружбой — островок, который всем нам снится теперь.

А сам я опять не пью. Пробую найти антиалкогольные силы, способные противостоять постоянному тёмному желанию снова надраться. А мне надираться кетегорически нельзя, иначе поджелудка может бросить меня насовсем.

Эх, сейчас бы в северокурильский ресторан, который обязательно под снегом сейчас и обязательно открыт. Вот бы мы с тобой там…

Ну а пока — будь счастлив.

Твой

Вильям.

Привет Картушину, а он пусть передаст привет Кольке Самохину, а он…

10.10.1982, Барнаул

Генка! Ну прости ты меня ради всего хорошего на свете!

Письмо твоё получил давненько, но никак не мог собраться с мыслями, костями, телом и пр., так как события этих двух месяцев были похожи на маленькую атомную войну. Жена с сыном жили в деревне, и я мотался снабженцем между ними и городом — селом Барнаулом. Потом приехала тёща с двумя огольцами. Потом я их проводил и нагрянули родители из Омска. Потом друг из Иркутска, потом друг из Омска, потом друг приехал из Читы, потом ещё один друг старинный (снова из Омска) приехал спасаться от жены. В перерывах между пьянками с гостями я пил индивидуально, а в маленькие просветы между пьянками я с трудом узнавал, как меня зовут, и лихорадочно сочинял новую повесть, успевая при этом бегать в соседний пивбар. Так

что скопилось у меня на письменном столе десятка два писем, на которые буду отвечать через неделю, так как сегодня вечером еду в районы края участвовать в литературных праздниках по линии нашего Бюро пропаганды, а стало быть (знаю я эти праздники!) после возвращения опять надо будет вспоминать, как меня зовут.

В твоём новом сборнике прозы{83}, к сожалению, не оказалось маленькой повестушки о самолётике и о проводнице. И про столяров мне очень нравилась вещь. Но я всё равно с удовольствием всё перечитал.

Сам я за лето новой повести написал всего тридцать страниц. В ноябре завяжу со светской жизнью напрочь. В нашем Союзике висит на стенке объявление о том, что Свердловская киностудия просит направлять произведения о Сибири и Дальнем Востоке на предмет рассмотрения их в качестве будущих сценариев, а по лучшим будет семинар в ноябре.

{83} Комментарии: 83
«Курильские повести» (Новосибирск, 1981)

Пошли им что-нибудь. А вдруг. Я бы послал «Северную историю», но у меня не осталось ни одного экземпляра, даже черновика от неё. Последний я в мае оставил в издательстве в Новосибирске, помнишь? А к кому он попал, не знаю. Городецкому? Мне никто не отвечает, а времени-то много уже прошло. Узнай, пожалуйста, где рукопись повестушки моей, у кого она застряла, и почему — ни ответа, ни привета. Пусть мне черкнут парочку слов. И вышлют рукопись, да поскорее.

Как Городецкого имя-отчество? Книжек у меня его нет, а в справочник СП у меня не хватает ума посмотреть! Сейчас загляну: ага! вот он, голубчик! Евгений Александрович! Но ты узнай всё-таки сам.

Знаешь, Генка, как только я получу какой-нибудь мало-мальски приличный гонорарчик, рвану в Новосибирск. Соскучился я по тебе и по Кольке Самохину. Надо.

Ты, надеюсь, не убежал на вольные хлеба? Не надо бы этого делать. Жить

на литкрохи очень тяжело. Мне, во всяком случае, очень. Я даже подумываю с нового года художником-оформителем приступить работать до весны. А то совсем обнищал! У меня-то книга не скоро будет новая.

Ну, а пока остаюсь твой до могилы *Вильям Озолин.*

Е. П. БРАНДИС

Брандис Евгений Павлович (1916–1985) — литературовед, критик, кандидат филологических наук, член СП СССР. Окончил филологический факультет ЛГУ, работал в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щелрина. Занимался творчеством Жюля Верна, Ивана Ефремова, проблемами советского научно-фантастического романа. В серии ЖЗЛ («Молодая гвардия») вышли, написанные Брандисом, биографии Марко Вовчок и Жюля Верна. Над титулом своей книги «От Эзопа до Родари» он написал: «Дорогому Геннадию Мартовичу Прашкевичу с глубоким уважением от любящего автора. Евг. Брандис, 23.XII.80, Ленинград». В архиве моём хранится не менее ста писем от Евгения Павловича. И всё равно… не успели договорить…

Комарово, 20.III.1982

Дорогой Гена!

Поздравляю от всего сердца.

Только что вернулся из Москвы — узнал, что Вы стали полноправным членом СП, узнал и взволновался. Для меня это праздник, как и для Вас. Сказали две москвички, любящие Вас писдамы, что Сережа Абрамов сражался как лев и

добился справедливости. Одновременно провели в Союз и Олю Ларионову. Все же фантастика наша понемножку пробивается, хотя, к Вашей чести, — она лишь часть Вашей огромной работы{84}. Пробивается, несмотря на абсолютную бесплодность состоявшегося в начале этого месяца пленарного заседания Совета. Парнов и Кулешов сделали все, чтобы разговор о фантастике на пленуме, посвященном именно фантастике, свести на нет. Да бог с ними. Будем жить и работать, пока живем.

Ваш Е. Брандис.

{84} Комментарии: 84

Я действительно работал в разных жанрах, разве что пьес не писал. Зато переводил: Арона Шаломаева — общительного, очень подвижного бухарского еврея. Пьесы его шли в Хорезме и в Самарканде. Все в них происходило не просто. Вот пример.

Мейманди: Саидабегим, царице города Рея — послание султана Махмуда Газнави!

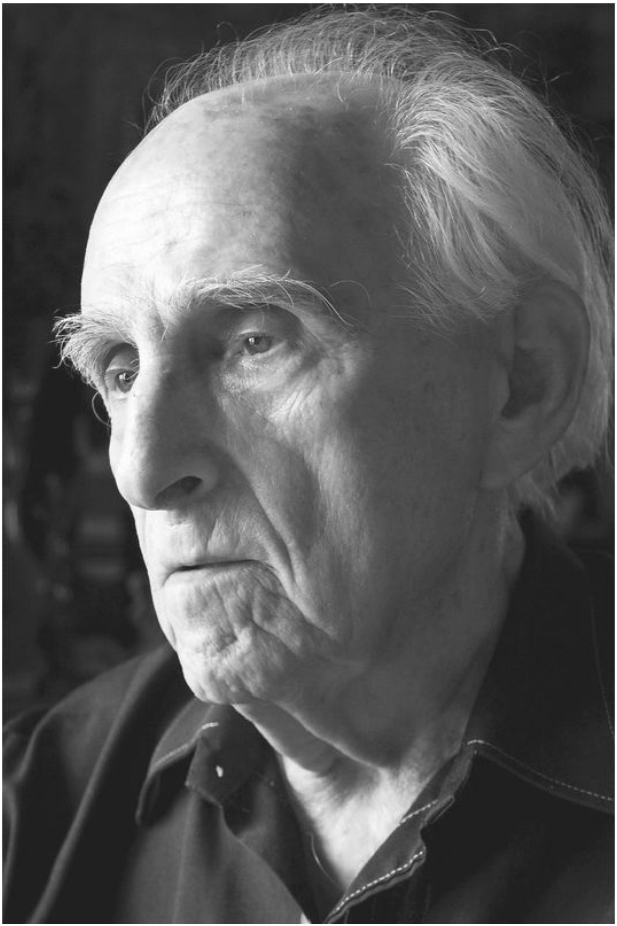
Саидабегим (Асфорию): Читай!

Асфорий (читает): «Саидабегим, царице города Рей! Предлагаю впредь перед каждым молением в мечети произносить моё имя, выпускать монеты с моим именем и платить мне налоги. В противном случае я силой опустошу, ограблю, сожгу, превращу в прах твой цветущий город! Великий султан Махмуд сын Себук Тегина Газнави!»

Саидабегим (возмущённо): Султан Махмуд ежегодно ходит на Индию, теперь он решил напасть на нас! (Помолчав, гордо): Пойдите и скажите султану Махмуду: в ту пору, когда ещё жив был мой муж, я очень опасалась нашествия султана Махмуда на город Рей. Теперь, когда мужа нет в живых и господствовать приходится мне, я чувствую

глубокое облегчение. Ведь если султан Махмуд нападёт на мой город, я не сдамся, я буду сражаться. Последствия же войны могут оказаться двоякими: ведь одно войско, конечно, потерпит поражение. И если победит моё войско, я заявлю на весь мир, что победила, наконец, султана Махмуда, до сего победившего сто стран. Если же победит султан Махмуд, ему нечем будет похвастаться. Разве победа над женщиной приносит славу? Услышав о такой победе, все в мире только и скажут, зевнув: а это тот самый султан Махмуд, который победил женщину…»

Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ



Войскунский Евгений Львович (1922–2020) — прозаик, фантаст, член СП СССР, Лауреат премии «Аэлита» (2011, совместно с Исаем Лукодьяновым — своим многолетним соавтором по фантастическому жанру). Участник Великой Отечественной войны. Несколько десятилетий мы дружили с Евгением Львовичем, обращались друг к другу на «ты», никогда наши отношения не омрачались. В некоторых своих романах он упоминал меня: почему бы живому человеку, другу, не быть участником литературных событий?

Москва, 12 мая 1982

Дорогой Гена!

Спасибо за теплое поздравление, за добрые слова.

При всем том, что жизнь я прожил (60 лет — не шутка!) очень нелегкую (война, блокада…) — я благодарен судьбе за то, что она подарила мне большой кусок жизни после войны и еще за то, что всегда были рядом хорошие люди, друзья. К ним я и Вас причисляю по причине душевного расположения и симпатии.

Геночка, сердечно поздравляю Вас с

членством в СП{85}. Писатель Вы уже давно — со своей темой, своим стилем, но официальное признание — тоже вещь очень значительная. Убежден, что Вы напишите еще много хороших книг, и не только напишите, но и издадите, а это, по-моему, еще труднее. Я в прошлом году закончил большой роман «Кронштадт» — о войне, голоде и любви. Были хорошие рецензии, было превосходное заключение, роман вставлен в план редподготовки 83-го года, но нет никакой гарантии, что он выйдет хотя бы в 84 году. Договор не заключают. Теперь у нас договор заключают только после того, как рукопись утверждена в издательском плане. Редподготовка — не в счет. Ну и ну! А теснота в издательских планах с каждым годом возрастает. Все же я надеюсь, что этот роман, над которым работал много лет, выйдет. Вот тогда и подарю Вам с удовольствием. А сейчас — ей Богу!

{85} Комментарии: 85

В 1982 году я был, наконец, утверждён в Союзе писателей СССР, а то всё время возникали ситуации, мешавшие этому. И очень вовремя утвердили. Думаю, что годом позже, после истории с запретом «Великого Краббена» (Новосибирск, 1983), утверждение вообще вряд ли бы состоялось.

— нечего дарить, все прежние книги у меня по 1 экз. Не взыщите.

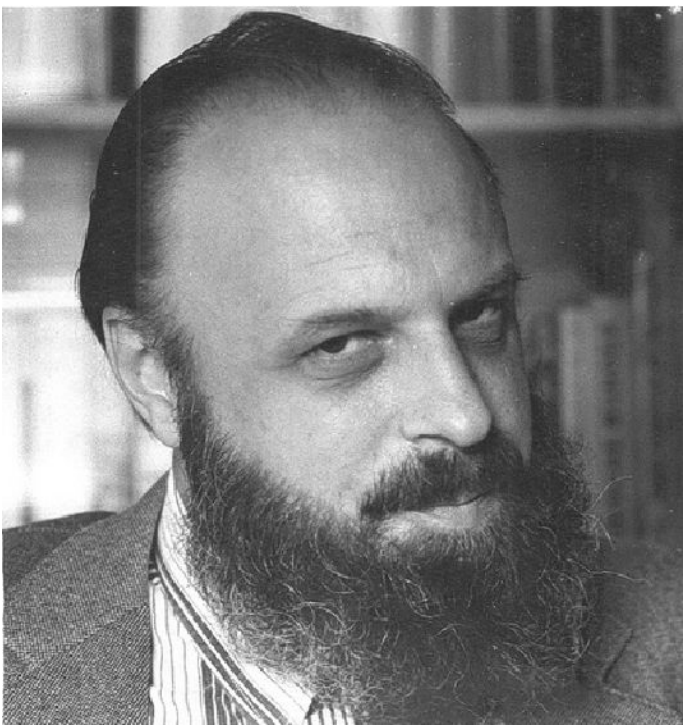
Обнимаю Вас дружески.

Привет от моей жены.

Ваш

Е. Войскунский

Д. А. БИЛЕНКИН



Биленкин Дмитрий Александрович (1933–1987)

— писатель-фантаст, литературный критик, журналист, член СП СССР. Окончил геологический факультет МГУ, работал в геологических экспедициях в Средней Азии и Сибири. Долгое время сотрудничал с газетой «Комсомольская правда», с журналом «Вокруг света». «Можно разбудить научного журналиста среди ночи; он, если он настоящий журналист, сразу поймёт объяснение конструкции свеклоуборочного комбайна, выкажет знакомство с проблемами генетических болезней и поделится с вами последними новостями астрофизики». Слова героя Диминого рассказа «Преимущество широты» (1967) можно напрямую отнести к самому автору. Дима был высокий и честный профессионал, всей душой преданный литературе.

Москва, 1.6.82

Дорогой Гена!

Когда я переходил на так называемую «творческую работу», то из приятелей, давно вступивших на этот неверный путь, поддержал и одобрил меня лишь один, прочие смотрели соболезнующе. Есть отчего! Во-первых, проблема куска хлеба с маслом: положение с изданием

книг, пожалуй, никогда не было таким скверным. Во-вторых, проблема самодисциплины, тут либо коммунистическое отношение к труду, либо крах{86}. В-третьих, домашние привыкают смотреть на тебя как на незанятого человека, на которого можно и нужно взваливать всё большую меру домашних тягот. Тем не менее, я лично о своем решении не жалею, хотя с деньгами, конечно, стало похуже (вторую проблему я решил раньше, третью — по ходу дела). Это при том, что существенного выигрыша времени я не получил, так как изначально добился в журнале{87} свободного распорядка и приезжал в редакцию лишь после обеда

{86} Комментарии: 86

Я любил поддразнивать Диму фразами из любимого мною «Чевенгура»: «Дванов — (герой Андрея Платонова) — в душе любил неведение больше культуры: невежество — чистое поле, где ещё может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет. Поэтому Дванов был доволен, что в России революция выполола начисто те редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем, — не нивой, а порожним плодородным местом. И Дванов не спешил ничего сеять; он полагал, что хорошая почва не выдержит долго и разродится произвольно чем-нибудь небывшим и драгоценным, если только ветер войны не принесёт из Западной Европы семена капиталистического бурьяна». Дима сердился, но, кажется, понимал правоту, нет, скорее правомерность таких высказываний.

{87} Комментарии: 87
«Вокруг света»

на два-три часа. Но нагрузка, особенно нервная, поуменьшилась и работа стала продуктивней.

Думаю, что ты поступишь правильно, ибо работать ты умеешь, а деньги уж как-нибудь заработаешь, фокусироваться же необходимо!

У меня всё то же: два новых сборника в издательствах, благоприятные рецензии и редакторские уверения, что издадим… году в 1985-м. Или 1986-м. Правда, вскоре должна выйти книга нефантастическая, нечто вроде философского эссе для детей.

Да и в болгарском сборнике мы, надо думать, встретимся{88}. Ещё авторские книги ждут в Болгарии, ФРГ, Франции. Но это, увы, плохо компенсирует малоперспективность положения дел в родных издательствах.

Такие вот дела.

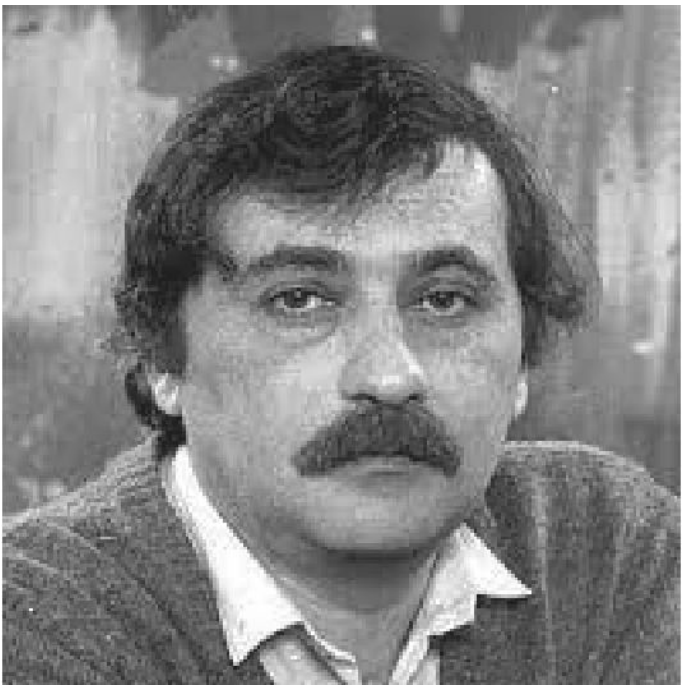
Всего тебе доброго

Д. Биленкин.

{88} Комментарии: 88

«Среща с медуза» (София, 1983).

Б. Г. ШТЕРН



Штерн Борис Гедальевич (1947–1998) — прозаик, эссеист, член СП СССР. Мой близкий друг. Один

из самых ярких фантастов России. В советском климате Штерну всегда было тесно, а в постсоветском — не хватало свободы. Декларированная на словах, она быстро была съедена самыми разными финансовыми западнями и ловушками. В одном из предисловий к редким книгам Штерна, я назвал его последним соцреалистом. Он не обиделся. Почему нет? Равенство враждебно свободе. Просто мы ещё не понимали этого. В древней Греции были свободные люди, потому что там были рабы. Мы и этого тогда ещё не понимали. Почему нет? Вопросов у Штерна всегда было много, ответов — никаких.

Киев, 15.09.82

Мартович, дорогой!

Рассказ посвящается тебе{89}. Почему — сам увидишь. Рассказ, кажется, не очень плохой. Хуже, чем «Чья планета?», но лучше, чем «Дело — табак». Я буду потихоньку продолжать эту серию об инспекторе Бел Аморе и роботе Стабилизаторе. Так… по рассказу в год… может и

{89} Комментарии: 89

«Спасать человека». Под названием этого рассказа было указано: «Необходимое дополнение к трём законам Азимова — посвящается Геннадию Прашкевичу».

насобираются через десять лет… на книжку «Приключения майора Бел Амора»…

Я отошлю рассказ в «Химию и жизнь», они вроде не прочь меня печатать.

Генка, сейчас толком попытаюсь ответить на один из пунктов твоего августовского письма. Я все твои вещи читал с удовольствием. Моя беда в том, что я помешан на отделке (это у меня от мнительности) и так как литературная отделка — мой конек, и я на этом набил руку, то я вечно в литературных разговорах на это и напираю. То есть, плаваю там, где знаю, что не утону. (Но это не мания редактора — править. Это все же другое, писательское). Ты — писатель. Тут никаких эпитетов не нужно. Сам ведь знаешь, есть члены СП, а среди них, наверное, всего треть писателей, остальные просто члены. Так вот, ты — писатель. Такая, в общем, чепуха. Писатель сразу виден по тексту. Сразу. Пусть он будет самым последним из чукчей. Пусть правильно или неправильно расставляет слова, пусть его вкус подводит — главное, чтобы текст был живой. Значит и человек живой, а не

говно. А с живым человеком всегда можно поговорить и договориться. А если и не договориться по крайней отдаленности вкусов и характеров, то хоть разойтись уважая друг друга. Теперь шутка: если даже писатели подерутся, в этом тоже своя прелесть. Толстой и Тургенев — жаль, что дело не дошло до дуэли; единственный, кажется, был бы пример в истории, как стрелялись два больших писателя. Ах, как жаль! Вот где пришлось бы потомкам разбираться! А что Пушкин и Дантес или Лермонтов с Мартыновым? Тут и разбираться не надо, кто прав, кто виноват. Пушкин с Лермонтовым правы, и весь ответ. Потому что они были писателями, а Дантес и Мартынов всего лишь членами СП (стишки кропали, наверное). Вот!

Где взять большой конверт, чтобы выслать тебе рассказ?

Гена, не вычеркивай имени лесника из рассказа{90}. «Мартович» — хорошее и редкое имя для фантастического рассказа (сам знаешь, как трудно в нашем жанре

{90} Комментарии: 90

Одного из героев рассказа «Спасать человека» Штерн назвал Мартовичем. Понятно, в мою честь. Ему нравилось моё отчество.

с именами). У меня для него еще найдутся приключения вместе с майором Бел Амором.

На следующую страницу не перехожу. Доволен, как слон. Давно не писал рассказов, все над повестью. Черт с ней, подождет.

Лиде привет! Всем приветы!

Всегда твой

Б. Штерн.

В. И. БОРИСОВ

Борисов Владимир Иванович (1951) — библиограф, литературный критик, переводчик, специалист по информатике. Окончил Томский институт АСУ и радиоэлектроники (1973). Организатор нескольких клубов любителей фантастики в Абакане: «Гонгури», «Центавр», «Массаракш». Вице-координатор группы «Люденны», много лет (десятилетий) занимающейся

исследованием творчества братьев Стругацких; один из авторов первой отечественной «Энциклопедии фантастики» (1994), составитель энциклопедии «Миры братьев Стругацких» (1999); Лауреат премии им. Ефремова (2001) — за вклад в развитие и пропаганду фантастики, и АБС-премии (2016, совместно с Г. М. Прашкевичем — за книгу «Станислав Лем», ЖЗЛ). Наше знакомство началось с осени 1982 года, когда я получил такое вот письмо из Абакана (Хакассия).

«Уважаемый товарищ Прашкевич Г. М. Правление Хакасской областной организации Добровольного общества любителей книги РСФСР приглашает Вас принять участие в региональном семинаре клубов любителей фантастики Сибири и Дальнего Востока, посвящённом 60-летию образования СССР и выхода первой советской научно-фантастической книги — повести В. Итина «Страна Гонгури». В программу семинара включено Ваше выступление на тему «Язык фантастики». Семинар состоится 3-5 декабря 1982 г. в г. Абакан. Начало семинара в 10 часов утра в помещении Дома политического просвещения, регистрация участников семинара с 9 часов. Заезд участников семинара 2 декабря. Вам забронировано место в гостинице «Хакасия». От аэропорта

до гостиницы Вы можете проехать автобусом № 15, остановка Главпочтамт».

Соответственно: печать, подпись.

Но побывать в Абакане в тот раз не привелось, потому что в декабре (как и другие приглашенные) я получил из Абакана еще одно письмо.

12.12.1982

Уважаемые друзья!

Думаю, Вас всех интересуют подробности отмена семинара, а потому прошу извинить за то, что в этом информационном письме воздерживаюсь от разговора на другие темы. К ним я вернусь чуть позже, когда приду в себя. Хорошо?

И ещё приношу извинения. Во-первых, за длительное молчание в последнее время. Было много хлопот с подготовкой к семинару, надеялся, что смогу многих увидеть здесь, в Абакане, но увы…

Но — по порядку.

В августе к нам приехал А. Лукашин{91}, сразу же после того, как отчитался в ДОК

{91} Комментарии: 91

А. П. Лукашин — литературовед, библиограф фантастики, активный деятель КЛФ-движения, редактор, журналист, ко всему прочему ещё и друг Владимира Борисова, то есть, со всех сторон человек положительный.

РСФСР. Тогда мы и узнали о создании методсовета и планирующемся семинаре в Абакане. Сразу же приняли энергичные меры по его подготовке: составили план необходимых мероприятий, обратились в обкомы партий и комсомола, короче, захлопотали. Всё шло нормально, хотя решение некоторых вопросов и занимало довольно много времени. Мы часто связывались с А. Н. Добриковым, зав. отделом в ДОК РСФСР, или с Вл. Гаковым, зам. Председателя методсовета. В основном — по некоторым вопросам издания буклетов к семинару и приглашения писателей-фантастов. Никаких намёков на возможные осложнения с семинаром не было.

24 ноября в местное отделение ДОК позвонили представители барнаульских книголюбов и сообщили, что ДОК РСФСР **не разрешает** им поехать на семинар. Нам удалось дозвониться до Москвы лишь 25 ноября. Сначала нам объяснили про трудности с командировочными расходами в конце года, а поздно вечером мы вышли на связь с Н. И. Потаповым,

зам. Председателя правления ДОК РСФСР, который сообщил следующее: «решение о семинаре *давно уже* признано неверным, к вам *никто* не приедет». И выбранил нас за излишнюю инициативу, совершенно ничего не разъясняя. Было ещё несколько разговоров с Москвой и Красноярском, результатом которых стала срочная рассылка телеграмм с уведомлением об отмене семинара.

Я несколько задержал это письмо, надеясь всё-таки хоть немного прояснить ситуацию. Увы, мне это не удалось. Точных причин отмены семинара я не знаю до сих пор. Ясно лишь, что, например, Добриков и Гаков узнали об этом решении чуть ли не *позже* нас, что подвергает сомнению слова Потапова о его давности. Далее ясно, что методсовета в прежнем составе при ДОК РСФСР не существует. Есть непроверенные данные, что совет всё-таки будет, что в него войдут В. Щербаков, С. Павлов, А. Осипов… Неясно также, что будет с намечавшимся семинаром в Свердловске…

Странную позицию в этом вопросе за-

нял А. Бушков{92}. Не имея достаточных для того оснований, он занялся резкой критикой прежнего состава методсовета. И утверждает, что будет создан новый, «реальный» (по его выражению) совет, который, якобы, заставит клубы выполнять его решения. В связи с этим прошу всех, кто поддерживает связь с Бушковым, иметь в виду, что его мнение не может считаться мнением КЛФ «Гонгури». И что Абаканский клуб не давал ему никаких полномочий вести переписку или переговоры по этому вопросу.

И дополнительная информация:

У нас почти не было времени на раздумья или возможность предпринять что-либо другое. В результате наши телеграммы получили не все. Второго декабря в Абакан прибыли: А. Николаенко и М. Шор — «Альтаир» (Тирасполь), С. Жарковский — «Ветер времени» (Волгоград), К. Рублёв и П. Огус — «Прогрессор» (Семипалатинск). Встреча четырёх клубов (в силу вышеизложенного) всё же состоялась,

{92} Комментарии: 92

А. А. Бушков — фантаст, публицист, детективщик, член Союза писателей России.

надеюсь, не без взаимной пользы. Мы во всяком случае благодарны нашим гостям за поддержку и участие в трудную минуту, за понимание ситуации, в которой мы оказались.

Мы не сочли возможным принимать какие-либо решения, но в одном были единодушны: случившееся не должно разрушить наметившиеся тенденции к объединению клубов, хотя и может послужить уроком на будущее. Прежде всего, думаю, следует позаботиться о проведении семинара в Свердловске, хотя и не вижу пока ясных путей к этому. Доброй вам фантастики!

В. Борисов, председатель КЛФ «Гонгури».

Д. А. БИЛЕНКИН

16.02.1983

Дорогой Гена!

Да, ты прав: работа хороша ещё тем, что заставляет меньше думать о болячках, а, возможно, и лечит их. Что-то вроде психотерапии…

Рад, что тебе понравилась книга{93}. Что же касается загадок и тайн, то их обилие далеко увело бы меня от цели, так как, если у автора нет объяснения (а на все, какие есть, Нобелевские премии я не претендую), то, что ему остаётся с ними делать? Выстраивать перечислительный ряд, только. А это столь же скучно, сколь интересны сами загадки.

Если хочешь, передай Алану{94} «диагноз» его заболевания. Всякое новое поколение должно жить в уверенности,

---

{93} Комментарии: 93

К сожалению, не помню о какой книге идёт речь.

{94} Комментарии: 94

А. К. Кубатиев — писатель-фантаст, переводчик, литературовед, преподаватель, кандидат филологических наук.

что оно пойдёт дальше своих предков, сделает лучше, больше, талантливей, превзойдёт их по всем статьям. Ориентировать себя на противоположное («Куда нам до них!»), значит, сложить крылья и заведомо сделать меньше того, что позволяют способности и обстоятельства. Так что, все правильно. Однако на этой почве возможны, более того, с неотвратимостью весеннего насморка возникают иллюзии, будто «мы» уже превосходим предков, уже работаем, думаем, пишем лучше. Вот это опасно. Как всякое заблуждение, опасно не для тех, кого «превосходят», а для «превосходящих». Ибо если кто-то превзошёл в действительности, то в какой-то форме он, скорее всего, получит надлежащий портретик с трогательно жуковской надписью, поскольку в любом поколении не сплошь дураки и завистники. А самовыдача патента на превосходство автоматически снижает критичность, человек начинает хуже видеть, как собственные ошибки, так и ошибки собратьев. О нередко возникающих на той же почве тенденциях

типа «сбросим такого-то с корабля современности» я уже не говорю, в наши дни всё это оборачивается людоедством, как в худшем из диких племён, только вместо дубины используется перо и слово интриги. От этого заболевания ребята, к счастью, отстоят на миллионы световых лет, но ведь и насморк не благо. Не ожидал, что Алан его подхватит… но для человека талантливого это вещь скоротечная, так что, ничего, обойдётся.

А молодые, в Малеевке собравшиеся, что ж? В основном люди способные, и талантливых не так мало. Двое-трое из них работают уже на уровне крепких профессионалов, хотя своего крупного, как у тех же Стругацких, слова ещё нет и пока трудно сказать, будет ли. Среди прочих большие надежды подаёт Покровский{95}; далеко ещё не профессионал (техника на троечку с плюсом), но крупный, сильный, оригинальный талант, в потенции соразмерен дарованию Стругацких. Тот же масштаб! То есть, претенденты на порт-

{95} Комментарии: 95

В. В. Покровский — писатель-фантаст, сценарист, научный журналист.

ретик с надписью есть, но в фотографию пока идти рано…

Первую, законченную часть романа, конечно же, охотно дам тебе почитать, если выберешь для этого время в Москве.

Братья-славяне отличный народ, хотя я тебя понимаю. Кстати, по ним прошёлся не только Гёрдер{96}, но и Энгельс. Но не станем судить их, да не судимы будем…

Погода и у нас не разбери какая, только недавно плотно лёг снег и установился морозец, а барометр раза два уходил пониже бури, к счастью, без катаклизмов. Что погода, то и люди: Комитет по печати уже года два порывается заключить фантастику в свои объятия и вскоре это произойдёт. Как показал исторический опыт подобных обсуждений, все принимаемые оргмеры «в целях дальнейшего развития и улучшения» в лучшем случае не наносили существенного вреда. Остаётся надеяться на сей вариант или

{96} Комментарии: 96

В письме к Биленкину я имел в виду известное высказывание историка И. Г. Гердера о славянах, которые якобы «занимают на земле больше места, чем в истории, и одна из причин этого — что жили они дальше от римлян».

цитировать Маяковского: «Вот вам моё стило…»

А маленькие детки — маленькие заботки, это точно, это по себе знаю, каково бывает дальше…

Остаюсь и проч. —

Д. Биленкин

Москва, 29.3.83

Дорогой Гена!

У вас зима, а у нас почти лето, — в воскресенье термометр дотянул до восемнадцати, и это притом, что в лесу везде еще снег; сочетание необычное, все какие-то смурные, да еще кругом грипп. И точно, нет гордости за восьмидесятые, из преддверья двадцать первого века шестидесятые кажутся золотистыми, не чета нынешним. Тянет на пришельцев, вообще настроение конца века серое (один редактор год назад выдал исторический афоризм: «Главное в наши дни — это сохранить равнодушие»; прелестно, а?)

Тебе не кажется, что замысел «Ваньки-

встаньки»{97} чем-то созвучен времени? Во всяком случае это благодатная тема, с интересом буду ждать воплощения.

Эволюция к литературной простоте, пожалуй, вещь типичная (как это там у Пастернака?) Плохо лишь то, что одновременно снижается скорость писания; когда-то и семь страниц за день мог спокойно, а сейчас если две, то уже хорошо! У тебя нет пока этого? Впрочем, Кир Булычев, кажется, и сейчас способен отгрохать пол-листа за смену. Утешает лишь то, что Боборыкин, вроде бы, мог еще больше. Или это вообще не показатель?

А издательство, конечно, нужно оставить, если оно уже в тягость.

Я задумывался над тем, что производит писатель. Если коротко, то, по-моему, он создает миры, принятые называть художественными. Они существуют в ноосфере, являются модельными построениями жизни, но обладают огромной автономностью и ведут себя чертовски своеобразно. В некотором смысле, как

{97} Комментарии: 97

Первоначальное название моего рассказа, издававшегося позже как «Игрушки детства».

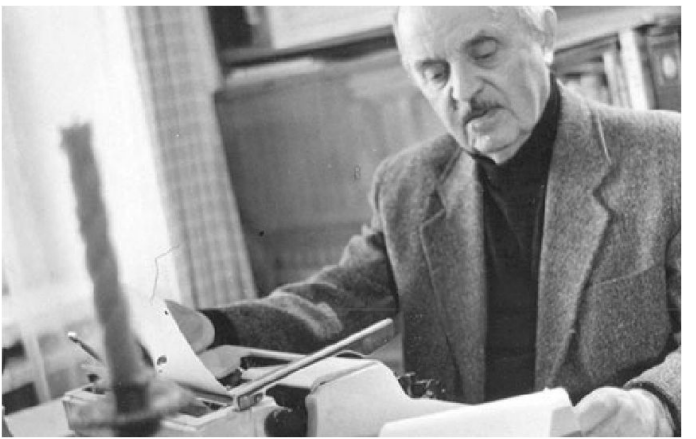
подлинные миры, подчас даже более реальные для нас, чем… Да вот, хотя бы, можно спросить любого: кого мы знаем и представляем лучше, кто для нас более реален — Гамлет или Шекспир, Дон-Кихот или Сервантес, Робинзон Крузо или Дефо? После такого вопроса обычно начинают чесать в затылке. И не мистика ли, что мистер Шерлок Холмс получает в наши дни больше писем, чем мы с тобой оба вместе взятые? Короче говоря, существуют чудеса природы и техники, но, дорогие друзья, не будем забывать о литературе! Не будем, ибо существование того же Шерлока Холмса представляется мне проблемой более интересной, чем загадка каких-нибудь черных дыр.

И проклятущий вопрос: а я-то создаю художественные миры?

Вот выбрали мы себе профессию…

Д. Биленкин

Ю. М. МАГАЛИФ



Магалиф Юрий Михайлович (1918–2001) — поэт, прозаик, драматург, артист. На знаменитой сказке «Приключения Жакони» (1959) выросло не одно поколение. Как существуют, скажем, предприятия градообразующие, так существуют и поэты — градообразующие. Поначалу реакция на имя: «А… это тот… это тот поэт… который из Новосибирска?» — а потом: «А… Новосибирск… это тот город… в котором живёт тот-то…»

Как всякий настоящий поэт, Юрий Михайлович был склонен к некоторым преувеличениям. Именно к преувеличениям, поскольку за каждым угадывались реалии, правда, подтверждаемые в основном стихами. Отец — провизор, но мать, конечно, польская графиня (иногда — цыганка; «Моя бабка Федосья Трофимовна была маленькая цыганка»). Мне пришлось работать с двумя поэтическими книгами Юрия Михайловича. Какое-то время стихи его не вязались с фактами реальной биографии. Родился он в Петрограде, в 1935 году вместе с матерью выслан в Казахстан. Вернувшись в Ленинград, учился в театральном институте на актёра-чтеца. В 1941-м — арестован и отправлен в лагерь возле Новосибирска. Отсюда и стихи. «В марте сорок второго Мы строили аэропорт. Вот была работёнка! Общественная притом». Общественная? Ну, а как ещё скажешь? «За пазухой отогревали Хлеб, от мороза твердый; И в «четезе» щеголяли — в онучах из твердого корда...» Юрий Михайлович не сильно любил вспоминать такую «общественную работёнку», но позже, написав всё-таки мемуарную (скажем так) повесть «В те еще годы...» отдал рукопись в журнал «Проза Сибири», который я возглавлял. Там она и вышла — в первом номере

девяносто шестого года. Юрий Михайлович не сразу в это поверил, но факт есть факт: вышла! Он вообще в те годы заметно повеселел. Врожденный темперамент прорывался в дружеских беседах с людьми, которым он верил. Утверждал, что в детстве сиживал на коленях знаменитого инженера и писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского, основателя нашего города; намекал, что в жилах его жены Ирины Михайловны (он прожил с нею сорок семь лет) текла кровь русских царей; с удовольствием рассказывал о том, как в Ленинграде, в давние тридцатые, не раз якобы прогуливался по улицам с Сергеем Мироновичем Кировым, соседом по дому. Деталь особенно убедительная: выгуливал собак Кирова — охотничьих. Как чтец-декламатор объездил многие области Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока. Раздавая автографы на своих книжках, расписывался: «Маг-Алиф». А глаза чаще всего были печальные. О чём он вспоминал? Что пытался не забыть? «Она, конечно, умерла В тот год, зимой блокадной...» Но это — стихи. А в жизни... «Чтоб раньше, чем кинуться в темную воду, — Увидеть сухую щетину покоса; Тальник, пожелтевший погоде в угоду; И лодку, прибитую к берегу косо...» Хотя ведь и это — стихи. А за ними

— несбывшиеся надежды, недописанные книги, потерянные друзья… Ничего не происходит — жизнь происходит… «А Пан играет на флейте».

22 декабря 1983.

Дорогой Геннадий Мартович!

Я сделал всё, что смог. Учёл почти все Ваши ценные замечания. При этом несколько перестроил сборник. Нумерация страниц — красным карандашом — моя. Взгляните, пожалуйста, ещё разок на книгу — в смысле её композиции.

Я никуда не уезжаю. Во всяком случае, если придётся уехать, то я прежде всего попрошу Вашего соизволения.

Я необычайно рад, что мне пришлось, Гена, работать с Вами. Более того: я прямо-таки горжусь многими Вашими оценками моих стихотворений.

Всегда буду рад сделать для Вас что-либо полезное и приятное Вам.

Искренне — *Маг-Алиф.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР
ПО ДЕЛАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ, ПОЛИГРАФИИ
И КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

19.XII.1983

Уважаемый товарищ Прашкевич!

Сообщаем Вам, что сборник фантастики «Великий Краббен»{98}не будет выпущен в свет в связи с идейно-художественными просчётами, допущенными в книге.

Гонорар за Ваше произведение будет выплачен в установленном порядке.

Главный редактор —

К. Волкова{99}.

{98} Комментарии: 98

В наших частных разговорах Г. И. Гуревич не раз пенял мне: почему я не возьму людей Огненного кольца, своих столяров, плотников, геологов и путеществующих в шляпе, даже бомжей и богодулов, почему не кину их в свою фантастику, ведь всё оживёт сразу! То же советовал мне и Аркадий Стругацкий. В конце концов, я прислушался. Хорошие люди плохому не научат. В итоге в 1983 году фантастическая повесть «Великий Краббен» (написанная целиком на материале моих курильских экспедиций) вышла в свет (в составе одноимённого сборника) тиражом в 30 000 экземпляров, и сразу весь этот тираж ушёл под нож цензуры — по распоряжению Госкомитета по печати РСФСР. Правда, один книжный магазин («Военторг») в Новосибирске оказался не в меру расторопным: успел продать несколько сотен книг; до сих пор встречаю первое издание «Великого Краббена» у любителей фантастики… Ну, а если говорить о криминале названной повести, то заключался он как раз в непреходящем отечественном колорите, и, само собой, в имени главного героя повести — обаятельного, никогда не унывающего бывшего алкоголика, бывшего бытового пьяницы, бывшего боцмана с балкера «Азия», бывшего матроса портового буксира «Жук», бывшего кладовщика магазина № 23 (того, что в селе Бубенчиково), бывшего плотника «Горремстроя» (Южно-Сахалинск), бывшего конюха леспромхоза «Анива», бывшего ночного вахтера крупного научно-исследовательского института, наконец, бывшего интеллигента (в третьем колене, как непременно уточнял сам герой)

— Серпа Ивановича Сказкина. В кальдере Львиная Пасть (остров Итуруп) Серп Иванович наткнулся на явившегося из каких-то неведомых океанских глубин плезиозавра. Дикая доисторическая тварь (как известно, давно вымершая) активно гоняла Серпа Ивановича по узкой кромке каменистого берега. «Кто сказал, что Серп не молод?» Подобные шутки, как и само имя героя, были сочтены рецензентами Госкомиздата совершенно непозволительным надругательством — о, священная символика великой советской страны! Ко всему прочему, выгоняя из дому свою неверную жену, неунывающий богодул Сказкин весело рубил китайские пуховики бельгийским топориком, и так же весело крушил чешскую мебель тайванским стальным ломиком: «Свободу узникам Гименея!» Это тоже не пошло Госкомитету в жилу. «В наши дни, — писал официальный рецензент, — когда в Египте, Уругвае, Чили, в Южной Корее томятся в мрачных застенках борцы за мир, истинные коммунисты, чистые люди, положившие жизнь за свободу угнетённых всего мира, — чего и кому требует Г. Прашкевич?» И, наконец, повесть заканчивалась пророческими словами: «Что касается профессора Иосинори Имаидзуми, профессор пока молчит. Но и тут я настроен оптимистично: почта будет», после чего следовал заключительный пассаж: «Лишь бы в это дело не вмешалась политика».

{99} Комментарии: 99

Сигнал сборника «Великий Краббен появился 25 октября. Правда, за неделю до этого вёрстку срочно затребовали в Госкомитет по печати РСФСР в Москву. Но книга вышла. Я радовался: вот она передо мной!

Целых три дня радовался. А потом, 28 октября, пришёл из Госкомитета приказ: пустить весь тираж (30 000 экземпляров) под нож. Первым, как ни странно, позвонил мне милый Михаил Петрович Михеев. «Я предупреждал. Не надо писать о богодулах». А 2 декабря всё того же 1983 года в кабинете директора издательства Нины Сергеевны Семаевой были собраны редакторы: главный — К. В. Волкова, и соответственно отделы: Г. Артюшенко, В. Новопашин А. Зверева, Е. Городецкий, Т. Фролова, О. Мухина, В. Жигалкин, Н. Воробьева, Н. Костина, А. Шалин, Г. Прашкевич.

Из записи, сделанной в тот же день:

Семаева: Я собрала вас не для дискуссий. То, что я буду говорить, не должно вызывать у вас возражений. Мы должны понять, как работать дальше. Я прочла весь сборник «Великий Краббен», потому что комитет разрешил часть его, не вызывающую сомнений, издать в следующем году. Повторяю, я прочитала весь сборник — поэтому издавать мы ничего не будем. Не вызывает сомнений только Михеев. Курочкин (от него я не ожидала) пишет о свалках (цитата), делит гениев на обычных и на стихийных, у Константиновского наука занимается чёрт-те чем (цитата), у Кошурниковой в далёком будущем не знают, что такое курица (цитата), у Шалина в будущем на всю вселенную остаётся один сантехник. Мы что боремся за такое будущее? Я уж не буду говорить о «Великом Краббене». Я плохо знаю жанр НФ, но знаю — он делается на низком уровне, через него протаскиваются вредные идейки.

Прашкевич: Если не знаете жанр НФ, то откуда такое понимание?

Семаева: Нам всё рассказали на семинаре. (Видимо в Москве).

Жигалкин: Давно нам следует подумать о положительном герое — какой он, чем занимается, и придерживаться такого вот позитивного портрета.

Прашкевич: Что-то вроде милицейского фоторобота?

Фролова: И написать очередную инструкцию? Они же меняются.

Костина: Все так плохо, и у молодёжи настолько нет сейчас никаких идеалов, что на время надо бы вообще забыть о негативном, писать только положительного героя.

Городецкий: А где такого взять?

Семаева (почувствовав интонацию): Я понимаю так, что Вы считаете нас с Кларой Васильевной (Волковой) дурами? (Доверительно): Давайте лучше подумаем, как нам работать дальше.

Нина Сергеевна оказалась на высоте: авторов сборника она не стала делить на козлищ и на просто козлов, сборник весь пошёл под нож, правда, гонорар авторам был выплачен. Итоги: К. В. Волкову из главных редакторов перевели завом в редакцию массово-политической литературы, Прашкевич из издательства ушёл (по собственному желанию, опять же к чести Семаевой).

А. М. БИРЮКОВ

1983

Дорогой мой и нежно-прекрасный Гена!

Да что они — с ума, что ли, сошли, живую книгу уничтожать? И, главное, за что? Это какую же крамолу нужно высказать, чтобы под нож попасть? А где она там? Не знаю, может я — невинная Красная Шапочка в этом дремучем книгоиздательском лесу — такое возможно, и сто раз правильно я поступил, поскорее покинув это поприще (издательское), но не вижу и не видел я там (в твоей книге) ничего предосудительного и подрывающего устои и читал эту повесть с наслаждением. За что же кара? И что за судьба стоит за твоей спиною, если повторилась — да ещё в худшем варианте — сахалинская история? Со стороны, конечно, проще, но, может быть, стоит тебе обратиться в ЦК

КПСС к товарищу Стукалину{100} с жалобой, а в этой ситуации только он может что-то перерешить. Ведь таким образом провоцируются новые «Метрополи» — я имею в виду неоправданные репрессии, так выращиваются диссиденты, так уезжают Аксёновы. А нужно ли это кому-то?

Может, остался не уничтоженный экземпляр (хотя бы из числа авторских) — был бы очень рад его получить и ещё раз проверить свои впечатления от этой вещи.

А в общем, не надо отчаиваться. Вспомни, что до сих пор опубликован не весь Сельвинский, что, будучи уже признанным классиком, Всеволод Иванов не мог опубликовать многих своих вещей и они вышли (не все) только перед самой его смертью, другие посмертно, а третьи не вышли вовсе. Вспомни, что не весь Булгаков ещё опубликован, да и «Мастер» сколько лет ждал публикации. А трид-

---

{100} Комментарии: 100

Б. И. Стукалин — в то время председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР, Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, а затем заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС.

цать листов ненапечатанного — это совсем немного; вот когда больше ста будет — можно переживать. Да, я тут о Тютчеве читал — вот кто удивительно к написанному им относился, всего две книги при жизни выпустил, между ними разрыв в 25 лет, и ничего — жил, язвил, да и писал вроде неплохо. Нет, писать и печататься — не одно и то же. И если пишется — уже очень хорошо. А всё остальное несущественно. Если позволишь, я пришлю тебе на той неделе свою повестуху для отзыва — а то что-то ругают многие, а мне кажется, что никогда лучше я ещё не писал. Неужели и тут я ничего не понимаю? Вот это было бы просто ужасно. Как твоя Лида всё это пережила?

Будь здоров, дорогой.

Твой — Бирюков

Б. Г. ШТЕРН

Киев, 23.11.83

Мартович! Получил твое письмо и дней на пять впал в такую депрессию…

Ты теперь свободен. Свобода она — свобода. В принципе, тебе давно пора было бы перейти на вольные хлеба, но у тебя это какой-то не такой переход. Ясно же, что так просто книги под нож не идут и с работы не вылетают из-за одного росчерка Пастухова{101}; тебя долго травили, и ясно, что сейчас на свободе тебя ничего хорошего не ждет.

Черт возьми, какой-то детский лепет…

Нужны союзники. Сейчас ты увидишь, кто был кем, и кто есть ху.

Обещаю, что напишу рассказ или главу о том, как книга пошла под нож. Как можно веселее, чтобы слезы полились.

Генка, достоинство и твердая воля! Ты

{101} Комментарии: 101

Б. Н. Пастухов — с 1964 года секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1977 по 1982 годы — первый секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1982–1986 годах — председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

должен подняться во что бы ни стало! Тебя сейчас начнут «не печатать». Крепись, старик! Может быть, я излишне паникую? Тебе лучше знать. Удар сильный, но ты должен отдышаться и встать. Ради самого себя, семьи, немногих друзей… и для врагов тоже. Они зеленые? Бить их, пока не покраснеют.

Гена, если все же будет возможность достать хоть один экземпляр зарубленной книги… хоть один — для меня… Где этот заплесневелый склад? Поставить кладовщику или дворнику поллитру, поговорить «так и так», и он за милую душу отдаст пачку-вторую, чтоб можно было унести в двух руках. Нет, это в самом деле выполнимо, если только знать, где «Краббен» находится — естественно, должен это сделать не ты, а кто-то другой — надежный друг. (Если книги вернулись в типографию, тогда конец; а если они и в самом деле на каком-то книжном складе?)

Берковой я напомню про ее обещание, но все это уже пустое.

Даже если из Москвы придет благопри-

ятный отзыв, все равно… тебя в издательстве теперь нет, и меня с Аланом похерят автоматически. Впрочем, насчет Алана не знаю, а меня — точно…

Старик, не дай боже тебе сейчас запить. У тебя же есть влиятельные друзья. Абрамов, Семенов… Я в этих делах откровенный дурак, ты сам знаешь, что нужно делать…

Сдал рукопись в изд. «Молодь» Возможно, попаду в план на 1987 г. «Из «Сумасшедшего короля» сделал повесть на два листа. В следующем году на Украине состоится конкурс на лучшие НФ-повести — премий много; надеюсь, что «Король» свое возьмет.

С деньгами хреновейше. Надеялся на гонорары из Таллина (летом взяли там два рассказа в местные журналы — а сейчас выбросили) и от тебя, — а «Краббен» под нож. Итого: 300-400 рублей просвистели-прошелестели мимо.

Генка, крепко обнимаю и жму руку!

Спокойствие, старик!

Всегда твой — Штерн

Киев, 4.05.84

Генка! Я только что отправил рукопись «Краббена» в «Химию». Рекомендации самые наилучшие. Там прочтут с самым-самым пониманием. Рекомендовал тебя как наиполезнейшего для них автора, досконально знающего Дальний Восток, и т. д, и т. д.

«Краббен» хорош, мне понравился. Он живой и нестандартный, он лучший из твоих «ильёвских» повестей. Правда, по моей живодерской натуре, я бы чуть сократил, есть небольшие затяжки. Если «Химия» согласится публиковать, то, я уверен, они потребуют сделать «журнальный» вариант — страниц на 50. Согласятся ли они на публикацию? Будем смотреть правде в подслеповатые глаза… согласились бы… да не решатся… Генка, я не скрыл от них историю с «Краббеном» — я рассказал им еще в феврале, когда был в Москве. Сейчас они его прочитают (читают они обычно всей редакцией), им понравится, но они разведут руками и скажут: «Да, конечно… но… Пастухов… госкомиздат… публикация «Краббена»

в таких условиях… вызывать огонь на себя… Они не решатся… Изменить название?.. Еще хуже…

Ну, посмотрим, что в «Химии» скажут…

Был в Одессе — пригласили местные любители НФ. Меня и Снегова. Он — Штейн, я Штерн. Оригинально. Читал рассказы, понравилось. Снегов растрогался. И в «Молоди» у меня пока все развивается успешно. Редзаключение и рецензия хорошие, осенью, как видно, вставят в план. Редактор — Юрий Попсуенко, тот самый, который был твоим редактором в «ППФ»{102}. Я с ним в очень добрых отношениях. Попробовать «Краббена» на укр. мове? Не ясно… Буду говорить с Юрой…

Ну, обнимаю. Лиде привет.

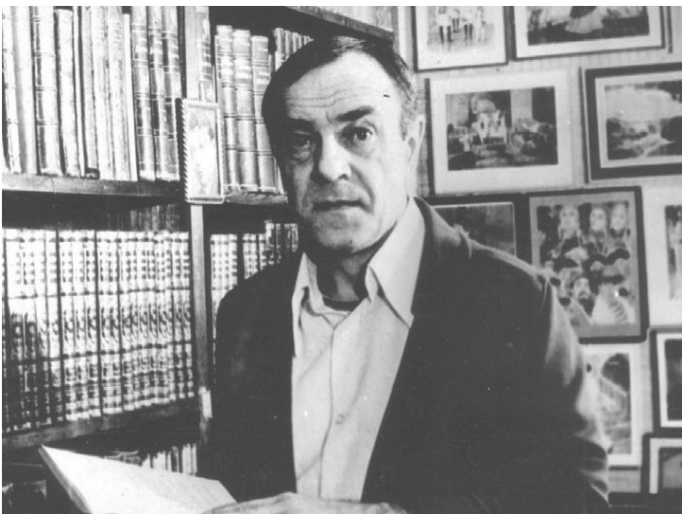
Всегда твой

Штерн.

{102} Комментарии: 102

В киевском сборнике «Пригоди, подорожі, фантастика» в переводе на украинский печатались мои повести «Розграбоване диво» и «Я бачив снігову людину»

В. С. ПИКУЛЬ



Пикуль Валентин Саввич (1928–1990) — прозаик, автор многих исторических и военно-морских романов. Письмо связано с историей запрета повести «Великий Краббен».

1984, Рига

Дорогой Геннадий (простите, что так

Вас называю)!

Не люблю отвечать на письма, но ради Вас делаю исключение.

Сам бывал в критических ситуациях, когда меня десятилетиями замалчивали и годами не печатали.

Помню хорошего человека и честного писателя (ныне покойного) Дм. Острова, у которого на моих глазах сняли с прилавка три книги подряд. Правда, все они потом вышли снова.

Всё пройдёт, верьте мне! Все мои романы прежде были охаяны и отвергнуты, а потом шли нарасхват. Нужно время, нервы, сжатые в ярости зубы. Почаще вспоминайте царя Соломона из Библии. Когда ему было кисло, он переворачивал на пальце кольцо, украшенное мудрой надписью: «И ЭТО — ПРОЙДЁТ».

Не горюйте. И это пройдёт.

Всё образуется, всё восстановится.

Так будет! Желаю Вам злобного спокойствия, каким и сам научился, и овладел за свои тяжкие годы.

Обнимаю

Вал. Пикуль,

XX век.

Н. В. КУРОЧКИН

Курочкин Николай Владимирович (1946–2018) — прозаик, фантаст, публицист. В одной из биографических справок, размещенных в Интернете, сказано, что «отец Николая Владимировича, Владимир Васильевич Краваткин (Креве) — потомок обрусевшего английского дворянина Уильяма Креве, капитан СМЕРШ ГРУ, погиб на Филиппинах в

1955 году; мать, Мая (так написано) Никифоровна Картавцева — радистка разведывательно-диверсионной группы, работавшая также на линии переговоров «Сталин-Рузвельт», умерла в 1966 году 43 лет от роду». Сам Коля Курочкин впервые появился в Новосибирске в Западно-Сибирском книжном издательстве где-то в конце семидесятых — большой, грузный, бородатый, в потёртых отечественных джинсах, в потёртом отечественном плаще, решительно отказывался от обедов («не хочу привыкать к сытости»), не пил, не курил. Окончил Институт народного хозяйства (Иркутск), работал с нефтяниками, из богатых нефтяных провинций перебрался в Томск. Рукопись, принесённая Колей, мне понравилась, а разговаривать с ним всегда было интересно. Рассказ «Уик-энд на берегу Чёрного моря» был включен в сборник «Дебют» (1980), давший, в общем-то не одного писателя (достаточно назвать Илью Картушина, Татьяну Набатникову, Анатолия Шалина, Бориса Штерна), затем была включена в план изданий книга рассказов «Жизнь спустя». Любую правку Курочкин принимал без колебаний, в спорах держался как патриот, но никогда не был чужд оппозиционным веяниям. Появлялся в Новосибирске часто, часто видел-

ся я с ним и в Томске. В цитировавшихся выше интернетовских справках (кажется, я догадываюсь, кем они написаны) сказано и такое: «За это время (семидесятые годы) неоднократно бывал в длительных загранкомандировках, выполняя задания Родины за рубежом». Надеюсь, Коля выезжал на задания за кордон не всё в тех же болотнинских джинсах, и пользовался (для безопасности) языком своим — русским, поскольку никакими другими не владел. Когда я (по праву одного из руководителей) пригласил Курочкина на семинар в Дубулты (вместе с томичами Сашей Рубаном и Володей Шкаликовым), привычную советскую Ригу он воспринял как заграницу. В 1984 году в московском издательстве «Молодая гвардия» вышел (в сборнике) роман Курочкина «Смерть экзистенциалиста», который я читал во всех его рукописных вариантах, и который до сих пор ценю. К сожалению, удержать быстро набранную высоту Коля не смог, дальнейшие его литературные выступления смотрелись слабее, появились откровенные срывы. Он торопился, он хотел сразу всего. Думаю, именно это плохо скрываемое нетерпение привело его в 2010 году к инсульту (в интернетовских справках, правда, указано: «ухудшение состояния здоровья и

инвалидности после контузии»)»; вторая жена Курочкина, тоже литератор, увезла его на Кубань. Там он скончался.

14-25.09.1984, Томск

Здравствуй, ящер!

Последний год был самым сидячим в моей жизни. За весь год ни разу не купался, только раз ходил к вратам «Почтового»{103}в лес, да вот субботу провёл на даче Вл. Ан. Колыхалова-старшего{104}…

Сергей Алексеев{105} трагично женился и скитается по углам. Его антисемитский роман будет в «Их современнике» №№ 1-2-3-4 за 85 г. Прошли всяковыборные собрания, даже — первичной журналистской организации Томской писательской организации. Профбоссы требуют от писателей: а) трудовых подарков съезду и б) снизить на 0.5% и повысить на 1%.

{103} Комментарии: 103

Северск — «закрытый» город под Томском.

{104} Комментарии: 104

В. А. Колыхалов (1934–2009) — прозаик, журналист, член Союза писателей СССР.

{105} Комментарии: 105

С. Т. Алексеев (род. в 1952 г.) — прозаик, журналист, сторонник идей славянского неоязычества, член Союза писателей России.

Я принял соответствующие обязательства. В пятницу Стас Федотов{106}, Сашка Казанцев{107}, Сэр Дюк{108} и миссис Павельева{109} собрались у меня и выкушать изволили литр водки и литру вермута мадьярского. Окончательно разошлись (в смысле — утихомирились) в 2 часа ночи.

Вл. Колыхалов вернулся из Монголии, Макшеев{110} из НРБ. Я собирался в Новосибирск, но вдруг начал писать цикл рассказов под названием «Костёр на асфальте» (12 историй из жизни одного престижного микрорайона). Роман свой пока отложил. Не лезет в горло. Хотя на нем я многому выучился.

Дрейка писать всё же будем?

{106} Комментарии: 106

С. П. Федотов (род. в 1938 г.) — поэт, журналист, член Союза писателей России. Окончил радиофизический факультет ТГУ, вполне успешно занимался радиоэлектроникой, но любовь к литературе победила; автор многих поэтических и очерковых книг.

{107} Комментарии: 107

А. И. Казанцев (1952–2007) — поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей России, главный редактор томского альманаха «Сибирские Афины».

{108} Комментарии: 108

В. М. Сердюк (1945–2015) — поэт, журналист, член Союза писателей России.

{109} Комментарии: 109

И. А. Павельева (род. в 1956 г.) — поэт, журналист, член Союза рос-

сийских писателей.

{110} Комментарии: 110

В. Н. Макшеев (1926–2019) — прозаик, журналист, общественный деятель, член СП СССР, Заслуженный работник культуры РФ.

Дело вот в чём. Я замыслил эпопею в 14 томов{111} — ну, пусть в семь, минимум. Первый — «Сёмка Зуёк, пират Её величества» — о Дрейке и К., во втором — внук дрейковского юнги воюет с китайцами на Верхнем Амуре (роман «Албазин»), а в старости провожает Беринга и Чирикова на Восток, в третьем эпопея Муравьёва-Амурского и Корсакова, четвёртый — «Ванька с Клондайка, или Желтугинская Калифорния» — там представитель очередного поколения Зуйковых будет воевать на баррикадах Коммуны 1871 г., затем искать злато в Приамурье, встречаться с Бакуниным и Кропоткиным (а они же оба Амур знали) и эволюциони-

{111} Комментарии: 111

Колины масштабы всегда отличались необъятностью. Он хотел, он страстно хотел, как можно быстрее добиться успеха, войти в ряд писателей цитируемых, занять место в некоем избранном ряду. Даже «записные книжки» его выглядели необычно: большие линованные амбарные книги. Листать их было одно удовольствие. «Основная тема Горького: Гулливер в плену у лилипутов». — «Мания преследования, это когда думаешь, что люди специально преследуют меня, а они преследуют не меня, они преследуют свои цели». — «Очень шумное извращение — громосексуализм». — «Ну, а что нам Боян сбяшет?» — «Поэт Заглавный» (для литераторов Томска сразу было понятно, о ком конкретно идёт речь). — Докторская диссертация: «Аэродинамика полета домашних птиц на предельно малых высотах». — Монография: «Естественные надобности. Том II». — Скульптура: «Афродита сморкающаяся». — Или такое открытие: «Прокруст был первым социологом: упорно пытался установить средний уровень». Издай Коля просто

так, без всяких претензий свои амбарные книги, его бы и сейчас цитировали.

ровать от анархизма к марксизму. Пятый том про гражданскую войну и ДВР. Шестой начнётся 28-м и кончится 56-м годом («Железные слова»), и седьмой — о современном Востоке. А в промежутке — ещё о переселенцах достолыпинских, о пароходстве по Амуру и проч.

Так может, первую книгу вместе, а там разбредёмся, кого куда потянет?

Недавно узнал — это к твоему в Латвии пребыванию — что в XVII веке Курляндия (сиречь Зап. Латвия) имела, при герцоге Якобе, КОЛОНИИ В АФРИКЕ (Гамбия, например).

Читатель любит, чтобы сквозной герой был. А мы давай запузырим нечто вовсе в истории литературы небывалое: пусть наш пират родит двух сыновей и потомство одного заполняет твои страницы, а другого — мои, временами встречаясь; ведь занятно? Скажем, после краха восстания Болотникова старший сын пирата бежал в Курляндию, олатинился, плавал в Африку, потом женился на староверке (их колонии в Латвии были), а в XIX веке назад обрусел, но род остался в Дубултах

и прапраправнук работал в Доме творчества писателей, сам тайно пописывал, но никто этого, конечно, не ведал. Тут уже три-четыре тома сидят.

Это я шучу, но не совсем шучу.

А «Войну за погоду»{112} (отличное, кстати, название) надо под псевдонимом послать в «Гидрометеоиздат» и на какой-нибудь конкурс к 40-летию Победы и притом написать: «Полярникам 40-х годов ПОСВЯЩАЕТСЯ» или что-нибудь в этом роде, это книгу не испортит.

Рекомендации в СП от Машовца{113} и Коньякова{114} я получил, вступать буду в этом году (помнишь, ты сказал: «твой год 84-й»), когда, не знаю. Как узнаю, всё

{112} Комментарии: 112

укопись повести, как раз в это время мною законченной. Первое издание — в альманахе «Мир приключений» (М., 1987), отдельное издание — Новосибирск, 1988, Москва, 2009.

{113} Комментарии: 113

Н. П. Машовец (1947–2008) — прозаик, журналист, кандидат филологических наук, член СП СССР, ответственный работник ЦК ВЛКСМ, заместитель главного редактора журнала «Литературная учёба». Занимался издательской деятельностью в агентстве «Голос», созданном при Славянском фонде России, сотрудничал с издательским отделом Московской патриархии.

{114} Комментарии: 114

В. М. Коньяков (1927–1998) — новосибирский прозаик, художник, член Союза писателей СССР.

подробно отпишу. Светлане{115} и Павельевой пришли рекомендации в изд. «Современник» — на книжки. Света после Совещания ещё не вполне пришла в себя и за лето ничего не написала.

На декабрь намечено первое после Блюхера{116} Всесоюзное совещание жён комсостава МО СССР.

Читаю письма Чехова, «Пароль не нужен» Ю. С. и «Записки премьера ДВР» Никифорова. Ну и «Каникулы 71 года», само собой.

Здоровье — средне. «Смерть экзистенциалиста» будет иметь в сравнительно скором, года два, времени, продолжение под названием «Второе удовольствие» (там, в частности, Таракан Эдик будет долго и мучительно сочинять повесть-ответ клеветнику Курочкину). А пока повесть

{115} Комментарии: 115

С. А. Борзунова (1951–2006) — первая жена Н. В. Курочкина. Поэт, журналист, член Союза писателей России. Окончила филологический факультет ТГУ. Работала и жила в Томске, в Благовещенске. «Никогда ничего не будет. Старый друг обо мне забудет. И возлюбленный открестится. Вот тогда я и стану птицей. Ни гнезда, ни дупла, Только небо. И в нём растаю».

{116} Комментарии: 116

Коля очень любил (можно сказать, демонстративно любил) такие вот исторические ссылки.

приносит мне критические дивиденды: вот и в сборнике «Молодые о молодых» о ней 1/10 листа, пустяк, а приятен.

А теперь я тебя развлеку.

Из вступительных сочинений Томского университета 1976– 84 гг.

Своё первое поражение Базаров потерпел на Одинцовой.

Пьеса задела людей за их самые сокровенные места.

Главный инженер Чинков — угрюм, толст, неоднозначен. Действие происходит на Чукотке. Люди тут особые. Слабых тут нет. Слабые тихо и быстро исчезают в лучший мир или в лучшую местность.

Издавна человек является предметом самого пристального внимания не только врачей, органов внутренних дел и учёных, но и писателей.

60 лет существует в нашей стране Советская власть. Много горя вынес наш народ за эти годы.

Вынес достаточно русский народ, вынес и эту дорогу железную, вынесёт всё, что Господь ниспошлёт. (Эпиграф к сочине-

нию о БАМе).

Ещё до встречи с Наташей у кн. Андрея была встреча с дубом.

Анна Каренина страдала, но она страдала чисто по-женски: она любила, но любила не мужа.

Будь здоров, пиши.

Мысленно вместе.

Курочкин.

29.XI.1984

Здравствуй, Гена.

«Войну за погоду» я прочитал внимательно. Думаю, ты оценивал её справедливо. В конце декабря, весьма вероятно, буду в Белокаменной — зайду лично к Ионину{117}, уточню дальнейшее. Ноябрь провёл сверхактивно. В том числе неделю в коммунизме. Это называлось «Всесоюзная творческая конференция *«Новое в жизни — новое в литературе»»*. Практически это было так. Макшеев вдруг объявил, что в томскую делегацию включены мы с Сашкой Казанцевым. Ура! Но… Но

{117} Комментарии: 117

К сожалению, не помню, не выяснил, о каком Ионине идёт речь.

— все полетят спецрейсом, а мы поедем поездом. Я насторожился: раз СПЕЦрейс, значит, билетов на всю делегацию хватит. Значит, Вадимом движут какие-то неблаговидные побуждения. На следующий день, он, пряча глаза, сознался, что нам предстоит везти с собой небольшой багаж, поэтому брать должны купейные, а не плацкартные, и с запасом, чтобы прибыть раньше всех на полсуток. Багаж такой: несколько книг томских авторов — немного, сто семь. И планшеты с видами Томска, пара штук. Пришёл день отъезда и выяснилось, что «пара» планшетов конкретно означает ШЕСТЬДЕСЯТ ОДИН!!! И что они — основной фонд краеведческого музея, если с нами что случится, списывать через Демичева! И стоят они 740 рэ, и Сашка оцепенел, расписываться в акте приёмки пришлось мне. Потом оказалось, в купе они не входят, пришлось распихивать по соседним, унижаться. Приехали в Тюмень мы во втором часу местного — и дальше началась сказка. До вагона в Томске мы пёрли груз с помощью Сашкиных литобъединенцев, а тут

нас ждал облисполкомов-ский «рафик», гид — во втором-то часу ночи! — и ключи от номеров в гостинице, даже заполнять анкеты не надо.

Утром мы узнали, что: а) планшеты сейчас закинуты в микроавтобус и едут в дом политпроса, где всё мероприятие будет; б) что для удобства личной жизни нам дают двухкомнатный номер каждому, в) что кормёжка по талонам, включая деликатесы, но без выпивки и г) что тут цвет СП собирается!

Вечером было оргзаседание, потом два часа истерик: при раздаче талонов Макшеев пошутил насчёт того, что эти планшеты — «испытательный срок». Я встал в позу и взревел, что, по-моему, в этом союзе срок книжками проходят, а не гнутьём спины — и он притих. Потом партийные дамы из Томска пытались Вадима и прочих писателей отловить с оргзаседания (удалось) и заставить развешивать планшеты (не удалось).

Оказалось, икру метали зря: тюменцы сами всё развесили.

Потом первый день — доклады первых

секретарей обкомов, нашего и тюменского, а также — Поволяева{118} и Ю. Андреева. (Кстати, передай Свиньину от Андреева привет: «хороший парень!» — говорит критик о Гиббсе{119}. И с успехом «Зенита» от меня и Андреева его поздравь). Наш первый объявил: «Есть время собирать камни и время их бросать. Сейчас я кину несколько камней в ваш литературный огород», — и, называя титулы, но опуская фамилии, понёс на Астафьева, Распутина и Штемлера. Ну и т. д. А доклад По-воляева я не слушал, пьянствовал у себя в номере с Гарием Немченко{120} — он отрекался от сибирячества — и очень симпатичными хохлами, один из которых был в 61 г. на Плайя-Хирон.

На следующий день 16 писательских групп разъехались по области. Я поле-

---

{118} Комментарии: 118

В. Д. Поволяев (род. в 1940 г.) — прозаик, член СП СССР. Заслуженный работник культуры РСФСР, Лауреат премии РФ им. Маршала Г. К. Жукова в области литературы и искусства.

{119} Комментарии: 119

Дружеское прозвище Володи Свиньина — моего соавтора по научнофантастической повести «Школа гениев» (журнал «Байкал», № 2, 1979).

{120} Комментарии: 120

Г. Л. Немченко (род. в 1936 г.) — московский прозаик, член СП СССР, долгое время работал в Новокузнецке.

тел в Ноябрьск — самый динамичный в Тюмении городок. Группа была такая: Шестинский{121}, при нём армянский поэт Ов. Григорян{122}, далее москвич Игорь Дуэль{123}, литовский прозаик Витаутас Матинкус{124} и представитель обкома.

Дуэль, если ты его не знаешь, человек морской. В его трудовой книжке есть запись, коей он кичится, такая: «Ст. редактора отдела публицистики журнала «Новый мир» Дуэль Игоря Ильича уволить переводом на должность ст. помощника капитана БМРТ в колхоз «Новый мир» Приморского края».

Мартинкус окончил политехнический, увлёкся социологией и стал, после аспирантуры, преподавателем кафедры

{121} Комментарии: 121

О. Н. Шестинский — (1929–2009)— московский поэт, писатель, переводчик, публицист

{122} Комментарии: 122

Ованес Григорян (род. в 1945 г.) — армянский поэт, литературовед, переводчик.

{123} Комментарии: 123

И. И. Дуэль (род. в 1937 г.) — прозаик-документалист, автор книг о моряках, рыбаках, учёных-океанологах.

{124} Комментарии: 124

Витаутас Матинкус (род. в 1943 г.) — литовский писатель, литературовед, общественный деятель, член СП СССР.

философии в университете. Шесть книг, повесть в «роман-газете» — и 10 лет возглавлял каунасскую организацию СП. А сам с 43-го года! Милый скромный парень.

Григорян печатался с 10 лет. Шестинского характеризовать не буду, сам знаешь. Но было, когда нас чуть не задержали на полпути в Ханты-Мансийск, там уже сидела группа из Салехарда. В группе был кубинец Мануэль-Диас Мартинес. Интернационалист Шестинский попробовал поговорить с ним по-испански. Переводчицу он отодвинул. Но по-испански О. Н. говорил медленно, Мартинес аж ногами сучить стал, будто в туалет рвался. Перешли на французский — ещё хуже, его ни тот, ни другой, ни переводчик... И вдруг они затараторили по-болгарски!.. Стоило лететь в — извини за выражение — Ханты-Мансийск, чтобы увидеть кубинца и русского, треплющихся по-болгарски!

Правда, через трое суток у Сашки Казанцева в нумере — ханты Еремей Айпин{125}

{125} Комментарии: 125
Е. Д. Айпин (род. в 1948) — хантыйский писатель, член СП СССР.

и мадьяр Шандор Ласло Бенчик{126} ещё более оживлённо трепались каждый на своём языке — что одна угорская группа это я знал давно, но видел воочию — впервые!

Итак. Влетели мы в Ноябрьск — не «прилетели», погоды не было, а плюхнулись — пилот был с очень большим допуском, при семибалльном ветре плюхнулись под порыв вдоль полосы, и тут же ветерок отошёл на двадцать градусов к норду. Городу два с половиной года, 65 тысяч жителей, кроме своих кадров (масса моих знакомцев по Нефтеюганску 1972–1975 гг. и Вартовску — 1973–1976), работают хохлы из трестов с абсурдными названиями «УкрТюменьжилстрой» и «УкрТюменьдорстрой». Там уже делают колбасу из своего сырья и есть садово-огородный кооператив «Мечта». К 1995 году они по нефти превзойдут даже Самотлор. Фонтанов там не было, с первых дней принудительно качают. Первая нефть пошла в 79 году, сейчас добывают две Ру-

{126} Комментарии: 126

Шандор Л. Бенчик — венгерский писатель, автор романов о рабочем классе.

мынии, план на 85 год — один Катар, на 90 гг. — Ливия и т.д. на север до шельфа Карского моря. Сейчас вахтовики за 120 км ездят на северный Муравленковский промысел на автобусах по бетонке, 90 км/час. А первый кол вбит там в ноябре 77-го года! Я привёз оттуда Свете на день рождения статуэтку из мамонтовой кости (не халтура, не моржовый клык и тем более не зуб кашалота) и три посредственных агатика.

По возвращении — прения. 42 выступивших, в т. ч. неординарные выступления В. Михальского{127} и А. Рекемчука{128} (последний говорил о месторождении нефти под о. Сита в центре Парижа: мол, везёт — и котлопункты там налажены, и подъездных путей полно, и плюс Пигаль для досуга буровиков, а нам приходится вахты возить) и скандальное Ю.

{127} Комментарии: 127

В. В. Михальский (род. в 1938) — прозаик, сценарист, член СП СССР.

{128} Комментарии: 128

А. Е. Рекемчук (1927–2017) — прозаик, сценарист, занимался журналистикой, преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького.

Скопа{129} против серости и персонально — против Проханова и Поволяева. А. Медников это выступление назвал с трибуны, чётко произнося каждый звук, «хуйвинбиндовским». Начал Скоп вот с чего: «В науке управления говорят, что, если в некой организации имеются двое согласных между собой во всём — один из них лишний. Так вот, в этом зале все — лишние…»

Самым трудным был вечер 21 ноября: в томской организации два именинника, даже три: Сашке Казанцеву — 32 года, Мише Карбышеву — 62{130} и Владимиру Колыхалову — один «Знак Почёта». Обмытие начали, сдвинув столы в ресторане, а кончили… ооооой! я думал у Преловского правый глаз выпадет.

Но ничего, без жертв обошлось.

{129} Комментарии: 129

Ю. С. Скоп (род. в 1936 г.) — прозаик, очеркист, сценарист, Лауреат Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых.

{130} Комментарии: 130

М. М. Карбышев (1922–2007) — томский поэт, член СП СССР, почётный гражданин города Северска. На выступлениях (которые очень любил и на которых превосходные свои стихи читал превосходно) говорил о себе: «Поэты есть разные, я — поэт от Бога».

Хохмы. Шермана{131} знаешь? Нынешний ответсек Тюменской организации СП, седой курчавый патриарх, среднее между ассирийским сатрапом и Рабиновичем в роли Санта-Клауса. Очеркист. И вот Миша Карбышев в сортире подходит к нему и спрашивает вежливо: «Скажите, а вы правда еврей?». Шерман склоняется над ним и рокочет радостно: «Густопсовый!» Карбышев, обмирая, отшатывается.

Летим в Ноябрьск. Не приняли. Садимся в Сургуте. Полетим ли, неведомо. Надо вещи брать. Пассажиры разбирают шмотки, остаётся один чемодан. Ничей. Дуэль говорит: «Так вот они какие — НЛО. Никогда бы не подумал!» Сургут. Депутатская комната, обеденный зальчик. Официант: «Борщ и лапша с курицей. Но борщ не свежий». Второе: «Говядина и поджарка. Но в поджарке одно сало…» Третье: «Чай плохо заварен…» И вдобавку (официант): «Есть ещё пиво. Сургутское. Но старое…» Кончается тем, что всё плохо, но не всё

{131} Комментарии: 131
Е. Г. Шерман (род. в 1923 г.) — сценарист, очеркист, член СП СССР.

потеряно: есть «Посольская» в больших бутылях и брусника мочёная.

Впервые я окунулся в жизнь СП не на уровне молодых и начинающих. В аэропортах мы сидели в депутатских комнатах, к самолёту подвозили спецавтобусом. 22.XI был поэтический вечер в филармонии. И вот в фойе выходит… э-э-э… словом, один член томской делегации… Обращается к дежурному капитану: «Вы в конторе генерала Федорчука служите?» Услышав фамилию своего министра, милиционер подосанился. А делегат задаёт следующий вопрос: «А те ребята в штатском — из конторы генерала Чебрикова?»

— Так точно, — отвечает капитан.

— Тогда вызовите машину, которая «уау-уау»!

— Зачем?

— А вы знаете, кто я? — грозно спрашивает томич.

— Нннет.

— Я — ПЬЯНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

— Пппонимаю, — лепечет капитан, уже связываясь с машиной.

— И меня надо отвезти!

— Куда?

— Ну, не в вытрезвитель, естественно!

А ещё была сцена.

Вечер, или точнее, ночь 17 ноября.

В моём номере сидят знакомые, малознакомые и незнакомые мужики.

На столе — то, что я сумел урвать, мотаясь по Тюмени (вместо доклада Ю. Андреева) в час пик до инея на спине пальто: балычок нельмы, шокур горячекопчёный, пелядь жареная, коньяк армянский и «мерзавчики» «Московской» уральского разлива. И В. М. Литвинов, зав. отд. критики «Нового мира», до бровей сияющий рыбьим жиром, наставительно мурлыкает сидящим у противоположных углов стола Г. Машкину{132} и Вл. Колыхалову: «Вы хорошие ребята. Но вы остановились, прокисли. Вы эксплуатируете одну жилу. Так нельзя. Вы губите, губите себя! Распутин Валя тоже. Одну жилу. Там нет нравственного, где вы копаете, нет добра!»

{132} Комментарии: 132

Г. Н. Машкин — (1936–2005) — иркутский прозаик, детский писатель, член СП СССР.

Рыбий жир стекает в морщины…

В заключение жуткий палиндром В. Лойши: «Яиц нет. О, потенция!»

Будьте все здоровы, всем привет.

Я.

Постскриптум.

Впервые я окунулся в атмосферу СП — как большой, недружной, обросшей бородатыми проблемами и неразрешимыми сварами, но семьи.

Был там В. Ф. Попов{133}. Какая лапочка! Карбышев в него влюбился — они вместе ездили по Тюмении. Матёрый человечище! И мне понравился Дворецкий, и ОЧЕНЬ не понравился Поволяев. Я считал его добродушным по первому впечатлению. Вгляделся — ни на грош нет добродушия, а есть холуйство, так вкоренившееся, что даже к низшим проявляется. Шестерит перед каждым, чтобы формы лакейской не терять.

{133} Комментарии: 133

В. Ф. Попов (1907–2001) — прозаик, член СП СССР, Лауреат Сталинской премии.

В. М. Озеров{134} в заключительном слове пошутил: «Выступило 46 человек — если, конечно, здесь присутствующие ещё считают докладчика за человека!»

Публицист Салуцкий{135} привёл народную мудрость начёт агротехники: «Земля — не девка, обманешь — не родит».

А уже мною упомянутый Рекемчук закончил речь так: «За гражданское мужество у нас обижают, бьют, шельмуют! Потому оно и мужество. Но в нашем деле оно должно быть профессиональным качеством».

Вацлав Михальский: «Поздний литературный дилетантизм — опаснее раннего литературного профессионализма» — о наплыве «пенсионеров-мемуаристов».

А наш первый секретарь Мельников с

{134} Комментарии: 134

В. М. Озеров (1917–2007) — литературовед, литературный критик, доктор филологических наук, член СП СССР, Лауреат Государственной премии СССР.

{135} Комментарии: 135

Б. А. Салуцкий (1919–1986) — поэт-фронтовик, переводчик, член СП СССР.

трибуны рассказал, что Г. М. Маркову{136} деды из родного села Новокусково говорили: «Ты, Мокеич, уезжай из Москвы, а то одичашь!»

Ну ладно.

К сему прилагаю «Жизнь спустя» — кусок рукописи.

{136} Комментарии: 136

Г. М. Марков (1911–1991) — прозаик, сценарист и драматург, журналист, военный корреспондент, общественный деятель, член СП СССР, Председатель правления Союза писателей СССР. Дважды Герой Социалистического Труда, Лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, Государственной премии им. Братьев Васильевых, премии Ленинского комсомола.

С. А. ДРУГАЛЬ

Другаль Сергей Александрович (1927–2011) — писатель-фантаст, инженер-изобретатель, член СП СССР. Родился в ауле Джамбейты (Казахская ССР), — где ещё родиться русскому фантасту? Окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. «Заведую лабораторией механизации работ с сыпучими и смёрзшимися грунтами, — писал он мне. — Терпеть не могу, когда о людях, пишущих сообщают:

работал грузчиком, землекопом, электромонтёром, слесарем, ремонтником, строителем, ибо это всё враньё, или, точнее, преувеличение. Естественно, как каждый работник умственного труда, сам копал и грузил на поле картошку, перебирал сгноённые овощи в овощехранилище, ремонтировал проводку или укладывал её на объектах, которые срочно сдавались к юбилейным датам». Добавлял огорчённо: «Грузчики на Шарташе считают меня грубым». Я его утешал: «Первые апостолы тоже не отличались манерами». Доктор технических наук. Автор более пятидесяти изобретений. Наверное, изобретений и научных статей могло быть и больше, но литература отнимала всё свободное время. Выдумывать он любил. Я сам видел у него листок с набросками имён для героев его будущей фантастической книжки. Там был, к примеру, сеньор Окотетто. И сеньор Домингин. Таким ребятам родную дочь можно доверить. Или вот Ферротего. Этот ясно, изобретатель. Такому день задаётся с самого утра. А вот и Липа Жих. Такие, как Липа, нравятся крепким и уверенным в себе мужчинам, если, конечно, сама Липа Жих — женщина. Ещё Мехрецки. Тут всё понятно сразу. Сука этот Мехрецки, а Глодик и Зебрер

— его близкие, очень близкие приятели. Были в списке мадам Блевицкая и некий Шабунио, этих бы я и в дом не пустил. Но настоящей большой находкой генерал-майора Другаля, ученого и писателя, была тихая, белокурая, любящая и добрая Дефлорелла. «Разбойники вели тихую скромную жизнь». А с ними — добрая Дефлорелла.

9.12.1984, Екатеринбург.

Дорогой Геннадий Мартович!

Тут у меня вышла книжка{137} и я подумал, что тебе приятно будет иметь её. Прошу: прими. Буду рад, если она тебе понравится.

Виталий Иванович Бугров дал мне почитать «Великого Краббена».

Здорово он («Краббен», понятно) мне понравился и бело позавидовал я твоему умению, раскованности, светлому юмору.

Совсем не понял, за что книжку зарезали.

Нет ликующих криков? Нет ура? Ну и что?

{137} Комментарии: 137

Сергей Другаль, «Тигр проводит вас до гаража» (Свердловск, 1984)

А где в фантастике они есть? Это не причина.

Может, Серп Иванович? Тогда вдвойне досадно, ибо такой грех можно было вымарать и заменить другим ещё на стадии редактирования.

А каков образ, а? Почти эпический.

Ну ладно.

С. А. ДРУГАЛЬ

Будь.

У нас сегодня минус 34.

В такую погоду хорошо писать о знойном лете.

Желаю удачи и пусть будут благополучны те, кого ты любишь.

Твой —

С. Другаль

В. Д. КОЛУПАЕВ

Колупаев Виктор Дмитриевич (1936–2001) — писатель-фантаст, член СП СССР. Лауреат премии «Аэлита» (1988) за сборник «Весна света». Я работал с его книгами в ЗападноСибирском книжном издательстве, писал предисловия, откликался на новые вещи. Повесть «Жилплощадь для писателя» много отняла у него сил и нервов, но, благодаря нашим общим усилиям, была опубликована.

Долгие годы дружбы…

А наговориться всё-таки не успели…

Томск, 2.12.84

Плиний Юнию Маврику привет![{138}]

Время излечивает раны, вот только бежит шибко (это слово, если читать его по-латыни, — «быстро»). Но скоро, я уверен, мы научимся останавливать и время.

Сижу со стилом и вощеными табличками с утра до вечера.

Что-то пишу, что-то переделываю, но в основном изучаю наших философов: Цицерона и Сенеку. Одолел вот «Критику чистого разума» одного из них. Жду, когда

{138} Комментарии: 138

Близким своим друзьям Виктор давал прозвища, тесно связанные с его философскими романами.

пришлют «Теодицею». Сенаторы забились по углам. Никто не заходит, никто не пишет писем. Телефон молчит. Даже рыжебородый Яволен Приск не метет тогой с пурпурной каймой мраморные плиты порога моего дома. Ну, да это всё, наверное, от несносной жары, которая обрушилась на Комо{139}.

Зато обильно цветет секвойя и черемша («колба» — по латыни).

Пиши, что у вас нового в Риме. Что поделывает наш общий друг Квинтилиан из «Альпийского следопыта»{140}. Что-то никаких известий от него. Может, сообщишь его адрес или телефон?

С величайшим трепетом посылаю тебе свою книжицу, которую ты знаешь вдоль и поперек, и за которую ты, Маврик, схлопотал много благодарностей и наград. На видное место ее не ставь, т. к. на обложке изображен с торца мичуринец, склонившийся над грядкой со спаржей; там, где и

{139} Комментарии: 139

Одно из прозвищ, придуманных Виктором для Томска.

{140} Комментарии: 140

Имеется в виду Виталий Бугров — редактор из «Уральского следопыта».

положено (в задницу — по-латыни) впился ему комар; ну, а поскольку мичуринец по образованию всё-таки радиоинженер, то и соответствующая печать пришлепана на соответствующем месте. Короче, всё это слишком интимно, чтобы разглядывали посторонние.

Шутки в сторону.

Я тебе очень благодарен.

Пиши или звони. А ещё лучше — приезжай в Комо.

Будь здоров!

Твой В. Колупаев, Плиний Младший.

Д. А. БИЛЕНКИН

Москва, 9.3.85

Дорогой Гена!

Мне дали на рецензию твоего «Кота», я только что прочитал и под свежим впечатлением хочу поздравить тебя с успехом. «Кот», по сравнению с прежним, это совсем другой уровень, я, не задумываясь, включил бы «Кота» в любую антологию избранных повестей нашей НФ. Все настолько хорошо, что я, придира, нашел в повести лишь несколько ничтожных шероховатостей. Теперь ты просто не имеешь права писать ниже этой вещи!

Излишне говорить, что я горячо рекомендовал повесть в очередной сборник.

Вот все, что я хотел тебе сказать.

Радуюсь твоему успеху и еще раз поздравляю.

Д. Биленкин

В. Д. КОЛУПАЕВ

Томск, 9.04.85

Плиний Младший шлет Диону Хрисостому сердечный привет!

Я плакал. Тебе везёт. Куда бы тебя ни забросила жизнь, ты везде находишь прекрасных писателей и поэтов. Ты их просто притягиваешь, они бессознательно ищут тебя, ты счастлив. Прочитал твой трактат «О деяниях В. К.»{141} Замечаний существенных нет. Несколько фактологических исправлений, наверняка, заставят тебя всё перепечатать. Зато бутылка «хиосского» за мной. Где ты откопал этого писателя? Поставлен ли ему при жизни бронзовый бюст? Хватит ли папируса в плавнях Нила, чтобы опубликовать все, что он написал, еще напишет и так никогда и не напишет?

Найти совершенно пустынный остров, на котором, тем не менее, имеются трост-

---

{141} Комментарии: 141

«Любовь к земле: о творчестве Виктора Колупаева». Предисловие к книге «Весна света» (Томск, 1986).

никовые заросли, Плиний Младший, рыжебородый Эпиктет, некто Смирнофф, да еще крапчатая форма жизни{142}, мне бы тоже очень хотелось. «Хиосское» можно ведь гнать и из бамбука! Природа обо всем таком хорошенько позаботилась. Но где эти желанные острова? На одних рвут бомбы, на других строят взлетно-посадочные площадки…

Часть твоей энергичной тоски забираю, часть своей безысходной бодрости отдаю. Вспомни, как ты бродил по не асфальтированным дорогам Понта и Вифинии, Ахайи и Египта! Пастушеская сумка на боку, набитая любимыми авторами (не в буквальном смысле), вощеными дощечками и стило (стилята-ми, стилами). Ночи у пастушеских костров, сухой сыр и козье молоко. Ты был свободен, ты свободен, ты всегда будешь свободен. Плевать на всё! Наше богатство в наших головах, нашей памяти, нашей дружеской привязанности. Стилов и чистых бумагов на наш век хватит. Остальное сделаем сами.

{142} Комментарии: 142
Собака Виктора по имени Дисла.

Не грустуй.

Привет всей твоей семье.

А от крапчатой формы жизни персональный привет Гомбоджабу{143}, который, говорят, избил Гаргантюа и Пантагрюэля.

Будь здоров, твой

В. Колупаев.

{143} Комментарии: 143

Мой кот Гомбоджаб Цыренджапович, известный всем нашим друзьям своими самыми необыкновенными похождениями.

Г. И. ГУРЕВИЧ

Москва, 6.101985

Дорогой Геннадий!

Поздравляю! «Огород» — это здорово! Это достижение! Это Вы прыгнули выше головы Прашкевича. Это высокий уровень. И не величайте себя моим последователем. Никаких следов нет. Оригинально, свежо, остроумно, хороший язык, яркие образы. Запоминается. Молодец!

Я даже не очень поверил своему первому впечатлению, обратился к компетентному филологу, кандидату наук, своей собственной жене. Она тоже прочла залпом, хвалила чрезвычайно, собиралась даже что-то приписать. Припишет, если найдет время. Хорошо!

А теперь подумайте вот о чём.

Герой Ваш хочет написать «лоцию». Вы — тоже.

Но лоция — это не только перечень встречных объектов, лоция еще и фарватер, наставление, куда плыть. И каждый

читатель, сознательно или бессознательно, прочтя книгу, сделает вывод, куда следует плыть. В заголовке стоит «или»: огород или уроки географии. Хотя вопросительного знака нет, но вопрос поставлен. И вывод однозначен: никакая не география, огород и только огород в тайге, в Тайге! Вывод, продиктованный и конечным решением героя, и всей системой героев: положительная мама, положительный Ефим (прижимист, не пригрел жену пьяницы и его детей, самодельный трактор изобрел, людей выручил бы, хлебом кормил бы), а с другой стороны — отрицательный спившийся географ и совсем противные горожане — кукушка Ирина, кочующая по постелям чужих мужей и друзья ее философы-дворники.

Город раздражает. Правда у стариков в деревне? Так?

И вольно или невольно Вы встали в затылок за нашими почвенниками — Беловым, Ф. Абрамовым, Распутиным. Впрочем, и за Львом Николаевичем… Почетный ряд… но ведь фальшивый… Фальшивый потому, что зовет в про-

шлое… и кого зовет?

Был я как-то на юбилейном выступлении Ф. Абрамова в Москве в Доме литераторов. Стоял он на трибуне, маленький, подбородок вытягивал и сердитым голосом кричал, что деревенские девки, кончив десятилетку, бегут из деревни такие-сякие. Туфельки им нужны, коровником брезгуют, в навоз лезть не хотят, а Россия вся стоит на навозе (буквальные слова). Так вот, девок он звал в навоз, а сам-то жил в Ленинграде в двух квартирах, во второй личную сауну городил.

Не знаю, может быть Вы так и хотели противопоставить глубинку развратному центру Сибири, тогда я замолкаю. Но может это получилось случайно потому, что Вы художник-портретист и написали художественные портреты и не подумали о том, как выглядит галерея.

Б. Горбатов{144} говорил мне в древние

{144} Комментарии: 144

Борис Леонтьевич Горбатов (1908–1954) — писатель и сценарист, журналист, военный корреспондент, член СП СССР, Лауреат двух Сталинских премий за повесть «Непокорённые» (1946) и сценарий фильма «Донецкие шахтёры» (1952).Борис Леонтьевич Горбатов (1908–1954) — писатель и сценарист, журналист, военный корреспондент, член СП СССР, Лауреат двух Сталинских премий за повесть «Непокорённые» (1946) и сценарий фильма «Донецкие шахтёры» (1952).

времена, что не надо идти на поводу у материала. И еще о том, что надо знать свои слабости и уметь обходить их. Ваше сильное: зоркость, точные портреты. Ваше слабое: композиция галереи. По-моему, я писал Вам об этом. Как быть? Можно мириться со слабостью, помнить о ней и затушевывать. Я лично всегда предпочитал самонадеянно кидаться на всё без разбора. Иногда получалось, иногда не получалось. Может быть Вы заметили, что у меня в повести «Ия» (в последней книге) тоже есть философ-дворник Сергей. Но ведь ему противопоставлен Алеша, лезущий вверх. Почему Вам такие не попались на глаза? Они должны быть в Академгородке.

Если Вы огорчились, перечитайте еще раз первые десять строк этого письма. В них главная суть. Могу повторить: «Огород» — это здорово! Это достижение! Это новая ступень! Это Вы прыгнули выше Прашкевича. Мне такого не написать!

Так и держите, на таком уровне.

Гуревич.

О. М. ЛИБКИН

Либкин Ольгерт Маркович (род. в 1939), литературный псевдоним — Ольгерт Ольгин) — писатель-фантаст, журналист, издатель. ОкончилМосковский авиационно-технологический институт, член Союза журналистов СССР (1969). Лауреат премии «Золотой телёнок» («Литературная газета», 1971), Лауреат премии Федерации Еврейских общин России «Человек года» (2007). С 1965 по 1989 работал в журнале «Химия и жизнь», совместно с Михаилом Кривичем писал рассказы для рубрики «Фантастика», организовывал выпуск книг «Библиотека журнала „Химия и жизнь“», в 1990 году выпустил (совместно с М. Кривичем) сборник фантастических рассказов «Женский портрет в три четверти». С 1989 года — зам. директора, а с 1996 года — директор издательства «Текст»[{145}].

1 декабря 1985. Москва

{145} Комментарии: 145

В «Тексте» вышли мои романы — «Секретный дьяк» (2001) и «Теория прогресса» (2010). Однажды, в очень тяжёлые для меня дни, Ольгерт написал мне: «Всё будет хорошо. На этом стоял и будет стоять мир». Я и не сомневаюсь. Ольгерт прав.

Дорогой Геннадий Мартович!

Обмен любезностей у нас идёт по нарастающей, и даже страшно думать, что будет дальше. Если же более серьёзно, то мало мне известно людей, которым помешала бы та самая «спичка серная». Рука у Вас лёгкая и врямь? Ну, дай-то Бог.

Штерн прислал мне сборник, в составителе которого, несмотря на лютые псевдонимы, угадывается единственный знакомый мне лично новосибирский писатель. Как проскочил «Горыныч», ума не приложу. У нас он лежит неведомо сколько и столько же, боюсь, пролежит ещё. Кроме Штерна, который мне и до сборника был известен, не плох Кубатиев, остальные же, простите, скажем так, соответствуют требованиям.

Поговорить — это, конечно, хорошо, но без хмурых лиц — это как же? И где — в Москве? Да тут мы Новосибирск заткнём за пояс. Достаточно в метро из конца в конец проехать один раз. Сплошь плешивость и недоверчивость, даже при копне волос и голубых глазах. Москвич — он внимателен и осторожен. Я — москвич.

Коренной. Тут родился. В жизни, как Вы справедливо говорите, есть много всего такого, чему надлежит радоваться, но я в Афины, простите, до сих пор не верю. Нет их. Выдуманы. Верю в целые руки-ноги, и в то, что писать надо, покуда пишется, и кофе пить, если хочется, и кота держать, пусть тибетского, пусть древнего московского. Но Афин, простите, нет. Не уверен даже, что есть Академгородок, поскольку сам не был, а слухам не доверяю.

В том, что Вы есть — уверен. Даже если б не видел. Читал — этого достаточно. Так что давайте повесть. Не напечатаем, так хоть почитаем. И в этом есть радость. «Кота» бы напечатать. Была бы, так сказать, маленькая победа. Не над кем, а просто так — победа. Без субъекта, на который передаётся действие по глаголу «победить».

Пусть Вам пишется легко и в радость.

Ваш

О. Либкин.

АЛЕКСАНДР ЯНТЕР

Псевдоним Исаака Лапидеса (род. в 1936). Писатель-фантаст (писал рассказы в соавторстве с С. Ахметовым), геохимик, кандидат физико-математических наук, доктор химических наук. Родился в Одессе, жил и работал в Иркутске, с 1991 года живёт и работает в Израиле (профессор химии, Иерусалим). «Реальное строение и физико-химические свойства ленточных и слоистых силикатов» — такое название (автореферат на соискание учёной степени доктора химических наук) мало что скажет читателю, но за ним (названием) стоит грандиозная, поныне не решённая загадка (проблема) происхождения жизни на Земле, а это не анекдот о цыганской лошади, уже почти привыкшей не есть. Разговоры с Сашей (мы дружили, он не раз бывал у меня в новосибирском Академгородке) всегда были захватывающими.

10.02.1985. Иркутск

Дорогой Геннадий!

Очень был рад твоему письму!

Прервались мои связи с Новосибирском, не то, чтобы я замшел, но почему-то

не лежит туда дорога, и всё! Надо задуматься.

Может — я, может, не только.

То, что НФ-книгу рассыпали{146} — меня не удивляет.

Откровенно говоря, сам я потерял к ней (НФ) вкус, хотя идеи не перевелись. Не пишу ничего, да и читать практически перестал, перечитываю иногда старьё — Лема, Азимова, Воннегута. Частенько вспоминаю лучшие вещи «золотой эпохи» НФ — их перечитывать не нужно, всё, до деталей, помнится.

Сейчас всё больше мне кажется, что самостоятельное направление НФ ещё десять-тридцать лет не выплеснет повтора 50–70-х годов, вплоть до крутого поворота в науке. А в «большой» литературе элементы НФ уже видны, больше того, они усиливаются. Сейчас много печатают старого, становятся видны корни, притом и ныне живущие! За примером ходить недалеко: только что вышел Гофман — «Эликсир Сатаны». Давно я не получал

{146} Комментарии: 146
«Великий Краббен» (Новосибирск, 1983.

извне такого мощного толчка, встряхнувшего всё существо, все уголки души. Вот и Гоголь, и Достоевский, и Булгаков — их истоки, разумеется. И ещё подтверждение — истинная литература не боится ни влияния, ни даже заимствований, ни повтора сюжета и прочего.

О своей научной работе много и не скажешь. Всё окружение моё занято карьерой, заработками, премиями и т. д, и т. п. Сверстники защищаются, начинаешь ходить в «неудачниках» или где-то около, хотя я так не считаю. Тем не менее, задумываюсь. Хочется только, чтобы трата сил на докторскую была не «нагревом биосферы», а стоящим делом, что требует сил, мужества, умения и т. д. Что касается дел с происхождением жизни, то идею начинают признавать, что выражается в различных приглашениях, предложениях, встречах. Но я уже ушёл дальше. Готовлю новые публикации.

Поиски сверхтяжёлых элементов (вроде бы мы с тобой успели об этом поговорить?) идут полным ходом, хотя и не так, и не там, где я планировал. Тем не менее,

содружество с Флеровым у меня самое тесное, включая тёплые личные встречи, как в Москве, так и в Дубне. Независимо от исхода работы, я благодарен судьбе за это.

Домашние дела таковы. Старшая дочь Юля закончила Иркутский ГУ по специальности «микробиолог молочного производства» в 83-м г., получила назначение в Новосибирское упр., но не поехала, ибо вышла замуж за геолога. Теперь, родив мне внучку Леночку, живёт в Магадане. Средняя — Алина, после серии финтов поступила на геофизический ф-т МГРИ, учится на втором курсе, программист. Младшая — моя отрада, Мария, уже 5 лет или ещё 5 лет. Но о ней или много, или ничего, ибо…

Ну, что взять с седого, постаревшего изрядно родителя?

Вот, дал тебе полнейший отчёт.

По предложению о сборнике.

У меня нет ничего, а из старого с Ахме-

товым{147} не хочется. Сейчас мне писать вроде и не стоит. Посылаю любопытную, а главное — нужную, на мой взгляд, рукопись проф. университета Черняка. Если есть возможность её внедрить — буду благодарен. Если нет — оставь себе. При положительном решении — там есть телефоны, при отрицательном — черкни мне. Желаю преодоления барьеров любого ряда, сил на это и неиссякаемого оптимизма, чем, собственно, только и можно жить в этом прекраснейшем мире!

Большой привет семье — всех с теплотой вспоминаю.

Твой
Саша.

12.XI.1986

Дорогой Геннадий!

Рад был получить от тебя письмо, сразу нахлынуло много разных дум и воспоминаний. С НФ я давно завязал — нужно

{147} Комментарии: 147

Спартак Ахметов (1938–1996), писатель-фантаст (соавтор Сашин), кристаллограф, кандидат геолого-минералогических наук. Занимался экспериментальной минералогией. выращиванием искусственных кристаллов.

было выбирать и не половиниться. А раз я мог не писать, значит выбор был предопределён. Хотя, признаюсь, что иногда грызёт меня маленький червячок.

Ахметов пишет, как ты, очевидно, знаешь. Мы, по-прежнему, в друзьях, но теперь не по литературе. В последнюю книгу (в Алма-Ате) он включил наш общий рассказ, а вообще плодовит не очень. Литература требует всего. Точка.

Из домашних дел похвалиться особенно нечем: старшая Юля, окончив университет (микробиолог), выскочила замуж и укатила в Магадан. Родила мне внучку, и, покинув своего мужа — геолога, весьма склонного к зелью, вернулась в Иркутск. Средняя, ровесница твоей Елены, учится на четвертом курсе МГРИ, геофизик. У неё не всё ладно ни со здоровьем, ни с характером, ни с сердечными делами. Младшая пошла в первый класс, она моя единственная отрада.

Абиогенезом{148} в том плане, как я намечал, мне, естественно, не удалось позаниматься, поработать, но в последнее время намечается более общий (!) путь развития материи. Он не исключает моей гипотезы перекодировки геохимической информации через минералы в белковый код, но саму жизнь рассматривает, как одно из латентных состояний материи. Я называю это — «спящая жизнь». Многое из умозрительных построений на уровне НФ, как находящихся на грани научно-логических методов, но мне всё же представляется возможным выход на прямые эксперименты.

Суждено ли мне ими заняться — не знаю!

Пока что я решил защитить диссертацию, а предварительно её написать, чем сейчас и занят. Надеюсь к марту закончить это занятие, к которому отношусь не формально (имею 100 — ровно! — пуб-

---

{148} Комментарии: 148

Возникновение жизни, или абиогенез, — процесс превращения неживой природы в живую. В узком смысле слова под абиогенезом понимают образование органических соединений, распространённых в живой природе, вне организма без участия ферментов.

ликаций, из которых 3 монографии, ибо использую работу для анализа и подведения итогов с весьма новой концепцией. К тому же, в пятьдесят лет (а именно столько мне стукнуло, когда в октябре я был на Гиссарском хребте) формальное исполнение не получается.

Извини за долгое личное отступление, — чтобы было меньше вопросов при встрече!

Теперь об АИО{149}. Я его видел на совещании, посвященном юбилею: 50 лет его книге{150} и 80 лет ему самому, 1974 год. Это был крепкий толстый старик, копия своих портретов. Рост средний или выше, живой, остро и умно реагирующий, но тя-

---

{149} Комментарии: 149

Александр Иванович Опарин (1894–1980) — советский биолог и биохимик, создатель теории возникновения жизни на Земле, действительный член Академии наук СССР, Герой Социалистического труда, Лауреат Ленинской премии.

{150} Комментарии: 150

В 1924 году А. И. Опарин опубликовал свою знаменитую работу «Происхождение жизни», в которой предположил, что в растворах высокомолекулярных соединений могут самопроизвольно образовываться зоны повышенной концентрации (коацерватные капли), которые относительно отделены от внешней среды и могут поддерживать обмен с ней. Теория А. И. Опарина вызвала огромный интерес, и многие годы привлекала к себе внимание серьёзных учёных и талантливых популяризаторов.

жело передвигающийся. Его «возводили» на трон-кресло на сцене возле трибуны, и он вроде бы не дремал, а слушал и освящал. Бородка клинышком, галстук-бабочка. Штрих: в среде клевретов перекличка: Где шоколадка академика? Кто должен принести? Ел он вроде бы мало, но в определенный час (кажется, в 17.00) — непременная шоколадка! Дарю тебе этот шикарный штрих на память о проблеме абиогенеза{151}.

АИ сделал себе карьеру биохимика на биохимии чая, чайных культур.

Окружал себя людьми невысокого научного и человеческого ранга, но за пределами своей работы был директор неплохой.

После кончины АИ, великая Проблема из его лаборатории уплыла, ибо уровень её так и остался где-то в конце 30-х гг.

В 1970 году было организовано международное общество по изучению происхождения жизни, АИ был его первым

{151} Комментарии: 151

Я подарок принял, и с большим удовольствием использовал эту сцену в научно-фантастическом рассказе «Перепрыгнуть пропасть» («Кот на дереве», М.: «Молодая гвардия», 1991).

президентом. При жизни ему курили фимиам, а сейчас прочновато забывают, ибо построениям АИ не было суждено оформиться в физико-химическую современную модель. И вообще пока что в абиогенезе, мне кажется, мало науки, но много пены.

Родится ли Афродита?..

Вот, пожалуй, и всё, что я выжал из памяти.

События последних десяти лет в молекулярной биологии ничего не прояснили, скорее показали, что отсутствует в понимании крупное звено (и одно ли?).

Я был бы рад встретиться на любых берегах, но пока не собираюсь в Новосибирск. В Москву поеду после написания упомянутого. Жду твою книгу, буду смотреть и «Сиб. огни», и «Ур. Следопыт», и «Химию и жизнь». От НФ-хроники отстал очень сильно, как с нашей, так и с импортной. Поэтому буду благодарен за указания — где что интересное появилось, интересные имена, идеи и т.д. Большой привет твоим!

Твой

Саша.

Б. Г. ШТЕРН

Киев, 28.9.1986

Мартович! Говорил с Либкиным.

С твоим «Котом» все в порядке, ждут в ноябрьском номере.

Петрянов{152} подписал на январь «Производственный рассказ № 1». Полный захват «Химии и жизни»! Надо прочитать в № 9 или в № 10 рассказ Биленкина — Либкин говорит, что исключительное дерьмо, но им пришлось взять из уважения к мэтру. Ну не будем злословить над больным человеком. Почитай эту заметочку в черкасской газете. Обрати внимание, что я продолжаю оставаться сибирским писателем{153} — но теперь я уже живу в Красноярске. Почему — сам

{152} Комментарии: 152

И. В. Петрянов-Соколов (1907–1996) — физико-химик, академик АН СССР, Герой Социалистического труда. Долгое время был главным редактором журнала «Химия и жизнь».

{153} Комментарии: 153

Чтобы опубликовать в Новосибирске рассказ Штерна «Дом» (сборник «Дебют», 1980) мне пришлось (в биографической справке) представить его сибиряком. Впрочем, Борис тогда действительно работал (вахтенным методом) в Нижневартовске.

не понимаю.

Мой редактор наконец-то наткнулся на посвящение — я его замаскировал так (в заголовке рассказа):

«СПАСТИ ЧЕЛОВЕКА» (необходимое дополнение к трем законам Азимова — посвящается Геннадию Прашкевичу).

Спрашивает по телефону: — Что это такое?

Я отвечаю: Посвящение хорошему человеку.

Он: — Никаких посвящений!

Я: (начинаю долго и нудно объяснять и доказывать, напирая на личные, общественные и общечеловеческие духовные ценности).

Он — Ладно, ладно, пока оставляем, но не ручаюсь…

Жму руку! Всем привет!

Твой

Штерн.

Г. И. ГУРЕВИЧ

Москва, 15.5.87

Дорогой Геннадий!

Я долго откладывал это письмо, помня, что Вы просили отчет о юбилее.

Но юбилей оказался растянутым на полтора месяца и всё ещё не кончился.

Во-первых, должен Вас предупредить, что в самом 70-летии нет ничего хорошего. В молодости не хватает денег и времени, в старости не хватает сил. Жизнь наполнена промежутками между кратковременными полезными часами. Какие-то пустяки требуют усилий, отдыха и раскачки. Тьфу! Но это так.

Что касается самого юбилея, самый главный день я провел по собственному вкусу. Загодя освободил этот день от обязанностей и провел его на кровати с книжкой. Выпали «Дети Арбата», их я и читал. Впрочем, без большого удовольствия. В этот день предпочел бы перечитывать Диккенса. А гости — только родня — были в предыдущую субботу.

Племянников не звал, только ровесники. И надраться было некому.

Получил два примечательных подарка.

Один из Свердловска — приз имени Ефремова — в форме кубка из серого мрамора с перечислением моих заслуг. Кажется, я первый лауреат этого приза и есть опасение, что последний. Впрочем, возможно, Бугров расскажет Вам точнее. Вместимость кубка заметно больше четвертинки. Когда приедете, проверите.

Другой подарок — настольные электронные часы. Сейчас на них 18-12. В часах этих есть нечто давящее на психику. Они лезут в глаза настойчивее стрелочных. Они настырно напоминают: идет время, идет, идет! Уже 18.15. Только начался поход Наполеона, и вот он уже — на Елене. Кроме того, каждая секунда обозначена двоеточием. Две точки. Итак?.. Итак?.. Итак?..

18.16!..

Нет душевного спокойствия.

Что ещё юбилейного? Вчера в Доме ученых был юбилей Ефремова. У нас же роковая связь со стариком: я моложе на

10 лет и 2 дня. Говорил ученым об этом. А кроме того и о том, что Ефремову присуще было точное ощущение грядущего. Он всегда писал о том, что будут воспевать на следующем этапе развития. В конце войны писал о романтике мирной жизни, в эпоху ползучей заземленной фантастики задумывал «Туманность Андромеды». Некий дотошный юноша зачитывал с трибуны цитаты из «Часа Быка», они дословно совпадают с речами на XXVII съезде.

О чём бы писал Ефремов сейчас? Не о перестройке, а о том, что будет волновать после. Я спрашивал Вас об этом, но Вы отшутились.

Таков отчет.

Привет внуку, дамам и Гомбоджаму, конечно.

Ваш

Гуру.

Москва, 1987

Дорогой Геннадий!

Не сразу ответил на Ваше деловое письмо только потому, что надо было разо-

браться в своем собственном положении. Впрочем, и сейчас никакой особенной ясности нет.

Посланные Вам материалы держите. Задержка — рядовое дело в литературе. Когда сможете, публикуйте. Может быть в другую редакцию попадет юбилейный отчет… но после Вас.

О «Книге обо всем»[{154}].

Она не совсем такая. В тексте всего 6–7 листов + 30 страниц + 30 страничек пояснений к таблицам. Вот так я решил написать ее — тезисно, поняв, что пять томов я буду писать пять лет, а за эти пять лет набегут новые материалы, которые надо будет отражать и переиначивать еще пять лет. А у меня не такие сроки в распоряжении. Итак, книгу я написал вкратце и послал в ноябре в N-ское нелитературное изд-во. А дальше произошло несусветное. В январе объявился рецензент, в феврале он написал реко-

{154} Комментарии: 154

«Книга обо всем» — это «Лоция будущих открытий» (Изд-во «Наука», 1990, Москва). Автограф на книге: «Дорогому Геннадию Прашкевичу — бывшему мальчику из Тайги — от бывшего гуру. Желаю взлёта: всё выше и выше».

мендацию, а на прошлой неделе мне сказали в редакции, что планируют книгу на следующий год. Лично я не верю. Но так сказали.

За год я написал одну, всего одну повесть — листов на 5-6. И писал Вам: «Если сумею написать, как следует, молодец буду». Неля одобрила, кроме нее никто пока не читал. Будете в Москве — дам почитать. Повесть не для уровня нашей н.-ф. смелости. Даже не знаю, куда понесу. Взрослым? Но кому? Вам даже не предлагаю.

Юбилейное{155} письмо Вам показалось грустным.

А сейчас пойдет абзац мрачноватый.

Вы знаете, что я болен. Все знают. Болею девятый месяц. Лечат меня слоновыми дозами, от которых рождаются новые болезни. Врачи разошлись. Вчера был на консультации, разговоры со мной идут о месяцах, не месяцах жизни, правда, о месяцах до следующей больницы. В этой связи напоминаю Вам мельком и

{155} Комментарии: 155
В апреле 1987 года Г. И. Гуревичу исполнилось семьдесят лет.

легкомысленно высказанное Вами пожелание — разобраться в моем архиве. Если Вы подумавши откажетесь, претензий никаких… Не думаю, что мои черновики имеют художественное значение… Но кое-что есть набранное типографским шрифтом. И детское представляет интерес — документы эпохи… В общем я вступлю в переговоры с Неличкой, с ЦГАЛИ и с Вами. Разговор этот сугубо предварительный, теоретический. Пока еще время есть. Месяцы… или годы…

Ради бога только не снисходите до утешений.

Деловой разговор идет. Порядок хочу навести в «функции».

На том желаю Вам вдохновения. А Гомбоджапу… воробья поймать.

Ему — воробья, нам — жар-птицу.

Ваш — *Гуревич.*

Г. С. УГАРОВ

Угаров Гавриил Спиридонович (род. в 1940) — прозаик, фантаст, член Союза писателей России.

Окончил биолого-географический факультет Якутского государственного университета, кандидат биологических наук, заведует кафедрой ботаники Якутского университета. Принимал участие в разных литературных семинарах, в том числе в Дубултах, где работал в моей секции (фантастика, приключения), и в Ташкенте. Фантастику его переводил Д. А. Биленкин, к роману «Замолкнувшие антенны» приложил руку Г. И. Гуревич. Ну, а для меня разговоры с Гавриилом были тем интереснее, что ко времени нашего знакомства я уже много лет работал над главным своим романом — историческим, под длинным названием: «Секретный дьяк или Язык для потерпевших кораблекрушение», законченным только в девяностые годы.

Почему я называю именно этот роман главным?

Да потому, что рос в Сибири на Енисее, позже — на железнодорожной станции Тайга (Кузбасс). Запах угольной крошки, шипение паровозов, звезды в ледяном небе, огромная зимняя тишина казались мне вечными, врождёнными, своими. В голову не приходило, что это сюда, к нам, в Сибирь, в край тогда будто бы совсем чужой, стремился Ермак, и атаман Копылов ставил

в Сибири острожки, и спускались из Жиганска на деревянных кочах бородатые люди казака Ильи Перфирьева, и приходили с реки Погычи от другого казака — Мишки Стадухина — сообщения о неведомом прежде чудном народе чюх-чах. Тихие провинциальные библиотеки очень вовремя предложили мне «скаски» Владимира Атласова, «описания» Степана Крашенинникова, поразительные заметки из заветных «сундуков» академика Миллера. И это было немало. Глаза уже не закрывала глухая пелена прошлого, бежали в моём воображении одинокие шоромбойцы по заснеженной тундре, олешки покачивали рогами, позёмкой несло золотой дым времён. Кто мы? Откуда? Куда идём? Вот они — передо мной. Секретный дьяк Кручинин. Загадочный чугунный человек Чепесюк. Зверовидный маиор Саплин, апонцы, сендушые. Все живые, все дикуют. Императрица Анна Иоанновна ничем не лучше. Черные монахи, белые монахи, мужики. Как всех понять? Что из этого выйдет? Как пробиться сквозь метель полубезумных полуночных сказок? Дикие юкагиры, ламуты, чюхчи или коряки ничуть не меньшие были мастера на всякие сказки, чем какие-нибудь дикие греки, надо только… услышать их.

Но как услышать? Кто поможет?

«Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь. За Санькой быстро слезли Яшка, Гаврилка и Артамошка: вдруг все захотели пить, — вскочили в тёмные сени за облаком пара и дыма из прокисшей избы», — так писал Алексей Толстой; я у него учился. «Государыня села в первую карету с придворной дамой постарше; в другую карету вспрыгнула Марио-рица, окружённая услугами молодых и старых кавалеров. Только что мелькнула её гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьяновый сапожок, и за княжной полезла её подруга, озабоченная своим роброном», — так писал Иван Иванович Лажечников; я у него учился. Боже мой, гомеопатическая ножка! Было, было у кого учиться. А ещё ведь «Описание земли Камчатки, сочинённое Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. Том первый. Вторым тиснением. В Санкт-Петербурге, при императорской Академии наук в 1786 году». Двести лет эта чудесная книга ждала меня. А на книге К. И. Богдановича (его именем назван вулкан на острове Парамушир) «Очерки Чукотского полуострова» (С.—Петербург, типография А. С. Суворина, 1901) я обнаружил автографы академика А. Н. Заварицкого, моего бывшего сахалинского

шефа вулканолога В. Н. Шилова, наконец, росчерк С. В. Обручева.

Дыхание истории…

Тысячу раз прав был Карамзин…

«Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нём ознаменовать себя приятным для ума образом».

А потом приехал из Якутска в новосибирский Академгородок знакомый моего бывшего дубултинского семинариста и привёз фотокопии редчайших по тому времени работ В. И. Иохельсона «По рекам Ясачной и Коркодону» (1989) и «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» (1900).

«Старичок был.

Старушка была.

Молодой сын был.

Точно лунный свет, так красив.

Надел лыжи, подбитые мехом выдры. «Отец, мать, ухожу. Жену привести пора».

В сендухе снег белый, северное сияние. Как китовые пластины, раскрашены полосы в небе. «Лыжи, лыжи, куда несёте меня подобно верховому оленю?» Звезды проглядывают сквозь небесный огонь. «Лыжи, лыжи, куда так быстро меня несёте?»

Кругом снег, потом ураса стоит. Одна, как гора, стоит.

В урасе — полярный князец. Вошёл к нему, к его дочке посватался.

Лёг с нею рядом. Так близко лежали, что один и тот же сон видели.

Потом вернулись. Жить стали».

Вот и всё.

Настоящее полярное волшебство. Вдруг сразу (как пелена с глаз спала) пришло понимание, что все мы — и древние юкагиры, и девчонки, отплясывающие на дискотеке в рабочем клубе им. Ленина, и сумеречные ламуты, потерявшиеся в море, и я, зачарованно уставившийся на Полярную звезду за окном, и промышленники, идущие по следу таинственного зверя носорукого, и пьяный слесарь из вагонного депо, даже подгулявший бог Кутху — все мы живём в одном времени… в одном языке…

Что ещё нужно писателю?

12.07.1987

Дорогой Геннадий Мартович!

Я на полевой практике. Надеюсь, Вы получили те книги, которые я Вам недавно отправил. Нашёл ещё одну, которую Вы, конечно, уже прочитали, но думаю,

если будет всегда под рукой, то окажется полезной — «Древний Зашиверск» акад. Окладникова с сотрудниками. Надеюсь найти ещё, у меня здесь есть один этнограф, у него могут быть интересные книги.

Особых новостей нет. Приеду с поля окончательно только 26 июля. С 1 августа собираюсь в отпуск, но до 15 авг. буду принимать вступительные экзамены. Рассказ Вам вышлю где-то к концу августа. Желаю Вам плодотворной работы.

С уважением

Гавриил Угаров.

Б. Н. СТРУГАЦКИЙ

8.12.1987, Ленинград

Дорогой Гена!

Извините меня, я задержался с ответом, так как уезжал и вернулся только что.

Я очень рад, что предисловие к нашему сборнику будете писать именно Вы{156}. И рад буду оказаться Вам полезен.

Мы начали писать «Обитаемый остров» в середине 1967 года, и писался он легко, весело и с азартом. У нас только что оказались запрещены к опубликованию наши самые последние вещи: «Сказку о Тройке» отверг Детгиз, а потом и НФ (для которого был написан сокращенный вариант), «Гадкие лебеди» отвергла «Молодая Гвардия», и настроение у нас было такое: ах, вы не хотите серьезных вещей? хрен с вами, тогда мы покажем вам, как пишутся боевики — даешь комсомольца-супермена!

{156} Комментарии: 156

«Братья по разуму». Послесловие к книге братьев А. и Б. Стругацких «Волны гасит ветер». (Томск, 1989).

Сначала было все хорошо. Детгиз принял ОО благосклонно, взял в работу. Удалось даже опубликовать повесть в толстом журнале — в «Неве». Пришлось, правда, при этом выбросить описание атомной войны и кое-какие эпизоды из жизни Неизвестных отцов, а так же Комиссию по Галактической Безопасности (так в первом варианте назывался КОМКОН-2) и энное количество «задниц», «чертей» и «закаканцев» — это нынешний Главный «Невы» позволяет у себя в журнале и «жопы», и «засранцев» и даже эпитет «блядский», а тогдашний главный — Попов А. Ф., лауреат Сталинской премии, автор бессмертного фильма «Далекое плавание», — даже слово «дьявол» переносил не без труда…

Короче все было очень мило, но тут в газете, как сейчас помню, «Известия» грянула статья под названием «Листья и корни», в коей два деятеля из Пушкинского дома (Ленинград) поносили современную литературу за отрыв от почвы русской и отеческих корней. В одном абзаце авторы крепко дали по «Обитаемому острову»

— главным образом, за засилье технологии и терминологии. (Если судить по этому абзацу, наш ОО — сочинение вроде «Семи цветов радуги» — про самоходные трактора и самонадевающиеся ботинки.)

Мы утерлись и думали, что на этом все кончится, ан нет. Вдруг — небывалое дело! — в издание ОО в Детгизе вмешалась цензура. Вообще говоря, цензура вмешивается крайне редко и требует, например, убрать номерные автомобильные знаки, упомянутые в тексте, или, скажем планету Уран, или еще какой-нибудь бред, вроде этого. Теперь же Главлит пошел на ОО стеной. Сначала заявлено было, что вообще не может быть речи об опубликовании. Потом позиция была смягчена, и был дан список более чем 300 (!) поправок — от отдельных слов до целых страниц, которые надлежало выбросить. Можно было только догадываться, что они хотели сделать Саракш как можно более непохожим на Землю, а поэтому надо было упразднять землеподобных животных, земные термины и т. д. А Дет-гиз — со своей стороны — внес предложение сделать

Максима немцем. Так Ростиславский превратился в Каммерера. (Гораздо более жалко Неизвестных отцов, превратившихся по категорическому требованию Главлита в Огненосных Творцов). В общем, мы учли тогда 240 замечаний, и повесть, хоть и с запозданием, но вышла.

С «Жуком» проблем почти не было. Правда, первое издание его в Лениздатском сборнике редактировали два идиота, которым приходилось объяснять, что такое кроманьонец, и один из них вбил себе в голову, что стишки «стояли звери…» это парафраз какой-то песенки гитлерюгенда — откуда эта идея взялась и кто ее породил, мне выяснить не удалось. Так что пришлось текст песенки слегка изменить, а эпиграф убрать совсем.

«Волны» вообще прошли в журнале без хлопот. Но, правда, они еще ни разу не издавались в книжке. Так что — посмотрим.

Для альманаха НФ (Вашего) всячески рекомендую: В. Рыбакова, А. Столярова, А. Измайлова, С. Логинова, Н. Галкину, А. Щеголева. У всех у них найдутся хорошие

вещи, способные сделать честь любому альманаху.

Желаю удачи,

Ваш Б. Стругацкий.

18.08.1988, Ленинград

Дорогой Гена!

Только что вернулся в Ленинград и спешу ответить на Ваши вопросы.

1. Фотографии тех времен, если и сохранились где-нибудь в семейных альбомах, то — совершенно любительские и в типографии их не вытянуть. Могу прислать только более или менее современные — пяти-, десятилетней давности.

2. «Спонтанный рефлекс» у меня не сохранился. Он был опубликован, помнится, в «Знание — сила», так вот ни одного номера я у себя не нашел. А зачем он Вам? Единственное его достоинство, — что был это, кажется, чуть ли не первый в СССР рассказ о разумном кибере, а в остальном — жуткая ведь бодяга: завязка — кульминация — развязка — объяснение. Возьмите уж лучше «Извне» (повесть, разумеется) — там хоть исход-

ная идея красивая: первые пришельцы на Земле — автоматы. До этого тогда никто, даже американцы, по-моему, не додумались.

3. Теперь об атмосфере тех лет. Связно писать об этом — значит потратить не час времени, а гораздо больше. Поэтому я предпочел бы отвечать на конкретные вопросы. Некоторые Вы задали. Отвечаю:

— Писать фантастику мы начали потому, что любили (тогда) ее читать, а читать было нечего — сплошные «Семь цветов радуги»{157}. Мы любили без памяти Уэллса, А. Толстого, Чапека, Конан-Дойла, и нам казалось, что мы знаем, КАК надо писать, чтобы это было интересно читать. Было (действительно) заключено пари с женою А. Н., что мы сумеем написать повесть, точнее — сумеем начать ее и закончить, — так все и началось. «Страна багровых туч» после мыканий по редакциям оказалась в Детгизе, в Москве, где ее редактировал Исаак Маркович Кассель после одобрительных отзывов И. Ефремо-

{157} Комментарии: 157
Научно-фантастический роман В. И. Немцова.

ва (который уже тогда был Ефремовым) и Кирилла Андреева, который сейчас забыт, а тогда был среди знатоков и покровителей фантастики фигурой номер один.

— В Детгизе нам покровительствовал, главным образов, К. Андреев — именно он принял на ура «Возвращение» и вообще всячески нас продвигал. А среди журналов главную роль сыграл «Знание — сила», но об этом лучше расскажет А. Н. — он с ними тогда контактировал. Чуть позже (уже в 60-х) нас взяла под крыло тогдашняя «Молодая гвардия», т. е. Белочка Клюева и Сергей Жемайтис. А Иван Антоныч в те времена очень к нам хорошо относился и всегда был за нас. В Ленинграде нас поддерживали тогда Дмитревский, работавший в «Неве», и Брандис — в те время чуть ли не единственный спец по НФ. Правда, Дмитревский так и не опубликовал нас ни разу, а Брандис все время упрекал Стругацких, что у них «машины заслоняют людей», однако же оба они были к нам неизменно доброжелательны и никогда не забывали о нас в тогдашних

статьях своих и обзорах.

— Сопротивления особенного я не припоминаю. Ситуация напоминала сегодняшнюю: журналы печатали фантастику охотно, хотя и не все журналы, а в издательства было не пробиться — «Детгиз» да «Мол. Гв.». Помнится, главное, что нас тогда раздражало, было абсолютное равнодушие литкритики. После большой кампании по поводу «Туманности Андромеды» литкритики, видимо, решили, что связываться с фантастикой — все равно, что живую свинью палить: вони и визгу много, а толку — никакого. Мы тогда написали несколько раздраженных статей по этому поводу — всё доказывали, что фантастика всячески достойна внимания литературоведов.

Однако, статьи эти напечатать не удалось — и слава богу! Сегодня их было бы стыдновато читать.

Если у Вас будут еще КОНКРЕТНЫЕ вопросы, рад буду ответить.

Желаю всего доброго,

всегда Ваш

Б. Стругацкий.

P.S. Да! Мне не очень понравилось Ваше сообщение, что наш «том в Томске выходит в *начале* года». Я же специально просил их выпустить нашу книгу во *второй половине*, а лучше — в *последней четверти* года! Они же нас под неприятности подведут: «Волны...» должны выйти в начале года в «Сов. писе», а там с этим строго. Один раз «Сов. пис.» уже расторгал с нами договор в аналогичной ситуации.

12.09.1988, Ленинград

Дорогой Гена!

1. Разумеется, я пришлю вам распечатку «Извне» (на расклейку у меня нет экземпляров) и перепечатку двух наших ранних (неопубликованных) статей об НФ и о критике НФ (это самый конец 50-х, а может быть, самое начало 60-х — даты на статьях, увы, нет). Однако, все это я отдам в распечатку только после получения договора или гарантийного письма издательства. (Извините, но «таков наш примар», иначе мы тоже давно вылетели бы в трубу). Тогда же пришлю и фото.

Заодно.

2.

Предисловие к сборнику ФАНТАСТИКИ Прашкевича я бы еще взялся, пожалуй, написать (хотя очень не люблю такого рода работу и делаю ее лишь в самом крайнем случае, когда другого выхода нет). Но предисловие к сборнику, где помимо фантастики есть еще и публицистика, и документалистика, и реалистическая проза — нет, увольте, за такое я не возьмусь ни за какие коврижки! Так что уж извините меня, Гена, великодушно.

3. Был тут у нас Пищенко{158}, змей лукавый. Перебаламутил всех наших цыплят, разозлил всех моих драбантов. Теперь будет у нас специальное собрание семинара на тему: вступать или не вступать в ВТО? Я намерен проводить идею, что вступать можно и нужно, но — с опаской, дабы Щербаковы и Медведевы не переродили начинающих, не изуродовали бы им вкус, не купили бы у них право первородства

{158} Комментарии: 158

В. И. Пищенко (род в 1952 г.) — писатель-фантаст, в 1988–1996 годах — организатор и директор Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ).

за чечевичную похлебку. Боюсь, однако, что все эти рассуждения — сотрясение воздуха. Молодые-опытные и сами это понимают, а молодые-зеленые ничего не соображают, им лишь бы напечататься, а там хоть трава не расти. Ах, как не хватает нам сейчас СВОЕГО издательства! И ведь не видно пока в волнах ничего, или почти ничего.

Желаю вам всего доброго,

Б. Стругацкий.

О. М. ЛИБКИН

12 февраля 1988

Гена, дорогой! Заканчивая грипп, имею сообщить следующее. Ничего не имею. Сообщить. За неделю вируса одурел. Я его поборол с серьёзными умственными потерями. Твоё письмо пришло как раз накануне инфекции, я снёс его на работу, прочёл Мише вслух два раза с наслаждением, а потом заболел, когда ехал на метро домой. И вот выздоровел. Звонили мы тебе, но нам сказали, что ты ещё в Томске, нарушаешь сухой закон. У меня сын сегодня защитил диплом, и мы предполагаем тоже нарушать несколько, до умеренного брайдера, с помощью интеллигентных напитков типа «коньяк».

Если ты думаешь, что тоска — сугубо сибирское явление, то заблуждаешься. Надоело то, что происходит в т. н. столице, известной так же как «столица мира». Я не знаю, что в ней происходит, а то, что вижу, свидетельствует о том, что ничего. Шум — информационный, трамвайный,

газетный и прочий. Жена Марина говорит — возьмём котёнка, всё надоело, хочу кота, даже лучше кошку. Я согласен, мне что. Тибетского, правда, не достать, ну, достанем такого серого в полоску, назовём Вася. Но пить со мной он будет только чай, индийский, со слоном, потому что кофе слонам вреден, да и дорог.

Хочешь про дела? Ладно. «Посёлок» сдал техреду, скоро он уйдёт в набор, оформление уже делают, «Кот» никуда из него не уйдёт, выйдет ближе к концу года, сколько тебе оставить экземпляров? Миша забыл сделать заказ, я уезжал, но что-нибудь выклянчу в Академкниге. Видел ли ты № 2 с «Виртуальным»?{159} Как? Сначала, как всегда, перестарались с сокращениями, потом вылезли дырки. Как говаривал мудрый Ильф: край непуганых идиотов. Это ещё у нас, при высоком в среднем интеллектуальном уровне. Что делается в какой-нибудь «Энергии» — страшно сказать. Мы с Мишей однажды снесли туда рассказ, так до сих пор

{159} Комментарии: 159

«Виртуальный герой или Закон всемирного давления» («Химия и жизнь», 1988, № 2).

краснеем.

Бабенко сказал мне, что по Москве бродил Ярушкин вместе с кем-то из «Сиб. огней», кажется, шастали они по «Молодой гвардии», искали хороших советских авторов, Виталий печальным голосом говорил, что альманаху вашему пришёл конец, а я оптимистически заявлял — нет, не конец. Задача: кто из нас прав? Кстати, как он, в конце концов, называется, этот альманах?

Болел, прочёл Мусе{160} твоё приветствие, мнение о «Крестном отце», и отчаянное суждение, что Муся-то не задикует. Она послушала, попросила перевести это слово, я перевёл на английский, мол, впасть в уайлд, она сказала, что именно это и делает всегда, сейчас особенно. Привет тебе.

Что тебе прислал Гланц? Я надеюсь что-то пропустить у себя, давай согласуем, чтобы у вас раньше не проскочило, пусть парень получит гонорар и славу дважды, а не однажды — мне-то после книги

{160} Комментарии: 160
Муся — переводчица М. И. Кан.

нелегко. Моргуны и Тарасенки — это все же, по-моему, сублитература; а Фисенко — трагический случай. По-моему, он прислал всё мне, да и сейчас… иногда… кое-что… хотя я ему говорю каждый раз в письме: мол, надо так и так… мол, не лучше ли куда-нибудь… Вот он и нашёл тебя… Поздравляю.

Как же быть с приездом? Два человека от вас — нормально, мы оплатим ещё двоих, и достаточно. Но апрель неудобен! Как май? Или если не подходит, когда ранний срок из более поздних? Постараюсь позвонить и обговорить всё по телефону.

Все тебе кланяются в пояс. Приезжай. Слушай, Бабенко же тебя записал в Репино, заезжай на обратном пути! Мы тебе купим билет до Новосибирска, сообщи, на какое число! Или купим до Репино, если заедешь по пути туда, до марта, что ли!

Будь счастлив

О. Либкин.

28 августа 1988

Ах, Прашкевич!

Вот и лето кончилось, не успев на-

чаться, уехало в Малайзию и в Индию, и богатые кичливые русские бояре поспешают за ним вдогонку. Но не это страшно. Страшно, что им поотшиба-ло память, в головах у них, как сами признаются (без пытки), разброд. Дело известное.

Объясняю, семинар в Дубултах с 16 по 30 октября. Подчёркиваю, октября. Мы с Мишей собираемся там быть, может, не до конца, но с начала. Если ты собираешься жать нам псевдоподии и выпить рюмку-другую выдержанного хереса новосибирского разлива, то не вздумай делать этого 23 октября в Москве: мы телепатически херес не умеем. Мораль номер два: не успеем мы в Новосибирск в октябре, хоть лопни{161}. Давай переносить опять, к тому времени, когда ты, разопревший и накушавшийся в Индии бананов, приедешь в свой битый голодом и холодом Академгородок и сядешь вновь жене на шею.

Может быть, так: ты едешь на семинар,

{161} Комментарии: 161

По приглашению Литературного клуба Дома учёных М. Гуревич и О. Либкин должны были приехать для выступления (от журнала «Химия и жизнь») в новосибирский Академгородок.

как Берковой запланировано (не без моей подначки), и смываешься оттуда 26-го, вполне успевая на свой жалкий рейс. За десять дней мы там наведём порядок в умах и в номерах. По-моему, так будет хорошо.

Штерна получил. Я читал эту вещь раньше, в мае, когда был в Киеве, там чуть-чуть не хватало — концовки и лёгкого шороха; концовка теперь есть, шороху и сейчас кое-где не хватает, но Боря, по-моему, пересидел с повестью, надо оставлять, как есть, тронув пером буквально несколько мест. Я буду в Москве показывать, хорошо бы толстый журнал какой клюнул; ну да поглядим.

Штерн со мной интенсивно общается. В-первых, он почему-то верит в мои необычайные возможности и в умение пропихивать киевлян в московскую прессу. Во-вторых, ему нужно детское питание иностранного производства, коего в Киеве нет, а полным-полно в Малайзии{162}, и, зная мои связи с этой отсталой страной,

{162} Комментарии: 162
Опять дружеский намёк на мою поездку в Индию и Малайзию.

он надеется урвать пачку-другую ананасового ин-стант бэби порошка. В-третьих, мы с ним любим друг друга.

Насчёт сибирского семинара и прочего твоего раннего оптимизма, плавно перешедшего в запоздалый скепсис (видишь, как я интеллигентен, когда подбираю выражения), — никто среди нашего круга в Москве надежд не питал, но верил, как атеист в подкову на двери. Ладно, хватит причитать, будем делать дело. Вот с СП РСФСР — Булычев вроде бы засучивает рукава, правда, не дальше манжеты. И ещё, очень главное, совершенно антр ну, чтоб ни одна сволочь: мы втихаря зарегистрировали кооператив. Председатель Бабенко, зам. Геворкян, я секретарь, Миша у нас, как еврей, в ревизионной комиссии. И в членах Натанычи! Т-с-с-с. Уже есть разрешение, но ничего ещё не начинали. Ищем порядочных издателей, имеем тьму предложений. Но пока зыбко. Мы — редакторы, составители, оформители. И только-то. Если пойдёт, к концу года начнём разворачиваться, не уверен, что с фантастики, хотя и её тоже не бросим,

надо о себе заявить и по идеологии, и по коммерции, иначе погонят нас, метлой калёной погонят из этого жестокого мира коммерции и кооперативного бизнеса в отдельно взятой социалистической стране.

Поговорим особо, когда встретимся. Может быть, обменяемся взаимополезными идеями. Чего-чего, а идей у меня, как у раввина. Только нет прихожан, которые бы ко мне приходили за идеями, путь задаром.

Итак. Проездом через Москву — в Дубулты, потом грациозный шаг, нет, полшага назад, в Шереметьево; идёт?

Дай знать. И, ради Бога, близкому другу, в ночном бреду, после двух поллитровок брайдеровки без закуски, когда он будет гладить тебя по голове и предлагать опохмелку — молчи о наших кооперативных делах, пока мы не легализуемся окончательно. Пути, по которым сволочь получает информацию, неисповедимы и всегда поддерживаются в проторенном состоянии.

Твой сон будет передан Бабенко о трёх

ногах, как только последний прибудет из братской Венгрии с мирового семинара по проблемам фантастики на современном этапе. Почему ты ничего не пишешь о коте?{163} С ним всё в порядке?

Из московского далека
в преддверии осени
теплолюбивый
О. Либкин.

Москва, 21.07.88

Дражайший Геннадий,

Получив от тебя послание, собрался было ответить пространным меморандумом, но тут случился между нами телефонный разговор, и вдруг оказалось, что главное уже сказано. Остались пустяки.

На берегах туманной Лиелупе было — как было, тебе известно. Правда, сухой закон снят, и, если невтерпёж, можно налакаться дорогого коньяка, сколько денег достанет, или нахлестаться по-гусарски шампанского. Это компенсация в загаженное море, в каковое несёт Лиелупе

{163} Комментарии: 163

Речь, разумеется, о моём тибетском коте — Гомбоджапе Цыренджаповиче.

грязные воды свои. Но сосны! Но песок! Но писатели, в раздумье попирающие песок стопами — ах, это у меня новая непривычная машинка, все писатели время от времени обновляют машинки, становясь всё более великими; ты, я знаю, обновлял уже четырежды, не правда ли?

В отпуске тоже пытался между делом кропать повестушку, но так лениво, что за 24 дня исписал страниц примерно столько же, а я вам не Маркес какой-нибудь, чтобы писать помаленьку, у меня на это нет ни денег, ни таланта.

Тут звонила Беркова, просила нас с Гуревичем препожаловать в Дубулты на семинариум, она нас так любит, так любит, тем более что её сборник в «ХиЖ» практически утвержден, а составлять его надо, а не хочется, а мы под рукой, так вот, она нас очень любит и зовет и просит. Но — в октябре. Дурацкое время. Но — будет ли там Прашкевич? И ещё порядочные люди.

В Москве Толик Гланц. Он бродит по столице, как еврейское привидение. По-моему, он сахарная голова. Он сидит на

московском рафинадном заводе и усугубляет дефицит сахара в стране, поскольку, я уверен, съедает в день по сто килограммов упомянутого продукта, потому что на вынос карается по закону. Он привёз повесть, она называется «Семинар людоедов», это, наверное, про тебя, но я никак не могу прочесть, потому что первую неделю после отпуска меня укатывают различные люди, крича о первоочередности приёма по политическим мотивам. Этого аргумента мне не перекричать. Когда говорят политики, Пушкин молчит.

Сегодня я в бане, Миша в бане, а Гланц у Бабенки. Им обоим нельзя в баню. Они не любят и не хочут. Они очень хочут поговорить за большую литературу под стук чайных стаканов. Домашнюю колбасу Гланц не привёз, это роняет его авторитет в моих глазах.

Я хочу в Одессу. В ту, которая была. Чтобы мне 30, а Гланцу 20, а под ногами у нас путается сопливый Штерн, и море чистое, и на привозе полно винограда и копчёной рыбки. Мадам, купите рыбки для кошечки! И геолог Прашкевич, щуря

глаза, глядит в голубую даль в направлении Констанцы. И я курю трубку — я много лет курил трубку, — а Гуревич, курчавый и уверенный, стреляет беломор у рыбаков на волноломе.

Вот достойный параллельный мир. Я зову вас всех пожить в нем хотя бы неделю. Пожалуйста. Я прошу.

Штерн — ты, надо полагать, знаешь, родил в Киеве девочку. Она Полина. Может быть, он родил, наконец, и повесть, которая когда-то называлась «Абстракция», но я в это уже не верю.

Иметь в каждом приличном городе по ребенку-девочке. Если бы Штерн был богат, он осуществил бы эту скромную мечту.

В Москве творятся всякие мелкие чудеса, которые вот-вот прекратятся. Если же не прекратятся, я тебе дам знать. Вот — с «Московским рабочим», как я сообщал, — ах, а вдруг?! Напечатаем, сэр, и вас напечатаем, не извольте нервничать. А ещё… Что ещё? Приехал бы, что ли… Знаем мы вас, как вы не можете!

Бью поклоны твоим домашним, и пусть

они будут здоровы. Твой
О. Либкин.

Б. Г. ШТЕРН

21.03.1988. Киев

Гена, дорогой! Только что получил твоё письмо, схватил лист какой-то полупапиросной бумаги и отвечаю.

Жаль, что «Кто там?» не проходит в альманахе. Публикация этой повестухи нужна мне ПОЗАРЕЗ. Ты предлагаешь выслать в альманах другие рассказы, и срочно. У меня нет первых экземпляров, и мне сейчас НЕКОГДА перепечатывать, потому что в апреле я должен сдать новую повесть в «Радяньский письменик» — если не сдам, улечу из плана аж на какой-то 91-й год. Что я могу: позвонить сейчас в Ростов Мих. Якубовскому, у него есть мой «Безумный король» в первом экземпляре, и он отошлет рукопись тебе. В «Короле» почти два листа, и если в альманахе ты можешь дать уже изданное, то… возьми «Безумного короля» для альманаха!

Дальше. В «Кто там?» не два листа, а три. Вместе с этой повестушкой я тебе в январе послал рассказ «Чья планета?»

(в нём пол-листа). Дай в свой таинственный замечательный сборник (о котором я буду молчать, как рыба об лед) «Чью планету?» и «Кто там?». Это будет хорошо, хоть и долго.

Я только что снял трубку и позвонил тебе. Говорил с Лидой. Тебя ещё нет дома. Позвоню через два часа.

Вчера проводил Бугрова. Все бойцы-НФ из Киева разъехались. Неделя была, конечно, сумасшедшей. Домой заявлялся поздно, ночевал и опять… Были не все… Тебя не было, Бабенко, Ковальчука — не было. Были А. Стругацкий, Гансовский, Михайлов. Были Щербаков. Были Пищенко и Ярушкин — кто они такие я сразу не понял, а когда понял и пошел к ним в номер знакомиться, оказалось, что они вот-вот десять минут уехали. Так что я с ними и не поговорил. Мои впечатления: о новосибирском альманахе все, кому не лень, говорят, как хозяева. Например, Дмитрук говорит, что он является представителем сиб. альманаха на Украине — если кто хочет, то он может устроить. Пищенко и Ярушкин тоже объясняли

народу, что они отцы-основатели альманаха. Щербаков тоже очень уверен. В общем, прими к сведению.

КЛФовцы избрали всесоюзный совет. Прокатили на голосовании Дмитрука, Орехова и других «молодогвардейцев». Они очень этим довольны, но у них много всяких сомнений. Прошёл слух, что Щербакова в «МГ» скоро сменят, и что придёт вместо него Фалеев.

Прислала Муся Кан письмо. Ей очень понравились твои «Уроки географии». Всё правильно, Гена; и ещё убеждаюсь, что ни «правые», ни «левые» не должны интересовать нас. Мы пишем художественную литературу — а собаки пусть лают. Вот, кстати, Олесь Бердник. Сидел при Сталине, сидел при Брежневе. Два раза изгонялся из СП, три раза принимался обратно. Открыл в Киеве свой клуб КЛФ. Буде пиднимати украиньску фантастику. Я его разок послушал. Ощущение: человек, тронутый индуизмом, летающими тарелками и украиньскими бандуристами. На заседания клуба приглашаются два кобзаря-бандуриста, и после каждого

выступления о чёрных дырах и палеоконтактах, они грають на бандурах и поють «Садок вы-шневый коло хати». Эти вечера растягиваются на пять-шесть часов — выходишь оттуда как оглушенный. Это какое-то помешательство. Зачем писателю этим заниматься? Или Бердник не писатель, или фантастика — не литература. И Щербаков из той же оперы. Он выступал. Оказывается, он серьёзно относится к этим бредням. Говорит, что верит в каких-то «левитато-ров» и что чуть ли не сам… ну, это самое…

Письмо пока оставляю.

Дозвонюсь тебе, потом закончу.

Дозвонился. Перерыл все рукописи. Завтра вышлю в дополнение к «Кто там?» три «беломорских» рассказа (экземпляры вторые, но чистые, читабельные). Для альманаха высылаю «Отпусти домой» (про волшебного бычка — он публиковался в газете «Комс. знамя») и «Рыбу любви». Оба — первые экземпляры, перепечатывать не надо. Но, Гена, я не представляю, как можно назвать «Рыбу» фантастическим рассказом? Вообще-то он рассказ

«остранённый», а на Украине этот жанр называют «химерической прозой» — от фантастики тут недалеко… Может дать к «Рыбе» подзаголовок — «химерный»?.. Чёрт ее знает…

Насчет Толи Гланца. Хороший мужик и пишет хорошо, но он абсолютно непрофессионально относится к делу. Как Коля Блохин из Ростова. Может за два года написать одну небольшую юмореску. Любит постонать: ой, я ленивый, ой, я после работы устал, мне писать негде, гонят на кухню, тёща волком смотрит… и т. д. Много есть таких ребят. Талантливы, но без работоспособности и без желания идти до конца. Не профессионалы. А писать надо каждый день как заведённому (за исключением тех дней, когда вчерашняя пьянка снесла с копыт и невозможно голову приподнять), но и с пьянками надо кончать.

Гена, зачеркни в «Кто там?» самые последние два слова на последней странице: «Кто же?». Зачеркни, не нужны, портят. И в сноске на предпоследней

странице исправь: не «стихи Виктора Панина», а «стихотворение Виктора Панина» — потому что предыдущие стихи мои, а это стихотворение — его. Чтобы не было путаницы.

Насчёт оценки «Кто там?» Я давал читать разному народу. Мнения: или безоговорочно хвалят, или безоговорочно не принимают. Моё мнение: эта повестушка будет очень смотреться рядом с другими рассказами о Бел Аморе. Она на хорошего любителя хорошей фантастики. Я, пожалуй, напишу ещё несколько рассказов и одну-две повестушки с Бел Амором — резервы ещё есть. Но потом брошу — тянуть, как тянет Булычев с Великим Гусляром, нельзя. Пойдёт халтура. Сейчас (в апреле) закончу повесть под названием «29 февраля», сдам в издательство, а второй и третий экземпляры вышлю Либкину и тебе. Скромно замечу, что мне кажется, что, чёрт побери, получается такая штука, которая, вроде бы, на голову выше всего, что я до сих пор кропал. В черновике это видно совершенно невооруженным глазом, но… посмотрим в апреле… М. б.

я сейчас нахожусь в состоянии этакой эйфории… В издательстве её ждут, я не могу терять ни одного дня…

Гена, не мне тебе советовать, но напомню: не суй всяких дмитруков и пищенков в свой сборник! Идут они к бесу, у них есть, где гнать свою халтуру.

Бугров выдал тайну, что «Аэлита» в этом году будет присуждаться Колупаеву. И правильно.

Ещё сплетни.

Михайлов сильно обижен за своё снятие с «Даугавы» и всё время к месту и не к месту много говорит об этом.

У Гансовского смешная манера рассказывать о себе: «И вот я родился в 1918 году. Гражданская война. Голод. Мои родители увезли меня в Петроград». Или: «И вот закончилась война. Я мобилизовался. Иду. Разруха. Толстая баба продаёт пирожки. А мне так есть хочется». Очень милый мужик. Умный дед.

Аркадий Стругацкий неподражаем.

Гена, проследи, чтобы из «Спасти человека» не исчезло посвящение тебе — я за него боролся в «Молоди», пусть всегда

так и выходит. А то эти редактора так и норовят чего-нибудь вычеркнуть.

Вроде всё.

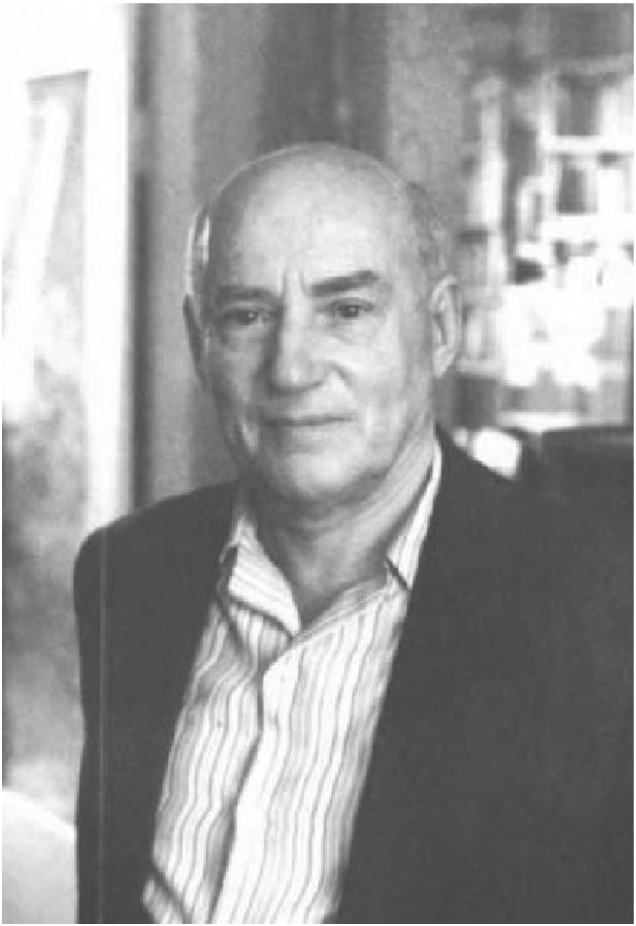
С моим приёмом в СП никаких новостей — комиссии не было, документы лежат.

Да, высылаю интервью из киевской «Козы» — там и о тебе есть.

Обнимаю. Лиде привет!

Твой Штерн.

С. А. СНЕГОВ



Снегов Сергей Александрович (наст. фамилия Козерюк, 1910–1994) — писатель-фантаст и популяризатор науки, член СП СССР. Лауреат премии «Аэлита» (1984). Окончил Одесский химико-физико-математический институт. В тридцатые годы работал инженером на ленинградском заводе «Пирометр», там был арестован — в июне 1936 года, осужден на десять лет ИТЛ. Срок отбывал на Соловках и в Норильлаге. Кстати, там (совместно с историком и географом Л. Н. Гумилевым) составил «Словарь наиболее употребляемых блатных слов и выражений». Создатель первой советской «космической оперы» — «Люди как боги».

Калининград, 13.III.88

Дорогой Гена!

Буду отвечать по порядку, чтобы не запутаться.

Мысль писать фантастику томила меня еще до начала литературной работы. Она превратилась в потребность, когда я начал знакомиться с зарубежной послевоенной НФ. Писать ужасы — самый легкий литературный путь, он всего больше действует на читателя, почти вся НФ

за рубежом пошла по этой утоптанной дорожке! Стремление покорить художественные высоты показывали только Д. Оруэлл, Г. Маркес, и ещё очень немногие. Мне захотелось испытать себя в НФ, как в художественном творчестве.

Я решил написать такое будущее, в котором мне самому хотелось бы жить. В принципе оно соответствует полному — классическому — коммунизму, но это не главное. Проблема разных общественных структур — проблема детского возраста человечества. Я писал взрослое человечество, а не его историческое отрочество.

Для художественной конкретности я взял нескольких людей, которых люблю и уважаю — у некоторых даже сохранил фамилии — и перенес их на 500 лет вперед, чтобы художественно проанализировать, как они себя там поведут. За каждым героем — человеком — конечно стоит реальный прототип.

Я сознательно взял название уэллсовского романа. Прием полемический. Но не для того, чтобы посоревноваться с Уэллсом художественно. Уэллс один из

гениев литературы, дай бог только приблизиться к его литературной высоте! Спор шел не художественный, а философский. Я уверен, что в человеке заложено нечто высшее, он воистину феномен — в нем нечто божественное. Думаю, он венчает эксперимент природы — либо неведомых нам инженеров, — смысл которого в реальном воплощении не мифов, а божественности. Энгельс писал, что человек — выражение имманентной потребности самопознания самой природы и что, если он погибнет, то в ином времени, в иной форме природа рано или поздно вновь породит столь нужный ей орган самопознания. Это ли не божественность? Энгельс глубже Уэллса — во всяком случае, тут. Помните Тютчева?

И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.

Люди будущего у Уэллса — прекрасные небожители. Но быть прекрасным — не главная акциденция божества. У меня человек бросает вызов всему мирозданию (особенно в третьей части) — он ратоборствует с самой природой, той силой

спинозовской deus sive natura{164}. Схватка двух божеств — чисто божественное явление. Словом, Зевс против отца своего Хроноса в современном научном понимании. Это не мистика, не религия, а нечто более глубокое…

В первом варианте второй части я собирался послать людей в Гиады, проваливающиеся в другую вселенную, но потом выбрал Персей. В Гиадах было бы больше приключений, в Персее больше философии. Там главная идея — кроме утверждения высшей человеческой, то есть божественной, морали — схватка человека с энтропией, представленной разрушителями. Разрушители — организация беспорядка, хаос; они — слепая воля природы. А люди — разум той же самой природы, вступивший в сознательную борьбу со своей же волей. Сознательную, ибо рамиры тоже борются со слепой стихией, но взять над ней верх не могут. Они во многом мощней людей, но лишены человеческой божественности.

{164} Комментарии: 164
Бог или природа (лат.).

Боюсь, изложение неясно. Уж очень трудна сама тема.

После появления первой части читатели во многих письмах просили продолжения. Я, как всегда, нуждался в деньгах — все же один на всю семью зарабатывающий — и быстро написал «Вторжение в Персей». Снова потребовали продолжения. Тут я колебался, но все же написал. А чтобы не просили четвертой части, в третьей поубивал многих героев — уже не с кем продолжать. По примеру М. Шолохова, покончившего с главным героем «Поднятой целины», ибо стало ясно, что ввести его в светлый колхозный рай уже не удастся, за отсутствием такого рая. Думаю, Шолохову было много труднее, чем мне, расправляться со своими литературными детьми — они ведь не успели выполнить то великое дело, которое он предназначал для них. А мои по Шиллеру: «Мавр сделал своё дело, мавр может уйти».

Судьба первой части «Люди как боги» была не сладостна. Ее последовательно отвергли «Знание», «Детская литерату-

ра», «Молодая гвардия», Калининградское книжное издательство. Основание — космическая опера, подражание американцам. Писали резкие рецензии Кирилл Андреев, Аркадий Стругацкий (он теперь вроде бы переменил отношение), В. Гаков (перемена отношения ко мне, но не к роману) и др. В общем, я решил про себя, что бросаю НФ, здесь мне не светит. Но случайно критик З. Штейнман, написавший против моего первого романа «В полярной ночи» («Новый мир», 1957, №4, 5, 6, 7) разгромную рецензию в «Лит. газете» и растроганный, что я не обиделся, не стал ему врагом, выпросил почитать отвергнутую рукопись и передал в Ленинград В. Дмитревскому, а тот ее напечатал в сборнике «Эллинский секрет» (1966). Отношение к роману у критиков, особенно московских, недружественное. В. Ревич при каждом удобном — и даже неудобном — случае мучает меня, и не один он. В 1986 году Роскомиздат запретил печатать роман в Калининграде и только после моей личной схватки со Свининниковым (Войскунский называл Комиздат Свин-

издатом) снял запрет, а Свининникова перевели в «Наш современник». Отношение ко мне вы можете видеть и по тому, что в справочнике для библиотек «Мир глазами фантастов» (86 либо 87 г.) глаза Казанцева и Медведева меня в чаще НФ не увидели — более мощные деревья заслонили меня. В общем в сотню советских фантастов я не гож. Не обижаюсь — констатирую.

За рубежом отношение ко мне вроде иное. В Польше вышли два издания, в Японии — пять (первой части, сколько второй и третьей ещё не знаю), в ГДР — три издания, в ФРГ одно, готовится издание в Венгрии. А когда на немецком появились в изд. «Das neue Berlin» две первых части, в Лейпцигском университете состоялся семинар на тему «Будущее в романе С. Снегова», и участвовали в нем литераторы, философы и физики!

Надеюсь, рецензия Комиздата на Вашу книгу будет хорошей{165}. Вы для них — как и я — не из их «кодлы», но всё же

{165} Комментарии: 165

В Госкомиздате РСФСР лежала, затребованная на контрольное рецензирование, очередная моя рукопись.

времена меняются. А если будут осложнения, езжайте сами в Москву. Я два раза туда ездил — и два раза сумел отстоять себя.

Нежно, крепко обнимаю Вас.

Ваш

С. А.

М. И. КАН

Кан Мария Иосифовна (1926–2014) — переводчица, член Союза писателей СССР. Окончила 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Переводила Д. Остин, Р. Л. Стивенсона, Г. Уэллса, У. Фолкнера, И. Стоуна, Д. Голсуорси, Марио Пьюзо и многих других. Продолжатель традиции семинара советского переводчика, литературоведа и теретика художественного перевода И. А. Кашкина. Много лет совместно с Е. Д. Калашниковой и М. Ф. Лорие руководила новым кашкинским семинаром. Президент созданного по её инициативе Общества англо-русских и русско-английских переводчиков. Организатор и участник международных встреч переводчиков. Мягкий и умный человек, беседовать с нею всегда было чрезвычайно интересно.

4.III.1988

Надеюсь, бабушка, жена и дочка будут рады этой открытке. На ней животные с красивыми монгольскими наименованиями, за спину которого Вы прячетесь. Правильно?

Гена, наш брат переводчик от себя писать не умеет, а только (в отдельных случаях) переводить — но уж больно неотразима идея. Так что? Открываем на пару кооперативное кафе? И в свободное от мартена время пишем поваренную книгу? Чего, в самом деле, кормить кого ни попадя за так?{166} Нам, между прочим, платят за шедевры по 115 рэ за лист, и гуляй. А?

Спасибо за цветок к празднику.

Муся.

{166} Комментарии: 166
Сколько невероятных идей нам тогда приходило в головы…

С. А. ДРУГАЛЬ

11.07.1988, Екатеринбург.

Дорогой Геннадий Мартович!

Ты прости меня, который всегда тянет с письмами, с ответами. Это не от нехорошести или потому, что мы тебя здесь забыли. Так жизнь складывается, за день накувыркаешься, вечером на бумагу смотреть не могу. А от тебя, подтверждаю, наш самый внимательный и обязательный Евгений Иванович{167} всегда приветы передаёт, спасибо тебе за память. У меня тут всё наложилось, отец умер, всё в Москву к маме езжу, перевод на хозрасчет выключил из работы, приходится писать вечерами, и силы уже не совсем те, повесть на 7 листов «Язычники» не очень удалась, даже в «Поиск» Немченко не принял. Непривычная она

{167} Комментарии: 167

Е. И. Пинаев (1933–2016) — художник, писатель-маринист, Лауреат премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, член российского Союза писателей. Ходил на рыболовных и учебных парусных судах матросом, боцманом. Африка, Арктика, Атлантика, Тихий океаны — он рассказывал обо всём это так же просто и интересно, как о маленьком посёлке Калиново на уральском озере Таватуй, где провёл последние годы своей жизни.

для меня, у меня имидж эмоционального полусказочника, я его сломать пытаюсь, а меня обратно туда. В имидж.

Колупаев — новый лауреат, милейший и мягчайший человек, но эта «Аэлита» проходила не в клубе автомобилистов, куда вход всем, а во дворце молодёжи, куда по билетам. Это было суше, но за двести из других городов гостей было. Сильно украсил праздник Аркадий Натанович, всем было радостно видеть живого классика и общаться с ним. В обкоме комсомола имела быть пресс-конференция. Жаль, тебя не было.

Вернулся делегат 19-й конференции Владислав Петрович и сразу занялся своими ребятами{168}. Это мне приятно: командор — делегат. Потрясающе! Водку мы, естественно, вводим. Порой даже и когнак. Но без рекламы, нам реклама ни к чему.

Дважды отводил душу на собачьих вы-

{168} Комментарии: 168

«Каравелла» — парусный клуб, созданный в Свердловске в 1961 году Владиславом Петровичем Крапивиным. Основные направления «Каравеллы» — морское дело, журналистика, фехтование, история флота. Девиз: «Tamborileros, adelante!» («Барабанщики, вперед!»).

ставках, и выявил пса породы ягдтерьер, чуть побольше Гомбоджапа{169}, но на лося и кабана идёт, хотя я лично этого не видел. Пёс умещается в рюкзаке, а пасть у него, как у немецкой (ныне европейской) овчарки. Зубы в два ряда, сумно смотреть! Собака — всегда хорошо. У меня нету.

Поляки издали моего «Тигра…», но деньги не шлют. А я хочу, ибо лелею надежду поехать в Венгрию, откуда получил что-то в виде приглашения приехать на конгресс фантастов в августе 88-го. Но это так, знойная мечта, не более. Меня вряд ли включат.

Посылаю тебе фото меня с коллективом в лаборатории. Это чтобы развеять впечатление о себе как о субтильном бездельнике.

Привет супруге.

Доброй тебе работы.

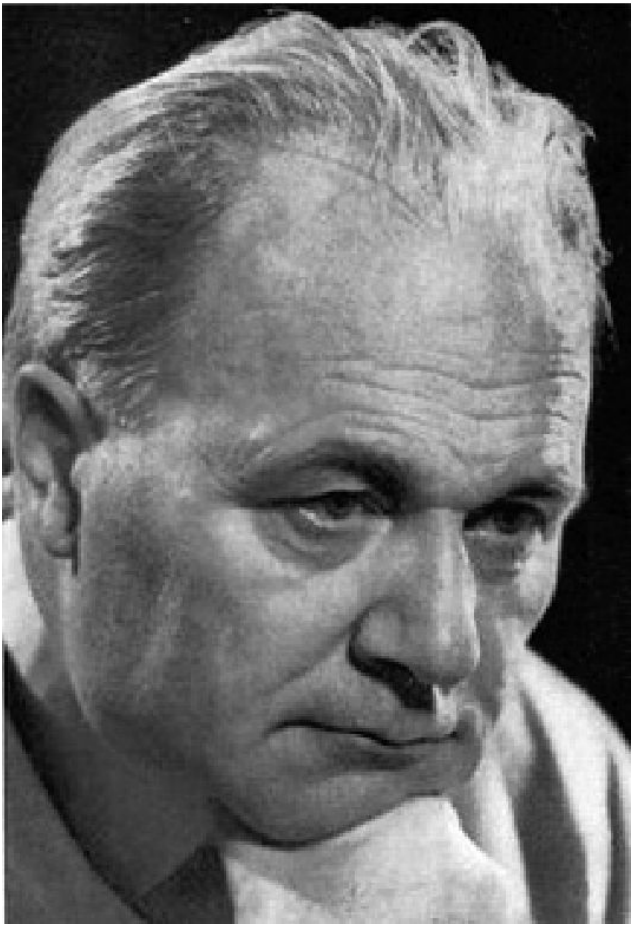
Твой

С. Другаль.

{169} Комментарии: 169

Понятно, мой тибетский кот — зависть всех друзей.

В. И. НЕМЦОВ



Немцов Владимир Иванович (1907–1994) — советский писатель-фантаст, изобретатель, популяризатор науки, публицист, член СП СССР. Увлекался радиоэлектроникой, в годы Великой Отечественно войны в блокадном Ленинграде налаживал выпуск радиоаппаратов для Ленинградского фронта, принимал участие в организации военного радиозавода в Баку, был его главным инженером. Получил более двух десятков авторских свидетельств как изобретатель. Один из видных представителей фантастики «ближнего прицела».

Москва, 28 ноября 1988 г.

Уважаемый Геннадий Мартович!

Прошу извинить меня за задержку с ответом. Перенесенные болезни и плюс возраст не дают возможности работать в полную силу, а иногда и совсем повергают в вынужденное безделье, санкционированное врачами. А я не привык к безделью, оно для меня хуже болезни. Я много работал и много ездил. Побывал во многих странах, а в своей — чуть ли не во всех областях Европейской части. Ездил по путевкам Бюро пропаганды СП

с выступлениями перед читателями. А вот в Томск попал по командировке Союза писателей для проведения семинара по научной фантастике. Из Томска мне захотелось проплыть по реке Томь и по Оби. Ведь Сибирь я совсем не знал. Новосибирск просто восхитил меня. У него какая-то особая стать. Широкие улицы, не сдавленные небоскребами, что видел я в разных странах. К сожалению, и у нас сейчас возникает такая тенденция. А в Новосибирске дышалось легко. На улицах продавались первые весенние цветы «жарки», похожие на раскаленные угли. Пришла тогда шутливая мысль, что в самолет с таким букетом не пустят по причине пожарной безопасности.

Ну а если без шуток, то Сибирь поразила меня своей необжитостью. И я представил себе в этом необычном краю большие просторные города, современную промышленность. Ведь тогда еще не было дороги — БАМ, современных поселков при новых подземных разработках. Под этим впечатлением я приступил к работе над романом. Первая книга «Ко-

гда приближаются дали» вышла в изд-ве «Советский писатель» в 1975 году, а над второй я еще продолжаю работать.

Вот Вам и ответ, что меня привело именно в научную фантастику.

Не устану повторять слова В. И. Ленина: «Надо мечтать!» Развивая эту мысль, он приводит высказывание Писарева: «Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать... если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине, то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставила бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни» (В. И. Ленин. «Что делать?» Полн. собр. соч., т. 6, стр. 172).

О теории «фантастики ближнего при-

цела» я никогда не слышал{170}, хотя некоторые из критиков — радетелей «чистой фантастики» — ругали меня за «приземленность», а однажды была статья в молодежной газете, которая называлась «Изменивший мечте». Да и теперь иные критики и редакторы торопятся объявить «техническую фантастику» устарелой. Мне же думается, могу даже утверждать, опираясь на свой жизненный опыт, как в технике, так и в литературе, что такая «теория» не имеет под собой основания. Дело ведь даже не в том, будет ли осуществлена в практической жизни та или иная техническая невидаль, придуманная автором книги, важно, как он об этом рассказал. Заставил ли читателей сочувствовать герою книги, маявшемуся в поиске решения технической задачи, и ненавидеть тех, кто мешает герою осуществить свой замысел на благо людям. А если в читателе (тем более юном) за-

{170} Комментарии: 170

Разумеется, Владимир Иванович тут лукавил. Фантастику ближнего прицела он, собственно говоря, возглавлял, но по цитируемому письму чувствуется, как сильно достали его литературные критики и недоброжелатели.

ложена изобретательская жилка или способность к конструированию, то такая книга как раз и поддержит его в таком деле, оно станет для него любимым, и тогда, как предрекал великий Горький, больные вопросы политехнизации школы будут решаться легче. А сейчас, в период революционной стройки страны, технического перевооружения, такие книги для юношества просто необходимы, на мой взгляд. Вы затеяли благородное дело{171}. Ответить же на все Ваши вопросы затрудняюсь.

На развитие этого жанра в первую очередь, конечно, влияли классики. Когда-то в разговоре я услышал от первого космонавта Земли Юрия Гагарина: «А «Аэлиту»-то еще никто не написал». Работающих в этом жанре было много, а кто влиял на развитие — сказать трудно.

{171} Комментарии: 171

В самом конце 80-х годов совместно с моим другом писателем и поэтом Николаем Константиновичем Гацунаевым мы подготовили к печати «Антологию советской фантастики (1917–1957)» в двух томах. Выйти она должна была в изд. им. Гафура Гуляма (Ташкент). Этого, к сожалению, не случилось из-за общего развала страны.

С Вадимом Охотниковым{172} я действительно был знаком. Человеком он был добрым и, как мне казалось, голова его была переполнена всякими техническими идеями. Я хорошо знал Л. Лагина. «Старик Хоттабыч» его стал классикой. А. П. Казанцев — мой друг. Человек разносторонне талантлив и неутомимый труженик. С С. Беляевым был знаком, но знал его мало.

Уважаемый Геннадий Мартович, посылаю Вам три рассказа («Шестое чувство», «Снегиревский эффект», «День и ночь») для Вашей Антологии (если не опоздал). Они взяты из сборничка «Шестое чувство», о котором Вы упоминаете. Книг моих действительно нет, хотя изданий насчитывается уже больше сорока. Примерно столько же на языках республик наших и зарубежных стран.

Посылаю Вам свою автобиографическую книгу (2-е издание «Молодая гвардия», 1975).

{172} Комментарии: 172

В. Д. Охотников (1905–1964) — писатель-фантаст, инженер, изобретатель, Заслуженный деятель науки и техники, член Союза писателей СССР.

Желаю Вам успехов
Вл. Немцов.

А. Ф. ГЛАНЦ

Гланц Анатолий Франкович (род. в 1948) — поэт

и прозаик, жил в Одессе.

Печатался в журналах «Химия и Жизнь», «Техника — молодежи», «Дети Ра», «Крещатик», «Артикль», «Интерпоэзия», в сборниках «Перпендикулярный мир» (М., 1990), «Вольный город» (Одесса, 1991», «Год поэзии» (Тель-Авив — Москва, 2008). С начала 90-х живёт в США в Нью-Йорке, работает программистом.

Сентябрь 1988, Одесса

Дорогой Гена, а попросту говоря, Геннадий!

Я не могу любить тебя, как прежде, после того, как ты в пух и прах раздолбал «Семинар людоедов». После того, как выяснилось, что о твоём путешествии в Малакку знает вся страна — От Либкина до Суркиса и от Дымова до Гланца, а ты — не кто иной, как хвастливая сибирская бестия. После того как ты полугодиями не являешься в Европу, предпочитая твёрдым достижениям цивилизации сомнительные малаккомства убогой, как ты сам весь — насквозь! — культуры. А также по нижеследующей причине: я люблю тебя сейчас гораздо сильнее. И это,

увы, не зависит от расположения звёзд, а только от моего расположения.

Из Новосибирска в Одессу пришло приглашение в Днепропетровск. Ты понял? На семинар. Не знаю, надо ли мне ехать. Очень уж крутая каша начинает завариваться между Виталием Ивановичем и Виталием Тимофеевичем, у запада с востоком, у «Румбов» с нимбами. Я хотел бы быть тихим провинциалом, не ведать политики, писать и отправлять написанное куда-нибудь очень далеко.

Добавлю к сказанному собственное стихотворение — тебе ведь совсем нечего там читать!

Писатель Толя.

(Приписка). Да веди себя в Индии хорошо, не позорь имени индуса. Ни в коем случае не ругайся с Раджívом. Возвращайся и пиши.

4.01.1989. Одесса

Дорогой Геннадий Мартович!

Мне пришло письмо из Литфонда. О том, что я должен крупную сумму денег. Затем поздравление с Новым годом. Сопо-

ставив факты и заглянув в карту Индии, склоняюсь к мысли, что это проделки одного и того же человека. Идентифицировать его можно по машинописному почерку, а также по шизоидной неумолимости, с которой он пишет на конвертах слова «прашкевич» и «гланц» с больших букв.

12 декабря, как обычно, мне исполнилось сорок лет. Я подвёл некоторые итоги и обнаружил, что 88-й год, начавшийся для меня мощными литературными авансами, не оправдал надежд, а наоборот, ознаменовался разочарованиями. Надо же мне было встрять в московско-новосибирские дрязги, написать непонятный «Семинар людоедов» и потерять уверенность в своих литературных исканиях.

Закончил двухминутный сценарий для киножурнала «Хочу всё знать!» По заказу студии документальных фильмов. Это всё-таки бодрит.

Хотелось увидеться, а вы все встречаетесь без меня.

А я дичаю и дичаю.

Твой Гланц.

А. М. БИРЮКОВ

Март 1989

Здравствуй, дорогой!

Получил твоё письмо, с тех пор хожу и удивляюсь: мерила он захотел!

Мало его, что ли, мерили — вдоль и поперёк, так ему ещё и самому дайте этот инструмент в руки, чтобы он его к каждой своей мыслишке прикладывал — подходит или не подходит. Или это тайный замысел: у врагов своих дубинку украсть?

Так, может, самое бесценное, что в этом мире есть, это именно святая неопределённость, зачем всё это и что из этого выйдет (а если всё ясно, так это не жизнь, а учебное занятие по теме «Стрелковая рота после преодоления первой полосы обороны противника» — там всё заранее известно, кто куда бежит и кто кого подавляет, как по Уставу положено). Поэтому и в литературе, которая не по Уставу живёт, тоже ничего не понятно: герой он или не герой, дала она или сама

взяла, отец ли я моему сыну или он меня воспитывает? Правда, граждане фантасты, стремясь обуздать этот хаос, не раз уже говорили о внеземном происхождении существа по имени человек, и, стало быть, о его внеземном предназначении (сиди и дожидайся, пока позовут). Версии этой уже несколько тысяч лет, и час тоже назначался не раз, однако, не зовут что-то, и так и не дождёмся, наверное.

А что бьют…

Ну, так ты представь себе на минуту ситуацию, когда никто никого не ест, всё можно и бери всё, что хочешь. Это же такой кошмар будет! — полный развал общества и каждой его клеточки, торжество (и гибель) каждого Я в мире. Потому не надо ему, наверное, растворяться, а лучше бы шкуру свою наращивать.

Мне вдруг захотелось жить в большом-большом доме, где комнат тридцать или сорок, а живут, ну, человек пять-шесть, не больше, и чтобы я, когда захочу или позовут, мог долго-долго идти куда-то, приближаясь постепенно. А моя трёхкомнатная квартира сейчас кажется мне

крошечным бугорком, на котором торчу я трусливой евражкой и бежать мне некуда.

Это я — о самочувствии.

А занимаюсь я тем, что пишу роман-монографию («Всё, — скажет добрый Прашкевич, — совсем Бирюков тронулся»), историю одной-единственной женщины — от её младенчества до тридцатилетия, написал 9 л., героине моей уже 19, живёт она дерзко и трудно — для себя и окружающих, впереди — через листик примерно — кульминация этой дерзости, а дальше будет всё прочнее и прочнее устраиваться, чтобы потом лететь, как электровоз (однако всё это слова, я очень плохо знаю, как там будет дальше, то и дело сажусь за стол, даже не зная, что она у меня сотворит сегодня). Называться это будет «Свобода в широких пределах или Современная Амазонка». Уйдёт у меня на это ещё, наверное, полгода.

Остальных дел, хотя на работу уходит не более трёх часов в день, просто нет. Совершено свободен от отношений с издательствами, коллегами, женщинами,

иностранными разведками… Есть у меня Санька (сын), да вот эта история — не так уж мало, правда?.. Ах, ну ещё книги, конечно! Читаю без особой системы, хотя и очень стараюсь не шибко разбрасываться (но разбрасываюсь, конечно). Вот сейчас, через двадцать лет, взялся за «Люди. Годы. Жизнь». Горькое, но, в общем-то, помогающее чтение. А кроме того, ещё несколько разделов чтения, в каждом из которых читать и читать. Видишь, как хорошо? Может, особенно хорошо потому, что я, оказывается, очень ленив. И разве не благо для такого человека, что его никто не торопит, никуда не тянет, что просто не надо никуда идти, кроме как за сигаретами. Чего те же Эренбург с Маршаком ломали себе головы над пушкинской фразой «На свете счастья нет, а есть покой и воля»? Чего тут неясного. Мне, например, всё тут ясно. На работу не надо идти, значит.

Пиши, голубчик. Лиде привет.

Твой Бирюков.

А. Ф. ГЛАНЦ

12.04.1989

Далёкий Гена!

Как ни пытался я добиться твоего понимания при помощи прозы — увы, не получилось. Может быть, эти прекрасные стихи дойдут, наконец, до твоего чёрствого заснеженного сердца?

На рыжем плече гиганта —
быстрей, чем дымят сараи —
кого принесли в больницу?
кого снимают с носилок?

Кого принесли в больницу?
В больницу внесли Наташу,
Её заболели руки.
Её отказали ноги.

Кому нездоровится печень?
Наташе! Наташе! Наташе!
Зачем она здесь ночует?
Ей мать отказала в крове.

Кого теперь тронет скальпель?
Он тронет печёнку Наты.
Кого тогда звать на помощь?
Профессора Штеренберга.

Профессор — известный доктор.
Халат его чист, как совесть
во имя отца и сына
и их пропавшего брата.

Возможно, Наташа встанет
и в сад убежит играться.
А, если не встанет, кто же
Продолжит ей отдых детский?

И как тогда шить одежду?
Она упадёт на стулья
безвольным станком токарным
безглазым судьёй футбола.

Выходит, не надо спорить,
о том, у кого что лучше.

Выходит, больная печень
решает вопросы жизни.

Выходит, что жизнь Шопена —
не больше, чем смерть жирафа,
и прав был поэт французский,
когда он перо забросил.

Тогда я не стану спорить,
куплю миллион таблеток
и сяду писать рассказик:
«Прощанье с литературой».

Прощаюсь — стремительно.
Звонок в дверь.
Думаю, что за мной приехали.
Остаюсь твой
Толик.

28 августа 1989, Одесса

Ох, здравствуй, Гена! Сплошные неудачи.

Книжку детскую зарубили, сценарий научно-популярный всем понравился, но редактор, который мне его заказал, уволь-

няется. Первая книжная публикация появилась не в Новосибирске, а в Одессе — рассказ о коллекционере океанов…

Продолжаю ламентации.

В отпуск взял жену, дитя, машинку, поехал к самому морю, есть у нас такая коса — Каролина-бугаз. Думал, закончу три-четыре начатых рассказа — ничего. Трофеи, с которыми вернулся — пять страниц бредовых стихотворений и цветной семейный выходной портрет на корточках в волнах прибоя.

При моей неприязни к выдумыванию сюжета, неспособности его построить — вещи валятся. Как «Семинар». Перебираю черновики. Убожество, как ты любишь говорить (и не только о себе), и только кое-где удачно вставленный пустяк мысли, зелёная листва стиля, нитяная сумятица словесных нагромождений…

А хочется считать себя писателем.

Но не дают: а) лень, б) круглое резвое море неподалёку, в) возможность свободно публиковаться, г) предчувствие смерти в ближайшие сто лет, д) огурцы), е) возможность быть поэтом, а не писате-

лем. Необязательность моего пребывания в литературе прямо-таки бесит меня. Пробовал бросать. Но тоже не получается. Были у тебя такие же проблемы, нет?

Зато я написал в этом году такие строчки:

Женщины жизни прекрасной,
ждите печальных вестей!
Затворницы белой кожи атласной
и трубчатых стройных костей.

Гена, я тяжело переживаю очередной закат своей литературной деятельности. Поэтому прости, если в моих письмах всё меньше и меньше весёлых шарад, красочных метафор, едких и точных замечаний — словом всего того, чем славятся умудрённые городской жизнью местечковые евреи.

И ещё вот что я надумал. Пришли мне, пожалуйста, «Семинар людоедов», а я тебе лучше вышлю что-нибудь другое, а то, представь, остался без экземпляров.

Есть у тебя новости? Что слышно на фронте вдохновения? За что тебя любит муза (из Советского Союза)?

А ещё, Гена, я по тебе скучаю.

Толик.

14 февраля, 1990, Одесса

Посылаю тебе сборник фантастики, собранной с уважением к тебе и с любовью.

Рекомендую к чтению новые для тебя: «Туман в ботинке», «В гуще абсурда», «Рабочий день писателя». Сборников я ещё не составлял — это первый. Поэтому не знал, что делать с нумерацией. Если можешь, укажи, как надо.

Закончил вчерне маленькую повесть «Володя». Привожу эпиграф к ней:

«В повести «Володя» ничего не придумано. Автор с поразительной точностью описывает изменения, которые произойдут в нашей Солнечной системе через тридцать два года. Академик Недзеведский, 16 июня, Сыктывкар».

Как ты понимаешь, ничего о Солнечной системе там нет. Зато каждый второй

персонаж — Степан или Степанович. Все пьют и все занимаются наукой. Должен, к своей чести сказать, что пьют только шампанское и коньяк. Других напитков в повести не продают.

Напиши, как у тебя дела, что написал нового, что где выходит.

Либкин, как общий друг, подарил мне две книги: весёлую и грустную, «Приглашение к столу» и «Посёлок на краю Галактики». Через месяц у меня кое-что кое-где должно выйти. Как только — пришлю.

Остаюсь твой Толя Гланц

РИМАНТАС ВАНАГАС

4.07.1989

Здравствуй, Геннадий!

У меня уйма новостей. Ты всё странствуешь по миру, к японцам, малайцам, папуасам и индусам, а я сижу дома, читаю, пишу. Как уже сообщал, с 1-го февраля нигде не работаю, хочу вовремя закончить начатую книгу, а это даётся довольно трудно (об автогонщиках). Но понемножку привыкаю к новой квартире. В семье боролся с болезнями, домашними проблемами и т. д. В понедельник на несколько дней еду в Москву. Всё остальное — книги, быт, перестройка. Перестройка в самых разных цветах, как радуга. Слава богу, у нас опять появились идеалы, вера в будущее, смысл жизни. Все смотрят вперёд. А твоя книга уже отредактирована (были некоторые сложности). Она в планах следующего года, а, если найдётся бумага, возможно, выйдет и в этом{173}. А бумагу

{173} Комментарии: 173

«Vilkolakis» («Оборотень») — изд-во «Vyturis», Вильнюс.

(как и многое другое) нам сейчас отказываются продавать — из-за перемен в Литве. Самое грустное (и смешное), что лучшую бумагу в Союзе изготавливаем мы, но у нас остаются жалкие проценты. Но будем надеяться, что все кончится благополучно.

Вот и всё.

Пиши.

Rimas.

4.09.1990. Вильнюс

Здравствуй, Геннадий!

Спасибо за письмо. На этот раз мне немножко веселее писать, так как есть некоторые новости.

На прошлой неделе был в издательстве. Твоя книга уже набрана, гранки прошли, скоро будет вёрстка. Так что, до лета книга должна появиться.

Насчёт твоего приглашения — в Новосибирск.

Спасибо! Несколько лет назад я бы обрадовался такому предложению, а сейчас, боюсь, ничего такого просто не успею. Для того, чтобы ехать в такую даль, необхо-

дима неделя. А месяц май всегда перегружен всякими мероприятиями: проходит традиционная весна поэзии, а каждый уик-энд мы проводим в Аникщяй, где ждут нас огородные бесконечные работы. А самое главное… невозможно так просто рассказать того, что происходило у нас целых 50 лет и вот как теперь образовалось. Чисто политическая сторона дела меня самого не так интересует, но, если браться за корни, то есть, за мораль, тут вообще трудно всё изложить. Лично я не участвую в движении Саюдис{174}, но душой поддерживаю его — как движение в сторону истины, правды. Партия (КП) меня тоже не очень сильно волнует — слишком много вреда она принесла — и горя — для литовского народа. По твоему предложению{175} — предлагаю компромисс: я согласен письменно ответить на твои вопросы — как писатель,

{174} Комментарии: 174

Саюдис («Движение») — общественно-политическая организация Литвы, возглавившая в 1988-1990 гг. процесс выхода (отделения) Литовской ССР из состава СССР, и восстановления независимости Литовской Республики.

{175} Комментарии: 175

Речь шла об интервью для российской прессы.

как публицист, как человек, и, если вы сможете напечатать этот материал, я даже поблагодарю вас. В то же время я мог бы задать 10 подобных вопросов новосибирскому писателю Г. Прашкевичу и его ответ напечатать в любой нашей газете или журнале. Если, конечно, мы не будем говорить на разных языках и о разных вещах. Подумай над этим; по-моему, это сделать проще, да и пользы будет больше.

То, что сейчас творится у нас — тоже трудно коротко объяснить.

Против Литвы ведётся наглейшая дезинформация, военное давление, шантаж; это говорю со всей ответственностью. Вот и сейчас над Вильнюсом гудят военные вертолёты, ночами — танки, броневики, захват зданий и людей. Всё это очень напоминает сценарий 1940 года. Москва ищет предлога, под которым могла бы ввести президентское правление. Каждый день — провокации, но ведь у нас нет оружия или другой силы — только моральная. Пока Литва держится: по сведениям последнего соц. опроса — 91 %

жителей поддерживают объявление Независимости. А ЦТ… Старые люди говорят, что такими же методами действовала пропаганда Геббельса. Сколько это будет продолжаться? Наша сторона с утра до вечера стучится в Москву, требует, просит, умоляет сесть за общий стол — а советская пресса всё передаёт в обратном свете. Ну неужели люди верят, что маленькая Литва хочет воевать с СССР? Но может и верят… как верили в 1939-м году, что Финляндия напала на СССР…

Ну хватит о политике.

Сейчас я пишу книгу о своих прадедах, которых никогда не видел — сижу в архивах, встречаюсь со старыми людьми. Лично мне очень и очень интересно.

А ещё жду, когда начнут редактировать мою книгу о ралли, — и в Москве, и в Вильнюсе.

Собирались с семьей поехать в Польшу, но нам закрыли границу.

Вот в общем всё.

Всего доброго!

Rimas.

Б. Г. ШТЕРН

Киев, 17.01.90

Гена!

Славомир (который Кендзиерский{176}) прислал мне открытку.

Пишет, что наша с тобой книжка должна появиться в Варшаве уже в январе. Возникает естественная мысль — а не съездить ли нам в Варшаву за гонораром?

Конкретно вот что получается: Людочка Козинец сейчас уехала на семинар ВТО в Ислочь. Как видно, Славомир там тоже будет (Пищенко его пригласил). Я попросил Людмилу поговорить со Славомиром насчет задержки нашего гонорара в Польше и насчет нашего приезда. Она это сделает, но — она в сентябре была в Польше, и говорит, что из-за инфляции все эти гонорары становятся настолько копеечными, что нет никакого смысла за

{176} Комментарии: 176

Кендзиерский (правильно — Славомир Кендзерский) — польский прозаик, переводчик.

ними ездить — на ресторан не хватит. А сейчас инфляция еще пуще.

В общем, пусть Славомир скажет свое весомое слово на этот счет.

Киевская газета «Великое кольцо», которая на все 100 % (по сентябрьским прогнозам) должна была выходить с Нового года — выходить не собирается. Нет помещения, нет счета, нет бумаги, нет закона о печати, а есть суета и пустое место. М. б. к весне-лету все же газета появится.

«Игрушки»{177} у меня.

Кроме этой газеты, я хочу показать твои «Игрушки» Иванченко в симферопольском «Варианте» — опять же, херня в том состоит, что и сие колесо очень медленно и туго раскручивается. С превеликими трудами ушли в печать две книжки (одна — Чейза, вторая — сборник НФ «Огонь в колыбели» (Иванченко, Астахова, Клугер, Козинец, Тибилова, Логинов и еще три-четыре автора). Забыл, Штерн тоже… Сборник этот очень неровный, но сильнее ВТОшных), третья книжка зависла

{177} Комментарии: 177
Рассказ «Игрушки детства».

между небом и землей (между издательством и типографией — бумаги нет), а четвертая и пятая (Шекли и что-то еще) вообще не могут выйти из состояния грязных машинописных экземпляров. Принята (её сейчас сокращают!!!) повесть Шекли. Вот народ.

Гена, мы с тобой очень хорошие писатели! — это ужасно.

Гланц молчит. Она (из Вильнюса) молчит. Что-то будет с нашими туманами в ботинках?{178} Зря трудились?

Обнимаю.

Подождем польских новостей.

Твой

Б. Штерн.

{178} Комментарии: 178

Рассказы, одинаково названные, но написанные тремя разными авторами (Б. Штерн, А. Гланц и Г. Прашкевич) в конце концов сошлись под одной обложкой в сборнике «Волго-кон-1» (Волгоград, 1993).

А. М. БИРЮКОВ

18.10.1990

Дорогой Гена!

С нетерпением жду твой «Апрель»{179}, но пока его нет. А ещё я упорно напоминаю тебе о твоей замечательной фантастической книге, которая так же была обещана мне когда-то — или не сохранилось ничего?

Пребываю в каком-то мрачном промежуточном состоянии — только что закончил пьесу, которая, по всей вероятности, не получилась. Перечитал тут одну давно оставленную тягомотину листов на 12 — жуть, а я-то думал, что там что-то путное. Перечитал ещё одну — ещё больший кошмар. Увы мне, увы! И не знаю, чем заняться, так как в издательстве родном уже лежит рукопись листов на 25, а больше и посылать некуда. Видно, придётся за новую пьесу садиться, хотя и она никому не нужна. Но делать-то что-то

{179} Комментарии: 179
Геннадий Прашкевич. «Апрель жизни» (Новосибирск, 1989).

надо. И в такой вот невесёлой ситуации приходят твои нежные письма. Такое спасибо тебе за них, дорогой. А все твои стихи, присланные мне, я храню. И рад буду, если пришлёшь что-то ещё. Пришли голубчик, а?

А вообще, как мы будем жить дальше, не знаешь? У нас в области ничего своего, кроме золота, олова и рыбы. Нам так легко кислород перекрыть. Вот пишут в газетах, что Приморье отказывает нам в угле (а городская ТЭЦ работает только на привозном угле), с будущего года якобы замерзать начнём. Тебе не напоминает это год 17-й, 18-й и дальше. Много дальше. Ах, дядя, бедный дядя! — так, кажется, у Чехова. — Мы будем долго и упорно работать, а потом увидим небо в алмазах, и нам станет хорошо. Так будем жить, а то что нам ещё остаётся?

Поклоны твоей семье.

Твой Бирюков.

ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ

Белград, 20, V, 1990

Дорогой Геннадий,

Огромную радость мне доставило ваше письмо — и последнее, и вообще каждое. Когда читаю ваши нежные, ласковые слова, чувствую себя совсем как в молодости. Вы или такой оптимист, или нарочно, только для меня, делаете себя оптимистом, уверяете, что я ещё, может быть, прилечу в Новосибирск, или вы побываете у нас в Белграде. Но это звучит так, что будто мы ещё встретимся… на какой-то другой планете…

Шлю вам журнал с напечатанными в нём стихотворениями новосибирских поэтов (ваших там — два). А вам спасибо, что мои стихи любите и стараетесь перевести на свой прекрасный русский язык.

Прошу вас, дорогой Геннадий, переписать своей рукой (от руки) одно свое стихотворение с посвящением: «югославским молодым поэтам» Я это стихотворение переведу и напечатаю в нашем

факсимильном «Журнале поэтов». И пришлёте своё фото.

Хорошо, что советская делегация приехала на похороны нашего председателя.

Думаю о вас часто.

Ваша

Десанка.

И. О. ФОНЯКОВ

29.06.1990

Дорогой Гена!

Прости, что в безумии и круговерти нашей жизни не смог сразу ответить на твои «Посвящения»{180}. Я рад их появлению — уже потому, что тебе удалось издать их. Ведь сейчас это почти невозможно. Я всерьёз думаю, что у меня, наверное, книг уже не будет. Ну, может, одна, случайная, чудом выскочившая, да и то под большим сомнением. Самое страшное (и странное), что не так уж страстно и хочется. Другие правила игры, другая конкуренция, в которых не очень тянет участвовать. Не говорю, что прежние правила были идеальны — куда там! Но я их по крайней мере знал. А стихи, между прочим, пишутся, даже выскакивают на страницах наших умирающих, еле дышащих журналов.

{180} Комментарии: 180

Геннадий Прашкевич. «Посвящения». Книга стихов. (Новосибирск, 1992).

Твою книгу прочёл с удовольствием. Ты знаешь, что прозу твою (и переводы!) я всегда ставил выше твоих стихов. На сей раз не то, чтобы заколебался, но… как-то заново почувствовал, что в самой сути своей, в сердцевине ты всё-таки поэт, а прочее — производное. Порадовало разнообразие ритмов, даже внешнего рисунка стихов — это очень свежо глядится сейчас, когда у многих всё так окоченело и стандартизировалось. И есть тепло, есть романтика чувств, — оказывается, без неё, пресловутой, очень трудно жить на свете.

Желаю тебе всяческого добра.

Искренне твой

Илья.

PS. Замира Ибрагимова{181} кое-что рассказывала мне о нынешнем новосибирском литературном круге. Сочувствую и понимаю.

{181} Комментарии: 181

Ибрагимова Замира Мирзовна (род. в 1938 г.) — журналист, прозаик, драматург, сценарист. Окончила ЛГУ, член СП СССР. Лауреат премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского.

Ю. ВАЙТКУС

Директор вильнюсского издательства «Vyturis», издавшего (на литовском языке) книгу моих научно-фантастических повестей под общим названием «Vilkolakis» («Оборотень»). В книгу вошли: «Обсерватория Сумерки», «Итака — закрытый город», «Шпион в юрском периоде», «Только человек» и «Разворованное чудо». Эйфорию первых лет перестройки сейчас передать трудно, ещё труднее — объяснить.

Вильнюс, 6.06.1990.

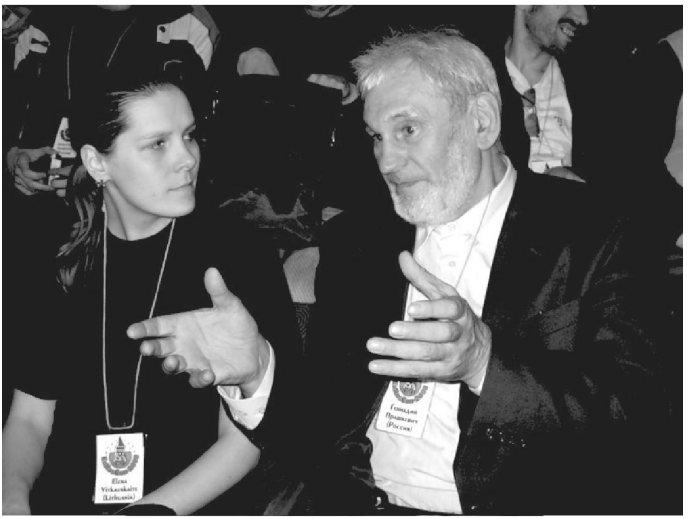
Уважаемый Геннадий Мартович!

Приятно чувствовать плечо друга в нелёгкую минуту. Сердечно благодарим Вас за благородный поступок. Ваше желание перевести причитающийся Вам гонорар детскому дому исполнено. Желаем Вам новых творческих успехов.

Директор

Ю. Вайткус.

ОНА МИЦКЯВИЧЮТЕ



С 3 по 9 сентября 1989 года в поселке Коблево (Николаевская область, УССР) прошёл первый международный конгресс любителей фантастики социалистических стран — Соц-кон-89. Участвовали в нём представители семидесяти клубов любителей фантастики (КЛФ) из пя-

тидесяти двух городов СССР, а также гости из Болгарии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. Там мы (Боря Штерн, Толя Гланц и я) познакомились с журналисткой из Вильнюса Оной Мицкявичюте. Это она уговорила нас написать фантастический рассказ под (одним для всех) названием «Туман в ботинке» («Туман патинки»). Предполагалось, что именно Она и издаст книжку в Вильнюсе, но этого не случилось, скоро всем в СССР стало не до фантастических книжек. Наши рассказы сошлись под одной обложкой только однажды — в сборнике «Волга-кон-1», изданным (без каких-либо выходных данных) в 1993 году в Волгограде. Отдельно рассказы печатались в разных местах: мой — в Новосибирске, в Москве, в Нью-Йорке, рассказ Бори Штерна — в Киеве и в Одессе, Гланца — в Израиле.

Вильнюс. 25.07.1990

Уважаемый пан Геннадий!

Не знаю, какими словами просить у Вас прощения за столь длительное молчание. Должна сказать, что в этом никакой Вашей вины. Это, если честно, давила вся обстановка, и было, как в старом анекдоте, не до грибов. Теперь как-то стало

спокойнее, назад возврата уже нет. Надеемся, что с большевизмом покончено.

Но не об этом хочу говорить.

Во-первых, Вы уже знаете, что вышла Ваша книга «Вилколакис», только не знаю, получили Вы её или нет. Если нет, то смогу выслать, но мне кажется, что моё бывшее издательство «Витурис» само должно было Вам вашу книгу (5 экз.) выслать. Надеюсь, что они так и поступили. А может, Римантас выслал…

Во-вторых, собираетесь ли Вы на Соцкон-90 в Болгарию?

Думается, это будет последний «кон» «развитого социализма», интересно посмотреть. Я бы очень хотела, но не знаю, как будут обстоять дела с левами. И ещё — начнётся у нас переход к литовским деньгам… Так что, не знаю, на какие шиши придется ехать и чем взнос платить…

Ну, что Вам рассказать?

Улицы у нас воняют газом, сами понимаете. Блокада вроде бы закончилась, но фактически продолжается. А так мы живём нормально, всё нормализуется, есть правительство, есть законы, новая

полиция, положение стабилизируется, будем надеяться, что военный переворот в России не произойдёт. У нас все в восторге от Ельцина, что он ушёл из Компартии, вышла его книга на литовском и — огромным тиражом — на русском. Он часть своего гонорара передал в фонд восстановления экономики Литвы. И вообще, как у нас говорят, мы дружим и будем дружить с Россией Ельцина, а не с Москвой капеесевцев. Наши местные «еесеевцы» усиленно мутят воду, ведут чёрную пропаганду, их послушать, так улицы Литвы полны трупов — и всё русских; но на самом деле ведут себя нахально, вызывающе и злобно именно русские, а особенно — военные. Митингуют, печатают листовки, агитируют, призывают с оружием в руках защищать достижения социализма и партии. Известно, что военные организуют группировки, раздают ворованное с военных складов оружие «надёжным людям». Так что, ещё не ясно, на что и кто их может толкнуть, если захочет.

Самое главное, что от нас много людей

уезжают, и как раз уезжают умные толковые люди, которые не хотят, чтобы к ним плохо относились, а плохо-то относятся не из-за поведения их, а тех, о которых я писала, эти-то не уедут, они «с оружием». Вот так вот нам интересно жить: тут и «дружба народов» и ещё много прекрасного. Стараемся не обращать внимания на всякие провокации, мило улыбаемся, редко даём в морду тем, кто заслуживает этого.

Да ладно, что я Вам рассказываю, сами понимаете.

Лучше расскажите мне в письме, как там перестройка у Вас происходит. Дошла ли она до Вашей родной Сибири? А до литературы? У нас образовалась куча хороших газет и журналов, восстановлены старые «Северные Афины», «Северный Ерусалим» (на четырёх языках), выходит много книг и переиздания довоенной литовской классики и эмигрантской литературы, и залежавшиеся в столах рукописи. Чтива — хоть отбавляй. Знаю, что и в России происходит то же самое. А у Вас? Если есть какое-то оригинальное

издание — газета, к примеру — мне было бы интересно что-нибудь такое получить и прочитать. Если, конечно, Вам это не составит труда.

И ещё — я хотела Вас покритиковать. У Вас настоящий талант, а пишете Вы, извините, в угоду родной большевистской пропаганде, во всяком случае, то, что вышло на литовском, у человека, который ничего больше Вашего не читал, может сложиться такое впечатление, что Вы прекрасный слуга ненарода. Критикую (видите, какая вредная), но честно признаюсь — любя… Просто хотелось бы, чтобы умные, талантливые люди не тратили энергию и талант попусту… Только не сердитесь, что такая (по сравнению с Вами) зелёная пытается Вас учить. Честно признаюсь, если человек мне безразличен, то мне и его моральная, и этическая позиция безразлична, а вот по отношению к Вам ничего такого сказать не могу. Вы какой-то большой и хороший, и Ваша подпись шутливая мне нравится…

Это письмо буду писать длинное-длинное, чтобы Вы простили меня за молча-

ние.

Что вам ещё рассказать... Ну, вот наш клуб собирается издавать настоящий фантастический журнал. В общем — стали хозрасчетной фирмой, собираемся брать ссуду, покупать бумагу и издавать сборники и журнал. У нас теперь, как на западе: если сможем, сделаем, будут покупать, выдержим конкуренцию, будем жить, а если окажемся ослами, то туда нам и дорога. Планы есть интересные, но некому работать, ведь все мы, фантасты и сочувствующие им товарищи, имеем свои занятия, работу, семьи, некогда — да и нет опыта такой работы.

Ну, что ещё? Сегодня Литва потеряла одного фантаста. Уехал писавший на русском языке Ефим Плавин. Еврей. Эмигрировал в Израиль. Говорят, что в этой стране нет писателей-фантастов. Удивляюсь, разве такое бывает, они что — мечтать не умеют? Но есть сведения, что с фантастикой там плохо. Все евреи — реалисты. Теперь у нас остался только один русский фантаст — Станислав Соловьёв, пишет бойко и много, но мало

публикует, он инженер, ему некогда заниматься литературой. Он у нас в клубе фантастов, а еще рекомендовали его в секцию молодых писателей при русской группе писателей Литвы. Он ездил куда-то в Ленинград, может, зацепится…

Так вот и живём.

Недавно выяснила, что меня приняли в Союз журналистов Литвы — как-никак работница печати. Теперь придётся платить взносы, а толку-то — кот наплакал. Этих журналистов у нас, как собак нерезаных. Будет ещё одна.

Ну, будем надеяться, что я Вам ещё не надоела.

Будьте здоровы, всяческих Вам благ, творческих успехов.

Если есть желание, прошу мне написать, обязательно отвечу, и безотлагательно.

С уважением,

Она.

РИМАНТАС ВАНАГАС

14.09.1990

Привет!

Вот и закончилось лето.

Вот всё опять возвращается в старое русло.

Летний хаос, выезды, приезды, гости, свадьбы — позади.

Заканчиваю перевод прекрасной повести В. Ерофеева «Москва — Петушки». Для меня она — шедевр. Чуть не перешёл на другую работу — вовремя остановился. Решил: зачем мне деньги? Лучше буду писать то, что ближе к сердцу. Наш журнал уже давненько опубликовал моё интервью с тобой, только я, как всегда, всё не находил возможность выслать номер. Наконец, высылаю.

Положение у нас весьма странное. Как, кстати, и во всей Европе, во всём мире.

Собираюсь ехать на Ближний восток, но, когда получу билеты — неизвестно.

Вот на сей раз всё.

Живи — и пиши!

Rimas.

А. М. БИРЮКОВ

Ноябрь,1990

Здравствуй, дорогой товарищ Гена!

Прими мои, как всегда, запоздавшие поздравления и всегда самые горячие пожелания. Что-то и по телефону голос у тебя был невесёлый, да и письмо — записка усталого человека. Что там тебя так укатало? Надеюсь на подробное изложение успехов, побед и поражений, конечно. А без них — как? Даже странно представить, что их, последних, может не быть. Тем более нет оснований грустить, что и пишешь ты, и издаёшься.

Я, значит, уже больше года веду вольный образ жизни. И очень им доволен. Главным образом потому, что за один оный год я написал в два раза больше, чем за все семь лет работы в издательстве. Написал повесть (эскиз к роману — жанр определён так) «Сладкая отрава, лёгкая болезнь», для себя рекордную по объёму — 12 л., написал несколько больших рассказов, и маленькие тоже писал.

В общем, тут вроде порядок, хотя повесть не читала ещё ни одна душа и что там получилось — бог весть.

Немаловажно, что досуг и необремененность службой позволили покончить со многими иллюзиями, освободить голову, но с ней, свободной, иногда так тошно бывает, такая жуть встаёт изо всех углов, и никаких надежд — ни на что. А ведь ещё и порохом воняет просто. И тогда думаешь: «Господи, а зачем тогда всё? И кому это несчастная повестуха моя нужна сейчас? Ну, жили мальчики и девочки тридцать лет назад, ставили какой-то спектакль, выступали на каких-то концертах, примеривались к этому миру. Ну и что? Об этом ли думать сейчас?»

В общем, есть у меня листов тридцать, которые, как говорится, и ни туды и ни сюды. Про себя думаю, что так и надо, а вот со стороны-то как…

В общем, твой
А. Бирюков.

Декабрь 1990, Магадан
Дорогой мой Геночка!

Я готов жить в нищете, не пить, не есть и не видать красивых женщин. И пусть меня даже вообще не печатают. Только бы получать твои замечательные письма. Нет, конечно, не такой уж я безудержный фантаст, чтобы не понимать, что и на десять процентов не соответствую твоим вдохновенным строкам, но… хожу, как дурак, целый день по квартире, благо в соплях и на улицу хода нет, перечитываю твоё письмо, и счастлив.

Спасибо тебе!

Мы с тобой должны были прорваться, потому что умеем работать. Это главное, а всё остальное — проходит. Пусть наши добрые читатели судят, что у нас получилось, а энное количество томов мы для них припасли. Не правда ли? И тут я очень скорблю (а не только оправдываюсь), что всё ещё не получил я «Апрель жизни», как это ни странно, до этого ведь всё доходило. Да, ещё видел недавно в «Сибирских огнях» начало твоей какой-то исторической повести{182}, и, подивив-

{182} Комментарии: 182
«Носорукий» («Сибирские огни», № 7, 1990).

шись необузданности твоих устремлений, отложил, чтобы читать, когда уже придёт всё до конца. А вот «Апреля» нет. Так что, дошли, голубчик! И ещё за тобой, княгиня, карточный должок! — та самая, пущенная под нож книга с «Великим Краббеном». Поди, надеялся, что я забыл?

Отнёс я в издательство ещё год назад новую рукопись и ещё одна завершается листов под тридцать. А, кроме того, несколько лет назад я начал писать пьесы. Написал уже три с половиной (половина — инсценировка повести, да ещё под двумя фамилиями, она поставлена весной этого года на нашей сцене, но сделана плохо).

Но это всё сейчас не главное. А главное то, что уже месяца три с лишним я сижу в архивах нашего НКВД над старыми уголовными делами — делами бывших наших литераторов. Я тебе об этом рассказывал, кажется. И даже просил поискать в Вашей областной партийной газете следы Ханы Прониной, она работала в «Сов. Сибири» с 1946 года. У них должны быть старые дела на сотрудников. А мне про эту

тётку всё интересно, потому что её судьба странным образом пересекалась с судьбами В. Португалова и Е. Владимировой. Посмотри или попроси замечательную Фролу{183} (мне почему-то кажется, что она лучше сумеет к кому надо подлизаться). Томе я книжку пошлю, как только разделаюсь со своей простудой.

А пока я тебя горячо обнимаю,
кланяюсь твоим домашним,
будь здоров, мой дорогой, спасибо тебе —

Бирюков.

{183} Комментарии: 183
Тамара Фролова — редактор издательства (Новосибирск).

А. Н. СТРУГАЦКИЙ

13.01.91{184}
Дорогой Генка!
Мы тебя любим.
А.Стругацкий
Лена

С Новым годом!

{184} Комментарии: 184
Новогоднее поздравление от Аркадия Натановича и его жены Елены Ильиничны.

Н. П. БАРБАРИГО

Редактор издательства Интербук (Совместное советско-югославское предприятие) в начале 90-х годов прошлого века. До сих пор помню прекрасные её проекты (ах, почему этого не случились!) — издать все романы и повести Прашкевича, даже снять фильмы по ним. Не получилось. В Интербуке, в серии «Классическая библиотека детектива, приключений и фантастики» вышел только один том — из задуманных семи.

Москва, 7 февраля 1991

Здравствуйте, уважаемый Геннадий Мартович!

К Вам обращается редактор издательства «Интербук», работающий над Вашими произведениями. Зовут меня Надежда Петровна, фамилия — Барбариго. Возраст у нас, по-видимому, примерно одинаковый.

Когда в сентябре я сделала первые Ваши вещи — «Кстати о Сказкине», «Великий Краббен», «Итака — закрытый город», «Ловля ветра» и т. д., я приехала на встречу с Николаем Даутови-

чем{185} в полном восхищении от Вашего таланта. Постаралась расспросить о Вас поподробнее. Он рассказал всё, что мог. «Да он где-то сейчас в Прибалтике на семинаре находится. Будет ехать через Москву, зайдёт в издательство, я непременно скажу, что Вы желаете с ним познакомиться».

Я: «Наверно, Коля, в книге можно было бы дать о нём биографическую справку?»

«Да, конечно. Вот познакомитесь и напишите о нём».

«Коля, кроме этого, у меня есть деловое предложение ему, и Вам — издательству».

«Вот поговорите с Прашкевичем».

Я ждала, надеялась, что увижу Вас и о своих предложениях скажу.

Мне чрезвычайно понравились повести «Великий Краббен», «Итака — закрытый город», «Фальшивый подвиг», и я сразу подумала, что вполне возможна с такими произведениями дальнейшая работа (я — кандидат философских наук, член СЖ СССР, работаю в изд-ве МГУ). Когда пришла в следующий раз, Николай сказал мне: «Прашкевич был вчера. Замотанный после семинара. Коньяк принёс. Я уж не стал ему давать Ваш

{185} Комментарии: 185
Саркитов Николай Даутович — главный редактор издательства.

номер телефона».

Я была очень огорчена.

А вчера он (Николай) попросил меня немедленно отредактировать статью для предисловия к вашей выходящей книге (рассказов и повестей)[{186}], и я увидела, что моему замыслу — написать о Вас — пока, видимо, не дано сбыться. Высылаю Вам указанный материал — он будет для Вас, наверное, любопытен. Но всё-таки, на мой взгляд, это работа сделана в спешке.

Сейчас я редактирую Ваш том «Первые сибиряки», и, возможно, к этому тому тоже потребуется предисловие. Я выполнила бы этот труд с огромным творческим и человеческим удовлетворением.[{187}]

Жду от Вас ответа.

{186} Комментарии: 186

Николай Гацунаев. «Белый лось, полосатый верблюд, или признание в любви».

{187} Комментарии: 187

К сожалению, как я уже говорил, в Интербуке вышел только один том. Ещё три или четыре были подготовлены (в том числе «Первые сибиряки», к которому Нина Петровна написала прекрасное предисловие). Я аккуратно вычитывал корректуры, исправно наезжал в Москву за авансами, дивясь: деньги дают, а книги не выходят. Это касалось не только издательства Интербук. В сентябре этого года (2020), разбирая архив, я наткнулся на целую пачку старых договоров.

Ташкент, изд. им. Гафура Гуляма (4.2.1988). Сергей Беляев, «Властелин мира», составление — 25 авторских листов (30 руб. за лист).

Новосибирск, ЛИА «ЭХО» (20.08. 1989). «Носорукий» — 23 а. л. (1100 руб. за лист).

Новосибирск, Новосибирское изд-во (18.11.1989). «Костры миров» — 20 а. л. (400 руб. за лист).

Свердловск, журнал славянской фантастики «Орфия» (6.5.1990 года). «Виртуальный герой» — (в переводе на английский — 240 дол.).

Москва, изд-во Интербук (15.2.1990). «Костры миров» — 28 а. л. (1200 руб. за лист; при издании массовым тиражом доплачивается — 400 руб. за каждый лист).

Омск, изд-во «Любинский проспект (1.6.1990). «Школа гениев» (в соавторстве с В. Свиньиным) — 6.5 а. л. (600 руб. за лист).

Челябинск, филиал АО «Авеста» (9.2.1993). «Носорукий», «Четвёртый крестовый поход», «Кормчая книга», (сумма вознаграждения — 30 000 руб.).

Екатеринбург, фирма «Грегор» (3.2.1993). «Анграв-VI», «Костры миров», «Парадокс Каина», «Демон Сократа», «Кот на дереве», «Агент Алехин» (100 руб. за каждый выпущенный экземпляр книги).

Нижний Новгород, издательство «Флокс» (27.7.1994), I-й том: «Костры миров», «Демон Сократа», другие повести, II-и том: роман «Путешествие на край ночи». 20 листов каждый том. (При подписании договора — аванс в размере 500 000 рублей).

И так далее, и так далее.

Только, глядя на все эти цифры, не стоит строить иллюзий: инфляция… банкротства… невыполненные обещания… Всё, как всегда…

Мне можно позвонить по тел. 433-44-03 (дом.) с 8 утра до 23 часов московского времени. Мои присутственные дни на рабочем месте — понедельник, вторник, ухожу в 8.30 и возвращаюсь к 19.00.

Н. Барбариго.

Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ

7.01.91

Дорогой Гена!

Сегодня — Рождество Христово, праздник, снова входящий в нашу жизнь. На душе как-то печально, и в то же время просветлено. Давно уже душа освободилась от осточертевших догматов, а ведь для ее наполнения заново нужна еще одна жизнь — где же ее взять? Надо что-то делать с той, что осталось дожить. После смерти моей Лиды я не надеялся выжить. Полвека любви — не шутка, не каждому человеку такое выпадает. И, конечно, правильнее было бы уйти вместе с ней (как когда-то вместе ушли Цвейги). Не хватило духу. Нам хотелось состариться вместе. Но с судьбой не поспоришь. Что же делать с остатком жизни, да еще в разваливающейся стране среди ожесточившихся людей? Не знаю.

Внешне — как-то наладилась жизнь. Я женился на женщине немолодой, любящей меня. Снова начал работать, то

есть писать. Но душа постоянно полна печали. Год назад, когда я лежал на операционном столе и меня взрезали, как консервную банку, я отчетливо увидел в черной космической пустоте ярко освещенное пятно и поднялся к нему, там были люди, вернее, неясные фигуры в белом, и я знал, что там — моя Лида, и я не то чтобы услышал ее голос, а просто до меня дошло: нет, еще рано. И тут я услышал уже явственно: «Е. Л., проснитесь, операция давно закончена». И я проснулся.

Был ли это просто сон? Или не просто? Не знаю.

Наверное, я пишу Вам все это потому, что Ваше письмо очень меня тронуло. Хорошее, искреннее письмо. И я от всей души благодарен Вам за него, хотя понимаю, конечно, что Вы несколько «пережимаете» в оценке моего романа{188}. Но в главном — в понимании треугольника главных событий (я их определяю, как «трое в одной лодке») Вы совершено правы.

{188} Комментарии: 188
Евгений Войскунский. «Мир тесен». (Москва, 1990).

Да, Лида прочла всю рукопись. Успела. Ей нравился роман.

Будет ли еще книга? Если Бог даст время и силы, то, возможно, будет. Сейчас у меня в работе повесть, которую надеюсь закончить к лету. А потом — потом надо приниматься за третью книгу. Полвека нашей любви взывают к ней. Чувствую необходимость для этой огромной работы наполнения души, но много, много еще надо обдумать — в частности, форму…

Мне еще потому так дорого Ваше письмо о моей книге, что теперь почти никто книг не читает. Читают газеты, журналы, «горяченькое». А толстую книгу мало кто раскрывает. Такие времена.

А от Вас жду обещанную книгу. Мне запомнились люди Огненного кольца, и Колька Зырянов очень запомнился{189}. Вы равно хорошо и живо пишете и фантастику, и реальную прозу. И я от Вас многого жду.

Еще раз спасибо за прекрасное письмо. Привет Вашей семье.

{189} Комментарии: 189

«Эти вечные, вечные вопросы!..» (Новосибирск, 1979) и «Трое из Тайги» (Новосибирск, 1984).

Обнимаю дружески —
Е. Войскунский.

СЛАВОМИР КЕНДЗЕРСКИЙ

Варшава. 12.02.1991

Дорогой Гена!

Мне очень стыдно, что ты так долго ждал моего письма, но работа захлестнула меня с головой и честно сказать, даже Рождество и Новый год были у меня чуть ли не рабочими днями. Но всё равно между друзьями это непростительно. Всё-таки, надеюсь, простишь. Как видишь, я уже наловчился писать на моём компьютере и даже научил его писать по-русски. Работы у меня, слава богу, много, но немножко поменялась моя специальность и теперь я, прежде всего, перевожу с английского для частного издательства. Прежде всего, это детективы и приключенческие вещи — с фантастикой пока дело обстоит хуже. Даже на переводы из английского спрос стал не таким, каким был несколько лет назад. Заработок неплохой и платят быстро, но жмут со сроками страшно. Но книгу издают молниеносно. Получив книгу на перевод в

середине января, перевод начал в феврале, а книга вышла уже в августе. Вышло пять моих переводов и три в «кооперативе» (это когда одну книгу переводят несколько человек). Заработал неплохо: купил несколько нужных вещей, в том числе компьютер, но и налог заплатил — дай Бог здоровье.

Но вижу, что хвастаюсь до неприличия, а ведь не всё получилось так, как хотел. Прежде всего, оборвалась связь с Союзом. Мы теперь редко переводим с русского, книг и в помине нет, приглашать к себе в редакцию не можем, так как в гостиницах обдерут как липку, а ведь мы на своём расчёте, и пока редакция живёт по принципу — из руки в рот. Конечно, жалко, но что поделаешь?

Что у тебя? Как живёшь? Что делаешь?

Честно сказать, я очень переживаю за всех вас. Ситуация напоминает мне восемьдесят первый у нас, когда я сидел в Великобритании и по телевидению смотрел известия из Польши. И снова боюсь за близких мне людей и ничем не могу помочь.

А к тому же и на связь положиться нельзя. Ведь до твоего письма к Рождеству, которое, кстати, получил во второй половине января, я не получал от тебя писем очень долго. Ты меня очень обрадовал тем, что мой перевод понравился{190}. Надеюсь, придёт пора и будет следующий. Но смотри, какая дурацкая история, я бы хотел получить от тебя и от Бори ваши новые книги, но снова получается, что если их кто-то не привезёт, то я их не получу. Ведь я даже не получил книгу со своим очерком о польских привидениях…

А вообще у меня есть предложение к тебе. Сможешь посылать раз в четыре месяца в наш журнал{191} несколько слов? — две-три странички — о советской фантастике. Конечно, гонорар будет. Если захочешь, переведём на валюту.

Не обижайся на меня. Моё молчание — от переутомления. Пиши.

{190} Комментарии: 190

Ogniska światów; Szalony król/G. Praszkiewicz; B. Sztern. Warszawa: Sigma-not, 1990. В книгу вошли моя повесть «Костры миров» и рассказ Бориса Штерна «Сумасшедший король».

{191} Комментарии: 191

«Фантастика» (Варшава) — один из лучших в Европе журналов по фантастике, на то время.

Обнимаю.
Славомир Кендзерский.

А. И. АФАНАСЬЕВ

Афанасьев Альвиан Иванович (1931–2010) — инженер, социолог, выходец из старообрядческой семьи (отсюда его необычное имя). Окончил Черногорский горный техникум (1950), с 1961 года работал в Якутии (трест «Якутзолото»), участвовал в разработке проекта «Город под куполом».

С 1965 года учился в Иркутском государственном университете, окончил его как «социолог-прогнозист» (без диплома). Приехал в Новосибирске, чтобы выжить работал подсобником на заводе железобетонных изделий. Не попав ни в один из занимающихся историей или социологией научно-исследовательских институтов, в 1975 году вернулся в Минусинск, где, выйдя на пенсию, занялся самостоятельными исследованиями, которые, конечно, привлекали внимание, но далеко не всем казались убедительными.

Вот два письма (из многих) полученных Афанасьевым от его оппонентов.

«Рим, 18 марта 1983

Уважаемый сеньор Афанасьев.

Ваша концепция перехода человечества к формации постиндустриального общества глубоко взволновала меня. Она могла бы стать сенсацией мировой науки. Но при одном обязательном условии. Если бы Вы указали те социально-политические силы в чьих интересах реализовать вашу методическую перспективную стратегию. Увы, мне лично выполнить это решающее условие тоже оказалось не по силам.

С уважением — А. Печчеи».

(Для справки: Аурелио Печчеи (1906–1984) — итальянский учёный и общественный деятель, основатель и первый президент Римского клуба, исследовавшего глобальные модели развития человечества. Автор многих прогностических и научно-популярных работ, переведённых на многие европейские и азиатские языки.)

«Москва. 8 марта 1985

Уважаемый Альвиан Иванович,

Вообще говоря, Вам пришла счастливая для каждого писателя-фантаста мысль обратиться к тем научным категориям, которые способны придать прелесть свежести изъезженным сюжетам фантастики — в данном случае, к таким законам диалектики, как отрицание отрицания, борьба противоположностей и др. а также к весьма перспективному научному методу исторических аналогий. В устах (или под пером) любого из героев научно-фантастического романа излагаемые Вами положения могли бы стать прямо-таки захватывающими. Но тут же потребовалось бы, разумеется, в той или иной форме авторское отношение к излагаемому. Что касается Ваших текстов, то создаётся впечатление, что они идут от первого лица, т. е., что сам автор разделяет или выдвигает подобную точку

зрения. Это, конечно же, приводит в недоумение.

Дело в том, что поднимаемые Вами вопросы веками обсуждались в соответствующей литературе. В частности, существует гора литературы по детерминизму, из которой явствует, что будущее вовсе не предопределено наперёд в деталях какими-то естественными или сверхъестественными силами, что оно определяется диалектическим единством объективных тенденций (закономерностей) и субъективных усилий людей, что попытки безусловных предсказаний (типа делаемых Вами) вызывает эффект так называемого самоосуществления или саморазрушения прогноза («Эффект Эдипа») и что, в отличие от Тацита, каковы бы ни были его помыслы, современное человечество — тем более, вооружённое марксизмом-ленинизмом — не будет сидеть сложа руки в ожидании любого напророченного ему будущего и безусловно не потерпит никаких пророков.

Короче говоря, в моём поле зрения не имеется ни одного рецензента, и тем более редактора, который дал бы «добро» на публикацию столь сенсационных (мягко говоря) для марксистской литературы вещей. Для большей объективности такой оценки я попробую дать почитать Ваш

текст нескольким наиболее либеральным из них. Но заранее предоставляю их реакцию. (Приписка на полях, видимо, письмо некоторое время лежало на столе автора неотправленным: «Да, реакция резкая».)

Впрочем, судя по Вашему письму, Вы уже с кем-то договорились о публикации. Тогда спора нет — это, действительно будет самая сенсационная публикация за последние десятилетия. Но последующая оценка опубликованного в духе сказанного выше, по моему мнению, неизбежна. Я бы всё же предпочёл вложить такого рода положения в уста литературных героев.

С уважением, И. Бестужев-Лада».

(Для справки: Игорь Васильевич Бестужев-Лада (1927– 2015) — советский и российский историк, социолог и футуролог, специалист в области социального прогнозирования и глобалистики. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, Лауреат золотой медали Н. Д. Кондратьева — за выдающийся вклад в развитие общественных наук.)

В начале 90-х годов мой близкий друг Владимир Борисов, один из самых внимательных исследователей фантастики, в своём родном Абакане в

городской газете вёл постоянную рубрику: «Большой Всепланетный Информаторий — БВИ».

Дальше слово самому Володе (из письма, адресованного мне).

«Однажды в редакцию приехал странный человек из Минусинска, который сказал, что он знает, что будет в ближайшие 2000 лет, может посоветовать, что делать в ближайшем и в далёком будущем. Естественно, из редакции его отправили ко мне. Ему было чуть за 60 в то время, но его энергии хватило бы на десяток пенсионеров. Худощавый, стройный, весьма подвижный, общительный, он подрабатывал дворником, а также тем, что распространял разную публицистику того времени — журналы, брошюры. Ездил в электричках и автобусах, рассказывал и продавал. Мы договорились, что он принесёт статью о 21 веке. Статью он принёс, и не одну, я их опубликовал в своей рубрике. Он рассказал, что пишет большой роман. Принёс. Я покритиковал, он его очень быстро переписал, и в 1995 году мы опубликовали в Абакане в издательстве «Центавр» книгу А. Афанасьева «Третий виток спирали: Роман о третьем тысячелетии. 22-й век»). Альвиан Иванович активно занялся распространением этой своей книги и продал весь тираж за полгода. Потом

наши связи как-то увяли. Знаю, что он активно печатался в минусинской печати, писал стихи, написал роман о своей жизни».

Вот Володя Борисов и дал Альвиану мой домашний адрес.

«Мечтатель и фантазёр, Дон Кихот и Рыцарь Печального Образа, чудак, неудачник и в то же время суровый и непреклонный пожизненный фанатик гражданского долга» — так говорил Альвиан о себе.

И нисколько не ошибался.

Минусинск. 30 июня 1991

Добрый день, Геннадий Мартович!

Считаю своим долгом поделиться с вами некоторым опытом в реализации нашей с вами общей мечты. А главное, спросить совета — а что дальше?

Перед Вами книга о третьем тысячелетии. Первая глава в ней — ваша{192}. Я издал её за свои деньги. Отдал 15 млн. и получил на руки все 3000 экз. И лично продал большую часть. Всего за полгода.

{192} Комментарии: 192

Книгу Альвиана Афанасьева «Третий виток спирали» открывало моё обширное предисловие: «О, счастливчик! Повесть об авторе этой книги».

Продал здесь в крохотном захолустном Минусинске, где всего 60 000 жителей. В городе пенсионеров, которые уже два месяца не получают пенсии. В городе, где основные работающие — врачи, учителя и прочие бюджетники — уже 5 месяцев не получали зарплаты.

Рискну привести ещё несколько цифр. Если поделить 60 000 жителей на 3 000 экземпляров, то получится, что книгу купил каждый двадцатый житель Минусинска. Представьте себе, если бы такой же результат достигнуть в миллионном Новосибирске? А если представить себе УЛУЧШЕННЫЙ вариант книги? Если под одной обложкой будут сразу все три книги «Третьего витка спирали», что резко улучшит художественные достоинства моих опусов? Точнее — общее впечатление от книги. А если к тому же вместо вот этого дерьма, что вы видите перед собой, сделать настоящую обложку, чтобы придать изданию товарный вид?..

Впрочем, сначала о том, КАК, какими приёмами был достигнут тот результат в Минусинске. Я довольно эффективно

использовал великолепный приём АО МММ. То есть выпустил по местному ТВ в программе «Новости» несколько неплохо сыгранных местными артистами картинок. Только вместо Лёни Голубкова и Марины Сергеевны фигурировал куда более впечатливший обывательское воображение персонаж. А именно — Альвиан Афанасьев. Но не я реальный — старый минусинский дворник, а тот придуманный вами провозвестник будущего, трагичный и гениальный исследователь глубинных знаков истории, не признанный миром.

Сценки были трёх типов.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. Трогательная встреча Альвиана со своим престарелым учителем профессором Остоженским. Слезы умиления и раскаяния на глазах престарелого учёного. Искренняя радость на моём лице — радость первого признания моей работы. Сама работа — крупным планом.

СЦЕНА ВТОРАЯ. Встреча А. Афанасьева с Денисом Медоузом — корифеем мировой прогностики, членом Римского клуба. (К

слову, у меня с Медоузом старые счёты. Подробнее о них в прилагаемой газетной вырезке. Но сохранилось кое-что и от моей переписки с Римом). Родители Медоуза выходцы из России — он вполне сходно говорит по-русски. Встреча в строго академичном стиле. Точные оценки достоинств и недостатков использованной научной методики. Сдержанные, хотя и с любезной улыбкой, поздравления с успехом. Экземпляр книги я вручаю ему на память. Обложка — крупным планом.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. Встреча с Ельциным во время его предвыборной поездки в Красноярск. (Есть у нас очень похожий на Ельцина артист). Шумная толпа вокруг. Ельцин традиционно жмёт мне руку. Что-то говорит о большом практическом значении умения предвидеть и рассчитать пути России в будущее. Один экземпляр моей книги я Ельцину посылал. Но для подстраховки отдаю книжку и при личной встрече. (Книжка — крупным планом).

Все эти три типа оценок повторили на экране раза по три. По вечерам. А днём

на улицах Минусинска появлялся я сам. Голос левитанского тембра у меня поставлен хорошо. «Люди города! Не могу ли я быть вам полезен в ваших устремлениях понять и осмыслить ЧТО нас ожидает?» Эффект срабатывал. Сам Альвиан Афанасьев! Тот самый! В руке ручка для раздачи автографов на купленных экземплярах. А экземпляры ТОЙ САМОЙ книги высятся рядом. Пользуйтесь моментом, люди города!

И торговля идёт полным ходом.

Вот такая вот кухня.

Как вы думаете, Геннадий Мартович, если тот же самый приём повторить в Новосибирске? И, конечно же, в упомянутом выше улучшенном варианте. То есть, объединение обеих наших книг и улучшенное качество издания. Конечно, всю организацию издания и рекламы вам придется взять на себя — я в Новосибирске никто. Могу взять на себя только исполнение роли Альвиана Афанасьева и продажу книг на улицах Новосибирска, а если вы найдёте возможным, то и в других городах при аналогичной рекламной

артподготовке. Для этого я готов приехать, пожить и поработать там, где это потребуется для дела и столько, сколько потребуется.

На всякий случай высылаю вам экземпляр нашей книги, хотя Борисов должен был вам выслать. Вторая и третья книга тоже написаны. («24-й век» и «36-й век»). Объём и качество их приблизительно такие же. А поскольку действие в обеих происходят ВНУТРИ родовых общин, они будут великолепно дополнять ваши — не противореча ни в чём.

Буду рад узнать, как обстоят ваши дела. Как ваши творческие планы? Не смогу ли быть в чем-нибудь полезен?

А. Афанасьев.

Минусинск, июль 1991

Добрый день, Геннадий Мартович!

Знаю, что не следует Вас беспокоить на заключительном этапе работы. И всё-таки пишу. Затем, чтобы не потянуло после этого заключительного этапа, облегчённо вздохнув, поставить крест на этой адской теме и зажить как все добрые люди на

Земле — думая о следующем дне, но уж никак не о следующем тысячелетии.

Боюсь, что сегодня в июле 1992 года Вам вероятнее всего захочется меня послать ко всем чертям со всем моими тысячелетиями и больше не связываться с выжившим из ума минусинским дворником, которого одолела забота о грядущем человечества. Что ж, тогда отложите это моё письмо до момента, когда вы всё закончите и сдадите в издательство. И отдохнув от писанины, пожив как все добрые люди в засасывающей трясине текущих забот, вы наверно задумаетесь помимо всего прочего и о том — а кому и зачем она была нужна вся эта тяжкая работа? Политикам, уверенным, что лично они и делают будущее? Нет. Они слишком заняты текущей мелочёвкой настоящего, чтобы ещё читать о будущем. Учёным-прогнозистам или обществоведам? Ну нет. Они слишком сурьёзные люди, чтобы читать всякие там фантазии. Пожалуй, самые массовые наши читатели — пенсионеры и школьники. Потому что у них свободного времени больше. Выходит,

вот для чего мы годами выматывали душу — чтобы поразвлечь в минуты досуга старичков и мальчиков.

Ну, а чего ж тогда не достаёт в нашей задумке для того, чтобы стать бестселлером, властителем дум поколений? Недостаёт одного малого: вразумительного ответа — а зачем человеку надо знать будущее? Чтобы избежать его (такого будущего), если прогноз предвещает нечто печальное? Тогда этот прогноз будет ложным. Чтобы осуществить его (такое будущее), если прогноз предвещает нечто радостное? А разве опыт построения коммунизма нас ничему не научил?

Логика конструктивного ответа на вопрос — «зачем?», по-моему, может быть только одна: затем, чтобы знать, к чему нам следует готовиться как к неизбежному и неотвратимому, название которого — судьба. Логическая схема ответа обязательно должна отталкиваться от самого жгучего вопроса, сверлящего сейчас все умы — чем кончится эта свистопляска российских перестроек и реформ. Точнее, чем она ДОЛЖНА кончиться, если

есть хоть какая-то логическая закономерность в хаосе, называемом всемирной историей?

И ответить мы с вами можем, только наращивая масштаб времени, выводя массовое сознание от масштаба «день, месяц, год», в котором закономерностей истории не существует, к масштабам «век-тысячелетие», где ЕДИНСТВЕННО только и возможно зафиксировать самую чёткую и самую надёжную и достоверную закономерность истории.

Сделать это можно примерно так.

Когда и чем кончатся реформы Гайдара —Ельцина (хотя бы по задумке авторов) мы слава Богу наконец-то узнали — со слов Ельцина журналистам. Ориентировочные этапы будущего намечены им не только до конца нынешнего года, но даже аж на весь 1993 год и даже немножко на 1994. Теперь я лично почти уверен, что задуманное реально. Но это прогноз на пару лет.

Судьба России на ближайшую пару десятилетий тоже определилась довольно однозначно, после фактического её

вступления в «семёрку» и МВФ. Это путь интеграции России в европейскую и общемировую систему экономических и политических связей, в мировую цивилизацию.

А вот судьба самой этой мировой цивилизации на ближайшую пару столетий всерьёз тревожит крупнейшие политические умы планеты. Так не получится ли, что мы, Россия, на ходу вскочили в поезд, который уже в ближайшей по меркам истории перспективе обречён на крушение?

Но допустим, России крупно повезло: её успели вовремя предупредить об опасности. Талантливейший новосибирский писатель Г. Прашкевич с предельной доказательностью и неотразимой убедительностью описал потрясённым россиянам картину грядущего ужасного крушения поезда мировой цивилизации. Ярко художественный, зримый, как сама реальность, прогноз поражал воображение. И пассажиры того поезда, в том числе и россияне, с огромным удовольствием прочли его на сон грядущий. И

закрыв последнюю страницу, сладко зевнув, стали укладываться спать в своих наконец-то обретённых уютных купе. А поезд с оглушительным грохотом мчался, сверкая огнями во мраке ночи. И вот за поворотом в лучах прожектора призрачно вздыбились роковые пролёты моста через пропасть, отделяющие две эпохи… и только в последний момент машинист замечает, что до того края пропасти пролёты не достают…

Вот примерно так я представляю себе роль нашего с вами предупреждающего прогноза — в него никто всерьёз не поверит. А что сделать, чтобы поверили? Да ничего. На то он и прогноз, чтобы сбыться в ЛЮБОМ случае и при любом повороте событий.

Ведь вообразите-ка иное — что Прашкевичу поверили все, весь народ. И обыватели, и мыслители, политики и учёные. И взялись все как один предотвращать тёмное будущее 22–24-го веков, о которых предупреждал сам Прашкевич. И строить светлое будущее 36-го века, которое предначертал человечеству ве-

ликий гений Прашкевич. Это мировое признание было бы кошмарно. Потому что прогноз есть описание естественного исторического процесса, то есть того, который сбывается ЕСТЕСТВЕННЫМ путём, то есть в силу объективных, а не придуманным парламентом законов истории. ЕСТЕСТВЕННЫМ — это когда каждый, как я, во всей естественной природе делает только СВОЁ дело, причём только в интересах собственного, а не мирового благополучия. И отнюдь не ставит себе никаких эпохальных целей. Это очень плохо, когда такая мировая и эпохальная устремлённость где-нибудь возникает. Две мировые войны возникли именно от того что люди по обе стороны фронтов боролись за (или против) претворения глобальных германских целей нового мирового порядка. И третья тотально самоубийственная для человечества война тоже готовилась за (или против) претворения в жизнь коммунистических идеалов светлого будущего.

Но для чего же тогда все наши с вами исследования будущего?

Для того, чтобы совершенно точно знать, где и в какой точке исторической спирали мы в данный момент находимся, и знать, куда движется наше общество и принимать это движение по спирали точно так же, как, скажем, движение Земли по орбите и чередование времён года. Ведь наступление эпохи сверхурбанизации и мировой империи, как и последующая смена её на эпоху деревенских кланов, точно так же объективно неизбежны как смена зимы и лета. Надо просто ЗНАТЬ, что осенью следует готовиться к холодам, а весной — к теплу. И готовить СЕБЯ. А не других. В этом и только в этом задача нашего прогноза.

Я хорошо помню, с каким внутренним сопротивлением воспринимали эту абстрактно-философскую направленность даже вы — вас все время заносило на мечту о светлом будущем человечества. Даже Вам эта идея давалась очень трудно. А каково будет её донести до массового читателя…

А впрочем кому и зачем это нужно — доносить до читателя такую неподъ-

ёмную идею?

Я думаю, что это прежде всего нужно нам с вами. Без этого философского осмысления наших прогнозов они именно вот так вот, как я описал, и попадут в разряд чисто развлекательной литературы. И это будет очень жаль. Не для того мы мучились, чтобы развлекать обывателя. И сделать это философское осмысление подъёмным для читателя можете только Вы.

Как?

* * *

Я уже писал вам про задумку воплотить эту идею в сюжет четвёртого крестового похода. После того я много думал об этом и чем далее, тем сильней убеждаюсь, что более идеального сюжета, чем этот совершенно уникальный и вместе с тем совершенно реальный факт мировой истории не выдумать никакой самой смелой истории. Ведь это сюжет, где в совершенно конкретном 1204 году в совершенно конкретном Константинополе по инициативе реальных и конкретных политических деятелей в прямом воен-

ном конфликте Рима и Константинополя столкнулись две эпохи — античность и средневековье. То есть фактически столкнулись прошлое и настоящее.

Мало того, решающую роль в этом драматическом изменении направления крестового похода сыграла Венеция. А Венеция — это город-уникум Средневековья. Это лидер Северной Италии, той самой, где через три столетия начнётся эпоха Возрождения старой, а по сути рождения новой городской цивилизации мира. Поэтому тут легко, просто и органично можно внести в строгую фактологию одну крохотную дольку домысла — что Энрико Дондоло, дож Венеции и главный инициатор рокового изменения ЗНАЛ какую роль станет (или сможет) сыграть Северная Италия спустя три столетия. А может быть ЗНАЛ и большее — знал будущую роль Возрождения в исторических судьбах мира, ЗНАЛ, куда именно к какой сверхцивилизации эти судьбы приведут мир. И как апологет первого и главного города Европы СОЗНАТЕЛЬНО сделал всё возможное, чтобы подготовить

почву для той будущей исторической роли Северной Италии. Допущение такое сделать тем легче что Энрико Дондоло действительно был масштабно мыслящей личностью, по уровню знаний стоял на голову выше своих главных противников в той трагической эпопее.

И вот ведь какая любопытная раскладка получается из одного только этого совершенно органически вписывающегося в контекст допущения. Получается классический треугольник классического сюжета. Только на вершинах треугольника стоят не Он, ОНА и ею ЛЮБОВНИК. На вершинах этого треугольника стоят ПРОШЛАЯ, НАСТОЯЩАЯ и БУДУЩАЯ исторические эпохи.

Впрочем, давайте рассмотрим сначала личности главных героев, стоящих на вершинах этого треугольника.

ПЕРВАЯ ВЕРШИНА. Византийский император Алексей Ангел неистовый мечтатель на троне. Это он поставил во главу угла своей политики совершенно нереальную для тех исторических условий великую мечту — восстановление

былой «всемирной» античной империи. По всем статьям Алексей Ангел — это живой и активно действующий символ цивилизации МИНУВШЕГО.

ВТОРАЯ ВЕРШИНА. Папа Иннокентий. Фанатик и идеолог крестоносного движения, вдохновитель и организатор четвёртого крестового похода. Иннокентий — это живая классика махрового средневековья — НАСТОЯЩЕГО, нынешнего.

ТРЕТЬЯ ВЕРШИНА. Дож Венеции Энрико Дондоло. Опытнейший и искусный политик, крупный мыслитель, предприниматель и купец одновременно. Уже по этим перечисленным показателям Дондоло — это воплощённый прототип эпохи будущей урбанизации. Добавим одну крохотную деталь — какого-нибудь информатора краем уха услыхавшего отзвук далёкого 22-го века — и Дондоло будет в сюжетном треугольнике представлять БУДУЩЕЕ.

Где ещё в мировой истории вы найдёте живой сюжет с такими возможностями для художественного воплощения наших философских абстракций?

Теперь, когда мы представляем действующих лиц, давайте припомним ещё раз, какую именно конкретную идею мы должны реализовывать? МОЖЕТ ЛИ ЗНАНИЕ БУДУЩЕГО ПОМОЧЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ НАСТОЯЩЕГО? — не так ли? (Начиная это письмо я, правда, ставил вопрос несколько иначе: нужны ли будут все наши тяжкие труды кому-нибудь в будущем?) И строгие такты изложенной нами истории дадут на этот вопрос совершенно однозначный ответ — ЗНАНИЯ БУДУЩЕГО НЕ В СИЛАХ ИЗМЕНИТЬ ТЕЧЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО. Более того — любые попытки перевести и реализовать в настоящем хотя бы часть информации о будущем всегда и в любом случае оборачиваются великим бедствием для людей и мало что меняют в естественном ходе мировой истории.

Эти факты, которые мы подробно и художественно изложили, будут такие:

Всё без исключения удаётся Дондоло. Он не допускает разгрома крестоносцами Саллах эд Дина и тем самым на целое столетие обеспечивает Венеции благо-

датный транзитный торговый путь в Индию. Он подорвал авторитет Иннокентия, разгромившего вместо мусульман одноверное христианское государство, и тем самым надолго обеспечил Венеции возможность не считаться с папским престолом. И наконец он чужими руками с блеском уничтожил главного соперника и конкурента на всех направлениях — Византию. Казалось бы, куда уж лучше? Но в конечном итоге всё каким-то роковым образом обращается в свою прямую противоположность и возвращается на круги своя. Разгромленная Византия становится лёгкой добычей турок-сельджуков, которые перекроют вообще все торговые сношения Европы с Азией. А церковь никогда не простит Венеции её коварств и сделает всё возможное, чтобы кто угодно, но только не Венеция стала лидером Северной Италии. Город-уникум окажется в полной изоляции и потеряет былое значение… Эх, не знать бы ей лучше ни о каком великом будущем, и оставить всё как было до похода… Всё было бы куда лучше… И перспектив раз-

вития больше…

Далековато я увёл вас, Геннадий Мартович, от реформ Ельцина и Гайдара?

Да. Пожалуй, уже пора перебросить мостик некоторых актуальных исторических параллелей.

Перенесёмся из Венеции обратно в Византию 14-го века.

Вот здесь-то разыгрывается величайшая трагедия. Здесь в кровавом хаосе погибает чудом сохранявшаяся великая античная империя. Тяжкие муки несут стране и друг другу хлынувшие сюда со всех сторон абсолютно несовместимые потоки — европейских рыцарей-грабителей, славян и турок, никогда не имевших или давно позабывших какие бы ни было цивилизованные навыки управления государством и обществом. И как результат — смертные муки рухнувшей цивилизации. С ужасом смотрит на результат своих усилий тот самый информатор, что донёс дожу Венеции знание о великом и ослепительном 22-м веке. И в уме его возникают странные мысли: неужели то же самое творится и в Европе 22-го века,

которой он, по-видимому, никогда больше не увидит. Ведь это он знал и утаил от дожа те самые признаки гангренозного разложения культуры (убивающие теперь Византию), какие видел и в том 22-м веке. Видел почти адекватный во всех отношениях глубочайший кризис духа, культуры, совести и морали, тот же самый зловещий и разлагающий культ секса, разврата и насилия. Точно также и там и здесь происходил распад семьи, катастрофически падала рождаемость. Вполне естественно и логично предположит, что и в Европу 23-го века, в её опустевшие мегаполисы точно так же, как сейчас в Византию, хлынули тёмные и мутные потоки неевропейских иммигрантов. То, что творится в Византии просто не может быть результатом единственного военного поражения под Константинополем. Это историческая закономерность, которую поражение Византии просто подтолкнуло. Великой евразийской державе, раскинувшейся от Атлантического до Тихого океана, теперь грозит гораздо худшее — смерть от

гангрены культуры. Да, конечно, увы, — история четвёртого крестового похода не донесла таких вот нюансов до далёкого двадцать третьего века. Их надо видеть и пережить самому, чтобы дать им истинную великую и страшную оценку. Ну а если бы всё-таки донесла? Если бы предполагаемому информатору каким-то чудом удалось бы вернуться в своё время? Тогда смог бы он что-либо сделать такое, чтобы ввести катастрофический процесс крушения цивилизации в спокойное русло мирной эволюции или, говоря вообще, МОЖЕТ ЛИ ТАКОЕ ЗНАНИЕ ИЗМЕНИТЬ ХОД ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА?

Вот над этим вопросом читатель пусть поразмышляет сам… Как вам представляется эта моя идея, над которой я продол-

жаю работать?{193}

С уважением

Афанасьев.

{193} Комментарии: 193

Вот итоги рассуждений А. И. Афанасьева.

«Закон исторической спирали по своей ФОРМЕ есть математическая зависимость между скоростью развития производительных сил общества и основанной на этом базисе социально-политической надстройкой общества. (Иными словами — математическая зависимость между базисом и надстройкой).

Закон исторической спирали по своему СОДЕРЖАНИЮ есть фиксация периодической повторяемости в историческом развитии форм организации производства и общества. Повторяемость происходит на каждом витке развития производительных сил общества.

Открытие явления повторяемости в историческом процессе даёт человечеству МЕТОД делать строго обоснованный прогноз социально-политического развития общества на такой период, на какой возможен прогноз общих принципов развития его производительных сил».

Этого достаточно.

ВАЛЕРИЙ СТОЙЧЕСКУ

Октябрь 1991, Бухарест

Дорогой Геннадий Мартович!

Наконец-то хорошие вести, дорогой друг!

«Костры миров» скоро появятся на румынском языке. В добрый час! Надеюсь, что это только начало. Повесть будет напечатана в альманахе «Anticipate» («Предвиденье»). Несколько лет тому назад в этом же альманахе были опубликованы романы братьев Стругацких в моём переводе («Малыш», «Пикник на обочине», «Второе нашествие марсиан»). Альманах пользуется успехом у любителей НФ. С главным редактором я в хороших отношениях, мы — друзья вот уже более семи лет. Если всё будет хорошо, мы опубликуем ваши работы отдельной книгой. Кстати, я жду с нетерпением Ваш новый роман. И ещё, не забудьте, пожалуйста, прислать мне «копирайт» для публикации остальных работ, ведь разрешение у меня только на повесть «Костры миров».

Причитающиеся Вам деньги будут положены на особый счёт. Если пожелаете поменять их на доллары, то это можно сделать. Напишите, как вам удобнее.

Геннадий Мартович, разрешите мне обращаться к Вам менее официально. Конечно, между нами разница в возрасте, Вы — настоящий, профессиональный опытнейший писатель, но ведь мы — друзья и находимся на одной стороне баррикад научной фантастики. И когда Вы называете меня «господин Стойческу», мне просто неудобно. Я для Вас просто Валерий.

Я надеюсь, что наше эпистолярное знакомство перейдёт в личное в очень скором времени. 1993 год не так уж далёк. А до тех пор мы постараемся познакомиться ближе. Читая ваши работы, я пытаюсь представить себе Ваш характер, — ведь они (работы) в какой-то мере отражают автора и Сибирь, которой пугают людей — необъятная, таинственная, замороженная, уснувшая, она должно быть сильно повлила на Вас. Я пытаюсь представить себе, что Вы любите, какие

писатели НФ Вам ближе — рафинированный Рей Бредбери, Артур Кларк с его чёткой научностью или самый популярный в наше время Вильям Гибсон с его шок-описаниями? Лично меня больше всего привлекает ирония братьев Стругацких. Герои, техника письма — всё это ставит их в ряд наилучших писателей-фантастов в мире. И, конечно, мне было обидно слышать, когда говорили: «русские слабы в фантастике, читайте лучше американцев». И вот я, назло им, стал переводить, чтобы познакомить румынских читателей с советской фантастикой. Шесть романов Стругацких (они переведены мной) считаются у нас в Румынии самыми ценными. А теперь вот будете известны и Вы. Альманах, надеюсь, выйдет вовремя (декабрь 91, или январь 92 г). Кстати, я слышал, что в Новосибирске выходит исключительно интересный альманах «Феномен», издаваемый под руководством академика Казначеева. Нельзя ли мне получить хотя бы один экземпляр для ознакомления?

Жду от Вас вестей

Валерий

PS Получил известие, что Аркадий Натанович Стругацкий скончался. Ужасно обидно и несправедливо. Такие люди должны жить долго. Мне обещали прислать газеты с некрологами. Авторские права перешли к брату Борису Натановичу и для получения «копирайта» для меня надо всё начинать сначала. Может, Вы за меня замолвите Борису Натановичу словечко?

С уважением,

Валерий Стойческу.

Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ

Малеевка. 4.03.91

Дорогой Гена!

Получил Ваше письмо: на днях ездил домой и забрал накопившуюся почту.

Мы с женой с 10 января в Малеевке. Вот кончается второй «срок», послезавтра вернемся домой, и после малеевской беззаботности я просто не знаю, как будем добывать пропитание в полуголодной Москве. Жутковато заканчивается 73-летний эксперимент. Мне, знающему, что значит настоящий голод, особенно жутко. Вдруг — без войны, без чумы — разваливается огромная страна. И как быстро!

Мне кажется, я пережил несколько жизней. Первая — довоенная, так сказать, щенячья, бакинское детство, полудетская влюбленность (в Лиду!). Вторая — война, огонь, гибель, блокада, случайное выживание. Третья — большой и счастливый массив жизни вместе с моей любимой. (Сюда входят и послевоенная флотская служба, и демобилизация, и

Баку — город, полный друзей, и переезд в Москву.) Затем — московский период тоже счастливый — до кончины Лиды. Опять выживание, может быть тоже случайное. Страшная катастрофа. И вот пошла последняя из моих жизней. Как-то наладилась она, я уже не погибаю от одиночества, но — рушится жизнь вокруг, все больше приобретая отчетливый апокалиптический рисунок.

А в Малеевке — хорошо! Лес, тишина, скрип снега под ногами. До неприличия хорошее питание (надо наесться впрок!). Ситуация «Декамерона»: во Флоренции чума, а мы сидим на загородной вилле и рассказываем друг другу байки. Мне тут хорошо работается. За полтора месяца написал больше двух листов. Для меня это очень много (я пишу медленно). Новая вещь понемногу подвигается. Как всегда, полон сомнений…

Ваши письма я люблю, они очень живые.

Дай Вам бог не терять интерес к жизни — и работать, работать.

Жду Ваших книг. Привет жене. Обни-

маю сердечно,
Е. Войскунский.

Москва, 12.10.91
Дорогой Гена!
Уже неделю или больше ловлю себя на мысли: давно нет писем от Прашкевича, давно не видно милого динозаврика, коего Вы ставите в конце письма (вместо vale). И вдруг вспомнил, что, кажется, не ответил на Ваше письмо и не отозвался на присланные книги. Извините, Геночка. Такая жизнь крученая, со всякими неожиданностями, такое ощущение всеобщего развала… Конечно, это меня не оправдывает… Связи между спесивыми республиками — это одно, связи между людьми — совсем другое, и не дай Бог разорвать их.
Итак, возобновили переписку.
Спасибо за присланные журнал и книгу.
«Кота на дереве» я прочел не сразу, а в два приема.
У Вас хорошее, острое перо, нет неработающих фраз. А по значимости (со-

циальной и художественной) лучшая вещь сборника, конечно, «Другой». У меня когда-то были мысли (не ставшие замыслами) о повести или романе (фантастическом), в основу которого надо положить страшные преступления красных кхмеров в «Демократической Кампучии». Выстраивается такой ряд: нарастающая по мере движения на Восток коммунистическая ярость в истреблении людей. Мы. Потом Китай — времён «культурной революции». И как апогей — Камбоджа. В самой истории XX века выстроился этот ужасный, восходящий к апокалиптическим событиям ряд. И вот вопрос: не заверчивается ли этот ряд, эта прямая — в спираль, и не придется ли новый виток эскалации опять на нашу несчастную страну?..

Так вот. Ваш «Другой» мне интересен не только потому, что хорошо написан, но и потому, что перекликается с моими мыслями. Очень точно — художественно точно — написан Кай — «новый человек», искусственно созданный в тоталитарном государстве, обрекающем свое население

на массовую гибель. Ваши братья Кай и Тавель как бы поменялись своими библейскими местами, — запоминающиеся персонажи человеческой трагедии XX века.

Гена, а где обещанный исторический роман?{194}

Трудные времена. И поражает ускорение, с которым движется XX век к своему концу. В 70-е, 80-е годы время тянулось, тянулось, ничего не происходило — и вдруг лавинообразное ускорение. Ни дня передышки.

Вру, передышка у меня была. В конце июня я с группой ветеранов обороны Ханко был — по приглашению финского общества ветеранов Ханко — там, на Гангуте, где полвека назад девятнадцатилетним юнцом начинал войну. Четыре дня мы провели в этом благословенном, тихом, безмятежном уголке Финляндии. Господи, есть же такая жизнь — благопо-

---

{194} Комментарии: 194

Роман «Секретный дьяк или Язык для потерпевших кораблекрушение» по разным причинам (да я и не торопился его отпускать) вышел в свет гораздо позже: (Москва, «Текст», 2001). С начала семидесятых до девяностых шла работа над романом, и имей я такую возможность, я бы работал над ним ещё и ещё…

лучная, без ненависти, без надрыва, то есть истинно человеческая… Ну, понятно, нахлынули воспоминания… Четыре дня в раю земном…

Ну, ладно, Гена. Пишите.

Привет Вашему семейству.

Дружески — *Е. Войскунский.*

Б. Г. ШТЕРН

1991, Киев

Гена, дорогой!

Вот «Рыба любви». И опять с упоминанием имени Прашкевича (в «Шестой главе «Дон Кихота»») — в моих книгах без тебя ну никак не обходится!) Прошу любить и жаловать. Вторая моя книга. Она не очень плохая. Голая девка на обложке — ну и что? Она соответствует содержанию. Вот Миша Веллер, говорят, издал книжку, на которой женская грудь из забора торчит — и никто не знает, причём тут грудь и забор, в тексте этого не наблюдается.

Мои все уехали. Старшая дочь из Одессы, младший брат из Киева. Оставили мне старенькую маму. Грустно всё это. А жена с малой дочкой уехала под Полтаву в город Гадяч на целый месяц, и я буду сидеть дома и чего-то писать, может, рассказ, а может старую повестушку незаконченную вытащу. А может Клугер появится, мы с ним сюжет придумали,

может вместе попишем.

Гена, если всерьёз, то дела хреноватые пошли. Нам надо что-то думать. Вроде бы, есть где публиковаться и издаваться, но везде хаос и неуверенность. Я уже в «Интербуке» начинаю сомневаться, затянули они с нашими книгами, плюс события в Югославии (до книг ли сейчас югославам?) Надо будет заново подумать, поговорить с ними. Если хотят подписать новые договора с нами, то пусть повысят гонорар по старому договору (в два раза! — сейчас три тысячи за лист смотрятся нормально), пусть думают о валюте, нет, пусть платят нам какую-то часть валютой! Вообще, договор должен быть конкретным по сроку: книга должна выходить не позже чем через год после подписания. И т. д. Авансы должны быть очень хорошими. И т. д. И ещё надо поговорить с «Интербуком», что мы имеем право издаваться в небольших периферийных издательствах и вообще в коллективных сборниках. Ни о какой полной продажи прав в таких условиях не может идти речи.

Надо встретиться в Москве и решать с «Интербуком».

Надо встретиться с Бакановым и Геворкяном, они затеяли сразу два журнала (фантастика и странная проза). Клугеру передам твоих шпионов в юрском периоде, он мечется между Симферополем и Киевом, начал уже издавать юношескую фантастику. Я ему в «Молоди» помогаю.

Жара, середина лета. Завгородний приглашает на Волгокон. Оно хорошо бы съездить на Волгу, но неизвестно, что будет в сентябре.

Лежат мои гонорары и авансы в разных бухгалтериях СССР, и ни хрена нельзя получить. К началу следующего года привалит, а сейчас лапу сосём, одалживаем. Ну, это в порядке вещей. В Ленинграде ютановская «Нова волна» рухнула и вряд ли восстановится (бумага, налоги, типографии и т. д.). ВТО и «Текст» оченно неплохо себя чувствуют. Но что мы им, а они нам? Что им Гертруда, то есть, Гекуба?

Мда, как бы придумать какой-нибудь постоянный доход — но не входя во вся-

кие кооперативы и объединения? Чтобы сидеть и писать, а доход чтобы каждый месяц приходил? И рыбку съесть, и на это сесть.

Я заказал на октябрь в СП путёвку в Ялту. Говорят, что дадут.

Жму руку и обнимаю!

Твой Штерн.

1991. 1 ноября. Ночь.

Гена, дорогой, привет!

Письмо из Переделкино получил.

Я пару раз звонил тебе в Новосибирск, м. б., ты уже вернулся, но…

Значит, новости в «Ренессансе» такие вот… Понимаешь… Нельзя сказать, чтобы очень хорошие новости. Но хорошо, что не обескураживающие. Прошло два с половиной года, а наших книг нет. Мать их! Дурак я — был в августе в Москве, надо было пойти и взять ещё авансу. Ну да ладно. С «Текстом» у меня полная фигня — потребовали, чтобы я разорвал договор с «Ренессансом», а я послал им в середине сентября сердитое письмо на предмет: «а что я буду кушать, если начну рвать

договоры?» Они не ответили до сих пор. Думаю, деловые отношения мы прервём (или уже прервали), а это потащит за собой уже и полную нестыковку. Жаль, конечно. Но заметь, в «Тексте» нет никого из малеевско-дубултовских семинаров, и ни с кем из нас он, «Текст», не сотрудничает. Это что-то да значит. А что это значит? Покровский определяет сие явление словом «пр-редательство», которое и сказал в глаза Бабенке. Я не склонен так уж сурово… но, безусловно, текстовики заняты собой и только собой, ну и Аксеновыми-Войновичами — это понятно, это значит: тоже собой.

У меня такое: жить без зарплаты стало совсем уж невмоготу, я тут в сентябре взвыл и потолковал с киевско-украинскими любителями НФ — мол, хлопцы, если вы любите фантастику, то уж полюбите и писателя-фантаста и придумайте что-нибудь. Подумали и придумали заочный семинар молодых писателей-фантастов Украины, а меня сделали руководителем — будем собираться два-три раза в году в Виннице, в Николаеве, или в Харь-

ковe. Буду с ними водку пить, а писать всё равно ведь не научу… Назначили зарплату в 3 тыс. купонов в месяц. Это сейчас 50–60 брежневских рублей. Плюс Спилка Письменныкив даёт 900 купонов. Вот. Эти же любители подкинули мне халтуру — литературно обработать пару жутких переводов какой-то английской фантастки Ле Бреккет. Половину сократил, половину сочинил. В общем, как-то подрабатываю. Они же, любители, установили у меня дома компьютер — не самый-самый, советский, но в рабочем состоянии, и я тут с большим увлечением осваиваю это дело{195}. Это письмо я сейчас набираю на компьютере — ночь, тишина, утром перепечатаю на машинке (принтер ещё не установили).

Вот такие мои дела.

Перестал я верить в «Ренессанс». Не верю я издателям. Не люблю я издателей. Все издатели — дерьмо. Они живут за счёт наших с тобой мучений. Они кровососы,

{195} Комментарии: 195

Об этом компьютере Бори Штерна ходили загадочные и тревожные слухи: и память у него на три минуты, а потом всё забывает, и привод ножной — педали жать надо…

шакалы и глисты. Суки они.

Лена Клокова приглашала на Сахалин — не полетел, очень уж утомительное путешествие, особенно сейчас — гонять через всю страну (какую страну? где страну? просрали страну!). Завгородний приглашал в Волгоград на своё сорокалетие — тоже не поехал, испугался жуткой пьянки, каковая и состоялась.

Вот такое.

Пишу потихоньку.

Повесть оставил, пишу рассказ «Мишель и Маша или Да здравствует Ленин!» Опять лезу в политику. Скучно, грустно…

Давненько чего-то мы с тобой не виделись — со Владимира.

Обнимаю! Твой Штерн.

20 февраля 1992

Дорогой Гена!

В общем, вернулся из Питера и Москвы. В голове какая-то каша от всех этих фэновско-издательских дней. Попробую как-то что-то рассказать.

Москва. Приехал из Питера и сразу к Саркитову. Все там были. Всё у них в по-

рядке, никаких изменений к худшему с декабря, всё идёт по плану. Твою книгу собираются издать в марте-апреле, мою — к июню. Саркитов только что из Минска, как я понял, наши книги будут печататься там; у них там основная типография. Попросил денег. Десяти тысяч у них не было, дали четыре. Прочитал, наконец, свою вёрстку. Порядок. С твоим предисловием тоже порядок. Накормили меня обедом. Савенков взял на работу повара (наверно, как-то совмещает) и прямо в «Ренессансе» все сотрудники едят бесплатные обеды. И все являются к часу дня не опаздывая. Разумно. Хорошие они ребята, и всё же остаётся у меня к ним какое-то недоверие. Тягомотность какая-то. Пока не увижу книгу и не получу весь гонорарий — до конца не поверю. (Гена, и всё-таки: я опять наслушался и здесь, и в Питере разных издательских разговоров, и все говорят, что нормальный гонорар — это 7–7.5 % от номинала. Я молчу в тряпочку. Но, м. б., это только разговоры, а на деле…) Вышел от них, всё сделавши, огляделся по сторонам. Москва передо

мною… И время есть… И никому неохота звонить, о чём-то говорить… Поехал на Киевский вокзал, а там и поезд через десять минут. И бегом уехал. И никого из «Текста» не видел. И в Питере никого из них не было. И не соскучился что-то. Значит, так тому и быть.

Питер, Интерпресскон в Репино. Стругацкий, Михайлов, Балабуха. Заезжали Ларионова и Снегов, на полдня, Михайлов в знакомом тебе состоянии. Когда я приехал и читал список участников, то прочитал вот что: «№ 38. Прашкевич. Штерн». (То есть, номер проживания). Я тут же спросил: а где Прашкевич? А организаторы отвечали, что списки готовили давно, что-то планировали, что-то решали, куда кого поселить, нас уже по привычке поселили в один номер, ещё не зная, кто приедет, кто не приедет… Так вы послали приглашение Прашкевичу?.. Вроде послали…

Неразбериха, как всегда…

Веллер, Успенский и Переслегин получили от Стругацкого «Бронзовые улитки» за повесть, рассказ и крит. статью. При-

ятные такие призы, бронзовые улитки, с цитатой из братьев. В общем, ленинградцы как-то со скрипом, но что-то делают. Вышел альманах «МиФ» (года три не выходил). Ютанов всё же собирается продолжать эту застрявшую серию «Новая фантастика» и всё-таки доиздать Веллера и меня (3 года!).

В общем, куча очередных ничего не решающих разговоров. Планы, планы, планы… Обещания, обещания… То-сё…

Слухи всякие. «Текст» затевает против Веллера какой-то судебный процесс — о 150 тыс. рублей. Суркис под следствием. Все путаются в деньгах, как в соплях.

Такое всё…

На Украине — жуть. Купоны. На деньги нельзя в магазине ничего купить. Только на базаре. Меняют 25% зарплаты, обещают менять больше, а потом и вовсе выдавать всю зарплату купонами. Будет установлен какой-то грабительский курс рубля к купону… Введут гривны. Получится, в самом деле, какая-то заграница… Наверно мне стоит съездить во Владимир в конце марта, и с тобой в

Москву. Я напомнил Саркитову и Савенко о предложении оплачивать нам командировки по делам «Ренессанса». Никаких возражений. Согласны. Как это делать практически? Звонить им перед отъездом, договариваться?

В общем, какие-то новости я наверно забываю тебе отписать, но несущественные.

А настроение плохое, тяжёлое. Всё нестабильно. Болото. СП Украины на ладан дышит. Издательство «Молодь» полным составом ушло в отпуск на два месяца — бумаги нет. Ничего у них нет.

Вот. Меня тут достал Лубенский из Черкасс. Задолбал, заставил написать «Автобиографию» для какой-то своей фэн-ской энциклопедии (он всех, кажется, достаёт). Я показал её Саркитову, он вставит во 2-й том (ох, неуверен я в этих томах). Посмотри, может, и ты напишешь нечто вроде…

Вот всё, обнимаю! Лиде привет!

Твой Штерн.

Наверно надо чаще писать друг другу: телефон становится дорогим, недоступ-

ным.

В. Д. КОЛУПАЕВ

23.04.1992, Томск

Дорогой Гена-Златоуст!

Виноват я перед тобой за своё столь долгое молчание. Сидел в подполье. Только что вот вылез. И, наверное, и другого-то выхода у меня не было. Закончил я «болванку» «Единой теории поля» (кодовое название) или, что то же самое: «Пространство и время. К вопросу об основаниях физики». «Болванка» эта весит 1600 страниц. Теперь из них надо сделать страниц 500, да ещё чтобы получилось удобочитаемо.

Всё! Тайна пространства и времени разгадана.

Труд вполне научный, ну, может, научно-популярный. Включает он в себя анализ трудностей в классической механике, классической электродинамике, специальной и общей теории относительности, квантовой механике, теории элементарных частиц, квантовой электродинамике, квантовой механике,

вариационных принципах, симметрии и законов сохранения. Проанализировано около сотни решающих экспериментов. Предложено нечто новое. И в итоге построена новая физика. Мне нужно ещё месяцев шесть чистого времени, но начинается посевная, а там борьба с сорняками и т. д. и т. п., словом, летом времени будет мало. Но в этом году всё равно закончу эту свою работу, которая мучила меня более 40 лет.

Ну вот, вылез я из подполья, отдышался, и пришло мне в голову, что жрать, оказывается, нечего, писатели никому не нужны, «Анжелики» у меня в столе нет, и вообще ничего нет, а тут ещё под ногами крутится Джуна (собака; 1 год) и требует мяса, не понимая, так же как и я, что мир очень шибко сильно изменился. Ну, закончу я свой труд, а кому он нужен? Да и дожить ещё надо. Так что, сижу и принимаю советы. И ты, Дион, советуй. Нового из фантастики ничего нет. Заинтересуется ли кто старым — сомневаюсь. Года полтора назад обнадёжил меня некто Носов Евгений, из Новосибирска, фантаст и

предприниматель, что издаст в каком-то сборнике «Дзяпиков», но что-то припух. Ты его наверняка знаешь. Может у тебя имеется его адрес или телефон (лучше адрес, не люблю говорить по телефону), а может ты даже знаешь, что это дело гиблое. ВААП, говорят, лопнул, да и на бывшие соцстраны надежды нет, им самим не до нас. Может, в бывшие кап. (а нынче свободные) страны? А? Так у меня ни одного адреса, да и вообще никакой информации. А ты всё знаешь! Вот и советуй!

И вообще поскольку ты опытнее меня, советуй, как жить дальше, ну, может там на травоедение или лечебное голодание перейти, или в астрал, или ещё куда подальше.

Книги твои я, конечно, все прочитал. Причём с удовольствием. Стиль у тебя прекрасный, это уже без шуток. Спасибо за посвящение к рассказу. Теперь моё имя останется в литературе. Правда, я что-то похожее читал, но тот рассказ уж не помню, скучный и нудный, а твой хорош, весел. И откуда только в тебе столько

жизнерадостности?

Ну, ещё раз прости за молчание. Такую работу я провернул! Теперь вместе с Российской федерацией, синоним, Россией, буду возрождаться, если удастся, к жизни.

Привет всем твоим родственникам и нашим общим друзьям. По-прежнему *Плиний Младший.*

А. Р. ПАЛЕЙ

Палей Абрам Рувимович (1893–1995) — писатель-фантаст, поэт, очеркист, член СП СССР. Очень живой сухонький человек, невероятно любопытный, я переписывался с ним и даже был у него дома в Москве — в день его столетия.

Москва, 21.5.92

Дорогой Геннадий Мартович… зигзаги пространства и времени… и потому не скоро дошла до меня Ваша книга «Посвящения»{196}. Я знал, что она вышла — из «Книжного обозрения», но и тогда огорчился, что тираж такой малый. Тем более — большое спасибо.

А стихотворцы всегда стесняются говорить о себе — поэт, как советовал говорить Пристли. Мы с Вами разные; наверное, так и надо. В моих стихах (которые я уже закончил писать) преобладают настроение, в Ваших — непререкаемая афористичность. «Кожу сморщило время» — куда ни шло, на слуху. А вот, что оно «валуны превратило в песок» — это уже говорит о гигантской способности

{196} Комментарии: 196
«Посвящения», книга стихов (Новосибирск, 1992).

представления об неисчерпаемости времени.

Стихи Ваши набраны в отдельные строки, а читаются слитно. В Справочнике СП сказано, что Вы прозаик. А вот Андрей Белый писал рифмованной прозой, он-то наверняка не «поэт». «Как говорил Заратустра» написана вроде бы обыкновенной прозой, но Ницше безусловно поэт. Вы, по-моему, ближе к нему, а не к Белому.

Был бы рад (если так и не придется увидеться), получить от Вас вести — как живется (трудно), как публикуется (сложно). В этих вопросах и мои ответы.

С огромным уважением

А. Палей.

Б. Г. ШТЕРН

4.04.1992

Гена, привет!

Вот обнаружил, что бумаги в доме почти нет. Экономлю.

Уезжал из Москвы 31 марта, подзастрял в этот день у Корже-невского, счёт в Москве не успел открыть. Жаль. Опять будут сложности с получением гонораров. Но, опять же, со счётом в Москве для меня неясности: нужны ли мне рубли в Москве, если мне нужны будут гривны в Киеве? Они (гривны) обещаются ввестись в конце лета — начале осени, а «Ренессанс» к тому времени ничего не издаст, факты на рыло. Они сейчас стали имтентами, как и все остальные крупные издательства. Слишком велик оборот, штат, количество бумаги. ВТО заваливается. В «Тексте», кажется, не лучше. Сейчас, вроде, могут тянуть небольшие предприятия из одного-двух человек, издающие немного названий. Трудно сказать. В общем, до июня-июля денег хватит, потом опять

заболит голова.

Хорошо съездили во Владимир!

Опять царствовал Зелёный Змей!

Теперь писать надо.

Собирались, чтобы ты написал аннотацию своих «шпионско-динозаврских» повестей для Бори Сидюка, но, конечно, забыли. Он перед отъездом в Германию собирается позвонить тебе; и я ему сказал, пусть сам напишет эту рекламу и продаёт — мол, ты согласен. И правильно: кто хочет, пусть берёт, продаёт, издаёт и платит гонорары (10% им за литагентство). Пусть!

Вчера с удовольствием пребольшим прочитал «Калькутту». Очень, очень и очень пришлась. Одна из лучших твоих вещей, может, и лучшая, потому что последняя. Вряд ли Бабенко будет её издавать (ты говорил, что он собирался). Не верится. С Мишей Веллером у него сложные финансовые отношения, чуть не до суда доходит — и вот именно потому: вряд ли он будет издавать «анти-веллеровскую» вещь. А «Технология рассказа» — это у Миши (Веллера) не просто так, не

случайность. Он писал дипломную работу с таким названием. Это в нем засело: так надоть писать рассказы. Он об этом много думает. Все мы об этом думаем, но об этом понимать должно в меру и с юмором. Да, можно короткой фразой писать, можно восклицательный знак ставить посредине фразы, можно без точек, без запятых. Вот Миша и конструирует свои рассказы. Читал я его книжки. Все его рассказы СДЕЛАНЫ. Задуманы, продуманы, исполнены. Один как-то был крик души в «Огоньке» о похоронах литератора — так этот крик опять же о «литераторе». Он не пишет «животом». Ты говоришь о чувстве, я о животе — одно и то же. Вот и получается: всегда видно, как написано, что где расставлено. Конечно, и «технологию» надо просекать, но технология — второ-, третьестепенна. А искусство, талант, то, что необъяснимо биномом Ньютона — тут Миша молчит. Знаешь, кстати, я заметил умение технологничать у братьев{197} в ихних поздних вещах

{197} Комментарии: 197
Стругацких.

(и сценариях). Они как будто разучились животом писать, и поскучнели. Ладно, братья тут ни при чём. На тему «технологии» есть неплохая книга Парандовского «Алхимия слова» — но там не о технологии рассказа, а о писательском труде — там и о животе, и о чувстве. С Мишей не сравниваю.

Ну и две цитаты из себя я нашёл — смеялся. Спасибо.

Моя фантазия — прилететь в Новосибирск за гонораром «Лишь бы не было войны…» — глупость. Сколько там того гонорара за три листа и сколько стоит дорога? Самочувствие после Владимира плохое, нерабочее, но уже усаживаю себя за стол. Продолжу рассказ-повестушку «Допросы при ясной Луне». Хочу в апреле дописать — значит, не даром хлеб ем.

Получил ли моё «довладимирское» письмо?

Я выслал тебе автобиографию и «Остров Змеиный»!

Знаешь, «Остров Змеиный» как вещичка — хорош. Так думаю. Вот вдруг пришло в голову: а не придумать ли нам сборник

НФ о «морских змеях»? (Твой «Краббен», мой «Остров» — в общем, всякая морская фантастика, но без одиозного Щербакова).

У меня ещё один есть морской рассказ про бычка.

Если бы Ткачук был в Одессе посильнее, то издать бы там — но сейчас и там всё стоит.

Жму руку!

Лиде привет!

Твой Штерн.

Гена! Чуть не забыл: давай попробуем написать что-нибудь вместе!

Ты только начни…

РАУФ ГАСАН-ЗАДЕ

Рауф Гасан-заде (род. в 1955 году) — прозаик и философ. Причем философ по природе своей. Равенство враждебно свободе? Почему бы не обдумать такой тезис? Литература бывает провинциальной? А почему нет? Вспомните того же Камю, его запись — о рукописи «Калигулы»: «Недостаточно зрело. Издать в Алжире». Рауф по-детски радовался, слушая мои рассказы о Болгарии или Индии. Кто-то из болгарских поэтов (в кафе на ул. Ангела Кынчева, 5) рассказал мне о некоей провинциальной компании, оказавшейся в жаркий день у глубокого колодца. «Смотрите, там лица!» — воскликнул кто-то. «Это, наверное, наши мужики, уехавшие в Америку». Никто ничуть не удивился такому предположению. Напротив. «Точно! Это они! Давайте прыгнем к ним», — предложил самый горячий. Но самый трезвый остановил компанию: «Хоть это и правда, что там Америка, ехать в неё лучше пароходом». И Рауф часто рассуждал столь же восхитительным образом. В его рассказах всегда был смысл — тёмный, не поддающийся пересказу. Он и родился в глухом азербайджанском

посёлке, а русский язык освоил в студенческие годы — в Новосибирском университете. И не просто освоил, а сделал его своим вторым, да нет, первым, родным, языком. Первые публикации Рауфа в журнале «Проза Сибири» (1994, нулевой номер), затем — книжка «Несколько записок из жизни человечества» (Новосибирск, изд-во «Свиньин и сыновья», 2006). Рассказами своими Рауф хотел оказывать на читателей совершенно конкретное воздействие: вот прочитал рассказ — и бросил пить, вот прочитал другой — исправил характер[{198}]*. Казалось бы, всё Рауфу даётся, но в ночь на новый 1990-й год из вполне благополучного новосибирского Академгородка он уехал (сложными путями) в Баку, где зенитные орудия уже пристреливались к пятнистым армейским вертолетам. Письма от него приходили редко. Собственно, эпистолярная эпоха кончилась…*

14.08.1992
Здравствуй, дорогой Гена!
Большое спасибо за письмо и поддерж-

{198} Комментарии: 198

Эта мечта Рауфа напомнила мне одного литературного чиновника, приставшего в Дубултах ко многим моим семинаристам: «Напишите такой рассказ, чтобы, прочитав его, юноша или девушка плюнули на любой университет и побежали бы прямо в ПТУ. Напишите! Прямо сейчас заключим договор, прямо сейчас выдам авансы!»

ку.

Сижу дома 3-й месяц, недавно прописался, потом пошёл записываться на войну, потом струсил («что будет с мамой?», «что будет с мировой литературой?», «с моей шкурой?», «не обгонят ли на жизненной почве те, кто был «умнее» и остался дома?», «не дурак ли я?», «а почему так мало добровольцев?» (т. е. опять — «не дурак ли я?»), и не пошёл, и вот сижу дальше с поганой, ещё более поганой душой; «близкие» и «друзья» с удивлением поглядывают и подсоветывают «устроиться куда-нибудь»; сижу, смеюсь, веду бессмысленный и бессвязный дневник (не дай бог увидеть потомкам); писать — не пишу уже 3-й год в связи с различными бредовыми причинами (поскольку причина у писания тоже бредовая); в общем, анекдот из жизни интеллигента литературного толка времён постперестройки. Вызов высшего мира сейчас у всех сильнее, чем раньше, и чем у меня это было в Новосибирске, литература тут пока топчется на дообщечеловеческом, национальном (и

закономерно общественном) этапе, а мне подавай «общечеловеческую», «надэтническую», «современную», по-другому «не могу и не хочу» и т. д.

Страшно скучаю по Сибири, городку, даже по той омерзительной моей общаге; вот получу нобелевскую — куплю коттедж в городке и буду наезжать на оставшиеся доллары, пока не кончатся и не придётся идти в жулики и спекулянты (у меня всё наоборот, чем у других).

Обстановка тут такая — жизнь идёт от одной военной сводки до другой, а так война не чувствуется; бегают машины, играют дети (правда, в войну), по-советски работают трудящиеся, «умные» открывают комиссионные магазины.

Пока вот всё. Извини за поздний ответ — письмо твоё шло 18 дней, да ещё и сам долго тянул.

Жму руку.

Рауф.

Н. М. ЧЕРНОВА

Чернова Надежда Михайловна (род. 1947) — по-

этесса, переводчица, журналист, литературный критик. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета им. Кирова. Много лет работала в редакции журнала «Простор» (Алма-Ата); в этом журнале были опубликованы мои повести и романы: «Приключение века» (1988, № 11), «Демон Сократа» (1991, № 10), «Возьми меня в Калькутте» (1993, № 4), «Тайный брат» (1994, № 8), «Бык» (1997, № 10-11), «Язык для потерпевших кораблекрушение» (третья часть романа «Секретный дьяк» (2000, № 10), «Подножье тьмы» (2011, № 6) и др.

22.01.1992

Vivat Вам в новом году!

Несравненный, неотделимый теперь для меня от Софии, Геннадий Мартович! «Возьми меня в Калькутте» прочитала на одном дыхании, более того, взять захотелось немедленно, да простит мне эти слова Ваша «мудрая жена» (кавычки не потому, что сомнительно, а потому, что цитата из Вас). Вот теперь и думаю, как бы исхитриться, как бы напечатать в этом году, да так, чтобы не заподозрили в особых пристрастиях (каждый год его

предлагает!), в протекционизме и прочих вещах, хорошо знакомым бессмертным П. и К.{199}. Но искушение — сильнейшее! Как только возникнет «окно» — попытаюсь рукопись воткнуть.

Вы, как основной герой повести, нравитесь мне чрезвычайно — именно таким я и хотела Вас видеть и вот увидела. Правда, заробела ещё сильнее: как же, Вы прикасались к Ахматовой, беседовали с Ефремовым, Вам писали доверительные письма Юлиан Семёнов и Пикуль, Вас знает мировая общественность, Вас поили без всякой передышки болгарские классики и при Вас занимались любовью шведские девушки — что я могу показать Вам после этого и чем поразить?! Я даже ни одного болгарского слова не знаю. Правда, в пионерском возрасте переписывалась с болгаркой из Варны Евкой Тодоровой. Она меня учила разным словам (хорошим), но всё равно я оказалась совершенно бестолковой.

«Возьми меня в Калькутте» — по-мое-

{199} Комментарии: 199
Герои моего романа.

му, самая раскованная Ваша повесть (или это всё же роман?), в ней купаешься, как в Чёрном море. Вы в ней вытворяете всё, что хотите, легко переходя от рассказа к анекдоту, от анекдота к фантастическому сюжету, к мемуарам, к очеркам нравов, к юмористическому портрету и просто к хорошей выпивке.

Больше всего Вы мне понравились, когда под конвоем П. и К. шли без плавок к морю в обществе Петра Алипиева (тоже славный мужик!).

Представляю, как Вы кайфовали, сочиняя эту вещь.

Теперь о других рукописях и гонораре.

Другие тоже прочитаю — в ближайшее время (Ваших друзей), ибо сейчас занята по горло. О гонораре можно спросить по телефону: 33-89-72 (бухгалтерия «Простора» по гонорару, бухгалтер Олжас — это она, а не он). Все авторы звонят туда.

15 января отпраздновала своё 45-летие и теперь прихожу в себя: друзья взяли меня живьем, пели под гитару и плясали половецкие пляски.

Короче: пир во время чумы, чего и Вам

желаю.

Всегда — N.

25.02.1992

О, несравненный Геннадий Мартович!

Получила и на одном дыхании прочитала Ваше «Посвящение», где столько совершенно хороших стихов. Отдала должное я и культуре издания. Книга оформлена на ять. И снова — в который раз — всё пронизано Болгарией. Я полюбила её с Ваших восхищенных слов (и после «Калькутты» тоже). Как у России есть Беловодье, а у казахов Жер Уюк — Земля обетованная, так и Болгария в Вашей поэтической фантазии представляется таким заповедным и счастливым краем, где солнце, море, красивые, странные люди, счастье, много любви и вина, где — Поэзия. И если говорить о пресловутой «поэтической родине», то Ваша, несомненно, где-то там, в Болгарии, хоть Вы и живёте постоянно в Сибири, хоть и объехали чуть ли не весь свет, хоть и залетаете в воображении в заоблачные миры. И ещё я подумала о Вашем универ-

сализме. Вам в полной мере подходит это очень почётное в прошлом веке звание: литератор, ибо Вы умеете почти всё — и стихи, и беллетристику, и фантастику, и критику, и журналистику, и перевод. Думаю, я назвала не всё — в Вас чувствуется некая бездонность и неожиданные фонтаны таланта, которые бьют произвольно и сильно.

Как сказала бы Ваша мудрая жена, я пою Вам дифирамбы — и это тоже, конечно, но и думаю о Вас совершенно искренне. Я люблю талантливых людей — и это моя неисправимая слабость. Когда встречаются мне бесталанные либо недостаточно одарённые, я начинаю томиться и быстро устаю от общения с ними. Это — пытка! В «Простор» — увы! — такой народ ходит косяками.

Подписала соглашение с новым журналом фантастики, который открывается здесь молодыми ребятами, на редактирование прозы. Поглядим, что это будет за дитя! Со временем надеюсь и Вас привлечь для публикаций — только на своих рассказиках журнал не выплывет. Это

уже теперь ясно.

У нас вовсю пахнет весной, в горах есть подснежники.

А в организме — авитаминоз.

Надежда.

А. Р. РУБАН

Рубан Александр Ревович (1955–2015) — поэт, прозаик, член Союза писателей России. Окончил электрофизический факультет Томского политехнического института (специальность «Физика твёрдого тела»), работал инженером в «закрытом» НИИ, журналистом в многотиражной, районной и областной газетах, стрелком-охранником склада взрывчатых веществ, отделочником на стройке, шорником (шил попоны для лошадей), полиграфистом-дизайнером, верстальщиком. Всё ему шло, всё он умел. Участник Дубултинского семинара молодых фантастов и приключенцев (1989), он работал в моей секции, и вечерами мы, с присоединившимся к нам Колей Курочкиным и Володей Шкаликовым, подолгу бродили по пустынным морским пляжам. Первую авторскую книгу «Чистая правда о том, чего не было» издал в 1990 году в Новосибирске, я писал к ней предисловие. Небольшого роста, очень живой, внимательный к деталям и интонации, Саша Рубан отличался и лиричностью, и юмором. «Теперь я знаю, кем наш мир был создан: у Бога был соавтор — Саша Богдан». Мой соавтор (томич Саша Богдан) ничуть не обижался на томича Сашу Рубана. Все мои друзья понимали юмор. «Рыбам — сети, а птицам

— силки, а сынам человеческим — время...» Это — Рубан. «Разве птица поёт о силках, или рыба — о пагубной сети, ускользая от них? И несется в веках: «Мы счастливого времени дети».

К несчастью, и Саша не ускользнул
Ни от сети, ни от силков...

27.9.1992. Стрежевой

Здравствуйте еще раз, Геннадий Мартович!

Дома не оказалось конвертов, потом оказалось, что их нет в киосках, а потом два дня подряд не работала почта. Завтра она будет работать, а сегодня я перечёл своё письмо и решил, что его стоит дополнить.

Существует ли научная фантастика? Коммунизм — это хорошо или плохо? Нужен ли человеку Бог? У меня нет однозначных ответов на эти вопросы. Можно, конечно, приискать такую формулировку вопросов, которая подошла бы под имеющийся ответ, но это будут поддавки с самим собой. Ответы неоднозначны. «Истина белая». Попытка выразить ответ словами чревата упрощением и ложью.

Это раздражает.

Однажды я преодолел раздражение и попытался составить свод однозначных ответов. И вот ведь какая штука вышла: в списке однозначных «да» и «нет» отразились не столько мои убеждения, сколько симпатии и антипатии — зачастую сиюминутные. Мне это показалось забавным. Так и получились «Мысли без повода».

Похоже на то, что я оправдываюсь?

Похоже: так тень похожа на освещённый предмет.

А писать повести я, видимо, разучился. Мне противно перечитывать то, что я пишу сейчас. Однозначно. Злобно. Предвзято. В лучшем случае — подготовка вопроса под готовый ответ. Как в недавнем славной памяти референдуме{200}.

Почему «хорошие парни побеждают плохих парней?» Потому что они хорошие? Или потому, что они побеждают? В однозначности — ложь. Можно, правда,

---

{200} Комментарии: 200

Всесоюзный референдум о сохранении СССР — единственный за всю историю существования СССР всесоюзный референдум, состоявшийся 17 марта 1991 года и обсуждавший вопрос о сохранении СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик.

уйти от ответа. Но не от вопроса.

А может, пошизую и пройдёт?

Дожди у нас беспрерывные, картошка уродила плохо, огурцы вообще никакие, зато в «Томском вестнике» опубликован чертёж простейшего самогонного аппарата.

Будьте здоровы.

Ваш

Саша.

МОМА ДИМИЧ

Мома Димич — прозаик, один из руководителей Союза писателей Сербии. Мы встречались с ним в Новосибирске, много говорили о будущем. Разговоры с ним остались в памяти как нечто тревожное. Он многое предчувствовал, кое-что знал, ну и не мало в этом было от его парадоксальных взглядов на литературу (перечитайте его роман «Клошар-марксист»). Кстати, первую свою книгу («О человеке, который болел тридцатью семью болезнями») Мома напечатал в 18 лет. Ах, эти разговоры о будущем! Оно и тогда нас пугало, но мы и представить не могли, во что это будущее выльется на самом деле.

Белград, 6.VI.93

Дорогой Геннадий!

Вот минуло уже десять лет, как мы встретились в твоем незабвенном Академгородке. Многие изменились, и много изменилось, хотелось бы снова встретиться, тем более что в самом мире многое изменилось… Рассекли нас на две земли… Но я надеюсь, что мы остались

такими, какими были…

Не так давно, в феврале этого года, умерла наша великая Десанка Максимович.

Она всегда надеялась, и говорила, что ты однажды приедешь из Сибири и посетишь ее родной город, где она теперь похоронена. Возле нее лежит и ее покойный супруг, он был русский — Сергей Калюжанин, детский поэт. И вот в этом году мы собираем международную встречу писателей в Белграде, а также в Бранковине, где пройдет традиционный фестиваль «Славянская поэзия Десанки».

Мы очень хотели бы, чтобы наконец в этом году ты был нашим дорогим гостем.

С Союзом писателей в Москве мы продолжаем поддерживать отношения и надеемся, что все будет, как и раньше. Боюсь, они не смогут, как прежде, сильно помочь тебе с этой поездкой и облегчить получение визы и прочих формальностей, мы сами будем пытаться, сколько можно, сделать это отсюда, от нас, тем более что есть в России несколько благожелательно настроенных фирм, например «Брача Карич» и другие, которые помогут

с билетами до границы, потому что до Белграда самолетом сейчас невозможно добраться из-за воздушной блокады; только поездом, автобусом или авто.

Ты должен увидеть, что такое блокада.

Напиши нам, сможешь ли ты к нам приехать?

Хорошо бы получить подробности о твоих новых книгах, чтобы заранее знать о них и объявить о них у нас здесь. Я сам издал несколько новых книг, в одной даже описал путешествие в Сибирь. Она осталась для меня настоящей большой любовью и великой тайной. Одна глава так и называется: «Неожиданное путешествие в Сибирь», там, кстати, рассказано о тебе.

Ест ли у тебя проблемы в том, что пишу тебе на сербском? Или писать на английском? Мне пиши на мой домашний адрес или на адрес Союза сербских писателей. Очень надеюсь тебя увидеть.

Привет!

Мома Димич.

А. Р. РУБАН

11.10.1993. п. Пионерный

Здравствуйте, Геннадий Мартович!

Две недели пытался написать вам письмо, но сначала думал, что скоро увидимся (на 30-летии Томской пис. организации), потом откладывал на завтра, а теперь — первая ночь вахты, и завтра Шкаликов едет домой, где и опустит конверт. Почти полгода живу в Томске и наконец-то чувствую себя провинциалом. В Стрежевом — не чувствовал, наверное, потому, что, живя в Стрежевом, с кем я общался? С вами, со Шкаликовым, с Сашей Эйпуром, с Чижом, с Бугровым и даже с Лёней Моргуном — столичным, как сама «Столичная». И общение было редким, но чистым — т. е. не разбавленным, ничем не замутнённым. А став томичом, я немедленно окунулся в бурную политическую борьбу писательской организации с Осокиным, я наблюдаю сгорбленного Афонина, который не здоровается с Вен. Колыхаловым, полагает себя классиком и ходит обижен-

ный, поскольку одинок в своём мнении, и вместе со всеми живу в ожидании мешка сахара, обещанного городской администрацией каждому члену творческих союзов… и так далее.

30-летие отмечали поздним вечером 3 октября, в ТЮЗе. Колупаев слёг с радикулитом и правильно сделал, а то и его бы выволокли на сцену, сунули среди нас и стали бы говорить примерно такое:

— В нашем коллективе тридцать процентов наших учащихся пишут стихи, десять процентов — прозу, а остальные ничего не пишут, но тоже очень любят томских писателей…

Сказав сие, дама из колледжа (бывшего ПТУ) одарила книжками Казанцева и Вен. Колыхалова, которые с колледжем сотрудничают. Не углядел, что досталось Казанцеву, а Колыхалову досталась романизация незабвенного сериала с однофамилицей Фиделя на обложке. Потом мы довольно пресно пьянствовали и ждали, когда подадут автобусы — развозить нас по домам. В это самое время в Москве стреляли. Люди в людей.

Я Вам завидую, как вы быстро пишете. Совсем недавно замышляли 4-й Крестовый поход — и вот уже написано, и продаёте. Уже, наверное, продали. Кому?

А я вернулся к своему «Русскому Марсу» (бывшее «Тайнозвучие»). Пишу по страничке в ночь. Получается всё так же зло, но по крайней мере весело. Сегодня перед сменой видел во сне Петра Первого. Это, наверное, потому, что мой герой ведёт происхождение от Рюрика, вот и приходится вчитываться в Карамзина. Точнее, не от Рюрика, а от Святополка Окаянного, который бежал не на запад, в Богемию, как утверждает Карамзин, а на восток, к Яику. Его потомки будут всплывать во времена смут и междуцарствий, и предъявлять права.

Мой «Сон войны» появится (тьфу-тьфу) в пятом номере «Фантакрима» — недавно дозвонился до Минска и узнал. А в России эту рукопись никто не покупает.

Российская история отвратительна — как, впрочем, любая история. Славные предки славны лишь тем, что славно мочили друг друга. И такое впечатление,

что потомки стараются соответствовать.

А вот слово «патриот» — это ругательство, или диагноз?

Недавно перепечатывал для Лиды (жены) новую программу по литературе для 5 класса, при этом шипел и плевался, как чайник. А. К. Толстой в программе облаян за ироничное снижение образа Ильи Муромца, Карамзин — за велеречивость и отход от сур-р-овой пр-р-остоты нар-р-родной поэзии, а Бунин обласкан за правильное понимание и адекватное отражение. «Песни западных славян», оказывается, написал Пушкин — про Мериме ни слова. Вся индейская мифология дана Гайаватой, а скандинавская даже не упомянута. Не было её. Русские богатыри на Лонгфеловским пустом месте возникли. Из величия своего духа.

И вот такой вот патриотической белиберды — пять журнальных страниц мелким шрифтом. На середине третьей страницы оказалось, что Лида этого ещё не читала, а просто ей надо вернуть журнал — и побыстрее. Слава Богу.

Шкаликов проснулся, побрился, наоде-

колонился и передаёт вам привет.

Саша.

А. И. АФАНАСЬЕВ

Минусинск, 1994

Дорогой Геннадий Мартович!

Получил ваше письмо и рукопись{201}. Прочёл залпом. Великолепно!

И до чего же красиво и органично вошло сюда все, что было задумано и дополнено. Действительно, вы сделали все, что в человеческих силах. В конце я сам буквально плакал и терзался вместе с Зитой, потерявшей ребёнка. Вот, больше пока ничего переделывать не надо. Чтобы не нарушить достигнутой гармонии. Вы совершенно правы в своих планах — с месяц капитальный отдых, а потом дальше — ко второй и к третьей книгам. Работу над первой книгой на данном этапе можно считать законченной, вплоть до полного завершения всего сериала третьего витка спирали.

Вы спросите — а почему «пока»? Почему «можно считать законченной»? А

{201} Комментарии: 201
«Стрела Аримана».

разве она представляется в чем-то незаконченной? Вопрос естественный, но к ответу я приступаю с величайшим смущением. Дело в том, что только сейчас, увидев целиком уже готовую картину, я понял, что именно в ней недостаёт. Но говорить об этом уже поздно. Доделка и переделки сейчас пока ещё психологически невозможны. Пусть вылежится. У вас получилось вполне совершенное творение с целостной конструкцией и ценной стержневой идеей. Пока что эту изящную конструкцию абсолютно нельзя дополнять ничем тяжёлым. Она не выдержит крупных дополнений. Следовательно, всё, что я вам скажу ниже, отнесите к тому далёкому времени, когда вы поставите последнюю точку в последней книге этого цикла и, спустя парочку месяцев, лёжа, закрыв глаза, в шезлонге на берегу Чёрного моря, задумаетесь над объединением этого цикла в величественную эпопею истории третьего витка исторической спирали.

Начну с того, что «Стрелу Аримана» я, как обычно, читал вслух вместе с Надей

— женой. Она для меня всегда была и есть живой эталон здравого практического смысла — такая среднестатистическая реакция массового читателя. Любую свою писанину — статьи, письма, статистические измышления — я всегда читаю ей и твёрдо убедился в том, что её восприятие можно принимать за эталон восприятия середняка-обывателя. Книга ей очень понравилась. Мы отложили все домашние дела и даже не включали телевизор — пока не прочитали всё от корки до корки.

И вот в каких, дословно, фразах выразилось горячее её одобрение.

«Действительно, так ведь, наверное, всё и будет. Вот ведь взаправду, до чего люди могут дойти. Живут, как у Христа за пазухой, любые прихоти им по щучьему велению исполняются. Вот они с жиру-то да от лютого безделья и бесятся. Родных детей не воспитывают! Не знают уж куда и кинуться, как эти ли-беры. Это он верно всё изобразил. Молодец!»

Это была решительная и, пожалуй, даже восторженная похвала.

22-й век — это отнюдь не воплощённый

рай на Земле. Иначе эта форма не рухнула бы в одно историческое мгновение под собственной чудовищной тяжестью. Для меня мегаполис — это скорее преддверие ада. А говоря точней — это один из самых труднейших переломных моментов истории. Он страшен своими социальными и психологическими перегрузками, которые обрушиваются, зажимают в тиски и давят на ослабленное массовой культурой сознание обывателя. Именно от этого невыносимого для сознания пресса, а отнюдь не от описанных вами райских благ цивилизации обыватель готов бежать без оглядки куда глаза глядят, готов голодать и мучиться, но лишь бы жить собственным мозгом, а не его электронным заменителем. Жить плача и радуясь, злясь или восторгаясь, но только бы собственными чувствами, только бы не туманами запахов или искусственной квазижизнью МНЕМО.

Геннадий Мартович, если и массовый читатель поймёт вас так же, как моя Надя, значит, надо очень серьёзно нам с вами подумать — а ТАК ЛИ мы препод-

несли людям наше представление о тех конкретных проявлениях всеобщего закона исторической спирали? Поймёт ли наш массовый читатель, что там, на пике урбанизации, где в корне, в принципе переламывается пятитысячелетний способ производства (причём переламывается в считанные десятилетия — мгновение на шкале всемирной истории) и острота общественных противоречий должна быть катастрофически предельной. Именно катастрофически, то есть слишком для многих, в том числе и для главных наших героев, она должна быть уже запредельной. Ведь согласно второму закону диалектики борьба противоречий — единственная движущая сила любого развития и, следовательно, скорость развития прямо пропорциональна остроте противоречий. Здесь же скорость изменений предельно возможная, бешеная, мгновенная по меркам истории.

Разумеется, мы, в художественном произведении, оперируем не законами диалектики. Мы рисуем исторически обусловленные типы, портреты живых

людей. Точнее, их рисуете вы. Я лишь предлагаю вам некие весьма условные схемы, не более. Но давайте посмотрим, совпадают ли ваши портреты с моими схемами по своей смысловой нагрузке?

Скажем, в моем «Витке спирали» Агасфер кончает, точнее пытается кончить жизнь САМОУБИЙСТВОМ, ибо не в силах больше переносить такого «благополучия», установившегося, как ему кажется, навечно, а ваш Ага Сафар попадает в переплёт по дурости. Но шут с ним — с такой скорости какой спрос. Идём выше. У меня Арон Санд бешено ищет любого, какого угодно, даже самого отчаянного выхода из духовного тупика, и погибает, убедившись, что выхода нет. Ваш Ждан вполне удовлетворён этим до очевидности иллюзорным миром МНЕМО, и более того — дальше этого мира иллюзий в своём поиске идти не намерен. Мой профессор Санд ВИДИТ выход в кардинальной революции способа производства. Но он видит и то, что это объективно неотвратимая революция несёт крах цивилизации. И он насмерть загоняет сам себя в поисках

решения этой неразрешимой дилеммы. Ваш профессор Хайдари вполне согласен, что мир возможно претерпит в будущем значительные изменения. Но для него это не более чем оригинальная гипотеза древних, не лишённая чисто академического интереса и в настоящем. В моих художественных потугах люди низов, последняя надежда Арона Санда, раздавлены невыносимым психологическим прессом жизни (как и всё остальное — это у меня никак не выражено в действиях, осталось голой декларацией), а вот ваши либеры, судя по их сентенциям действительно с жиру бесятся. «Нам всё дано, но нам ничего не надо!» А жрать-то им надо? Жратву-то они, поди-ка, из тех же общественных источников берут, что так рьяно отрицают. Чай, не добывают в поте лица хлеб свой. У Индийского-то океана можно и в пещере дурака валять. А вот если б на такого либера для убедительности идеи посмотреть у нас в Сибири — в однокомнатной пещере без туалета и ванной…

Поймите меня правильно, Геннадий

Мартович. Я искренне восхищаюсь вашей книгой, и многие из этих запоздалых мыслей возникли у меня уже ПОСЛЕ прочтения вашей работы. Значит, то, что я сам прозрел — в этом ваша заслуга. Но все же, как раз то, что осталось за бортом «Стрелы Аримана», как раз и представляется мне тем самым ключом, без которого ИСТИННОЕ понимание механизма исторического процесса, понимание самой сути ожидающего нас будущего является для массового читателя за семью печатями. Этот ключ — революция средств производства, революция способа производства и вытекающая отсюда революция производственных отношений. Это только и есть основа основ понимания истории.

Без этого ключика история непознаваема.

Ваш А. Афанасьев.

А. Р. РУБАН

5.3.1994, Томск

Здравствуйте, Геннадий Мартович!

Простите, что не ответил сразу — закрутился. Восьмого марта близко-близко, завтра ко мне из-за границы приезжает папа, у Лиды (жены) по случаю весны скачет давление, а сам я, оскальзываясь, бегаю по Томску, ищу спонсора. Поиски обещают быть интересными.

Томские писатели живут… разнообразно.

Колыхалов Владимир издал «Когти дьявола» — жутик про Лигачёва в мягкой обложке. Колупаев, кажется, тьфу-тьфу, нашёл спонсора для издания своей научной работы о пространстве и времени (популярное изложение). Принципиально хочет издать не более двух тысяч экземпляров. Казанцев, кажется, нашёл спонсора для своей поэмы про Ивана Грозного и евойных жён. В фантастическом журнале Юрия Петухова издался… забыл его фамилию, но тоже томич. Сер-

гей Заплавный предложил нефтяникам, а нефтяники с радостью ухватились за предложение — издать в новой Стрежевской типографии книгу про геолога Ильина. Автором книги случайно оказался Сергей Заплавный. Умеют же люди писать нужные книги! Шкаликов начал новую грандиозную вещь. Он мне прочитал прелюдию, а я тащился, одновременно терзаясь чёрной завистью: я никогда не смогу написать ТАК. Только по-другому. А хочется — иногда — ТАК. Что делать… Бог не дал… Бери, что дают.

Я начал новую повесть. О любви.

Хотя пока что получается о войне.

Чёрт бы их всех подрал, настоящих мужчин с квадратными подбородками — что им дома не сидится?

А много ли вулканов на Парамушире, и сколько нужно небольших подземных атомных взрывов, чтобы разбудить их и превратить этот довольно обширный остров в не менее обширный ад? Или, может быть, хватит одного хор-р-рошего артобстрела? Но ад мне нужен позарез, и именно на Парамушире, чтобы Корякия

могла из-за угла наблюдать и приговаривать: «Это не я!» — в ответ на запросы Миротворческого департамента. Впрочем, я ещё не знаю, существенно ли это. И вообще это будет «Белый слон. Сказка о неизбежном». Шкаликов пишет «Сагу о невозможном» и напишет, конечно, быстрее — ну и пускай себе. А я не торопясь.

И всё это напоминает мне берестяные туеса.

Я очень радовался, когда учился их делать, у меня стало легко и сразу получаться, я сам придумывал и осуществлял новые конструкции, разработал и внедрил функционально-красивую шишечку-ручку для крышки, и пр., и т. п. А потом стало скучно. Хотя высот ремесла я, разумеется, не достиг, никого не превзошёл и многих секретов туесоделания не раскрыл. Я даже в бересте остался дилетантом. И стоят на кухне мои туеса, как свидетельство моих больших возможностей. Бог дал, а я не взял.

А Шкаликов и туеса быстрее лепил, полнее освоил и до сих пор не бросает.

Он умеет преодолевать, в особенности

— себя, и делает это с большим удовольствием. Так что, пока он рядом со мною — этот живой упрёк с пытливыми глазами и слегка натужной жизнерадостностью.

Но свои туеса я люблю. Полезные вещи. Функциональные. Сам делал.

Наши вахты скоро удлиняться вдвое: будем работать по месяцу через месяц. «Томскнефть» решила сэкономить на самолётах. Капиталисты! Кровопийцы! Эксплуататоры трудового народа! Они ещё понюхают наши пролетарские булыжники.

Всего Вам доброго.

Саша.

В. АСТАФЬЕВ

Красноярск, 21 апреля 1994 г.

Дорогой Геннадий!

В настоящее время я нахожусь в больнице, а рукопись романа «Прокляты и убиты» (вторая книга — «Плацдарм») в «Новом мире» читается, и что из этой читки получится, пока не знаю, но что будет еще работа — несомненно.

«Плацдарм» взял все мое здоровье и силы, более я ничего не писал и написать был не в состоянии так что прислать вам нечего. А чего «Сибирские огни» достигли? А «Земля-Сибирь» жива ли? Надо было бы сократить старейший сибирский журнал с давней хорошей репутацией «Сибирские огни», а уж потом, наверное, в лучшие времена начинать новый журнал. Или я неправ? У нас в Красноярске выходит журнал для семейного чтения «День и ночь», но держится он на подачках богатых людей. Я не уверен, что долго

продержится{202}.

Доброго вам всем здоровья, успехов.

В. Астафьев.

{202} Комментарии: 202

Продержался, благодаря неистощимому энтузиазму красноярского прозаика и поэта (главного редактора журнала) Романа Солнцева (1939– 2007), и ведь до сих пор держится. Несколько лет я работал в редколлегии «Дня и ночи»; убеждён, что у подобного рода изданий (литературный журнал для семейного чтения) есть будущее.

Б. Г. ШТЕРН

5 апреля 1994. Киев.

Гена, дорогой!

Да, приезжала Ольга{203}, да, получил я твоё письмо, всё это было зимой, а сейчас уже апрель. Птички блестят, солнышко поёт. А литературная жизнь в глубокой дупе. Особенно на Украине. Что и следовало ожидать — на Украине две тысячи писателей, что им кушать?

Пройдусь по новостям.

Книга у меня в Одессе вышла, в январе, мне должны привезти 2000 экземпляров — это гонорар, книгами. Это неплохо, это 7-9 процентов от тиража, надо будет продать получше, мне ребята помогут. А планы у Онула и Борянского (издатели) такие: а хрен его знает, что делать дальше, потому что инфляция сейчас рванёт ещё выше. Говорят, что надо «погодить». Боюсь, что надолго их не хватит.

Интересные новости из «Северо-За-

{203} Комментарии: 203
О. Н. Ларионова — писатель-фантаст.

пада». Впервые в жизни на пути моей книги встала стихия — в Питере сгорел к чёртовой матери Дом союза писателей, а в нём на четвёртом этаже этот самый «Северо-Запад». Остались голые стены. И десяток авторов, с которыми «С-З» заключил договоры и выплатил гонорары — Рыбаков, Логинов и другие. Я в их числе{204}. Книга, значит, насмерть застряла. Там застревание, конечно, не только из-за пожара (кстати, явный поджог, загоралось два раза), но и из-за их собственного издательского банкротства — склады у них затоварены, ничего не продаётся и т. д. Смотри, что делается: «Ренессанс» меня не издал, «Северо-Запад» не издал, Ютанов не издал, «Текст» не издал, но… Но все в своё время чего-то заплатили! Кто немного заплатил («Текст», Ютанов), а кто даже неплохо («Ренессанс», «Северо-Запад»). И на эти шальные издательские деньги я с семьёй эти годы живу. С 86го,

{204} Комментарии: 204

У меня такое случилось с книжкой «Азбука вины», только — на Украине. Книжка вышла в Луганске в 2014 году, но до читателей не дошла, поскольку весь тираж сгорел вместе с типографией при очередном обстреле города.

уже восемь лет. (Ещё две книги в «Молоди», ещё несколько авансов, гонорары от Ярушкина, из Симферополя…) Удивительно.

Зимой Клугер два раза приезжал. В израильское консульство. Останавливался у меня. Решился, собрался в Израиль с матерью и сестрой. Как видно, осенью уедет. Крым (а Клугер там обитает) всю зиму сидел без газа и электричества. Рассказывает о делах в «Тексте». Разбегается народ. Недовольство. Миша Гуревич ушёл, организовал какую-то свою фирму. Многие ушли. Гера и Виталий что-то делают.

Такое вот.

Не пью. Правда, недавно на похоронах подруги сорвался с крючка, скушал бутылки две самогона, но дальше не поехал. Пишу, пишу. Небольшую повестушку написал о Чехове (!), о том, как Чехов не умер в 1904 году, а прожил до 1944-го. То ли повестушка, то ли «фантастическо-литературоведческая статья». И неплохо вроде, нескучно. А куда пристроить, не знаю, как всегда.

А письма стало трудно писать. Какое-то

не эпистолярное настроение в воздухе.

Фэны пригласили меня на «Интерпресскон» в Питер, но я не поеду. И настроения нет, и на дорогу нужно потратить долларов 40–50. Это два миллиона карбованцев. Это пять-шесть среднеукраинских зарплат. Откуда? Не поеду.

Генка, обнимаю. Всем приветы! Жаль, что Миркес так и не издал «Лишь бы не было войны». Так и лежит.

Жму руку.

Твой Штерн.

Киев, 21 апреля 1994.

Гена, дорогой!

Новость о твоем журнале{205} очень об-на-де-жи-ва-ю-ща-я и во-о-ду-шев-ля-

---

{205} Комментарии: 205

Литературно-художественный журнал «Проза Сибири» был задуман и осуществлён Аркадием Пасманом и Леонидом Шуваловым — моими новосибирскими друзьями, людьми талантливыми, пишущими, многое понимающими. Девяностые годы были как взрыв: обрушилось отечественное книгоиздание, хлынул на рынок (до этого сказали бы — к читателям) поток самой низкопробной литературы, а то ценное, человечное, что, конечно, ещё продолжало появляться, далеко не всегда доходило до Сибири. Мы хотели дать читателям качественную литературу, потому и договаривались с каждым автором отдельно, и, конечно, платили им гонорары. Вполне достойные. Делали журнал: главный редактор — Г. М. Прашкевич, редакторы — драматург Замира Ибрагимова и прозаик Владимир Клименко. Практически с каждым автором я договаривался сам (благодаря своим прямым и давним контактам). В итоге «Проза Сибири» соединила на своих страницах творческих людей, казалось бы, совершенно (в то время)

непримиримых. Дали согласие сотрудничать с нами (и сотрудничали): Виктор Астафьев (Москва), Александр Бирюков (Магадан), Кир Булычев (Москва), Владимир Войнович (Москва-Мюн-хен), Евгений Войскунский (Москва), Георгий Гуревич (Москва), Сергей Другаль (Екатеринбург), Евгений Евтушенко (Москва), Василий Коньяков (Новосибирск), Виктор Колупаев (Томск), Владислав Крапивин (Екатеринбург), Юрий Магалиф (Новосибирск), Вильям Озолин (Барнаул), Валентин Распутин (Иркутск), Марк Сергеев (Иркутск), Роман Солнцев (Красноярск), Борис Стругацкий (Санкт-Петербург), Вадим Шефнер (Санкт-Петербург) и многие другие. К сожалению, поставить такой журнал на самоокупаемость оказалось делом чрезвычайно трудным. Главная причина — социальные потрясения.

ю-ща-я! Я очень впечатлился (суммой предполагаемого гонорара тоже). Вот было бы здорово, если бы журнал состоялся! Готов отдаться журналу с потрохами — специально писать для тебя («специально» в том смысле, чтобы попадать в тональность журнала) и отдавать в первопечать все, что тебе подойдет.

Теперь — вопли. Не советы, а именно вопли. Не публикуй эту дурную фантастику. Ни малеевскую, ни текстовскую, ни молодогвардейскую, ни петербургскую! Никакую! Михайлов уже пытался сделать из «Даугавы» журнал фантастики — неудачно, и не только из-за политики. Не нужно это. Нормальная крепкая литература нужна — а если она будет со странностями, с уклоном в фантастику — вот и отлично. Хорошие писатели нужны — а если появятся рукописи вроде «Человека-невидимки» или «Пикника на обочине» — публиковать, не разбирая, «фантастика» это или «не фантастика».

И ещё. За последние пятнадцать лет мы прекрасно увидели, кто чего стоит, кто писатель, кто неписатель, кто издатель,

кто делец, кто книгопродавец, кто вообще никто. Всё расчудесно раскрылось, всё очень понятно стало, хотя я и прежде не особенно заблуждался. Ну их всех в дупу! Недавно показали по РТР семинар Бориса. Стругацкий — он в порядке, он при исполнении, но вокруг него сидели все те же известные тебе семинаристы — всем далеко за сорок — и всерьез рассуждали о том: «Поэт в России больше чем поэт, или меньше?» Стыдоба!

Отсылаю тебе три рукописи.

О Чехове.

Это фантастическая биография Чехова.

Писал ее с удовольствием и считаю, что получилось удачно.

Чехов — он Чехов, о нем всегда интересно и читать, и писать. У Моэма в статье «Искусство рассказа» есть изложение чеховской биографии. Я вначале прицепил свой вагон к паровозу Моэма, а потом сам поехал. Возможна хорошая литературная мистификация — неопубликованный текст Моэма, найденный под подушкой. Можно несколько строк от редакции: мол, неизвестный текст Моэма, но редакция

ответственности не несет. Я бы сыграл в такую игру. Материал интересный, литературный, юбилейный — в этом году девяносто лет со дня смерти Чехова; может вызывать всякие забавные волны и разговоры. Но можно и не мистифицировать, публиковать под моим именем. На твое усмотрение. Но я бы поиграл. Чтобы жить стало веселее. Обрати внимание: Чехов о Ленине, Чехов о Владимире Сорокине…

Мишель Шлиман.

Эта повестушка под вопросом.

Тоже как бы биография двойника знаменитого Генриха Шлимана.

Кажется, я перехулиганил Мишель. Не знаю, сам посмотри. Там, кстати, есть твой анекдот о монахах в тайге, и мои старые нижневартовские впечатления. Вообще, если будут конкретные деловые соображения насчет чего-то «добавить», «переделать», «сократить», «развить», я никогда не против, могу повкалывать — но только не давай никому текст редактировать без меня. Хотя, конечно, я иногда перебираю со всякими смехуеч-

ками и недобираю в серьезе, меня надо немного «доворачивать», немного со мной «работать».

Моцарт и Сальери.

Правда, эта «пиеса» уже издана в моей одесской книжке, но…

Кто эту мою книжку видел и увидит? Даже у меня ее до сих пор нет. Если понравится — бери для журнала.

Да, еще о «Чехове».

Эта рукопись сейчас находится в Москве.

В газете «Литературные новости». Возможно, они даже решат опубликовать ее, но в июле — хотя она для них большая, не газетная, на два листа. Потом, я месяц назад послал ее Стругацкому — он может предложить ее в ленинградскую (питерскую, то бишь) «Звезду».

Если возьмешь «Чехова» в свой журнал — ответь, и я зарублю все эти планы.

Как журнал называется? Откуда такие великолепные гонорары? Он кем-то спонсируется? Будет ли какое-то определенное («сформулированное») направление?

Поздравляю от всей души с «Аэли-

той»{206}.

Все правильно, им давно надо было это сделать.

Я говорил когда-то в Свердловске (кажется, Сергею Казанцеву): почему дали «Аэлиту» Корабельникову, а не Прашкевичу? В ответ что-то невразумительное — мол, молодому надо дать. И вот дозрели. Я очень рад.

Насчет моего приезда на «Аэлиту» — наверно не нужно говорить об этом с Бугровым. Дорога очень уж дорого стоит. Надо поездом пилить в Москву, потом в Екатеринбург — а один лишь билет из Киева в Москву стоит 20-25 долларов (у спекулянтов, в кассах билетов нет). И потом, я уже почти год не пью, а на твоей «Аэлите», конечно же, сорвусь с крючка…

Нельзя…

Жаль, очень хочется повидаться… но что же делать?

Сейчас включаю принтер, перепечатываю тексты и иду на почту.

{206} Комментарии: 206

В мае 1994 года я стал лауреатом «Аэлиты» — всесоюзной, самой значимой и почётной на то время награды в отечественной фантастике.

Гена, пусть твои журнальные спонсоры купят компьютеры для журнала, и всякие принтеры и ксероксы. Один компьютер забери домой и освой простой русский редактор «Лексикон» — это несложно, через неделю-вторую забудешь о машинке, уже не сможешь к ней вернуться. Очень уж удобная штука, особенно в саморедактуре — исчезают черновики, все тексты всегда на экране, очень облегчает, убыстряет, исчезает механическая работа.

Тьфу, черт, только что Сидорович звонил с Николаевым. Прямо-таки требует, чтобы я приехал в Питер. Ой. И отказывать неудобно, и ехать нельзя. Что-то я стареть стал, боюсь поездов и пьянок.

Все. Жму руку! Жду новостей.

Очень-очень нужны хорошие новости.

Твой Штерн.

Н. М. ЧЕРНОВА

23.XI.1994

Ослепительный Геннадий Мартович!

Давным-давно я получила и прочитала «Шкатулку рыцаря», но дозвониться по Вашему рабочему телефону мне ни разу не удалось: возмущались какие-то чужие люди, а с письмом получилась проволочка из-за суеты сует, как-то: лечение зубов, барахление сердца, засолка капусты — у нас в эту осень тьма капусты и прочих овощей, и всё ещё тепло. Ну, ладно, к делу это отношения не имеет. Прочитала Вашу рукопись на одном дыхании (снова), хотя, конечно, после «Тайного брата» она кажется несколько лёгкой. Вероятно, «Тайный брат» — Ваша вершинная вещь (пока!), хотя и «Шкатулка» написана хорошо, приятно узнавать Ваш стиль, Ваши интонации, а этим не всякий, даже порой маститый, может похвастать. Мой муж, барон фон Кнорринг, по достоинству оценил Ваш юмор и с братской нежностью относится к кабану Барону, чьё присут-

ствие красной нитью проходит через всё повествование. Это приятно.

«Тайный брат» напечатан, но никак не могут выйти номера — задерживает типография из-за наших долгов: они теперь уже приблизились к двум миллионам тенге. Учредителя нашего, Союз писателей, с нового года перестают финансировать, а значит — и нас, и надо как-то продаваться, но вот вопрос: кому? Фирмы прогорают одна за другой. Банкир Смагулов, обобрав вкладчиков, смылся на личном самолёте в неизвестном направлении. Так что, и у нас есть свои Мавроди! Плоховато с собственными Невтонами и Платонами, но кому они теперь нужны на фиг? Денег нет нигде и ни у кого, но все хотят дивидентов, премий и юбилеев. Вот, например, в нашем Союзе писателей, который не может командировать делегацию в Акмолу на юбилей Сакена Сейффулина — касса пуста, но не так давно произошло бурное деление писательских премий года: целых 20 премий присудили, учитывая, конечно, равное представительство жузов и кланов. При-

судили — и разошлись: денег-то нет и делили по сути шкуру неубитого медведя, а может и вовсе воздух. Но зато все лауреаты! Или один претендент на Госпремию хвастал, что его в Польше издают и вот, мол, буклет оттуда прислали рекламный. Красивый, яркий. Все завидуют. Но когда специалист (польский язык) ознакомился с этим буклетом, то оказалось, что всё перепутано и прислали нашему лауреату рекламу кулинарной книги, посвящённой пирожкам. А для казаха-то изображение дастархана всегда почётно и радует сердце. Вот он и радовался. Так что в жизни поистине всегда есть место веселью.

Мы надеемся, что нас не закроют — правительство не посмеет, будет финансировать, а жить на краю пропасти уже привыкли: ну пропасть и пропасть, подумаешь! У кого за окном луг зелёный, а у нас — пропасть, так что? Ещё туда не упали… Я когда-то стихи написала о нашей такой психологии, о моих предках по отцу — курянах.

Мои голубоглазые куряне

Неторопливы — а куда спешить?

Взойдёт сосна, подлесок даст, увянет,

А предок мой ещё не начал жить.

Уже скворцы и ласточки отпали,

уж соколиха выбилась из сил,

А предок — что спешить-то в самом деле? —

Ещё и горло толком не смочил.

Уже враги короткой перебежкой

Вошли в деревню, сняли караул,

А предок мой — чего смешить поспешкой? —

Ещё и лапти не переобул.

Уже ведут его к сосне отдельной,

А предок мой дымит цигаркой всласть:

Куда спешить? — Ещё петлей смертельной

Верёвочка над ним не завилась…

Есть и новые стихи, немного, но всё же, но о них в другой раз.

Очень интересует меня Ваша рукопись об авантюристе{207}. Как он?

А вот личная рукопись Вашего посыльного мне, к сожалению, не приглянулась. Очень жаль, но… скучновато и не ново. Сам же он человек, по-моему, вполне симпатичный. Может, у него другое что-то есть, более удачное? Просто такой фантастики, как у него, у нас хоть отбавляй — приходится выбирать. Пусть уж он не обижается. Как ваша служба? Не слишком ли опасна и сложна? А главное — прибыльна ли? В надежде, что все дойдёт и от Вас тоже,

---

{207} Комментарии: 207

Якутский казак Иван Козыревский (1680–1734) в монашестве — Игнатий, основная движущая фигура моего романа «Секретный дьяк или Язык для потерпевших крушение». Первым ступил на самый северный Курильский остров — Парамушир. Со слов местных охотников и пленённых по случаю японцев начертил первые карты Курильских островов. Работа над романом заняла у меня более двадцати лет, очень уж не хотелось прерывать её.

ваша *Надежда.*

PS. Барон Вам кланяется и готов служить Вам прототипом всегда.

Г. И. ГУРЕВИЧ

Москва, 12 июля 1994

Дорогой Геннадий!

Во-первых, поздравляю с «Аэлитой».

Это приятно и почетно. Теперь навек Вы внесены в список лучших фантастов всех 12 разобщенных государств (12-кратный лауреат).

«Аэлита» по-прежнему так же красива и основательна?

И родонит есть, и черный мрамор?

Ужасно жалко Бугрова{208}. И почему это лучшие люди умирают раньше? Я глубоко уважал его. Бугров был Великим Работягой. Я уверен, что мир спасет не красота, а работяги.

{208} Комментарии: 208

Виталий Бугров, один из самых близких моих друзей, умер в Екатеринбурге в ночь с 23 на 24 июня 1994 года.

«Приключения мысли»{209} написаны все двенадцать глав (русел). Проходит стадия подчистки. Надеюсь послать Вам числа 25–30 июля. Прошу простить мне некоторые незаконченные чистые страницы. На перепечатку нет сил, лишнего месяца и денег. Две ленты за перепечатку для меня уже слишком много.

Вам разрешается сокращать слова, абзацы и даты 1–2 главы, если покажутся лишними. Вписывать никакому редактору я никогда не разрешал ни глав, ни абзацев, ни слов. Сейчас живу в Переделкине, и, если верить Нелечке, буду жить до середины августа. Живу, как всегда, в корпусе и с каждым годом все меньше

{209} Комментарии: 209

Горжусь тем, что уговорил Георгия Иосифовича написать эти его воспоминания. «Когда принято было сидеть — сидел, а когда пришлось воевать — был солдатом». Всё просто, всё воспринимается. Даже о школьном литературном кружке написано у Гуревича с юмором (вовсе не чёрным): «Побывал у нас Борис Пильняк (позже расстрелян), Сергей Третьяков (тоже расстрелян), Лев Кассиль (у Кассиля только родной брат расстрелян), Корней Чуковский, Николай Асеев. Считая себя будущим писателем, я записывал все эти встречи для себя, чтобы опыта набраться…» Опыт был своеобразный. Из выступления Льва Кассиля, например, школьнику Гуревичу запомнилось, как «Маяковский прямо с утра уходил бродить по прибрежным скалам, шагал, шёпотом повторял слова, а к вечеру приносил четыре новых строки, в удачный день — восемь строк для «Облака в штанах», и за ужином читал все сначала плюс новые строки. А пятилетняя дочка Чуковского запомнила всё наизусть и однажды потрясла родителей, декламируя:

«И выбласывается, как голая плоститутка из окна голясцего публичного дома...» Не удержался, цитирую. Замечательные «Приключения мысли» печатались только в журнале «Проза Сибири».

общаюсь. В столовую хожу раз в день на обед — трудно, ноги не желают. Сдаю, постепенно гасну. Вовремя успел написать отчет — «Приключения мысли». А за дверью — до балкона — великолепная пышная зелень, сияющая на Солнце. Буйная жизнь идет своим чередом. Желаю Вам бурного (не буйного) успеха в создании подлинно литературного журнала.

Привет Лиде, Лене и Гомбоджапу. Есть ли у него сейчас какая-нибудь должность, например, Хранитель спокойствия и равновесия главного редактора?

С самыми лучшими пожеланиями всегда,

Гуревич.

Москва, 23.I.95

Дорогой Геннадий!

«Прозу Сибири» я получил.

Спасибо, и еще раз поздравляю. Это великое дело в наше время — не только затеять, но и выпустить журнал. Общее впечатление — добротно. Литература, ни одной халтурной вещи. Больше других понравились Другаль, Декельбаум и Мо-

мерсет.{210} «Дни по Фрейду»{211} прочел просто с увлечением, а на «Мифологии детства»{212} заскучал. Мастерски описано, литературно, но скучно. Скучны мне детские впечатления будущей домашней хозяйки. Может быть она и стала писателем, но все равно круг интересов домашний.

Из этого перечня видите, что вкус у меня, как и был — средне читательский. Меня интересует действие и развитие. Я хочу знать, что мне хотел сказать автор, и как он это говорит. С чего началось, к чему привело? «Что вы хотели сказать?» — ужасно мучил я своих семинаристов. Они не могли ответить и затаили на меня обиду.

О Прашкевиче{213}.

{210} Комментарии: 210

Повесть Бориса Штерна «Второе июля четвертого года» (о Чехове) вышла у нас всё-таки под псевдонимом — Момерсет Соэм.

{211} Комментарии: 211

«Дни по Фрейду» — повесть Надежды Синиченко (Новосибирск).

{212} Комментарии: 212

Т. А. Янушевич — «Мифология детства». На мой взгляд, эта повесть-эссе — одна из лучших публикаций журнала.

{213} Комментарии: 213

«Черные альпинисты, или Путешествие Михаила Тропинина на Курильские острова». Тоже печаталась только в журнале.

Я перечитал дважды.

Это здорово. Это красочно, картинно. И по-моему — это стихи в прозе, целая поэма жизни; такой язык, такая манера. И, как всякие стихи, можно толковать по-разному, потому что многое автор оставляет про себя. Как толковать долину черных альпинистов? Судьба? Призвание? Талант? Невыносимость одиночества? Или утомительность выбора катящихся по конвейеру апельсинов? Хороший образ. Вообще вы богаты образами.

Себя я спрашиваю, моя долина где?

Боюсь, что в натурфилософии. И качусь в нее неудержимо.

Так вот, о натурсоциофилософии, которую я обозвал омнеологией.

Вопрос у меня к Вам, биопалеонтологический. Сами меня натолкнули на стр. 174.

Дарвин со своим естественным отбором великолепно объяснил, как природа отбирает рациональные виды, но не смог объяснить, как возникают изменения. К тому же осталось недоумение: если изменения происходят понемножечку,

тогда и выгода немножечная. У мириадов бактерий она скажется рано или поздно. А как у тысячи мастодонтов? Клык чуть подлиннее, и он всех победит?

Генетики ответили на вопрос, как возникают изменения, но с отбором у них получается еще хуже. У человека сотни тысяч генов, на сто тысяч поломок 99.9% вредных. Как-то не видим мы такого количества уродов. И шевелится у меня в голове вредная мысль: «А может быть всё-таки изменения-то направленные?» Так я и написал в своей «Лоции». Представим себе две планеты: на одной мутации случайные, на другой направленные. Где жизнь будет развиваться лучше? А если лучше развивается на второй, неужели природа не выберет лучший вариант?

И последнее, главное, о промежуточных звеньях.

Уверены ли мы, что виды возникают понемножечку?

Вот существует закон Кювье: по одной косточке можно восстановить весь облик животного. Не означает ли это, что изменение одной косточки меняет весь скелет

разом? Недавно я вычитал, что человек произошел от обезьяны, у которой появились прямые ноги. А полусогнутые, слегка выпрямленные, не давали бы никакого преимущества? Нужны сразу прямые?

Не от того ли и не нашли эпоху промежуточных форм?

Вот на такие размышления трачу я немногочисленные оставшиеся мне годы.

Кстати о годах. Палей умер 11-го. Ужасно мучился и замучил добросовестную свою, героически добросовестную жену. Эх, кто бы сказал мне, что пришла пора помирать. Не скажут же. И врачам запрещена эвтаназия.

От этих мрачных мыслей вернемся к перспективам.

Я очень болею за перспективы «Прозы Сибири». Разошелся ли нулевой номер? И не стоит ли Вам для привлечения покупателей и будущих подписчиков делать тематические номера? В свое время я посоветовал это изд-ву «Мир», они меня послушались и не проиграли. Выпускали сборники — фантастика планетная,

фантастика изобретений и т. д. А у Вас диапазон шире: номер, посвященный фантастике, номер, посвященный Сибири, номер молодых… Извините, что даю советы, но это от эгоистического интереса.

На этом всё.

Желаю успеха. Ни пуха Вам, ни пера!

Ангелиде{214} привет и поклон нижайший.

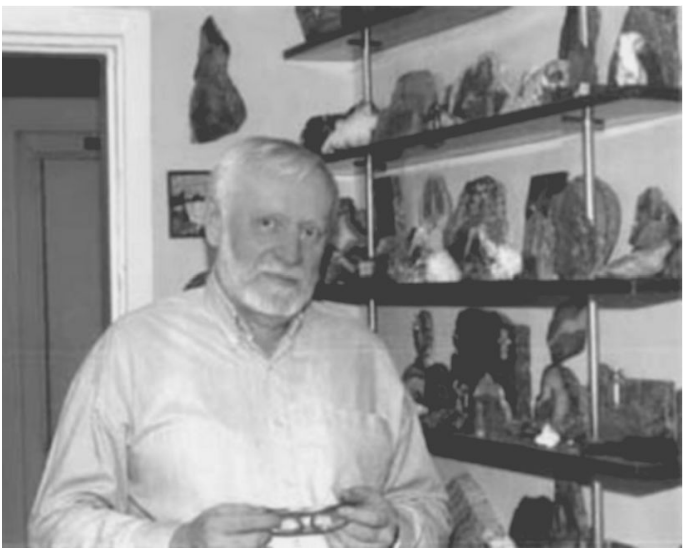
Всегда Ваш

Гуревич.

{214} Комментарии: 214

Прочитав мою повесть «Только человек» («Уральский следопыт», 1978, №11), Георгий Иосифович стал называть мою жену Ангелидой, связав её имя (Лида) с именем героини повести (Анхела).

КИР БУЛЫЧЁВ



Можейко Игорь Всеволодович (1934–2003) — писатель-фантаст, драматург, сценарист и литературовед, историк-востоковед, доктор исторических наук. Лауреат Государственной премии СССР, Лауреат премии «Аэлита». Литературный псевдоним составил из имени жены

Киры и девичьей фамилии матери — Марии Михайловны Булычёвой. Встречались мы с Игорем в разных городах, но чаще всего, конечно, в Москве. Светлый человек, мы долго и весело с ним дружили. Писал он действительно быстро, перечень написанного им занимает десятки страниц. Он был лёгок на подъём и всегда откровенно благожелателен, причём загорался сразу. «Что? Денег нет? — участливо спрашивал он, встретив меня в Москве. — Не проблема! Прямо сейчас идём в издательство (такое-то), его директор — мой друг. Он тебя хорошо знает. Подпишешь с ним договор на книжку и получишь аванс». — «Какую книжку? У меня нет никакой свободной рукописи». — «Напишешь!» — «О чём?» — «Ну, хотя бы о народах сибирского севера, зря, что ли, ты там годами таскаешься?» — «Я не настолько хорошо знаю быт и историю народов сибирского севера». — «А я хорошо знаю быт и историю Атлантиды? А написал же!». Такой Игорь был человек.

27 октября 1994

Дорогой Геннадий!

Прости, что я всё вожу тебя за нос, ты этого не заслужил. Но я искренне думал, что сделаю серьёзную повесть, но обсто-

ятельства заставили меня зарабатывать деньги и всякие хворобы тем более отвлекали от полезных дел.

Но после твоего последнего звонка я, движимый раскаянием, решил, что паршивый клок паршивой шерсти всё же лучше, чем благие намерения. И раз уж я написал рассказ, в котором есть присутствие иронии, то я решил, что твоему серьёзному журналу ирония может пригодиться на закуску.

Всё это не освобождает меня от прочих обязательств и обещаний.

Я тебе благодарен за хорошее ко мне отношение. И терпение.

Краткое изложение этого рассказа может пройти в «Литера-турке», просил Волин на 16-ю полосу. Но всего страничек пять-шесть. Так что, в полном виде рассказ совершенно новый и нигде не печатался и, пока ты его не напечатаешь (или не откажешься от него), он — твой{215}.

Обнимаю,

{215} Комментарии: 215

Рассказ Игоря («Роковая свадьба») появился в 1996 году в первом номере «Прозы Сибири».

Игорь.

Москва
22 декабря 1994
Дорогой Геннадий!

Спасибо за письмо. Я рад, что нулевой номер твоего журнала вышел, но почему-то письмо ко мне написано не на фирменном бланке журнала — этого себе не позволил бы ни один Твардовский!

Вчера мне звонил некогда милый, а ныне, кажется, совсем спившийся Костя Тихомиров и сказал, что твой журнал получился очень хороший. Главное — выжить. Например, в Москве в последнее время жуткий кризис с бумагой, так как комбинаты разрывают заключенные договора и гонят демпинг на Запад.

Ты попал в мою больную точку, когда упомянул о питерском центре отечественной фантастики (к которому морально принадлежит и Арбитман, так как это для меня понятие не географическое, а идеологическое). Мне кажется, что оттуда исходят волны страшного самодовольства и превосходства над нами

смертными. Я уже в этом году не поехал участвовать в их посиделках, не участвую и в будущем — они придумали премии, жюри которых состоит из соискателей. Бред какой-то! И не то любопытно, что они держат знаменем над собой Борю Стругацкого, и пользуются его авторитетом для собственного величия (надеюсь, я тебе пишу конфиденциальное письмо), а то, что он, на мой взгляд, согласен на роль знамени.

Что касается дел издательских, то у нас с тобой судьба схожая. Твое собрание оборвалось, моё — тоже. Правда, вышли четыре тома, но ни за один я не получил ни копейки — издатель всё скушал. Мы с тобой оба периодически бросаемся в историю или в приключения, не знаю, как у тебя, а у меня издателей нет. Мне хотелось довести до ума некоторые прошлые книги — и о второй мировой войне, и о наградах и т. п. И ещё лежат так и не изданные «Фантастический бестиарий» и «Падчерица эпохи» (история советской фантастики). Так что, я тебя понимаю, а ты меня понимай, однако.

Я поздравляю тебя с Новым годом!
Желаю счастья и успехов с журналом.
Твой Игорь.

Москва, 18 августа 1995
Вот и лето пролетело!
Это я вместо обращения, чтобы было эмоциональнее.
Вчера я получил от тебя письмо и журнал. Очень рад и тому и другому.
Честно говоря, зная нашу ситуацию, я не очень верил в то, что ты доживёшь до второго номера. А ты дожил и даже сделал второй номер (на мой взгляд) разнообразнее и богаче, чем первый. Второй номер уже может поспорить с любым толстым столичным журналом, хотя и не имеет таких громких имён, которых нынче отправляют на премию Букера. Надеюсь, что скоро твой журнал станет обычным чтением в Оксфорде. Как только я сделаю что-то достойное твоего журнала, сразу тебе пришлю.
Сочту за честь печататься в таком хорошем журнале.
Прости за ложку дёгтя, но я катего-

рически не согласен с внешним видом журнала. Он непривлекателен. Он мясного цвета и с грязной наляпкой посредине. Нет, скажут вам гагау-зы{216}, нет, и еще раз нет.

Второе: я убеждён, что в конце номера надо непременно давать биографические данные об авторах. Это делают в любом культурном европейском издании.

Пойми, сейчас люди растеряли друг друга.

Я хочу узнать, как можно больше об Ульяне Глебовой{217} и других авторах.

Я пока не настаиваю на критике и библиографии — это дело будущего, но нельзя, чтобы писатели были анонимными! Прости, что вмешиваюсь, но я тебя люблю и считаю журнал как бы немножко своим.

Что касается ленинградских дел, то они происходят от того, что Борис слишком

{216} Комментарии: 216

Намёк на Борю Штерна. Гагаузом прозвали его мы с Игорем.

{217} Комментарии: 217

У. В. Глебова (род. в 1967) — новосибирский прозаик, поэт, член Союза писателей России. Печаталась в Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге.

серьёзно поверил в своё величие. Мы с тобой не спорим, что он велик и отдаём ему должное, но его окружение прыгает вокруг, как вокруг Перуна, и Перун начинает терять чувство юмора. Это видно даже в интервью, которое он тебе дал.

Пускай у тебя будет альтернативный центр — ты ведь не потеряешь чувства юмора?

Сижу дома с тёщей, её мне оставили, пока все разъехались в отпуска, ей 90 лет, и она по утрам забывает, как меня зовут, но отличается завидным аппетитом. Четыре раза в день её кормлю и еще мои болячки ноют.

И ещё у меня горе — умер мой котик. От рака. Я его лечил и мучил три месяца, потому что врачи придумывали ему разные болезни. Это очень плохо, потому что он был родной{218}.

Разумеется, даже если ты и намеревался мне что-то платить, платить не нужно. Не хочу зарабатывать на твоём горбу. Но,

{218} Комментарии: 218

На своей книжке «Как стать фантастом» (записки семидесятника)» (Челябинск, 2001) Игорь мне написал: «Как мы с тобой, Гена, живём долго! Даже коты наши померли».

если можно, пришли хотя бы номер, я его отправлю знакомым в Штаты, и, может быть, какая польза от этого возникнет.

Вот и всё пока,

Обнимаю,

Игорь.

В. Д. КОЛУПАЕВ

Томск, 23.08.1995

Здравствуй, Гена!

Каждое мое письмо к тебе в последнее время — это вопль о помощи. Потому и не пишу. Но сил больше нет. Издательство «Флокс» в Н.-Новгороде в феврале 95 г. прислало мне договор на издание двухтомника. С гл. редактором Людмилой Михайловной Мартьяновой мы договорились, что изд-во вышлет аванс через месяц. Затем начались телефонные переговоры, смысл которых заключался в том, что аванс, видимо, будет выслан через неделю. Теперь у меня уже нет денег на телефонные переговоры, а на мои письма ни Мартьянова, ни директор не отвечают. Просьба моя, может, не очень затруднит тебя. Что всё это может означать? Может издательство уже лопнуло?

А я еще отправил им и третий том («Фирменный поезд» и рассказы). Просил вернуть, не возвращают. Да и кому теперь этот том предложить?

Теперь о «Пространстве и времени»{219}. Тут тоже какая-то странность. Все, кто интересовался моей работой, получив ее, переставали звонить и заходить ко мне. Экземпляров пятьдесят я разослал по различным популярным и научным журналам (даже на конференцию по проблемам пространства и времени в Ярославле — в июне этого года). В ответ — молчание. В итоге я пришел к печальному выводу — я идиот. Людям просто неудобно говорить это мне, потому что раньше они ошибочно принимали меня за нормального человека. Но тут уже ничего не поделаешь: я продолжаю работу, и она будет, видимо, ещё идиотичней первой.

{219} Комментарии: 219

«Пространство и время для фантаста» (1994) — уникальную, умную, нежную и глубокую работу — Виктор напечатал на рыхлой газетной бумаге (другой не было) в маленьком местном изд-ве «Образ» при финансовой помощи Томской областной администрации. Тираж — 500 экземпляров. В работе обильно цитируются те, кто, несомненно, повлиял на самого писателя и философа Виктора Колупаева: Лукиан, Ньютон, Лейбниц, Эйнштейн, Теофраст, Аристотель, Ленин, Эпикур, Блаженный Августин, Кант, Энгельс, Мах, Николай Кузанский, Хейдеггер, Декарт, Лосский и другие. К сожалению, закончить главные (так считал Виктор) работы ему не хватило времени.

Вот кончу огородные работы{220} и отпечатаю первую часть нашего с Марушкиным{221} романа. А куда послать? У тебя, я слышал, портфель редакции лопается от предложений. Кстати, так ни одного номера твоего журнала я ещё и не видел…

Надеюсь, что у тебя все хорошо: и со здоровьем, и в семье, и в литературе, и с журналом. Привет Лиде! Настроение у меня хорошее, как это ни удивительно. (Впрочем, разве может быть плохое настроение у идиота?)

Всего тебе доброго.

В. Колупаев.

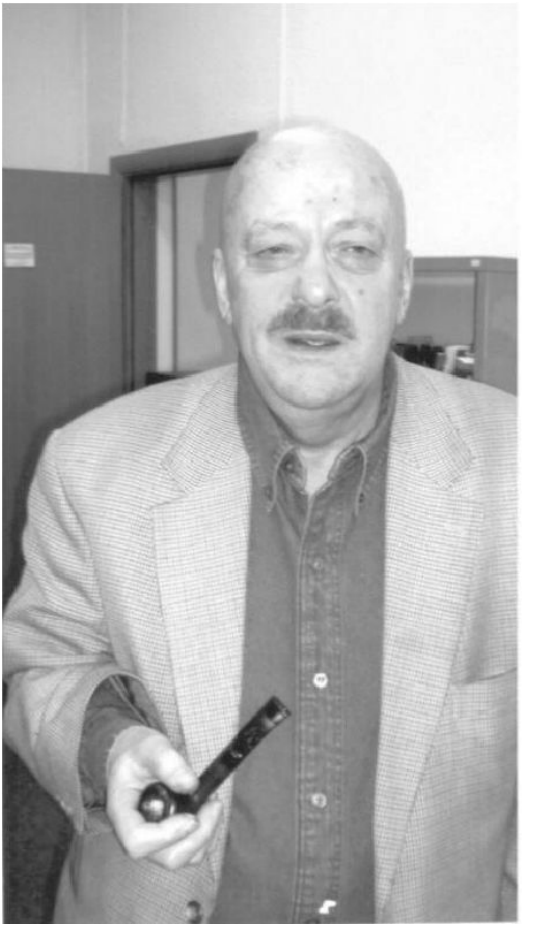
{220} Комментарии: 220

Из письма томского писателя Владимира Шкаликова (01.09.95): «Вот думаю (в аэропорту хорошо думается): до чего интересно легли пути четырёх фантастов русских. Прашкевич трудится на ниве, Колупаев — на поле, Шкаликов — на огороде, а Рубан — витает в облаках».

{221} Комментарии: 221

Юрий Марушкин — соавтор Колупаева. Вручая на презентации в томском Доме учёных написанный совместно с Юрием фантастический роман «Безвременье» (2000) Виктор обронил мне печально: «Тираж — семьдесят пять экземпляров… Боюсь, скоро и такие тиражи мы будем считать гигантскими…»

М. А. ГУРЕВИЧ



Гуревич Михаил Абрамович (род. в 1938, литературный псевдоним Михаил Кривич) — писатель-фантаст, журналист, издатель. Окончил Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева. Работал в научно-исследовательских институтах, в центральной печати публиковал научно-популярные статьи и репортажи. С конца 1960-х годов в течение полутора десятков лет заведовал отделом промышленности журнала «Химия и жизнь». Писал в соавторстве с Ольгертом Либкиным (псевдоним — Ольгин). Совместно организовали при издательстве «Наука» книжную серию «Библиотека „Химии и жизни“» («Посёлок на краю Галактики» (1989), «Перпендикулярный мир» (1990) и др.) Лауреат премии «Золотой телёнок» («Литературная газета», 1971). В начале 1990-х годов вместе с Ольгертом Ольгиным, Виталием Бабенко и еще несколькими московскими литераторами основал одно из первых в Москве частных издательств —«Текст», в котором взял на себя обязанности главного редактора. Из «Текста» ушёл, став совладельцем издательства «Изограф». Автор фантастических сборников: «Электоральные ожидания» (2007), «Из жизни собак и минотавров» (2009), детективного романа

«Бюст на родине героя» (1996). В соавторстве с О. Ольгиным — книга рассказов «Женский портрет в три четверти» (М.: Орбита, 1990) и др.

16.08.1995

Здравствуй, Гена, дорогой!

Даже изрядно подначитавшись твоих творений, не догадывался, что ты столь великий мастер литературной и сценической интриги.

Начну с того, что я с нетерпением ждал твоего письма. Решил, что ты получишь дискеты где-то в двадцатых числах июля и, учитывая наши отношения, прочтёшь за пару дней, чтобы сразу сформулировать приговор. Вот я его и получу к своему дню рождения, который, как известно прогрессивному человечеству, каждый год выпадает на 6 августа, к чему приурочен сброс атомной бомбы на Хиросиму, а ещё, обычно, День железнодорожника, ознаменуемый по русскому обычаю крушениями поездов.

Вот я и бегал каждый день до завтрака, до первой чашки кофе, до первой трубки, до прогулки с Трофимом, чей хвост ты

с тупым упорством меряешь преступно неверно, — до всего этого я бегал к почтовому ящику, вынимал из него «Московский комсомолец» и «Известия», из которых черпаю сведения о жизни, столь необходимые хорошему русскому писателю, а также кучу рекламной трухи, телефонные счета, записки от бухгалтера кооператива, конверты с рукописями. Потом я прямо у ящика перетряхивал его содержимое, но письма не было. И вот 14 августа я его наконец получил и всплыл. Не стану утруждать тебя рассказом о чувствах, которые я испытывал в последние секунды перед прочтением. Скажу только, что набил и разжёг трубку, чтобы приятное чувство — втайне я рассчитывал на твоё сдержанное одобрение — было ещё приятней. И, как пишете вы, провинциальные литераторы, углубился в чтение.

И что же я читаю?

Я, дорогой мой, всегда был невысокого мнения о своих писаниях, но числил себя неплохим ремесленником, поэтому рассчитывал на серьёзный разбор

недостатков, после которого должно последовать снисходительное: скорее «плюс», чем «минус». У тебя же я мог ожидать: читайте побольше Лескова, и у вас когда-нибудь получится.

А тут такое! Безжалостный, язвительный, не снисходящий до сути разнос. Ладно, пусть действительно херово, но снизойди до авторского честолюбия, пожалей человека, не то кондрашка его хватит — годы всё же. А потом я подумал: может, он и прав… Может, между друзьями так и надо: без всякой х… (некоторые филологические изыскания автора письма опускаем. — Г. П.) взять и сказать: у тебя, старик, извини, канцер, и медицина тут бессильна. Брось всё это и займись в оставшееся тебе время чем-нибудь полезным…

Я читал и грустно размышлял обо всём этом, пока не добрался до третьей твоей страницы, до бессмертной твоей фразы: «Перейдём к делу».

И потекли адреналиновые реки в обратном направлении.

Гена, спасибо за добрые слова о мо-

ём шедевре, хотя без всякого кокетства торжественно заявляю, что он вряд ли заслуживает и малой толики их. Я знаю недостатки содеянного и с благодарностью выслушаю самую суровую критику (с общей оценкой «+»), особливо если это состоится за столом, о чём ты сам пишешь. В Одессу я не еду, не знаю даже, что такое фанкон, но догадываюсь, что это что-то такое важное, куда приглашают знаменитых писателей, ставших классиками при жизни. Но что бы это ни означало, буду до крайности рад встретить тебя окончательно офанкомленного на вокзале или в аэропорту и сесть с тобой за стол.

А я плотно сижу в столице и никуда не уезжаю.

Во-первых, надо добиться прижизненного издания своего «Бюста», а во-вторых, кажется, писал тебе, что делаю срочную договорную работу: переписываю для юношества «Государство и эволюцию» Егора Гайдара. Я эту работу называю «Чук и Гек». Так что жду тебя с тем же нетерпением, что и письмо. До той поры я бы

оставил литературоведческие темы и мой рассказ о хождениях по издательствам с «Бюстом». Очень, кстати, интересная сторона жизни.

А вот о х… (некоторые филологические изыскания автора письма мы и тут опускаем. — Г. П.) хотел бы сказать несколько слов.

Абсолютно серьёзно, я убеждён, что российский матюжок, впрочем, как и нецензурщина других народов, составляют неотъемлемую часть языка, а значит, и культуры. Мы ведь с тобою, люди вполне цивилизованные, этими словами пользуемся за милую душу. Так почему они запретны? Ссылка на детку для меня неубедительна, не для детки пишу, для нормального читателя, для нас с тобою, для баб, с которыми мы общаемся. И не хочу никого обманывать, не хочу прикидываться, что этих слов не существует.

Это не эпатаж, это, как я её понимаю, русская речь…

А насчёт Тургенева с Буниным и Толстого с Булгаковым — особый разговор. Как и почему они обходились без матюжка

в своих текстах, об этом имею мнение, которое изложу после факома (прости, фанкома). Пока же ограничусь тем, что напомню тебе об известном: и Лев Николаевич, и Александр Сергеевич, и многие другие великие были ещё теми охальниками. А Юзу Алешковскому и другим хорошим писателям, которые ввели в нашу литературу прежде запретное, кланяюсь в ножки.

Ладно, обо всем этом мы ещё поговорим. Пока же спасибо тебе за добрые слова, большинство из которых моя рукопись не заслуживает, и поддержку. Для меня это очень важно. Прости, что всё пространное письмо посвятил себе любимому. Ты меня интересуешь не меньше. И очень хочу наконец увидеть, подержать в руках «Прозу Сибири», не говоря уже о твоих последних творениях. Я ведь что ни день непременно беру какую-нибудь книгу в руки. А твоих давно не держал. Пришли. Привези. Чтобы у меня был выбор между булгаковыми, картасарами, сорокиными, прашкевичами. Как писал один поэт: «Я выберу. Мой выбор будет

внятен».

Обнимаю.

М. Гуревич.

Н. М. ЧЕРНОВА

Алма-Ата, 1995

Геннадий Мартович, свет очей моих!

О, как рыдал Барон, когда я зачитала ему то место в письме, где Вы пишете о том, как написали бы обо мне — «…о первом дуновении с моря, об этой давящей стене ветра…» и т. д. Он с Вами совершенно согласен, особенно что касается «давящей стены ветра», ибо давление сие испытывает на себе довольно часто, спасаясь в своем кабинете, в кресле, которому была бы рада любая уважающая себя помойка, в клубах табачного дыма из вишневой трубки, привезенной из Парижа (табак, увы, наш, натуральный самосад!) — стена этого ветра всюду его достает и в разгар самых сладостных медитаций требует к заветной жертве, например, пылесосить ужасный туркменский ковер, который нам подарила мама и мы подыхаем от пыли. Правда, ковер исправно дерет наш кот Степан Бек-Софиев, но работы там еще много

— ковер необъятен и кроваво-багров. Поскольку мой муж не только барон (есть в Германии, в Швабии, станция Кнорринген — оттуда и его предки родом), но еще и очень восточный человек (другие его предки носили очень длинную фамилию Кули Бек Софиевы оглы и служили у Шамиля (они, вероятно, лезгины), то, как очень восточный человек, он обожает всяческие трубки, ковры, жён, лень и т. д. Но на всякого ленивого восточного человека, склонного к бесплодной философии, всегда найдется «давящая стена ветра с моря», в данном случае, в лице меня, т. е. столбовой внучки казачьего есаула, который когда-то участвовал в антисоветском мятеже и крепко уважал питие. Уф! Ну и фразу я закатила — вот как меня взволновали прекрасные Ваши слова и стихи о таинственной незнакомке, которую Вы ревновали «ко всему и ко всем». Это божественно! Вы прекрасны в каждой строке и не дай Бог нам однажды встретиться вживе. Что может быть лучше тумана (поэтического), воображения и т. д. Виртуальный мир уже назван ре-

альностью, и потому с радостью сообщаю Вам электронный адрес журнала «Простор» (у меня лично такого адреса нет, да и компьютер сломан) — я люблю пиш. машинку и никогда ей не изменю. Вы это должны прочитывать так: и никогда не изменю также Вам!

Адрес таков… Нас читает даже Эфиопия!

Дискеты с названными Вами вещами я не получала, её не было в бандероли, клянусь нашим туркменским ковром! Книги были, фото были, а дискет — не было. Вероятно, Вы их забыли вложить, не могли же их вынуть на таможне? К нам спокойно приходят дискеты и из России, и из Киргизии, и т. д. Может в самом деле попробовать по электронной почте? Нам таким макаром присылали рукописи из Америки, из Иркутска, из Израиля. Боже мой, я бьюсь о Ваше письмо от отчаяния, что не получу ни роман «Русская мечта», ни повесть «Царь-Ужас», ни Ваши воспоминания!

Но ведь эта потеря не навсегда, и Вы всё пришлете мне, да?

Говорила ли я Вам, что я тоже теперь бабушка? Моей внучке Алёне уже три месяца (козерог и змея). Обожает стриптиз и гуляние, а также когда я ей пою всякую белиберду. Хоть я и бабушка, но внешне юна, как «ветер с моря» и «вспышка на фиолетовом небе», потому что молоды Ваши губы, выдыхающие эти слова!

Барон снова рыдает,
а я Вас обнимаю,
N.

14.XI.1995

Геннадий Мартович! Ave!

С «Тайным братом» всё по-прежнему остаётся тайной: номер арестован за долги, на нас типография подала в суд, но иск не принят, после чего, не известив нас, стали набирать и выпускать журнал, но он остался без обложки и не вышел. Теперь же создано Агентство по печати, куда, видимо, присоединят и нас, сделав государственным органом окончательно. За ним надзирает сам Президент. Возвращена снова цензура, но зато станут финансировать и, может быть, прикажут

типографии выпустить арестованные номера. Мы на это надеемся. Что же касается «Шкатулки рыцаря», то она в производстве и может выйти уже в этом году, если не будет землетрясения от переноса столицы или исполнения заветов фонвизинского Скалозуба: «Собрать все книги, да и сжечь!»

С огромным интересом читала номера Вашего журнала. Это впечатляет! И то, что напечатано, и главное, то, что обещано. Весьма остроумно придумала вступление к № 1 Замира Ибрагимова «Все смуты похожи одна на другую…». Читается очень современно и, выходит, мало что меняется на этом свете, и вообще видишь, как история в самом деле развивается по спирали, правда, в действительности больше похожей на смерч, на дьявольский волчок.

Имеете ли Вы связь с Александром Казанцевым? Вам ведь это легче, ибо ближе. Мы были бы рады получить от него ещё что-то. Прошлая публикация замечательная, по-моему. Кстати, Гуревича мы тоже напечатали, хотя очень совестно, что не

могли сделать этого до сих пор — журнал сидел в большой яме и теперь ещё не выплыл вполне. У нас вышел только № 6, а уже ноябрь. Правда, надо сказать, Гуревич прислал нам не самую лучшую рукопись — она растянута и скучновата, она из вчерашнего дня, но имя, конечно, легендарное и делает нам честь. Успокойте старика, если будете с ним общаться. Для нас теперь проблема даже это: почта редко куда доходит, звонить мы тоже не можем: телефонные счета приходят такие, будто мы всякий раз звонили по меньшей мере в Созвездие Гончих Псов. Редактор запретил нам международные переговоры — мы экономим на всём. И всё же с нетерпением ждём Ваше, как Вы пишете, «чудовищное повествование о брате Игнатии». В «Просторе» Вас любят и для этого есть все основания. И я благодарю Господа, что однажды он свёл нас.

В Томск эмигрировала от нас писательница Руфь Тамарина{222}.

Она автор многих книг стихов, недавно

{222} Комментарии: 222

Р. М. Тамарина (1921–2005) — русская поэтесса, мемуаристка. Последние годы жизни провела в Томске.

у нас вышло «Избранное». Коме того, она написала недурную книгу прозы «Щёлка в потолке» и заканчивает продолжение этой книги. Книга автобиографическая, а это — предвоенная Москва, война, Степлаг. Эти книги написаны бесхитростно и без гнева на судьбу.

Я дала ей Ваш адрес и телефон (по её просьбе), так что простите мою наглость и не удивляйтесь. А если она Вам не приглянется, то уж извините, но хочется ей помочь: она там совсем одна. В алма-атинском бытие она была своеобразным центром и помогла встать на крыло многим молодым поэтам, в том числе, и мне. Она порою невыносима, она часто пишет плохие стихи, она со сталинских времён боится стука в дверь, боится еврейских погромов, она любит зелёный цвет и маслины, но при всех своих недостатках она прекрасна, я её люблю, и дай Бог ей не очень тосковать на новой родине.

Там у неё сын, потому и уехала.

Но литературно она пока одинока.

Вас любит с моих слов, имейте в виду и не обманывайте девушку.

Барон кланяется Вам.
N

Б. Г. ШТЕРН

Киев, 20.12.95.

Гена, дорогой!

Я тут огляделся по сторонам, оказывается, Новый год скоро. Кажется, единственный праздник остался, который имеет какой-то смысл праздновать.

С Новым годом! 95-й вроде был неплохой, вроде попривыкли жить в бедламе.

ЧТОБ НОВЫЙ БЫЛ ЛУЧШЕ!

После Одессы я две недели приходил в себя. Наконец пришел. Совсем трудно стало на конах, пьянка забивает всё. В поездах — пьянка, в нумерах — пьянка, в перерывах — все равно пьянка. Вроде держишься на этом горючем, а приезжаешь домой — ни черта не помнишь. Третий

месяц держусь, пишу «Эфиопа»{223}, в нем уже страниц 500 (грязных), и никак не заканчивается. Для меня такой объем — кошмар, обвал. И тема (пушкинско-генетическая) сложная. И всякие сюжетные линии запутаны. И здорово надоело. Хочу зимой дописать, к апрелю. Как раз два года от начала будет. Пришлю тебе. Если допишу. Как дела с журналом? Появились ли 2-й и 3-й номера?

Так. Звонил я недавно Диме Громову в Харьков. Новости такие: пятитомник (Громов, Прашкевич, Штерн, Рыбаков, Лазарчук) нормально проходит очередную свою стадию, ожидается в феврале. Очень даже неплохо было бы.

{223} Комментарии: 223

Роман «Эфиоп» — самая крупная (что, конечно, не означает — лучшая) вещь Бориса Штерна. Вышел роман в 1997 году (АСТ — Москва, Terra Fantastica — Санкт-Петербург). Некий темнокожий шкипер из африканской страны Офир вывез из Одессы украинского хлопчика Сашку Гайдамаку, чтобы у себя на родине путём кропотливой «работы» получить в четвёртом поколении великого поэта, настоящего африканского Пушкина. Боря любил такие сюжеты. История написания романа «Эфиоп» вся прошла перед моими глазами, поскольку с самого начала писалась Борей для журнала «Проза Сибири». В будущем Боря мечтал вернуться к роману, переписать, вычистить текст, вернуть ему энергию прежних вещей, но внезапная смерть (ушёл из жизни во сне, как это ранее случилось с Виталием Бугровым), не позволила чуду свершиться.

А «Флокс» заплатил мне аванс и опять заткнулся. В апреле срок договора закончится, а там ничего не делается. Странно всё это. Напоминает «Ренессанс» — авансы платят, книг не издают.

А в апреле хочу всё-таки поднять задницу и съездить в Израиль, посмотреть на внучку. Дедом я стал, старшая дочь дочку родила. Такое вот.

С НОВЫМ ГОДОМ!

С ПОСЛЕДНЕЙ ПЯТИЛЕТКОЙ В ЭТОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ! УСПЕХОВ НА НАШЕМ МНОГОТРУДНОМ ПОПРИЩЕ (чтоб его)!

Твой Штерн.

Б. Н. СТРУГАЦКИЙ

19.02.1996

Дорогой Гена!

Получил Вашу посылку благополучно. Спасибо большое!

Действительно, «Проза Сибири» уверенно выходит в первые ряды, и можно только пожалеть, что «Улитка» не предусматривает такую номинацию — «Журналы», а то бы, конечно… всенепременнейше! Впрочем, совсем не исключено, что «Странник» обратит на вас свой благосклонный взор.

Павла Кузьменко{224} и его роман я знаю давно, читал еще в рукописи, даже делал какие-то конвульсионные попытки пробить в печать, но — куда там! Очень рад, что Вам это удалось. Роман нетривиальный.

Желаю дальнейшего процветания.

Ваш Б. Стругацкий.

{224} Комментарии: 224

«Катабазис» (Новосибирск, «Проза Сибири», № 4, 1995).

А. И. АФАНАСЬЕВ

Минусинск, 1996

Добрый день, Геннадий Мартович!

Как вам работается на посту главного редактора?

Вопрос отнюдь не праздный. Хотя ответ нетрудно предугадать. Ведь я заранее уверен, что в смутное время, когда литература ценится чуть выше макулатуры, редактору литературного журнала работается прямо-таки тяжко. Но мне просто подумалось — не захлёбываетесь ли вы в волнах этого накатившего на вас вала пустословия, пошлости и безволия? Не хочется ли вам найти средство воздействия на ситуацию, определить строгий и убедительный критерий убедительного для всех отбора, общепризнанного всеми важнейшего и безусловно значимого для всех направления? И если да, то не смогу ли быть вам полезным в этом деле?

Таким маяком, ориентируясь на который можно держать это магистральное направление может быть только

БУДУЩЕЕ РОССИИ в надвигающемся 21-м веке.

Вспомните, Геннадий Мартович, именно раздумья о будущем России задали тот удивительный настрой и направление развития общественной мысли России. Именно благодаря этому русская культура 19-го века стала жемчужиной в сокровищнице мировой культуры, равноценной по значимости шедеврам Возрождения. И я уверен, что этот опыт русской истории может повториться в новых исторических условиях. Так вот не хочется ли вам стать камушком, который стронет лавину цепной реакции поиска исторического назначения России? Как вы смотрите на то, чтобы в серии точно направленных редакционных статей поставить именно этот вопрос во главу угла в развитии и стимулировании общественной мысли? И если вам этого захочется, то не смогу ли я быть вам в этом деле полезным?

Я представляю себе это сотрудничество точно таким же, как мы работали над «Стрелой Аримана» или над «Кормчей

книгой»{225}. То есть вы пишете мне письмо и возможно точнее формулируете очередной вопрос в задуманной серии попыток исследовать и продумать во всех возможных деталях предстоящий уникальный путь России в перипетиях наисложнейшей истории 21-го века. В ответном письме я даю развёрнутый и обстоятельный ответ — прогноз. Вы, работая над очередной редакционной статьёй по этому самому вопросу, используете моё письмо в своей обычной манере. То есть от моего текста не остаётся ни одной буквы, но зато моя абстрактная мысль, выраженная вашим образным языком, доходит до самого массового и тугодум-

{225} Комментарии: 225

Общение с Альвианом Ивановичем подвигло меня на многое. Было чрезвычайно интересно распутывать сложные исторические воззрения моего корреспондента. Одна за другой возникали книги, иногда напрямую связанные с воззрениями Афанасьева, иногда, скажем так, отдалённо: «О, счастливчик!» (Абакан, «Центавр», 1995), «Пёс Господень» (М.: «Вече», 1998), «Кормчая книга» (СПб: «Азбука-классика», 2004). «Стрела Аримана», (М. Канон,1995). Альвиан Иванович не принял (слишком в сторону, так он посчитал, я отошёл от его воззрений) «Стрелу Аримана», да я и сам не хотел её публиковать — по многим причинам. И в печати роман появился против моей воли, в некоем московском издательстве, следов которого я так потом и не разыскал. Повесть «О, счастливчик» впоследствии стала частью научно-фантастического романа «Кормчая книга», который я считаю единственной вещью, отвечающей почти всем требованиям — и моим, и Альвиана Афанасьева. Тут, собственно, и была расписана суть

исторической спирали, выведенной Альвианом Афанасьевым: века — XX, XXII, XXIV, XXXIV, XLVI.

ного читателя.

А потом вы ставите передо мной очередной вопрос. И так далее.

Откуда у меня уверенность, что я смогу ответить на любые вопросы о будущем России, дать ответы, которые не может дать никто в мире?

Уверенность такая, как вы знаете, приходит и нарабатывается только как результат долгого и тяжёлого труда. Благодаря вам, я проделал такой путь. Дело в том, что весь этот год я вечерами сидел над вашим предложением — изложить свою концепцию будущего, точнее методику его прогнозирования по хронологическим этапам её возникновения, и со всеми драматическими перипетиями, встречами и т. п. И в результате у меня получился десятикратно разбухший вариант вашей великолепной новеллы обо мне, совершенно непригодный для восприятия массовым читателем. Конечно же, я не стал высылать свою писанину ни вам, ни Борисову, а отдал её знакомому аспиранту-историку — пусть делает кандидатскую диссертацию. Хоть на что-то

годится.

Но когда долго изо всех сил стараешься объяснить что-то сложное предполагаемо непонятливому читателю, то обязательно начинаешь многое понимать сам.

Например, я только теперь понял, что вся эта столь тщательно расписанная кухня прогнозиста массовому читателю вовсе не нужна. Ему нужен только готовый результат. Практически реализуемый. Скажем, выкладки о том, как нам, несчастной России, выкарабкаться из того непроходимого болота, в которое мы ухитрились в конце концов влезть по самые уши, целое столетие выбирая самые что ни на есть непроходимые пути.

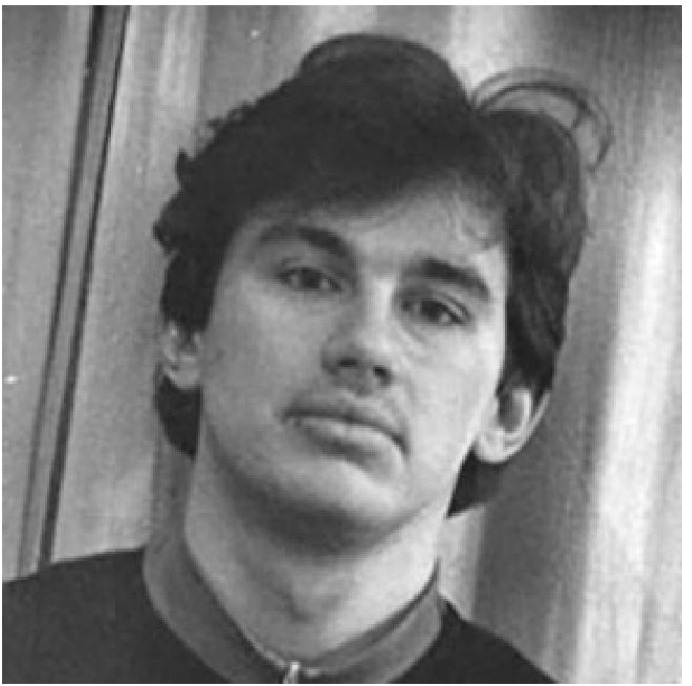
И вот теперь я, кажется, знаю, какой великой ценности опыт мы приобрели в этих муках. Теперь я уверен, что этот опыт может быть превращён в бесценное знание оптимальной траектории перехода через опасную вершину сверх урбанизации, которую придётся преодолеть человечеству в 21–22-м веках. Я уверен, что благодаря этому опыту Россия не просто может войти в восьмёрку или

там десятку лидеров — она может стать единоличным лидером исторического процесса на всём этапе. Но при одном обязательном условии — если обретёт методику научного обобщения и использования собственного опыта. Вот только как донести до неё эту методику? Есть только один испытанный путь — вы. И ваш журнал.

Если вас моё предложение заинтересует — напишите. И если ответ будет положительный, то сразу ставьте ваши вопросы. Только поточнее и как можно более развёрнуто, чтобы я мог максимально соответствовать тому направлению, к которому у вас более всего лежит душа.

Ваш А. Афанасьев.

МАКС БАТУРИН



Батурин Максим Александрович (1965–1997) — поэт, прозаик, журналист.

«Родился 9 января 1965 года в Томске, где и находится до сих пор, хотя побывал в Ачинске, Бийске, Барнауле, Иркутске, Ангарске, Москве, Ленинграде, Кемерове, Красноярске, Сочи, Самаре, Казани, Уфе, Горьком, Ярославле, Зеленограде, Дмитриевке Турочакского р-на Горного Алтая, Юрге, Тбилиси, Новокузнецке, Тайге и три раза в реанимации». Так он писал о себе. Стихи не регулярно, но появлялись в периодике, были опубликованы в журнале «Сибирские огни», в «Антологии русского верлибра» (М.,1991). Первая книга — «Сказано вам русским языком!» — вышла в Новосибирске в издательстве ЦЭРИС (1994). «Издание осуществлено по заказу ТПО «ТрансСиб» на средства братьев Егоровых». «Геннадию Мартовичу на вечную память с почтением», — надписал мне книжку Макс. Всё в его стихах освещено каким-то иным, не слишком понятным массовому (есть ли такой?) читателю светом. «Храни меня Господь в сухом прохладном месте!» К сожалению, не сохранил… «Бог любит троечниц с ногами Моны Лизы». Почему бы и нет?.. Цитировать Макса Батурина можно бесконечно. «О, да, у вас здесь Содом! Это кстати: я сам только что из Гоморры!» Даже название сборника (предполагаемого) звучит у него вызывающе: «PRO

нас только CONTRA». В 1989 году молодые томские поэты Макс Батурин, Андрей Филимонов и актёр студии пантомимы Анатолий Скачков объявили о создании Всемирной Ассоциации Нового Пролетарского Искусства. В соавторстве с тем же Андреем Филимоновым Макс написал роман-эпопею (сдержанного, скажем так, объёма) «Из жизни ёлупней». В интернете эту вещь (я очень её ценю) вполне можно разыскать. Посмертно опубликована великолепная и столь же печальная книга под простым названием: «Стихотворения» (1997). Защитить Макса на литературных семинарах (а я не раз пытался его защищать) было невозможно, он сам не хотел этого, да скоро и плюнул на все эти семинары. В одном из его интервью называлось некое художественное полотно — «Полимедикаментозное отравление»; в том же интервью (газета «Томский вестник» от 25 января 1996 года) Макс сам многое объяснил: «Деструкция — это ведь не как революционный процесс: все побежали и власть переменилась. Деструкция сознания — это вещь бесконечная. Там нет конечной точки разрушения, там можно постепенно уйти в такие дебри, что ты уже и забудешь, с чего начал...» Так и случилось. «Я не живу — кому-то снюсь я. Его под-

властен бегу мысли». Но кому, снился сам Макс? Чьему бегу мысли он был подвластен? Уже не расскажет… Нет его… Остались стихи, письма. Ну, ещё мой роман (написанный в савторстве с Сашей Богданом) — «Пятый сон Веры Павловны» (М.: «Вагриус», 2001), в котором Макс выведен под именем поэта Морица.

21 января 1996, Томск

Здравствуйте, Геннадий Мартович!

И на письме повторю Вам то, что говорил по телефону: после прочтения Вашей стихотворной книжки и «Чёрных альпинистов» (за дарение которых ещё раз спасибо Вам) Вы стали мне понятнее и по-человечески ближе. Можно сказать, учитывая и наши личные встречи, что осенью поздней 1995 года мы как бы заново познакомились. «Чёрные альпинисты» из трёх номеров «Прозы Сибири», которые дошли до меня, — самое живое и человечное произведение. Есть в журнале ещё кое-какие вещи, но они либо слишком «головные» (типа опуса Клименко про крысу), либо слабоватые по форме и содержанию (таких много,

да хотя бы «нашего» Макшеева взять — ну, тянет человека постоянно о чём-то рассказывать на бумаге, но читатель-то причём?). Впрочем, не будем о грустном. Тем более, что всё это субъективно, и дело вкуса… но, между нами говоря, я не знаю ни одного человека (даже в Томске), который встретил бы меня с расширенными глазами: «Читал новую повесть Макшеева? Ну, старик, ты чо?! Это класс!!!» А «Альпинистов» я порекомендовал (и вручил) Филимонову, а это парень ещё более радикальных вкусов, чем я, и… он отозвался с похвалою.

Повторю, опять же, что «Альпинисты» порадовали, кроме того, что дело происходит «в городе Т.» (дорогом каждому томичу) и, кроме того, что очень хорошо описан процесс морального, интеллектуального и культурного роста «героя повести», ещё и тем, что одним из «героев» повествования является Дмитрий Савицкий, с которым у меня связано много воспоминаний. Ну, не с ним, конечно, а с его произведениями. Когда-то давно я купил его книжку «Ниткуда с любовью».

И стояла она у меня на полке, пока по ТВ я не увидел передачу с Савицким, где он, кроме всего прочего, сказал о том, что в армии служил в нашем «Почтовом». После этого я книжку прочитал, «заколдобился», перечитал ещё раз, и теперь постоянно её рекомендую всем, кто мало-мальски способен оценить хорошую литературу (какую из ныне здравствующих способны делать не так уж многие «авторы»). Попробую привести пример моей связи с Савицким через стих:

начался апрель
выпал снег
пошла река
солнечная сторона
пустая работа
неполученные деньги
добровольное одиночество
письмо Тане Олеар
случайная трезвость
Дмитрий Савицкий
пасмурный день

сочетание слов
вечная жизнь
головная боль
внезапная что?
22.04.93

А если учитывать то, что стихи пишутся в основном не по заказу, то надо полагать, что сочинения Д. С. сильно меня зацепили. И поэтому я очень обрадовался, «встретившись» с ним на страницах «Альпинистов» — как бы от меня к нему через Вас тонкая ниточка протянулась.

А ещё разбередили душу южнославянские аллюзии.

Дело в том, что в нежном подростковом возрасте я покупал, выписывал и читал болгарские и югославские газеты, журналы и книги. Был влюблён в Болгарию и болгарский язык (хотя никогда там не был, и живых болгар никогда не видел). Собирал болгарские и албанские марки (серьёзно, по-взрослому — «хронологию», руководствуясь подержанным каталогом «Ивер» 1977 года, обменянном в «Букинисте» на целый чемодан разных книг

— спасибо родителям!). Я очень хотел побывать в Болгарии, но пока что не получилось. Да сейчас и поуспокоился как-то — я её себе внутри хорошо представляю. Но всё же я завидовал Хоничеву{226}, бывшему там. Даже не то, чтобы завидовал, а как бы вместе с ним радовался. Радовался и вместе с Вами. Болгария, Югославия — это какие-то тайные тёплые места души. А когда меня спрашивают, где бы я хотел побывать за границей, то я отвечаю, что только в Праге. Люблю её почему-то заочно и по фотографиям в альбомах. И по «бравому солдату Швейку».

Вот.

Жизнь сейчас происходит зимой.

В основном в административных помещениях.

Моя подруга, которая чуть больше года назад родила нам дочку Софию (не в честь Ротару и не в честь «Санты-Барбары»), собралась замуж по расчёту. Я занимаюсь в основном тем, что ради денег регистрирую и перерегистрирую предприятия

{226} Комментарии: 226
Н. В. Хоничев (1964–2019) — томский поэт, прозаик, бард.

любой формы собственности, возможно без внесения в банк уставного капитала. Творческая жизнь носит в основном внешний характер, правда, довольно бурно проистекает — выступления перед людьми, прямые эфиры и съемки на ТВ, интервью газетам (одно прилагаю для примера). 19 февраля в Омске открывается худвыставка (философский симпозиум «Человек в пространстве времени»). Будет там наш томский друг художник Пётр Гавриленко, патриарх сибирской живописи из Красноярска Андрей Поздеев, наш друг из Новокузнецка замечательный художник Александр Суслов (который, пожалуй, чуть ли не единственный из иногородних людей состоит со мной в переписке, кстати, ему тоже надо письмо написать). Я созвонился с Омском, и я, и Филимонов, и Лисицын приглашены выступить на открытии. Готовим программу «Человек и его рот».

Вяло бродит идея издания сборника «на троих». Издатели готовы. Но вот художники не спешат с иллюстрациями, да денег нет.

Есть планы поучаствовать в намечающемся на июнь в Красноярске фестивале аудиовизуального искусства. Наработки есть, только обобщить нужно. Кстати, на тему «хорошая мысля приходит опосля»: имеем массу знакомых на ТВ, Филимоныч там даже работает — и не сделали с Вами, человеком из внешнего литературного мира, способным сказать слово разнообразное и интересное, хоть небольшое интервью. Ну, думаю, не всё ещё в этом смысле потеряно.

На этом заканчиваю повествовательную часть письма.

Как писал Хармс, «о многом нужно сказать, но буквально нет времени. Что смог, написал тебе в этом письме, а остальное напишу потом».

Теперь просьбы:

а) не поминать лихом,

б) как бы отправить мне книжечку в солнечную Францию Дмитрию Савицкому? Можно ли получить его адрес и написать ему, или лучше Вы сами?

Вот, в общем, и всё.

Постепенно созреваю к повтору по-

двига по собиранию всяких сочинений на дискету для Вас. Даст Бог, повторю. И Вам переправлю. Тем более, что один компьютерный друг давно уже просит для себя такую дискету — по сетям благотворительно распространить хочет. Дело хорошее. А то в жизни часто встречаются люди, которые знают меня, знают обо мне, либо слышали или читали имя, но ничего или почти ничего не читали. А такие перегибы на местах нужно исправлять.

А если не мы, то кто же?

Пишу Вам под очень громко поющего солиста группы «Назарет» Дэна МакКаферти, потому очень бодр и, возможно, не вполне адекватен (чему?).

В связи со всем этим актуален повтор просьбы — а).

Всего Вам хорошего, и всем Вашим.

Пишите.

Привет от Филимонова.

Макс Батурин.

Б. Г. ШТЕРН

22 августа 1997. Киев.

Гена, дорогой!

Меня тут быт заел.

С мая уныло продаём мою квартиру, чтобы купить другую квартиру, потому что надоело десять лет жить с женой и с дочкой через три длинных квартала. А вот сейчас, вроде, наклюнулось нужное жильё, и я надеюсь прислать тебе в сентябре свой новый адрес и телефон. (После этой сделки, конечно, придётся доплачивать — опять стану гол и нищ.)

Что говорить, ты видел печальный сон. Ну да, мы шли по длинной пыльной дороге — ещё идём, ещё не ползём — и за горизонтом нас что-то ждало, что-то мы ожидали увидеть, — и что-то разное нас ожидало, и что-то разное мы ожидали, — мы ведь разные (даже в росте — у тебя под два метра, а у меня аж метр с кепкой!), но тут главное «дорога», процесс ходьбы. Да, грустно. Я почувствовал возраст. И ту самую «амортизацию тела и души».

Но кусок жизни ещё есть, надеюсь. Давай идти — или ползти дальше. Тащить свой крест — каждый свой — дальше. Вспомнил хорошую, но грустную шутку о Марке Шагале: «Шагал один, а пришли другие». Впрочем, Шагал вполне куда-то пришёл{227}.

У меня крепкое раздражение от литературных клоунов. Говорят, что Перумов (не знаком) запланировано пишет 20 листов в месяц. Это что же? — 12 романов в год? Я пытался читать… Зачем это читать?..{228}

Да, «Эфиоп» появился. А ощущения мои… амортизационные.

Впервые у меня вышла книга «сразу» — вот написал, а вот через три месяца

{227} Комментарии: 227

Я до сих пор помню тот сон. Странный, полный непонятной тоски. И читал полученное от Бори письмо с такой же непонятной тоской. В то время я работал над историческим романом «Секретный дьяк», не потому ли в нем (будто в унисон Боре) мужик Похабин, один из героев, так же темно и тяжело жаловался:

«Тоска… У русского человека, барин, она ведь особенная… Коряка, к примеру, заставь умыться, он все равно так сильно не затоскует. Ни коряк, ни одул, ни камчадал, никакой там шоромбоец, — все они не знают русской тоски. У них всё по-своему. Олешки мекают, детишки кричат, позёмка метёт — им от того только радостно. А если заскучает коряк, или одул, или тот же камчадал и шоромбоец, если темно и душно им покажется жить, они вскочат на нарту, поедут и убьют соседа. То же и нымылане, и чюхчи. Я разных, барин, в жизни встречал дикующих, знаю их тоску.

А наша русская тоска, барин, она вся изнутри, она ни от чего внешнего не зависит. Хоть молнии, хоть тьма, хоть ты в грязи лежишь, если нет в сердце тоски, сердце русского человека чувственно радуется. Пусть нет у тебя ни крыши над головой, ни харчей, ни питья, пусть подвесят тебя на дыбу, отнимут бабу — русский человек все равно от этого не в тоске, он просто страдает. Но однажды в самый добрый солнечный день, барин, среди радости, среди чад милых, на берегу весёлой речушки, на коей родился, среди воздвиженья, радости, хлопот и многих дел, вдруг как колёсико какое съезжает в твоей голове, и вот — затосковал русский человек, затосковал страшно…»

{228} Комментарии: 228

А читали… По-всякому — читали… И читают… Вот сценка из жизни с какой-то очередной встречи фантастов. В бар, где мы обсуждали нечто сказанное на только что закончившихся прениях, прорывается молодой делового вида человек. «Вы фантасты?» — Оглядывает сидящих (радостно): «Я издатель». — «И что вы ищете?» — «Фантастику». — «Какую?» — «Самую новую! Хватающую за душу!» — «Экологические катастрофы? Кибернетические войны? Секс между людьми и инопланетянами?» — «А у вас и такая есть?» В полном восторге: «Беру!» Вот и все проблемы поиска новой, «хватающей за душу» фантастики.

вышла. Как и положено быть. Ну, вяло радуюсь. Ну, доволен тем, что написал и издал «толстый» роман. Но совсем нет того удовольствия, когда появлялись рассказы в «Химии» или «Дом» у тебя в «Дебюте». Тогда надежды юношу питали, а теперь чем питаться?

Наверно я зря дал дискеты тебе и Стругацкому — не подумал, что неудобоваримо читать с монитора такой толстый роман. Читать надо книгу, и лёжа на диване. Я буду в Питере 21 сентября и возьму у Ютанова авторские экземпляры. Если тебя в Питере не будет (ты, кажется, говорил, что будешь в дальних отъездах), я вышлю тебе «Эфиопа» прямо из Питера, потому что в Киеве придётся идти на таможню, торчать в очереди, получать разрешение, а потом уже идти на почту. Мы в разных странах.

Гена, какие у тебя отношения с Ютановым? Коля с этого года затеял серию «Вертикаль» и собирается издавать в ней то, что не влезает в ворота жанровой фантастики. Уже вышли три книги — Успенский с Лазарчуком («Посмотри в

глаза чудовищ»), Рыбаков, ну, и я («Эфиоп»). Поговорить с ним о твоей книге?

В Одессе Вершинин созывает «Фанкон». Не поеду. И не могу из-за размена квартиры, и времени жалко. Оказывается, после 50-ти возникает ощущение какого-то «спёртого» времени. Затеял новый роман и попробую не затягивать его на три-четыре года, как «Эфиопа», а написать к следующей весне. (Он и поменьше будет, листов 12–13, и уже 5 листов написал).

Привет Лиде.

Твой Штерн.

Киев. 4 июня 1998.

Гена, дорогой, привет!

Ох!.. Одним словом, ох… Я вчера роман закончил. «Вперёд, конюшня!» называется. 17 листов. Ровно год писал, не разгибаясь. Задыхался. Изнервничался. Работал на Ютанова{229}, на срок. Должен был закинуть в марте, но взял еще два месяца, не успевал. Пару раз крепко

{229} Комментарии: 229

Н. Ю. Ютанов (род. в 1959) — писатель-фантаст, издатель, организатор Конгресса фантастов России, на котором вручалась премия «Странник».

запивал. Танька злилась. Вот закончил — удовольствия никакого. Нельзя работать «на срок». Спешишь, калечишь, идёшь по верхам, нервничаешь. Кажется, роман получился не скучным, но я в этом не совсем уверен. «Футбольно-астро-физический» роман о Бел Аморе{230}. Не знаю. Посмотрим.

Я в Питере не был в мае. Не успевал с романом, вот и не поехал. И в прошлом сентябре не был. Паспорт был сдан на прописку, а ехать без паспорта — в Белоруссии высадят из поезда и завернут обратно. В другом государстве живу. Иностранец.

Я не был в Питере, а мне Стругач за «Эфиопа» улитку дал. Я даже не знал, что «Эфиоп» был в номинации. Ни черта не знаю. У меня такое ощущение, что «Эфиопа» почти никто и не читал. Разбросали тираж 10 тысяч по городам и весям — как в бездонную бочку. Надо было рекламную компанию провести, как это многие дела-

{230} Комментарии: 230

Любимый герой Бори Штерна (как и он сам) всегда мог играть за любую команду — хоть за «Аякс», хоть за «Бенфику», хоть за «Интер». Пусть на мандолине, но играл бы! Такова спортивная (литературная) жизнь.

ют, но у меня на это ни сил, ни желания, ни возможностей… Ладно. «Эфиоп» для тебя с зимы лежит, но выслать по почте нельзя — надо ехать в таможню за разрешением. Сил нет на такие подвиги. Хочу подарить Войскунскому, Берковой, ребятам — на таможню в очередь. Каждую книгу они проверят, я при них заверну, поставят печать, заплати пошлину, потом уж на почту.

Гена, как бы мне прочитать твой исторический роман, который в Москве вышел?{231} Здесь, в Киеве, мне его не достать. Ничего тут нет. «Только Маринина с Корецким на каждом шагу валяются» — кто-то пошутил в местной газете. Раньше Брежнев с Лениным валялись, теперь Маринина с Корецким. Завидую тебе — будешь в Москве, с ребятами пообщаешься, свою новую книгу увидишь. Привет всем! И Мише Гуревичу, и Бабенке, и кого увидишь. Хоть и расстроили они нас в «Тексте» в начале 90-х годов, книг не издали, да и сами перессорились

{231} Комментарии: 231
«Пёс Господень» (Москва, изд-во «Вече», 1998).

— ну да ладно, не держим зла. Пришли мне книгу — в России ведь нет этих таможенных зверств. Зашел на почту и выслал.

Теперь такие дела. Мой сосед Боря Сидюк нашел спонсора и начал издавать журнал «Империя фантастики». Первый нумер уже вышел, прилично выглядит, о содержании умолчу. (Есть несколько неплохих рассказов и статей, есть и чушь перумовская). В общем, я в этом журнале «литературный консультант» (Борю Сидюка на кухне консультирую, рассказываю ему, где там чушь, а где «ничего»). Сейчас он второй номер собирает. Нет ли у тебя неопубликованных рассказов или статей о фантастике? Размером плюс-минус один лист. Ну, полтора. Два листа многовато. Боря платит — 50 долларов за лист. Не так, чтобы, но все же. Всем авторам заплатил сразу, не кобенясь. Если есть рассказы, если есть охота — пришли. Будет ли журнал жить — темна вода в облацех. Как к тебе гонорар попадет — придумаем что-нибудь.

Умолкаю. Запоздало: с Днем рождения!

Здоровья и удач!

Лиде привет! Всем привет! *Твой Штерн.*

Н. М. ЧЕРНОВА

Алма-Ата. 20.I.2000

Геннадий Мартович, изумительный!

Фото, где Вы у окна и в Америке, впечатляет, но вид у Вас, к счастью, совершенно домашний, наш, а не пресыщенный западной цивилизацией. «А что такое Соединённые Штаты? — вопрошал Пушкин. — Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит…» Уже тогда «выветрился», а теперь-то, наверное, ещё больше… Но, впрочем, я, как и сам Александр Сергеевич, в США не была, мне судить трудно. А Вы вполне можете писать «Путешествие из Сибири в Нью-Йорк», тем более, что Новосибирск с обретением генерал-губернатора снова становится своего рода столицей.

В Алма-Ате раннее лето, зной +30, но он перемежается исправно дождями и грозами. За два года неурожая подохла вся плодожорка и ягоды зреют чистые и рясные. Бомжи греются на солнышке

и ждут нашего урожая. Моя соседка укорила подругу, которая ничего не сажает, потому что всё равно украдут: «Как тебе не стыдно, Люба, кто же, кроме нас, бомжей кормить будет?» Наш дачный сторож Виктор, обворовавший всех соседей зимой, теперь замаливает грехи: кому корень хрена подарил (мне!), кому ведро навоза, а Любе, не пекущейся о бомжах, притащил откуда-то хорошее корыто (зимой у неё спёрли ёмкость для воды). Наш народ потусторонний, упавший с неба, но, похоже, когда падал, сильно ударился одним местом, потому-то и не понять Россию умом и аршином общим не измерить. Только один аршин его может угомонить — на погосте. Погост у нас рядом — на холмах, за дачами: мусульманское кладбище «Кенсай», что означает «Широкая щель», ущелье, то есть. По дну ущелья идёт дорога, а на склонах холмов — кладбище и дачи. Водятся фазаны, но их стреляют, и они встречаются редко. Есть родники с хорошей минеральной водой. Мы набираем по 6–12 бутылок и пьём вместо магазинной.

Таково моё бытие на сегодняшний день: землю попашем, попишем Вам письмо. Теперь у меня сенокос. Я бы и не косила, да соседи велят, а то мол вредные семена к ним летят. Ругаются за собак, которых я прикармливаю, а они потом топчут в округе грядки. Меня почему-то все воспитывают, один Вы хороший.

Журнал наш, как всегда, дышит на ладан.

Урезали его до безобразия, замучили проверками — то Минфин, то Налоговая, не дают гонорара, а теперь ещё и подписчиков нет! Народ вконец обнищал, не на что подписываться. И что будет — не знаем{232}.

{232} Комментарии: 232

Никто не знал. События развивались очень быстро. И в мире, и в стране, и в отдельно взятой писательской организации, я говорю сейчас о новосибирской. Очередной скандал был вызван собранием, на котором обсуждались кандидаты на получение премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского. Вот что написала об этом в газете «Новая Сибирь» (13.06, 1999) журналистка Александра Лаврова.

«Приближается наш любимый домашний праздник — День города.

В этот день мэрия традиционно называет и чествует Человека года. Заодно избирается и главный городской писатель — ему вручается премия имени Гарина-Михайловского. Условно говоря, счастливец приравнивается к Человеку года и его можно назвать Писателем года. Премия присуждается комиссией мэрии не за какое-то конкретное произведение, а, что говорится, «за заслуги». Но день вручения и названное выше обстоятельство предполагает, что заслуги должны быть

отнюдь не только историческими. Лауреатами городской писательской премии побывали в Новосибирске Владимир Сапожников, Юрий Магалиф, Сергей Белоусов. В прошлом году неожиданно для многих городскую премию получил журналист Ролен Нотман, о существовании книг которого мало кто знал. Присуждение этой премии вызвало всеобщее недоумение и справедливую обиду Союза писателей, кандидатуру которого — покойного поэта Александра Плитченко — мэрия «прокатила». И вот подошло время выдвигать новую кандидатуру на премию имени Гарина-Михайловского. Официально обращаюсь в Союз писателей с вопросом: кого писатели на этот раз признали достойным? Заместитель председателя прозаик Михаил Щукин отказывается назвать имя и отсылает меня за информацией в мэрию!

«Может быть, я ослышалась или чего-то не поняла? — удивляюсь я. — Вы же кого-то выдвинули официально?»

«Обращайтесь в мэрию, ничего сказать не могу».

В мэрии мне очень вежливо сообщили, что Союз писателей и редакция журнала «Горница» выдвинули кандидатуру прозаика и поэта Геннадия Прашкевича. Фонд и мемориал Кондратюка, фонд Ломоносова и Дворянское собрание — поэта Виктора Крещика. Академия водного транспорта и фирма «Книга» — Олега Кузьменкова. Лауреат будет объявлен в ближайшие дни. (Им стал Геннадий Прашкевич, — А. Л.).

Почему же в Союзе писателей мне не смогли сразу ответить на такой простой вопрос? Геннадий Прашкевич — автор множества книг, которые издавались в самых разных городах, литературно-общественный деятель, благодаря которому о нашем городе знают далеко за пределами страны, член всяческих творческих обществ, редколлегий, номинатор Букеровской премии, создатель и главный редактор литературного журнала «Проза Сибири», за один прошлый год у Прашкевича вышло шесть (!) книг в издательствах «Мангазея» (Новосибирск), «Вече» (Москва), «Современный писатель» (Москва), новый роман опубликован в красноярском журнале «День и ночь». Кто из новосибирских писателей может сравниться с ним по основательно-

сти, продуктивности работы, по современности мышления, по весьма актуальному для нашего времени стремлению сблизить серьёзную и массовую литературу? Кого читают, в конце концов, новосибирцы?

Чтобы понять, что к чему, я попробовала восстановить картину собрания, выдвинувшего кандидатуру Геннадия Прашкевича. Обращаясь к писателям, я столкнулась с их крайней сдержанностью в высказываниях и нежеланием комментировать происшедшее. Установить же удалось следующее. Существовало некое воззвание, подписанное рядом писателей самых разных взглядов и направлений, в котором снова предлагалась кандидатура Александра Плитченко. Официальная поддержка собранием этого письма привела бы к усилению конфронтации (в нынешних условиях, к сожалению, весьма печальной и непродуктивной) между СП и мэрией. После того как собранию было предложено поддержать кандидатуру Прашкевича, многие «подписанты» сняли свои подписи под письмом и поддержали предложение. Но выдвижение Прашкевича вызвало резкие возражения нескольких поэтов, в особенности Валерия Малышева. Оставим в стороне чётко не сформулированные намёки на присуждение премий по «национальному признаку», оскорбляющие не только Прашкевича, но и многих других писателей, да и мэра города; по существу, оппоненты заявили, что книг Прашкевича они не читали, но представлять сибирскую литературу он не может. Потому что:

а) Прашкевич полетел в Америку, когда НАТО начало бомбить Югославию;

б) Прашкевич публикует книги в разных «космополитических» издательствах, когда остальные сибирские писатели бедствуют.

На уровне выкриков с мест прозвучали альтернативные имена кандидатов, не получившие массовой поддержки присутствовавших. Заодно возникла «свежая» идея: написать новое письмо в мэрию, уже с протестом против кандидатуры Геннадия Прашкевича.

«Противно комментировать», — сказал мне Геннадий Мартович, и я его понимаю.

То, что многие писатели сегодня бедствуют и не издаются, понятное дело, вызывает их озлобление. Непонятно только, почему это озлобление направлено против их же коллеги и почему оно принимает столь уродливые, мерзкие формы?

Редакция “Новой Сибири” поздравляет писателя Геннадия Прашкевича с присуждением ему премии имени Гарина-Михайловского. И выражает надежду, что, если явится в Новосибирске (вдруг!) новый Пушкин, доля африканской крови, текущей в его жилах, и желание издательств публиковать его произведения не помешают мэрии наградить достойного писателя главной премией нашего города».

Редактор опять новый (из старых, Ростислав Петров).

Но мы не унываем, по понедельникам пьём водку — кто-нибудь из авторов да принесёт, а то день рождения кого-нибудь или церковный праздник. Рукописи нам шлют, авторы терпеливо ждут своего часа, и мы им всем страшно благодарны, а то бы точно пропали.

И Вы, Геннадий Мартович, хороший, а в том числе и Александр Казанцев.

Живите. Пишите. Любите.

А мы непременно будем.

Надежда.

PS На вашем конверте роскошные американские марки!

Я их оценила.

М. А. ГУРЕВИЧ

22.08.2000

Всё та же Москва

Дорогой Гена,

как всегда, рад твоему письму.

На сей раз получил его, когда возвращался с Трофимом с ранней утренней прогулки и встретил у почтового ящика знакомую милую почтальоншу. Она сказала, что только-только опустила в мой ящик письмо. Я сразу же понял — от тебя.

И сердце-вещун не обмануло.

Твоя постоянно действующая Болдинская осень меня радует, потрясает и вызывает добрую зависть. Мне бы её частицу!

Что же касается задуманного тобою романа о Шамбале, то буду рад принять участие в обсуждении: может быть, хоть таким, не прямым, путём войду в историю литературы XX века.

А вообще буду страшно рад тебя видеть в своём родном городе, уже окутанном

осенними туманами и ужасом от текущих событий.

Особых радостей нет.

Всё кручусь и кручусь в бесплодных попытках вылезти из издательских долгов и прийти наконец-то к спокойной уравновешенной жизни, полагающейся мне в силу моего уже преклонного возраста — 6 августа пошел 63-й. А всё наоборот: приступил недавно к работе ещё на одной службе — теперь я советник по культуре (и отдыху) в одной немаленькой промышленнофинансовой группе.

Оттуда я сейчас тебе и пишу.

Помимо дополнительной нагрузки есть и положительное: нехудой материал для современного романа собирается. Написать бы…

Три дня назад отгуляли четвёртый юбилей внука Паши.

Чудесно провели время — всласть пошмаляли из подаренного ему дедом автоматического оружия. Пусть, пусть он с малых лет приобщается к реалиям нового XXI века.

Вот и все мои дела.

Кстати, что за тюремный портрет ты мне прислал?

Вроде бы где-то я это изображение уже видел. Обнимаю, твой

М. Гуревич.

2001 и далее.

Написаны и изданы:

биографические книги (серии ЖЗЛ и NEXT): о ГЕРБЕРТЕ УЭЛЛСЕ, БРАТЬЯХ СТРУГАЦКИХ (в соавторстве с Д. Володихиным), ЖЮЛЕ ВЕРНЕ, БРЭДБЕРИ, ДЖОНЕ Р. ТОЛКИНЕ (в соавторстве с С. Соловьевым), САНИСЛАВЕ ЛЕМЕ (в соавторстве с В. Борисовым), СТИВЕНЕ ДЖОБСЕ и БЕНИТО МУССОЛИНИ (обе в соавторстве с С. Соловьевым),

Бизнес-романы: «ПРОТИВОГАЗЫ ДЛЯ САДДАМА», «ЧЕЛОВЕК ЧУБАЙСА», «ПЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ», «РУССКАЯ МЕЧТА» (все в соавторстве с А. Богданом).

А также:

«ЗК-5»,
«ДЭДО»,
«УПЯЧКА-25»,
«ИВАНОВ-48»,
«РУССКИЙ ХОР»,
«БЕЛЫЙ МАМОНТ»,
«КРАСНЫЙ СФИНКС»,
«ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД»,
«СЕНДУШНЫЕ СКАЗКИ»,

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»,
«ЗОЛОТОЙ ДЫМ» (Книга стихов),
«НЕТ ПЛОХИХ ВЕСТЕЙ ИЗ СИККИМА»
«МАЛЫЙ БЕДЕКЕР ПО НФ или КНИГА О МНОГИХ ПРЕВОСХОДНЫХ ВЕЩАХ»
«ГУМАННАЯ ПЕДАГОГИКА»
«ЗА КУКУШКИНОЙ РЕКОЙ»,
«ПОСЛЕДНИЙ КАРАНТИН»
и другие.

В. А. СИНКЕВИЧ

Синкевич Валентина Алексеевна (1926–2018) — русская поэтесса, эссеист и переводчик, литературный критик. Родилась в Киеве, в 1942 была депортирована в Германию в качестве «остарбайтера». После окончания войны находилась в лагерях для перемещенных лиц во Фленсбурге и Гамбурге, с 1950 года жила в США, занималась литературой и издательскими делами.

Филадельфия, 28 июля 2001

Дорогой Геннадий Мартович!

С большим запозданием поздравляю с 60-летним юбилеем. У Вас это заслуженный праздник: в сложных условиях Вы успели сделать очень многое. Тому свидетельство Ваши проза и стихи, с последними я знакома лучше, чем с прозой. Пусть Вам все так же пишется! И да будут следующие десятки лет такими же плодотворными, как и предыдущие!

«Сибирские Афины»{233} — спасибо, получила. Мне понравилась «душа» этого номера, хотя и в прошлых номерах я находила для себя что-нибудь интересное.

{233} Комментарии: 233

Иллюстрированный журнал, с 1990 года выходил в Томске — усилиями местных прозаиков и поэтов.

Благодарю за публикацию в журнале «День и ночь», мне прислала вырезку Женя Димер, не пометив, откуда она. Но на мой запрос сообщила, что это из «Дни и ночи». Если будет когда-нибудь новая подборка, хотелось бы получить весь номер журнала: я его никогда не видела.

Только что закончила статью о поэтессе Ольге Анстей, первой жене Ивана Елагина. Статья пойдет в декабрьском номере «Нового журнала» и войдет в мою книгу воспоминаний. Книгу я почти закончила: ее обещали издать в Москве. Но поживем — увидим. Самое главное — закончить.

«Встречи»{234} с замечательным материалом о корейском поэте (Ким Цын Соне) должны выйти в октябре. Весь Ваш текст (предисловие, стихи, переводы) я считаю украшением нашего юбилейного выпуска. Большое спасибо! Теперь нужно только, чтобы не подкачали наши горе-печатники, они капризны и непредсказуемы.

От всей души благодарю за добрые

{234} Комментарии: 234
Ежегодный поэтический альманах (Филадельфия).

слова о моих стихах: я не избалована. Открыто меня не ругают, относясь лично ко мне доброжелательно, но почти все (явно или тайно) считают мои вирши «иностранными». И не совсем ошибаются. Было бы странно прожить на Западе добрых шестьдесят лет и не взять ничего от здешней литературы. Для этого нужно оглохнуть и ослепнуть, многим такое удавалось, но не мне. Вот и пишу «ино» и «странно».

Спасибо за новую подборку для будущих «Встреч». Она очень хороша! Возьму все, что поместится на четырех (наш максимум; юбилейный номер — исключение) страницах.

В октябре ко мне предполагает приехать гостья из Пушкинского Дома. Погостит в Филадельфии недельки две. Если буду жива-здорова, покажу ей наш город, поедем и в балаганное Монте-Карло — Атлантик-сити{235}, пусть поглядит на Атлантический океан. Авось повезет с

{235} Комментарии: 235

С удовольствием похвалюсь: в 1999 году в одном из казино Атлантик-сити я удачно надрал будущего президента США Д. Трампа (владельца казино) — на 700 баксов.

погодой.

Будьте во всем благополучны и по-прежнему творчески плодотворны.

Сердечно Ваша

Валентина Синкевич.

Е. М. ЛЮБИН

Любин Евгений Михайлович (род. 1934) — прозаик, поэт, основал в 1979 году (вместе с М. Поповским, Г. Скачинским и Г. Табачником) Нью-Йоркский клуб русских писателей. Мне приходилось выступать на заседаниях клуба в Нью-Йорке, с Еугенио (так я называю Женю в ответ на его дружеское обращение ко мне — Геннадио) мы дружим много лет, даже написали совместно роман («Escape from paradis», издан во Франкфурте-на-Майне в 2009 году). Живет в городке Ост-Гановер — в чудесном тихом уголке штата Нью-Джерси.

East Hanover (USA), 18 июля 2001

Дорогой Геннадио! Всегда рад твоим письмам.

Извини, что пишу от руки — ненавижу компьютер, хотя и приходится постоянно им пользоваться. Хотелось бы прочитать

«Человека Ч» и «Секретного дьяка».{236} Как это можно сделать? Сам я пишу мало (для чего?), но закончил недавно сентиментальный рассказ «Второй концерт Шопена», его уже ждет Крейд{237}.

У меня не чувство усталости, скорее — безразличия, а это еще страшнее.

Хотелось бы напечататься в «Вагриусе», там лежит мой роман — дневник русского шпиона, но пробить его можно, как я понимаю, только толкаясь там.

Прочитал две книжки Улицкой, изданные «Вагриусом». Она, конечно, талантлива, но читать скучно и почему-то раздражает.

Рад, что ты вскоре вселяешься в «человеческую» квартиру, но с приездом в гости не обещаю. Хотя побродить по тайге, побывать на Алтае было моей мечтой. Вот ты пишешь, что «быть привязанным

{236} Комментарии: 236

Оба романа вышли в Москве в 2001 году: «Человек Ч» (написан в соавторстве с моим другом — томским писателем Александром Богданом) — из-дво «Вагриус»; «Секретный дьяк или Язык для потерпевших кораблекрушение» — изд-во «Текст».

{237} Комментарии: 237

В. П. Крейд (род. в 1936) поэт и литературовед, жил в Сибири, в 1973 году эмигрировал в США. С 1995 по 2005 годы — главный редактор известного «Нового журнала» (Нью-Йорк).

к разным другим географическим точкам — может быть это и есть главное», а для меня главное осталось в России и все эти «географические точки» и райские острова мне осточертели. Не зря же я заработал здесь сенный насморк — довольно сильную весеннюю аллергию. Воздух не родной. Как ты пишешь: «…жечь костры, бродить ночами, не вино, а воздух пить» — это не для меня.

Стихи твои замечательные и я непременно их опубликую в следующем альманахе Клуба русских писателей (Нью-Йорк). Насчет издания моей книги (не знаю, о какой ты пишешь, их у меня наберется пять или шесть), честно говоря, не верится. Я уже начал вести переговоры с изд-вом «Геликон» в Питере (его хозяин Александр Житинский), но это издание за свой счет, не хочется.

Рад, что тебе понравился альманах. Как ты думаешь, стоит ли опять делать его совместным с питерским Лито? Я окучиваю картошку, как много это делал на Урале, но сейчас вожусь у себя на участке: поливаю, сажаю цветы и траву, ухаживаю

за бассейном — это тоже для меня отдых. Передал Соне твой привет. Она с 16 июля — на пенсии (не по возрасту, просто её компания дала ей хорошую пенсию — и она ушла). Шлет тебе и Лидии наилучшие пожелания. Недавно навестили дочь и внуков — они живут в Детройте (1000 км от нас). Юля работает врачом, внуки (четверо, младшему три года) — чудесные, но едва говорят по-русски. Вот уж у кого никогда не будет тоски по России, они и книжки-то мои едва могут прочесть.

Грустно все это, грустно. Что, для кого, зачем?

Пиши (во всех смыслах).

Твой Женя Л.

Е. Л. ВОЙСКУНСКИЙ

Москва, 18.12.2003

Дорогой Гена!

Ваше письмо получил. Всегда приятно слышать Ваш голос.

На последнем склоне своей жизни я потерял многих любимых людей — тем более дорожу теми, кто остался. Вы — среди них, оставшихся.

Отвечаю на новую серию Ваших вопросов{238}.

Из своих книг я ценю больше всех, пожалуй, «Мир тесен». Там больше всего меня самого. Хотя, может быть, ещё ближе «Румянцевский сквер» — роман, который, увы, уже года три не могу издать.

«Ур, сын Шама» в конце 70-х попал на глаза неким писателям-антисемитам, они обвинили меня в том, что этот

{238} Комментарии: 238

Вопросы были связаны с моей работой над книгой «Красный сфинкс: история русской советской фантастики от В. Ф. Одоевского до Бориса Штерна» (издания в Новосибирске, Москве, журнальные публикации на Украине, в Болгарии, в Польше, в США).

роман — сионистский (мол, некий Ур, семит по происхождению, учит советскую молодежь). По моим сведениям, один из них, некто Семанов, написал на меня донос. Госкомиздат РСФСР (я его называл «Госсвиниздат»: там работал подонок Свининников; еще там была зампред Куценко, подлейшая баба из ЦК комсомола) — устроил разнос Детгизу за издание «идейно-порочной книги». Эти гады постарались перекрыть мне дороги в издательства, делающие фантастику. Я написал письмо в ЦК КПСС — о группе антисемитов, сеющих рознь, препятствующих изданиям и т. п. Было разбирательство, меня вызывали в Госкомиздат СССР, там моей жалобой занималась И. Николаева, жена членкора Петра Ал. Николаева, — она, конечно, не нашла в «Уре» ничего «сионистского», но попеняла мне: дескать, как это Вы решились обвинить гос. учреждение в разжигании нац. розни? Разве можно, etc. С меня было достаточно. И я ушел из фантастики — засел за «Кронштадт».

«Ур» не переиздавался ни разу — до это-

го года. Он теперь вышел в АСТ в серии «Классика отечественной фантастики». АСТ переиздал почти всё, что мы с Лукодьяновым написали, а также две повести, написанные мною после его смерти.

Разница между моей фантастикой и mainstreem? — не ощущаю. Всегда придерживался принципа полной достоверности.

Где мне нравится на этой Земле? Непростой вопрос. Очень люблю Прагу. Люблю Париж. Люблю очаровательный город в Германии — Вернагероде. Испытал потрясение в Иерусалиме. Поразителен Гонконг — небоскребы на горе. Но больше всего мне нравится дома — с моей Лидой. Она была чистым ангелом моей жизни. Ну вот, милый мой Гена, ответил на Ваши вопросы.

Наступает Новый год, с каковым и поздравляю Вас и всю Вашу семью. Побольше здоровья, поменьше огорчений и — удачи с задуманной Вами книгой о полусотне фантастов.

Обнимаю дружески,

Е. Войскунский.

P.S. Почему бы Вам не прислать мне «Секретного дьяка», о котором я слышал и слышу только хорошие отзывы?

А. М. БИРЮКОВ

Магадан, 2004

Дорогой тов. Гена!

В тот же день, что отправил тебе письмо, пришли и две твоих бандероли с книгами. Конечно, большое спасибо! Сразу кинулся читать твои. Начал со «Школы гениев». Очень красиво написана книга, но запутался в персонажах (одних гениев пятнадцать, да все с нерусскими именами) и в очень серьезных сведениях. Ну, глупый я, прости меня ради бога. А вот «Носорукий»{239} мне гораздо ближе. И понятнее. Особенно вторая повесть. Ничего такого о Дежневе я не читал. И читал с упоением.

Знаешь, читал эти твои книги, и вспоминал старого моего знакомца Сашу Кондратова. Удивительный был человек. После его смерти я прочитал в какой-то

{239} Комментарии: 239

«Носорукий» и «Тайна полярного князца» — исторические романы. Первая публикация «Носорукого» — «Сибирские огни», № 7, 1990; отдельной книгой оба романа вышли в 2004 году в Новосибирске (изд. «Свиньин и сыновья»).

московской газете о нем: гений. Кажется, филолог по образованию, он писал книги обо всем на свете: о кибернетике, об истории, о географии. Популярные, очень умные книги. Когда я работал в издательстве, мы издали его книгу «Была земля Берингия», потом, уже без меня, вышли еще две — об Арктике и Охотии, древних землях, ушедших на дно. Хорошие, по-моему, книги.

Я это к чему? А к тому. Что сегодня, как мне кажется, у читателей особенно велик интерес к истории, к краеведению. И, может быть, вам в вашей издательской политике следует это учитывать. Если книги Саши об этих «землях» тебя интересуют, могу прислать. Где-то они у меня были. Жил Александр Михайлович (он — мой тезка) в Ленинграде. Там же и умер (кажется, покончил жизнь самоубийством). Был одинок, наследников, видимо, не осталось.

Гена, а я живу тихо и бездарно. Половину будущей книги (400 стр.) сдал в типографию, половину — еще собирает знакомая в Ленинграде. Зарылся в работу,

в одиночество (Мила, жена, укатила в отпуск). Только Лаврик-Лаврецкий (собака) меня и спасает.

Всего доброго.

Твой

Бирюков.

Магадан. 2004

Дорогой тов. Гена!

Просидел несколько дней над «Эхом в квадрате».

Должен сказать, что эта грандиозная издательская затея{240} все-таки безжалостна по отношению к читателю (или это — на мои старые, к тому же юридические мозги): такой здоровенный том, да и личности весьма разные.

Поэтому читал довольно выборочно.

Но — тебя целиком (в остальных только заглядывал).

И, боже мой, какое удовольствие я получал от твоих стихов (начиная с «Провин-

{240} Комментарии: 240

«Эхо в квадрате: антология лирики четверых, 1960–2000 гг.» Стихи В. Н. Бойкова, И. И. Воробьева, В. Е. Захарова, Г. М. Прашкевича (Москва, 2004).

ции»)! Одни узнавал{241}, другие читал впервые. Рано набрав высоту, ты уже нигде не опускался. Ты большой настоящий поэт, поэт замечательный (о других говорить не буду, но то, что ты выше, гораздо выше их, для меня несомненно). И ты еще можешь писать (в своих письмах), что без меня ты бы не состоялся в литературе! Перестань так безжалостно шутить со старым больным человеком, иначе прекращу с тобой все отношения, в том числе и деловые. Хотя мне это будет очень и очень больно, потому что ты давно и прочно вошел в мою жизнь…

Книга Рытхэу{242} называется (вспомнил, что такая была) «Когда киты уходят». В ней две «современные» легенды: «Когда киты уходят» и «Тарыки». Она издана в 70-е годы в «Сов. писе» и наверняка есть в ваших новосибирских библиотеках. Это почище Маркеса.

{241} Комментарии: 241

Узнавал, конечно; ведь когда-то сам отбирал многие и печатал их в своём «Магаданском комсомольце».

{242} Комментарии: 242

Ю. С. Рытхэу (1930–2008) — прозаик, переводчик, член СП СССР, писал на чукотском и русском языках.

Книгу Куваева пришлю на днях.

Дня три ломал голову над твоим новым предложением{243} и решил, что маленькую книжку можно сложить из трех последних очерков.

Один — о А. З. Добровольском, авторе сценария фильма «Трактористы»,

второй — о Г. М. Рубинштейн, невесте Л. Д. Троцкого,

третий — о крупных исторических личностях, напрасно приписываемых к Колыме.

В изданных вами «Колымских историях» этих очерков нет.

Очерки пришлю на дискете. Положение несколько осложняется тем, что в

{243} Комментарии: 243

Естественно, об издании нового. В изд-ве «Свиньин и сыновья» (Новосибирск) вышли (или были переизданы) почти все основные документальные книги Александра Бирюкова, среди них — «Колымские истории» (2004), «Жизнь на краю судьбы. Писатели на Колыме» (2006), «Избранные произведения в двух томах» (2011); с подачи Бирюкова была переиздана у нас же знаменитая работа Д. П. Святополка-Мирского «История русской литературы с древнейших времён по 1925 год». Мы часто обсуждали с Сашей (в письмах и по телефону) новые литературные проекты. Много что Саша собирался сделать, но не на всё нам даётся время свыше. В сентябре 2005 года Саша позвонил мне из Магадана в какой-то совсем уж поздний неурочный час. «Утра не мог дождаться?» Он в ответ сказал: «Попрощаться хочу, Геночка». Жить Саше оставалось буквально какие-то недели… Так уходят друзья, так пустеет мир… Нет, конечно, мир не становится пустым, в нем всегда есть замечательно интересные люди, но… не приходят письма,

которых ты ждёшь… не звонят те, чьих голосов не хватает…

один очерк нужно сделать небольшую вставку, а другой никак не могу найти, но найду.

Прилагаю книгу Семена Лившица.

На стр. 97 найдешь его замечательное изображение.

Не падай в обморок. Меня эта падла-художница изобразила еще краше (стр. 56). Зачем нужно было перерисовывать с фотографий, ума не приложу. Провинция, ети ее мать. Хотели, как интереснее.

Лиде горячий привет.

Твой

Бирюков.

ВЛАДИМИР БОРИСОВ

30 марта 2004

Коротко, потому как сижу в абсолютно чёрной хронодыре.

От «Подкидыша ада»{244} впадаю в анабиоз. И удивляюсь, зачем люди придумывают водку и прочие наркотики, когда можно балдеть от текста. Чужие волосы падали на глаза, потная кожа чешется. И веселит мысль: «Вот дураки, если не поймут!»

Гена, я тебя люблю.

В апреле я, скорее всего, в Н-ске не появлюсь. Ориентируюсь на 1–2 мая. Соскучился, хочу всех вас видеть, обнимаю.

Влад.

2005, Абакан

Дорогой Гена!

Я шансом своим сразу воспользовался, но, поскольку тугодум, мне понадобилось

{244} Комментарии: 244

Рукопись повести «Подкидыш ада». Первая публикация: шестой номер журнала «Если» (Москва, 2004).

некоторое время, чтобы собрать мысли хотя бы в подобие кучи, потому что при чтении они шибко разбежались.

Если коротко, ты написал, на мой взгляд, очень сильную и глубокую вещь.

Не буду останавливаться на стилистике и образности, тут тебя уже ничто не может вышибить из седла, не знаю, как другие, а я упиваюсь твоими текстами, останавливаюсь при чтении и перекатываю слова во рту, чтобы вкусить в полной мере…

Но главное в «Золотом миллиарде»{245}, как я понимаю, всё-таки в проблематике.

Конечно, ты пришёл к ней не вчера, но на этот раз проблема звучит столь актуально, столь кровоточит, что никак никого не может оставить равнодушным. Когда читал, ловил себя на мысли, что жду, когда же в тексте появится решение проблемы, хотя рассудком ясно понимаю, что никакого решения быть в таком (и в нашем!) мире не может, а будут лишь обоюдные медитации и препирательства,

---

{245} Комментарии: 245
«Золотой миллиард» — журнал «Если», №2, 2005.

какой же из братьев болен.

Это тревожно и обидно.

И ведь знаю давно, что этот мир создан не для нас, но по-детски не могу смириться с мыслью, что это неправильно.

На фоне многочисленных эскапистских нынешних книг ты и, может быть, ещё пара-другая авторов выситесь этакими Гималаями. И на этот раз я не буду тебя спрашивать, где ты брал такую траву и откуда придумал ту или иную деталь. Это самый настоящий, жестокий в своей правдивости фантастический реализм, который только и имеет законное право на существование.

Спасибо! Очень хочется бросить всё к чёртовой бабушке и поехать к тебе.

Но грехи пока не пускают. Я ведь встрял в очередной проект, и надо хотя бы задел заделать. Перевожу большой текст, около 800 страниц. Это беседы со Станиславом Лемом. Они, конечно, не так заумны, как собственные лемовские научно-популярные эссе, но сильно расслабиться всё равно не получается.

Не серчай на меня.

Я тебя люблю.
Твой Влад.

ГРОМОВИЦА БЕРДНИК

Громовица Бердник — украинская журналистка, прозаик, эзотерик, дочь писателя Олеся

Бердника (1926–2003) — человека весьма нелёгкой судьбы. Школьником Бердник пережил немецкую оккупацию, в 1944 году пошёл на фронт, воевал, был ранен. После демобилизации окончил театральную студию при театре им. Ивана Франко в Киеве, играл на сцене, но в 1949 году, после критического выступления в адрес организаторов травли «космополитов», был арестован и приговорён к десяти годам — за «антиреволюционную агитацию и пропаганду». Наказание отбывал в Печорском, Воркутинском и Карагандинском лагерях. В 1953 году пытался бежать, был пойман, осуждён ещё на десять лет. Впрочем, повезло: после смерти Сталина вышел на свободу. Начал писать, был принят в Союз писателей СССР. Роман «Звёздный Корсар» переведён на двадцать шесть языков мира, тем не менее, из Союза писателей СССР Олеся Бердника исключили: за оппозицию к власти. В 1976 году с писателем Н. Руденко и правозащитницей Оксаной Мешко создал Украинскую Хельсинкскую группу, опубликовал обращение «К писателям Украины и мира». Сейчас литературным наследием писателя занимается Громовица, с которой я познакомился в Киеве в 2003 году. По её просьбе написал предисловие к роману «Звёздный Корсар» и к собранию

сочинений. Вместе с Громовицей мы взяли большое интервью у доктора биологических наук, действительного члена Академии медицинских наук Украины Виталия Арнольдовича Кордюма («Мне интереснее создавать будущее, чем писать о нём»), опубликованное Борисом Стругацким в его журнале «Полдень XXI век».

2005. Киев

Дорогой Ген. М.!

Подозреваю, что «Золотой миллиард» навеян неким милым академиком.

Если можно, пришлите. Я почитаю…

Теперь про издательство.

Когда я начинала готовить собрание сочинений отца, деньги давали только мне, вот и пришлось объединиться с друзьями, сделать собственное издательство.

Называется оно «Триада-А», и к китайским тайным обществам не имеет никакого отношения, исключая название. Зато меня все друзья прозвали «мадам Вонг украинской литературы».

А теперь, когда в Украине заработал нормальный закон о налогообложении книгоиздания, мы подумали, что не грех

было бы придумать ещё что-то, и развить издательство в нормальную структуру. Сосредоточиться хотим на художественной, публицистической и исторической литературе — это мне как-то ближе. Ещё, может, возьмёмся за эзотерику, но это для личного удовольствия, больших денег на этом не сделаешь, если только, конечно, не печатать «гороскопы на каждый день» для домохозяек, но я, как дипломированный астролог, отношусь к подобным вещам крайне негативно.

Кроме того, появились серьёзные люди, которым страшно понравились те книги отца, что уже вышли, и они имеют желание с Нового года вложить в моё издательство серьёзные деньги. Так что я теперь подыскиваю офис, составляю издательские планы и параллельно готовлю следующие два тома собрания сочинений отца.

Кстати, хочу и ту Антологию фантастики сделать, о которой речь шла ещё полтора года назад. Жаль, если хорошая идея пропадёт!

И несколько серий фантастики хочу

запустить.

Вообще, фантастика — это будет один из коньков издательства.

О Вас я тоже подумала. Мне страшно нравится «Царь-Ужас», и на украинский язык он ляжет замечательно. Нравится, опять же, «Белый мамонт», но там много стихов, нужно очень хорошего переводчика с поэтическим сдвигом. Если найду — будет неплохо! Но пока я ничего не обещаю, ибо я должна получить инвестицию сначала…

В связи со всем этим, времени на личное творчество не остаётся совершенно. Но свою книгу о карпатских магах я всё же заканчиваю…

Вот таковы мои дела.

Если получится, в октябре съезжу в Египет на недельку, отдохну. А если не получится — придётся перенести отдых на февраль.

Засим заканчиваю письмо,

привет Сибири.

Громовица.

2005. Киев

Дорогой Ген. М.!

Прочла «Золотой миллиард».

Как договаривались, никому пока ничего не говорю.

Но вам напишу свои впечатления. Сегодня утром дочитала. Ходила под впечатлением целый день… Вот только сейчас к вечеру решилась написать Вам пару слов.

Могу охарактеризовать его как «жутко-прекрасный».

Вещь потрясает — в прямом смысле этого слова, от идеи и темы — до исполнения…

Да, это не «едет барон — видит дракон», и тем более эта повесть потрясает, что это не просто фантастика, а реальная картинка грядущего, которое ждёт всех нас, если в ближайшие годы человечество не возьмётся за разум (вот только бы ещё найти его — разум — чтобы за него взяться). По этой же причине могу спрогнозировать, что «читательская масса» вряд ли воспримет эту повесть, — людям не нравится, когда кто-то им в популярной форме показывает, что их ждёт. Розовые очки

— вот что читателю хочется. Или голубые, или жёлтые, или ещё какие-то. Не хочу сравнений, но чем-то «Миллиард» похож на «Фиаско» Лема. По настроению, по духу. Во всяком случае, ассоциации у меня именно такие.

Через пару дней, когда отойду от первого впечатления, напишу более подробные и более здравые рассуждения.

Спасибо.

Громовица.

2005

Дорогой Ген. М.!

«Политическая пурга» — как точно сказано! — ибо у нас и снегопад был с метелью в эти дни (только сегодня солнце выглянуло), и народ волнуется, и политики «пургу метут». Мне сейчас многие знакомые из России пишут и звонят, спрашивая об истинном положении вещей, поскольку у вас информация подаётся неравномерно.

Я всегда была далека от политики. Я нормально жила и мне есть что терять. Но даже я, полностью аполитичный чело-

век, теперь сделала заявление от имени семьи. Диссидентская кровь моего папы, наверное, дала о себе знать.

Сейчас уже дело не в персоналиях, а в том, что народ не хочет жить во лжи, страхе и молчании. Результат кандидата от власти полностью сфальсифицирован, я об этом знаю не только от своих знакомых украинских наблюдателей и политиков, но и от российских и западных независимых журналистов. Но для вашего президента с политических позиций выгоднее именно кандидат от власти, потому всё так и происходит. Все политики мазаны одним миром, но на данный момент для Украины «оранжевый» кандидат лучше, потому что нам необходимы перемены. А то, что он якобы «с Россией не хочет дружить» и границы закроет — так это смешно, ибо он умный человек и прежде всего политик, и прекрасно понимает, что Россия — ближайший стратегический партнёр, просто не станет безоговорочно и молчаливо выполнять волю России, как другой кандидат.

Вот и всё.

Я не поддерживала никого ранее, но сейчас — я на стороне народа. Как и все мои друзья. А мой брат — так уже четвёртый день в палаточном городке. Воистину, «кто в юности не был революционером — тот не имеет сердца, а кто в зрелости не стал консерватором — не имеет головы».

Но даже в этой круговерти я работаю.

Вернулась из Москвы, готовлю русское издание «Звёздного корсара».

На Росконе будет презентация и мой доклад об отце в рамках семинара по НФ, возможно, Ваш очерк на русском об отце помещу в качестве предисловия{246}. Сейчас думаю об этом. Продолжаю издавать собрание сочинений. Готовлю издательские планы на следующий год…

Громовица

{246} Комментарии: 246
«Человек из Светонии» (предисловие — Г. Прашкевич), Киев, 2005.

PS

А потом эпистолярный век кончился.

Разумеется, письма пишут и сейчас. Но редко.

А вот архивы забиты письмами. В основном — из двадцатого века.

Воспринимаются письма — как молодость. Потому я и назвал свою книгу: «Портрет писателя в молодости». Конечно, письма, приведённые здесь, всего лишь выборка из многих. Сам я, кстати, давно отвык писать от руки, каждую букву рисую, как иероглиф, — печальный результат постоянного общения с телефоном и компьютером.

Зато век уже — двадцать первый.

Новые проблемы… Изменился мир… Мы плотно окружены тем, что раньше казалось невозможным… Но писал же Карамзин: «…приостановить на мгновение руки, занятые земной работой, заставить людей, зачарованных дальними целями, бросить взгляд на форму и цвет, на свет и тени окружающего мира; заставить их остановиться — ради взгляда, ради вздоха, ради улыбки…» Разве не ради этого держим связь — словом — через века?

Фонарь в окне — свет из прошлого.

Уходят ровесники, уходят друзья — в прошлое.

Аркадий не пишет, Виталий не звонит, не откликается Саша Бирюков, Боря Штерн не предлагает выпить — все уже там… в прошлом… За ночным окном жёлтые листья припорошены белым снежком. Только Венера в окне — из будущего.

Жизнь прекрасна. И пока работаешь — ты молод.

«Лишь бы в это не вмешалась политика».

Карантин. Новосибирск, 2020–2021.